

Б 203 —
648

Л. М. Арутюнян

ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ
ДВИЖЕНИЕ
АРМЯНСКОГО НАРОДА
В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ
XVIII ВЕКА

5203 648
ДВ
486
АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

П. Т. АРУТЮНЯН

ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ
ДВИЖЕНИЕ
АРМЯНСКОГО НАРОДА
В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ
XVIII века

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва 1954

ОТВЕТСТВЕННЫЕ РЕДАКТОРЫ:

доктор ист. наук *Б. Н. ЗАХОДЕР*,
доктор ист. наук *А. З. ИОНИСИАНИ*

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая работа посвящена мало изученному периоду истории Армении. В ней рассматриваются освободительное движение армянского народа и его движение за присоединение к России в первой четверти XVIII в.

Работа состоит из шести глав. В первых двух главах делается попытка осветить ряд вопросов социально-экономической жизни армянского общества в XVI—XVIII вв., в период владычества Сефевидов. В последующих главах излагается история освободительного движения, направленного против сефевидского владычества и вторжения войск султанской Турции, и история движения за присоединение к России.

При изучении внутренней жизни и развития армянского общества в XVI—XVIII вв. и при освещении освободительного движения армянского народа автор руководствовался методологическими указаниями классиков марксизма-ленинизма. В трудах и отдельных высказываниях Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина не только дана характеристика феодальной Персии и Турции, веками угнетавших армянский народ, но вскрыты также характер и содержание социально-политических движений угнетенных народов и национальностей, которые «угнетаются обычно не только как крестьянство и городской трудовой люд, но и как национальности, т. е. как трудящиеся определённой национальности, языка, культуры, быта, нравов, обычаев»¹. Труды классиков марксизма-ленинизма помогают также разоблачить фальсификацию истории армянского народа, проводившуюся западноевропейскими католическими миссионерами и вслед за ними — буржуазными историками.

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 5, стр. 345.

Предлагаемая работа написана главным образом по архивным и опубликованным документам¹. Были использованы также памятные записи современников событий, нарративные источники, народные предания, эпиграфический материал (надписи) и т. д.

Среди архивных источников особо важное значение имеют документы, свидетельствующие о дружбе, союзе и совместной борьбе армянского и азербайджанского народов против турецких и персидских феодалов — угнетателей и разоблачающие лживые утверждения буржуазно-националистической историографии о том, что армянский и азербайджанский народы, исповедовавшие разные религии, были якобы непримиримо враждебны друг другу. Эти документы показывают вместе с тем, что освободительное движение народов Закавказья было неразрывно связано с движением за присоединение к России. Армяне, азербайджанцы и грузины, выступая общими силами против сефевидской Персии и султанской Турции и заключая союз для совместной борьбы против чужеземных врагов, одновременно стремились «вступить в русскую протекцию»².

Некоторые вопросы освободительного движения армянского народа были затронуты в исторической литературе еще во второй половине XVIII в. в работах М. Чамчяна, в записках

¹ Используемые в работе архивные источники хранятся в фондах Архива внешней политики России (АВПР), Центрального государственного архива древних актов (ЦГАДА) в Москве и Государственного хранилища древних рукописей (Матенадаран) в Ереване.

² АВПР, фонд «Сношения с Арменией», 1739 г., № 2, лл. 69—70, 71, 74 и др. Предварительно следует заметить, что в 1927 г. эти документы были переведены на армянский язык Р. Ачаряном и отпечатаны стеклографическим способом в количестве 40 экз. под неправильным названием «Документы, касающиеся армяно-персидских отношений»; тем самым было искажено историческое значение этих документов, так как они касаются не армяно-персидских, а армяно-азербайджанских и русско-азербайджанских отношений. Следует также отметить, что проф. А. Абрамян в своей статье «Договоры 1724 г. о взаимоотношениях между армянами и азербайджанцами» («Известия» Академии наук Армянской ССР, 1951, № 12) не считал пущим раскритиковать эту грубую ошибку, ограничившись заявлением, что переводчик документов не имел под рукою «необходимых исторических данных».

Иосифа Аргутинского и других. Немалую роль в оживлении научного интереса к этой проблеме и особенно к русско-армянским отношениям при Петре I сыграл многотомный труд С. М. Соловьева «История России», в котором впервые был использован ряд ранее неизвестных архивных материалов. Однако обстоятельное изучение истории армянского освободительного движения началось позднее — с конца XIX в., когда Г. Эзов, собрав большое количество архивных документов, касающихся русско-армянских отношений и освободительного движения армянского народа, издал их под заглавием «Сношения Петра Великого с армянским народом»¹. В это же время появился ряд работ, в которых рассматривались личность и деятельность некоторых армянских политических деятелей конца XVII—начала XVIII в. (Исраел Ори, Минас-вардапет), затрагивались те или другие вопросы истории Армении этого периода, хотя специальной монографии, посвященной изучению освободительного движения армянского народа в первой четверти XVIII в., написано не было.

Материалы по интересующему нас вопросу имеются в «Истории Армении» проф. Лео (А. Бабаханяна). Третий том этого объемистого труда охватывает историю Армении XVI—XVIII вв. и содержит ряд важных сведений и данных, почерпнутых из неопубликованных источников. Однако Лео, а также и Г. Эзов, будучи буржуазными историками и находясь под вредным влиянием реакционных западноевропейских историков и миссионеров, нередко извращают текст источников и дают антинаучное объяснение вопросов возникновения и развития освободительного движения армянского народа. Г. Эзов, Лео и другие буржуазные историки утверждали, будто освободительное движение армянского народа возникло и развилось «под влиянием» и «в результате внушения» со стороны западноевропейских миссионеров и иезуитов².

По убеждению либерала Лео и ряда других историков, главной движущей силой освободительного движения было

¹ Г. Э з о в. Сношения Петра Великого с армянским народом. СПб., 1898.

² Г. Э з о в. Указ. соч. Предисловие, стр. XIX; Л е о. История Армении, т. III (на арм. яз.), Ереван, 1946, стр. 343—344 и др.

армянское купечество, которое будто бы не только дало армянам «перо и меч», но и старалось «выжить турок из Закавказья» в пользу венецианского капитала. Так, например, Лео утверждал, что армянский купеческий капитал («ходжаякан капитал») является «той осью, вокруг которой вращается вся армянская история в течение XVI, XVII, XVIII и XIX веков»¹. Позднее проф. С. В. Тер-Аветисян в своей книге «Город Джуга», затрагивая историю движения, возглавлявшегося Давид-беком, писал, что «инициатором и вдохновителем движения был тогда некий С. Шаумян, принадлежавший к купеческому семейству, которое, начиная с XVII столетия, вело торговые дела с Венецией. Не исключена возможность, что в этом движении венецианский капитал играл определенную роль, стремясь при помощи армян выжить турок из Закавказья»². Однако рассматривать армянское купечество как основную движущую силу освободительного движения нельзя. Подобная точка зрения является глубоко ошибочной и не соответствует исторической действительности.

Буржуазно-националистические и идеалистические взгляды на историю привели Г. Эзова, Лео и других буржуазных историков к тому, что они игнорировали роль народных масс в истории, роль армянского крестьянства, являвшегося основным производителем материальных благ и главной движущей силой освободительного движения армянского народа в рассматриваемый период.

В работах советских востоковедов и историков Б. Н. Заходера, И. П. Петрушевского, В. Восканяна, С. Погосяна и других, занимающихся изучением истории Армении в XVII—XVIII вв., имеется ряд важных выводов, облегчающих изучение освободительного движения армянского народа против сефевидских поработителей. Однако в работах некоторых советских историков при освещении вопросов истории армянского народа в указанный период были допущены серьезные ошибки и извращения. Неправильный подбор материалов привел проф. В. Парсамяна и некоторых других историков

¹ Эту «конценцию» Лео сформулировал в книге «Ходжаякан капитал» (Ереван, 1934, стр. 56). См. также его «Историю Армении», т. III, стр. 153, 474, 475 и др.

² С. В. Тер-Аветисян. Город Джуга. Тбилиси, 1937, стр. 20.

к тому, что они не только не видели совместной борьбы народов Закавказья за присоединение к России в первой четверти XVIII в., но и дали идеалистическое освещение истории русско-армянских политических отношений в конце XVII—начале XVIII в., целиком связывая развитие этих отношений с именем одного из деятелей освободительного движения — Исаела Ори¹.

Народные массы Армении, боровшиеся против персидских и турецких поработителей, активно выступали за присоединение к России. В лице России, русского народа они справедливо видели могучую силу, на которую могли опереться. Армянский народ в период освободительного движения отправлял в Россию своих представителей с просьбой о помощи. В освободительном движении принимала участие также и часть армянских феодалов, интересы которых ущемлялись персидскими и турецкими завоевателями. Участвуя в этом движении, армянские феодалы стремились с помощью русского дворянско-крепостнического государства укрепить свои экономические и политические позиции, усилить эксплуатацию крестьянства. Классовые противоречия и вражда между армянскими крестьянами и феодалами обострялись и развивались также в период освободительного движения, несмотря на то, что в борьбе против персидских и турецких ассимиляторов армянские крестьяне и феодалы нередко выступали вместе.

Что же касается армянского купечества, то следует сказать, что его прогрессивная часть, стремясь к освобождению от персидского и турецкого владычества, принимала активное участие в освободительном движении. В султанской Турции, как и в Сефевидском государстве, для армянских купцов не было «первого основного условия буржуазного приобретения — обеспеченности личности купца и его собственности»². Эту обеспеченность армянские купцы надеялись получить от России, чем и было обусловлено активное участие части армянских купцов в движении за присоединение к России.

¹ В. Парсамян. Из истории армяно-русских отношений. «Известия» Академии наук Армянской ССР, 1952, № 7, стр. 84, 85.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. II, стр. 22.

Народные массы Армении, выступая на борьбу против персидских завоевателей, решили связать свою судьбу с судьбой великого русского народа.

Присоединение армянского народа к России было подготовлено развитием его экономических и культурных связей с Россией: оно отвечало чаяниям и интересам широких народных масс.

Глава I

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ВОСТОЧНОЙ АРМЕНИИ В XVI — XVIII вв.

Тяжелая полоса в хозяйственной и политической жизни армянского народа, начавшаяся в период монгольского ига, продолжалась для Восточной Армении вплоть до первой четверти XIX в., когда она была присоединена к России, в то время как Западная Армения оставалась под властью турецких ассимиляторов, которые в конце XIX и начале XX в. громадную часть армянского населения истребили, а часть изгнали из армянских земель.

Данные источников говорят о том, что со времени появления монголов Армения подвергалась непрерывному разорению и опустошению. Тяжелые последствия монгольского и последующих завоеваний ярко отражены в «хишатакаранах»¹ современников-очевидцев. В одном из «хишатакаранов» первой половины XIV в. рассказывается, как монгольские феодалы разоряли и истребляли христианское население, как они «сняли одежду с людей» и угнали весь скот из страны. В результате тот, «кто вчера был владельцем дома, имущества и многих других благ, сегодня... остался нагим на пепелище»².

Классики марксизма указывают, что «достаточно простых случайностей, вроде вторжений варварских народов или даже обыкновенных войн, чтобы довести какую-нибудь страну

¹ Слово «хишатакаран» буквально означает «памятная запись», «записки» и т. д. В современном армянском языке «хишатакаран» пишется «հիշատակարան». Поскольку это слово имеет терминологическое значение, его целесообразнее передавать не в переводе, а в транскрипции русскими буквами, в форме «хишатакаран», где буква «х» употреблена для обозначения звука, ближе всего соответствующего армянскому հ (соответствует латинскому h).

² М. М а к с у д я н. Армянские рукописи В. Акулиса (на армянском языке), журнал «Арагат», 1915; см. также «Материалы по истории армянского народа», книга вторая, памятные записи армянских рукописей XIV века. Ереван, 1950, стр. 324.

с развитыми производительными силами и потребностями до необходимости начинать все сначала»¹.

Войны и набеги, опустошавшие Армению и уничтожавшие ее производительные силы, отнюдь не прекратились при владычестве Сефевидов и турецких султанов. Они продолжались в XVI—XVIII вв. с еще большей силой.

Вардапет (архимандрит) Ованесик, описывая положение Армении в 70-х годах XIV в., сообщает, что чужеземные завоеватели, захватив армянские области, опустошив все населенные и ненаселенные местности и полонив население, водворились во всей стране: до такой степени жестоко было ярмо их податей, что многие, у кого было захвачено имущество и наследственные владения, никак не могли избавиться [от этих податей], некуда было бежать, негде было укрыться. Все были в отчаянии и завидовали умершим. . . »² В 1578—1579 гг. турецкий военачальник Лала-паша с большим войском вторгся в Араратскую (Ереванскую) область и угнал в плен 60 тыс. человек³. В 1579 г. на Гянджу и Карабах наступали дагестанские феодалы. Они довершили опустошение страны, начатое Лала-пашой, и также захватили много пленных⁴.

Развязанная в 1603 г. война между сефевидской Персией и султанской Турцией принесла новые бедствия армянскому народу: армян истребляли и изгоняли из их земель как Сефевиды, так и турецкие завоеватели. Когда в 1603 г. шах Аббас I, после восьмимесячной осады, взял город Ереван, он уничтожил там не только турецкое войско, укrywшееся в крепости, но и 12 тыс. женщин и детей⁵.

Сефевидские войска, направившиеся затем в Курдистан, опустошали все на своем пути. «От Джуги до Нахичевани, Еревана и Вана не уцелело ни одного строения», — говорится в одной из памятных записей этого периода⁶. Другой современник тех же событий писал: «. . . [От шаха] был приказ, чтобы персидские войска отправились в страну армян и полонили ее. И, отправившись, захватили Карс, Ширакун, Басиан, Кагизман, Акча-Кала, Алашкерт, Гаргар, Хнус, Маназкерт, Тифлис, Тманис, Чилдыр, Артаган, Колай, Шаки, Ширван, Шемаху, Партав, Паскер, Утийк, Спер, Держан,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IV, стр. 45; см. также т. IV, стр. 14; т. XXI, стр. 494.

² С. А н е ц и. Хроника (на арм. яз.). Вагаршапат, 1898, стр. 185 (приложения).

³ Там же, стр. 187. См. также Е. Л а л а я н. Список армянских рукописей. . . (на арм. яз.). Тифлис, 1915, стр. 9, 10.

⁴ С. А н е ц и. Указ. соч., стр. 189 (приложения).

⁵ См. Е. Л а л а я н. Список. . . , стр. 523.

⁶ Там же, стр. 523—524.

Камах, Ван, Арчеш, Арцек, Беркри, Заришат, Ереван, Нахичевань, Джуга, Ахпак, Салмаст и многие другие деревни и города, которых не имеем возможности перечислить... , обезлюдели [все местности] от Тавриза до Эрзерума и от Еревана до Тавриза и угнали 60 000 пленных, не считая тех, кого истребили мечом, заморили голодом, утопили в реке»¹.

По сообщению Аракела Даврижеци, изгнание и разорение армян повторялось несколько раз².

Судьба многих насильственно угнанных в Персию армян была поистине трагической. В 1611 г. 10 тыс. семей из числа переселенных армян были отправлены в Фахрабад, где к 1660 г. из них оставалось лишь 400 семей. Все остальные погибли от непосильного труда и тяжелых жизненных условий³. В самой Армении, опустошенной шахом Аббасом, свирепствовал голод. Многие погибали от голода, иные продавали своих детей за два куска хлеба из проса⁴.

Истребление и угон населения в плен, уничтожение производительных сил не прекратились и в XVIII в.⁵

Пагубно отражались на развитии страны также и междоусобия феодалов. В округе Маназкерт в XVII и XVIII вв. насчитывалось около 350 деревень (в большинстве армянских), вследствие же феодальных междоусобиц и набегов курдских беков к 1762 г. там оставалось только 100 деревень, а к концу XVIII в. сохранилось лишь 20 деревень. Остальные селения были превращены в развалины. В самом Маназкерте, в прошлом значительном армянском центре, осталось 7—8 армянских семей, которые жили среди курдов.

Большой ущерб населению Армении наносили набеги дагестанских феодалов, говоря о нападениях которых, И. Сургуладзе замечает, что «от их нашествия некуда было укрыться»⁶.

Уничтожение производительных сил в ходе непрерывных опустошительных войн явилось одной из основных причин застоя феодализма в стране. Армения таким образом была доведена «до необходимости начинать все сначала».

¹ Е. Лалаян. Сноска... стр. 842 (памятная запись, написанная в 1611 г.; автор ее — священник Закарий — сам находился в числе пленных).

² Аракел Даврижеци. История (на арм. яз.). Вагаршапат, 1896, стр. 148; см. также «Грузинские источники об армянах и Армении» (арм. перевод и комментарии Л. Меликсет-Бека), т. II. Ереван, 1936, стр. 112.

³ См. Аракел Даврижеци. История, стр. 455—457.

⁴ М. Бархударян. Арцах (на арм. яз.). Баку, 1895, стр. 298 (памятная запись).

⁵ Ереванский Матенадаран, рукопись № 1786, л. 43.

⁶ И. Сургуладзе. Государственный строй картлийского царства на рубеже XVII—XVIII вв. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1945, стр. 16—16а.

Немалое значение имело также переселение и изгнание коренного населения из пределов страны. В результате завоеваний и нашествий состав населения существенно изменился. До нашествий сельджуков и монголов население Армении было в основном армянским, говорящим на армянском языке и ведущим оседлую жизнь, а после этих нашествий в Армении появились многие народности и племена с кочевым укладом жизни.

Это обстоятельство не могло не отразиться на развитии армянского народа. Между оседлым и кочевым населением происходила постоянная борьба, в ходе которой во многих областях страны власть и распоряжение землей переходили часто в руки кочевников, место армянских феодалов занимала военно-кочевая знать. Часть армянских феодалов, вместе с подвластным ей населением, была истреблена или эмигрировала, часть же феодалов сохранилась, укрывшись в неприступных местах. Следует отметить, что завоеватели были заинтересованы в сохранении части армянских феодалов в качестве опоры своей власти над местным населением, в качестве своих агентов. Основная тяжесть завоевания пала, конечно, на народные массы, прежде всего на армянское крестьянство.

Острую борьбу между кочевыми племенами и оседлым населением, между кочевой и оседлой общинами можно наблюдать, начиная с появления кочевников в Армении и вплоть до XVIII в.¹ Военно-кочевая знать принесла с собой новые социально-правовые нормы, нашедшие свое выражение в новых терминах. Древнеармянские термины «нахарар», «нахапет», «танутер» и многие другие уступили место новым терминам, принесенным завоевателями. Появились термины «хан», «эмир», «мелик», «бек», «ага» и т. д. Ими теперь определялось социально-правовое положение феодальной знати завоевателей (в дальнейшем некоторые из этих терминов были восприняты армянскими феодалами), от произвола которой зависела хозяйственная и политическая жизнь армянского народа.

Уже с XVI в. армянский народ оказался расколотым на две части. Страна была разделена между шахской Персией и султанской Турцией.

Освободительное движение армянского народа в конце XVII—начале XVIII в. было в равной мере направлено и против персидского, и против турецкого гнета. Но основные центры, очаги освободительного движения в 20-х годах XVIII в. находились в Восточной Армении. Поэтому, чтобы проследить раз-

¹ В период освободительного движения нередко происходила напряженная борьба между кочевыми племенами и оседлыми крестьянами. Давид-бек не раз пытался выслать кочевников из Капана в Персию; см. «Азгагракан Андес», Тифлис, 1904, XII, стр. 182, 184.

витие освободительного движения, необходимо рассмотреть хозяйственное и политическое положение в Восточной Армении в XVI—XVIII вв., в период сефевидского владычества.

При изучении феодальных отношений указанного периода нельзя ограничиться рассмотрением данных, относящихся только к XVI—XVIII вв. Важные сведения, необходимые для выяснения ряда вопросов (сохранение в период завоевания страны кочевыми племенами земельных отношений, свойственных оседлому обществу; хозяйственное усиление феодальной верхушки армянского общества; формы и способы эксплуатации крестьянства и т. д.), встречаются также в источниках более раннего (XIII—XV вв.) и более позднего (XIX в.) времени. Отсюда — необходимость отдельных экскурсов, выходящих за рамки рассматриваемого периода. Один из таких экскурсов посвящен термину «хайреник», характеризующему формы землевладения в средневековой Армении.

I

Восточная Армения при Сефевидах была разделена в административном отношении на Ереванское, Нахичеванское, Макинское и другие ханства. Некоторые округа (Лори, Ширак и др.) находились под властью восточногрузинского царства. В этих ханствах в XVI—XVIII вв. господствовало натуральное или полунатуральное хозяйство и крупное землевладение.

В Армении крупными землевладельцами-феодалами были прежде всего персидские ханы, беки, представители шахского или ханского двора, а также армянские мелики и духовенство (монастыри). Основной базой для усиления класса армянских светских и церковных феодалов было владение землей, феодальная собственность на землю, которая, как указывает И. В. Сталин, являлось основой феодализма¹.

В XVI—XVII вв. потомки уцелевшей от разгрома части армянских феодалов, а также многие купцы и наиболее состоятельные семейства из зажиточной верхушки крестьян постепенно приобретали земли и расширяли свои владения. Одновременно усилилась и армянская церковь, в частности Эчмиадзинский монастырь, который с 40-х годов XV в. стал престольным центром армянского духовенства и начал приобретать земельные владения. В 40-х годах XV в. эчмиадзинский патриарх Григор Маквеци купил 7 деревень у крупного мультикадара Амир-Рустама. Григор Маквеци сдал эти деревни в вахм (вакф) монастырю. В указанный период как крупные, так и средние и мелкие земельные владения известны были в Арме-

¹ См. И. В. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР. Госполитиздат, 1952, стр. 41.

нии под общим названием «мульк», а их обладатели назывались «мулькадарами»¹. Наряду с арабскими терминами «мульк» и «мулькадар» применялись и армянские термины — «хайренник» («հայրենիք»), «хайренатер» («հայրենատէր»); в источниках слова «хайренник» и «мульк» часто встречаются вместе, заменяя друг друга.

Земельную собственность, обозначавшуюся армянским термином «хайренник», следует считать сходной с формой землеуладения, известной под названием «мульк»; сочетание «хайренник-и-мульк» и «мульк-и-хайренник», встречающееся в источниках и документах, мы считаем не случайным явлением. Термином «мульк» обозначались как крупные, так и мелкие земельные владения, участки, а также недвижимое имущество — дом, мельница, различные сооружения, сады, огороды, оросительные каналы, бани и т. д. Буквально в том же значении употребляется термин «хайренник» в армянских надписях и других источниках².

Так, например, в надписи крупного феодала и ростовщика XIII в. Тиграна Оненца «хайреником» называются бани. Из надписи того же Тиграна Оненца (1215) и некоего Аслана (1213) видно, что термином «хайренник» именовались целые деревни (половину которых они купили и отдали монастырям)³. Такими «хайрениками» были деревни Цур, Тамалек, Авеладашт и другие. Князья хотели отдать эти деревни Татевскому монастырю, но «хайренатеры» восстали против монастыря и князей⁴.

Н. Адонц и Я. Манандян, рассматривая институт «хайренник» в истории Армении до X—XIII вв., пришли к выводу, что «хайренник» — это вотчинные, наследственные земли, переходившие из рода в род на правах полной собственности. Термин «хайренник» они считают сходным с западноевропейским термином «аллод».

Х. Самвелян, в противоположность Н. Адонцу и Я. Манандяну, считает, что армянское слово «хайренник» соответствует не термину «аллод», а понятию «феод»⁵. Причиной разногласий

¹ Об основных формах землеуладения в Армении в XVI—XVIII вв. см. И. П. Петрушевский. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI — начале XIX в. Л., 1949, стр. 78; А. Е с а я н. Поземельная собственность в бывшем Ереванском ханстве, «Труды Ереванского государственного университета», т. XXIII, 1946, стр. 289.

² Степанос О р б е л я н. История области Сисакан (на армянском языке). Тифлис, 1910, стр. 491.

³ К. К о с т а н я н. Вимакан Тарегрутюн. СПб., 1913, стр. 58, 59, 74.

⁴ Степанос О р б е л я н. Указ. соч., стр. 229, 230, 247—251, 271, 272.

⁵ Х. С а м в е л я н. История древнего армянского права (на арм. яз.), т. I, Ереван, 1939, стр. 185, 186.

между П. Адонцом и Я. Манандяном, с одной стороны, и Х. Самвеляном — с другой, является, повидимому, то обстоятельство, что один и тот же термин «хайреник» употреблялся в средневековой Армении как в значении «аллода», так и в значении «феода». Х. Самвелян сам признает, что земли крупных феодалов-князей Арцруни, Мамиконянов, Багратуни, Сюни и прочих были аллодами, т. е. вотчинными землями. Аллодами он считает также земли «гандзагин» или «драмагин», т. е. земли, приобретенные путем купли-продажи¹.

Все указанные Х. Самвеляном земли действительно имели характер вотчин, поэтому они и обозначались армянским термином «хайреник». Но словом «хайреник» назывались также и земли вассальных феодалов, получивших их от своих сеньеров на условиях выполнения определенных обязанностей (военная служба и т. д.) по отношению к сеньерам. Так, Степанос Орбелян (XIII в.) сообщает, что атабек Елткуз за верную службу Эликума Орбеляна пожаловал ему город Амия, а «отроку Липариту (сыну Эликума. — П. А.) отдал деревни Чахук и Каласрах. . . , чтобы они стали его хайреником из рода в род»². Позднее атабек Иванэ по приказу грузинского царя, взамен когда-то отнятых у Орбелянов «хайреников», «вечной грамотой» отдал Липариту Орбеляну «крепость Храш-каберд с округом и много других деревень в Вайоц-дзоре, Эйлар и многие другие деревни в Котайке, Хамасри, а также многие другие деревни в Гегаркуни, Агстафа. . . в Кайене. И так как он (Липарит) возглавлял взятие Сюника и других крепостей, то [атабек Иванэ] отдал ему и Сюник, Вороти, Баркушат и другие крепости»³. О том, что под названием «хайреник» могла подразумеваться форма землевладения типа феода, свидетельствует обращение князя Орбеляна к грузинскому царю, в котором говорится: «. . . О царь, поручаю моих потомков тебе, чтобы ты. . . не лишил их наших хайреников и чести»⁴. Здесь термин «хайреник» употреблен скорее в значении «феод», нежели в значении «аллод» (вотчина). Можно привести множество других примеров из армянских источников, в которых слово «хайреник» употребляется в одном случае как вотчина, в другом случае как феодал. Но это явление следует объяснять не «путаницей» в фактических данных, имеющихся в литературе, как утверждает Х. Самвелян⁵, а тем, что в связи с изменением хозяйственных, социально-

¹ Х. Самвелян. Указ. соч., стр. 187, 188.

² Степанос Орбелян. Указ. соч., стр. 395; см. также стр. 360, 392.

³ Там же, стр. 397.

⁴ Там же, стр. 374.

⁵ Х. Самвелян. Указ. соч., стр. 188.

политических и прочих условий жизни изменяется также смысловое значение данного слова.

Нам кажется, что двойное значение имел также и термин «мульк», который в одном случае обозначал безусловную собственность на землю, имущество и т. д., а в другом случае имел значение «пожалованного владения». Слово «мульк» применялось также и как название ренты (определенной части урожая), которую владелец мулька получал от крестьян, сидящих на его земле. Повидимому, именно это обстоятельство и явилось причиной путаницы, существовавшей в толковании термина мульк в литературе XIX и начала XX в. Историки того времени рассматривали мульк как долю в налогах, пожалованную шахом или ханом служилым людям вместо жалования за службу¹. Эти ошибки и путаница произошли как потому, что различные значения каждого термина не подвергались серьезному анализу, так и потому, что игнорировался переход одной формы землевладения в другую. А такой переход часто можно наблюдать при завоеваниях и усилении центральной власти.

Терминами хайреник и мульк обозначались также крестьянские земельные участки. Повидимому, эти термины были восприняты от сельской общины и носили когда-то на себе ее отпечаток. Крестьянские документы, сохранившиеся от XVI—XVIII вв., ясно говорят о том, что хайреником, или мульком, назывались целые деревни и отдельные земельные участки крестьян, а также недвижимое имущество и т. п.

В деревне Карвансара мульк в размере 3 стак (данк)² принадлежал монастырю Сагмосаванк, по поводу чего Воскан—вардапет в 1661 г. писал, что мульк в размере 1,5 стак был хайреником некоего Азизбека и Тер-Шмавона. Эти владельцы отдали его в вахм монастырю. В 1680 г. в деревне Астапат сестры Хамаспур и Хурик («дочери Маргара») после раздела наследства продали свою долю хайреника — пахотное поле — за 5 туманов. Некий Сукиас пишет, что в 1682 г. (после раздела наследства) он продал свою долю пахотного поля — хайреник — за 15 тыс. динаров. Пазаненц Эванес в 1722 г.

¹ Под влиянием дореволюционных кавказоведов (Шопена и других) подобное объяснение мулька дают также армянские буржуазные историки XIX—XX вв. — Лео, Е. Шахазиз и др. См. Лео. История Армении, т. III, стр. 82; Шахазиз. Старый Ереван (на армянском языке), Ереван, 1931, стр. 38—39.

² Стак, или данк, — термины, которыми обозначалась определенная часть данного владения, мулька и т. д. У С. П. Зелинского (Объяснительный словарь татарских, грузинских и армянских слов, вошедших в свод материалов по изучению экономического быта государственных крестьян Закавказья. Тифлис, 1889), а также и у некоторых других авторов данк рассматривается как $\frac{1}{8}$ часть мулька.

продал свой хайреник — сад. В 1714 г. сыновья Хечуменц Хоказа «продали хайреник — дом»¹.

Таким образом, в крестьянском быту как земельные участки, так и другое недвижимое имущество, переходя по наследству от отца к сыновьям или дочерям, назывались хайреником; хайреник переставал существовать, когда в данной семье не оставалось никаких наследников. В таком случае хайреник переходил в распоряжение общины, которая поступала с ним по своему усмотрению².

Корнем слова хайреник является армянское слово «хайр» (*հայր* — отец). Отсюда полученное от отца, переходящее от отца к сыну или к другим членам семьи наследство и называлось хайреником. Слово хайреник встречается уже в V—X вв. н. э., и это обстоятельство наводит на мысль о его деревенском, «общинном» происхождении, тем более, что в крестьянском быту, наравне со словом хайреник, употреблялись термины «майреник» — «майреник-мульк» и «папеник» — «папеник-мульк»³. Основой слова майреник является «майр» (*մայր* — мать), а основой слова папеник — «пап» (*պապ* — дед). Оба термина — майреник и папеник — обозначают наследство, собственность, полученную либо по материнской линии, либо от отцов и дедов.

В крестьянском быту сохранялась память о том, по какой линии получал данный крестьянин наследство, по материнской или по отцовской. При каждом акте купли-продажи сведения об этом указывались отдельно. Так, крестьянин Акоп, сын Арама, пишет: «продал свой сад, полученный майреником», и тут упоминает, что в случае необходимости он может взамен сада предоставить свой хайреник — дом⁴.

Переход наследства по материнской линии имел место также и в среде феодалов.

В качестве примера можно указать, что крупные земельные владения князей Допянов образовались на базе земельных владений, полученных в наследство от Допы, дочери Саргиса, родоначальника Закаридов⁵.

Широко распространенным явлением в XVI—XVIII вв. была покупка и продажа имений, деревень и земельных

¹ Купчие и разные другие архивные документы по хозяйственным сделкам. Сборник документов (на армянском языке). Ереван, 1941, стр. 20, 30, 32—35, 37, 44, 77, 131, 133, 137, 145.

² Там же, стр. 85—86.

³ Там же, стр. 23, 29, 65, 76 и др.

⁴ Там же, стр. 76; см. также стр. 50.

⁵ Материалы по истории армянских меликств (на армянском языке), ч. II, Эчмиадзин, 1914, стр. 4—96.

участков, о чем имеются многочисленные свидетельства армянских источников того времени. Земли, приобретенные путем купли-продажи («гандзагин», «драмагин»), являлись безусловной собственностью владельца и переходили по наследству. Купленные земли владелец по своему усмотрению мог продавать, закладывать, передавать наследникам и т. д. В надписях и документах эти земли часто называются «гандзагин-хайреник», «драмагин-хайреник», «арцатагин-хайреник», т. е. хайреник, купленный за деньги¹. Как было сказано выше, Х. Самвелян считает, что эти земли были владениями вотчинного типа.

Наследники земли получали неодинаковую долю: старший сын, являвшийся одновременно носителем власти, обычно получал больше, нежели другие сыновья². Это обстоятельство часто было причиной раздоров между наследниками, приводивших обычно к кровопролитным столкновениям³.

С появлением в стране завоевателей начинается острая борьба за землю между армянскими феодалами и феодалами-завоевателями, так как «многие области были отобраны насильно у коренных владетелей. . .»⁴. Еще в X в. сюникские князья вели борьбу против феодалов-завоевателей. К ожесточенным схваткам приводило соперничество между наследственными владетелями округа Гогтан и гогтинским эмиром, захватившим этот округ. Обе стороны собрали войска и скрестили оружие. Гогтинский эмир был побежден, но и сюникский князь Васак пал на поле боя⁵. Вооруженные столкновения за земли между армянскими и новыми феодалами (завоевателями) в дальнейшем становились все более ожесточенными и возникали все чаще и чаще. Повидимому, именно этим и было вызвано появление терминов «ареан гин» и «базкав тапеал» («цена крови» и «освобожденный рукой», т. е. силой), которыми стали обозначаться завоеванные, а также освобожденные и пожалованные земли. Из сообщений Степаноса Орбеляна можно заключить, что феодал, «собственной силой и кровью» освободивший от завоевателей, вырвавший из рук врагов те или иные области и деревни, затем признавался их владельцем. Так, в 1086 г. один из вассальных феодалов царя Сенекерима, князь Хасан, писал: «. . . и округ Ковсакан [я] освободил от эмира

¹ К. Костанян. Указ. соч., стр. 45, 58—74 и др.; см. также Степанос Орбелян. Указ. соч., стр. 209, 215, 494 и др.

² Степанос Орбелян. Указ. соч., стр. 197.

³ Там же, стр. 79, 80, 197. См. также Закария Акулисский. Дневник (на арм. яз.). Ереван, 1938, стр. 86.

⁴ Степанос Орбелян. Указ. соч., стр. 319.

⁵ Там же, стр. 195, 196.

Фадлуна своей кровью»¹. Другой князь, Бубек, сообщал: «И, Бубек. . . пожертвовал [монастырю] те из моих наследственных владений, которые [я] завоевал своей силою у ино-племенных и освободил своей кровью и [которые] мои пароны (властители) великой грамотой пожаловали мне»². В одной из памятных записей (хишатакаранов), где упоминаются потомки Допы (сестры Закара и Иванэ), утверждается, что Хасану — сыну Допы — больше всего понравилась деревня Цар, которая «являлась ценой его крови и хайреником, пожалованным ему за отвагу властителями Армении»³.

Степанос Орбелян приводит слова монгольского военачальника Аслан Нойона, который будто бы говорил: «что взято мечом и что куплено золотом, одинаково является хайреником»⁴.

Однако нередко по приказу сеньера феодал вынужден был отказываться от той или другой части только что полученной земли: так, упомянутый выше Хасан, по приказу царя Сенекерима, отдал Татевскому монастырю деревни Норашиник и Дзеративан (округ Ковсакан), отвоеванные у эмира Фадлуна «кровью Хасана»⁵.

Но чаще всего отвоеванные земли переходили по наследству из рода в род. Представляется, что, в отличие от земель «гандзагин», которые можно считать владениями типа аллода, земли, приобретенные или полученные «ценою крови» или «освобожденные рукою» (силою), следует отнести к категории феодалов. И те, и другие назывались хайрениками или мульками. Еще в X в., в дарственной грамоте царя Ашота Багратиды, термин мулька встречается рядом со словом хайреник⁶.

Из всего изложенного видно, что слово хайреник употреблялось в смысле «владение», «поместье», «имение», «наследство». Термином хайреник обозначались:

1) Земельные владения типа аллода, а также земли «гандзагин», «драмагин» или «арцатагин» (т. е. купленные за деньги). Все эти земли были наследственной собственностью: владелец мог их продавать, покупать, закладывать, отчуждать и пользовался неограниченным правом распоряжения ими.

¹ Степанос Орбелян. Указ. соч., стр. 326.

² Там же, стр. 357; см. также Г. Алишан. Сисакан (на армянском языке). Венеция, 1893, стр. 186.

³ А. Топчян. Список рукописей, собранных Дадян-Хачик-вардпетом (на армянском языке), ч. 1. Вагаршапат, 1898, стр. 89; см. также С. Джалалян. Путешествие по Великой Армении (на армянском языке), кн. 1. Тифлис, 1842, стр. 201.

⁴ Степанос Орбелян. Указ. соч., стр. 404.

⁵ Там же, стр. 327; см. также М. Бархударян. Указ. соч., стр. 177, 184; С. Джалалян. Указ. соч., кн. 1, стр. 203.

⁶ Купчие. . . , стр. 3.

2) Земли «арсан гин» (т. е. буквально «цена крови»), пожалованные сеньером феодалу за его участие в войне, за боевые заслуги; в дальнейшем сеньер мог отобрать часть этих земель (а иногда и всю землю) у феодала-владельца или же приказать ему, чтобы он отдал их монастырям и т. д. Такие земли можно отнести к категории земель «паргеваканк» (дарственные); но часто эти земли тоже переходили из рода в род.

3) Крестьянские земельные участки, а также сады, мельницы, дома, бани и вообще все недвижимое имущество.

Землевладелец, собственник, который захватил, купил, получил по наследству или же каким-либо другим путем приобрел земли, деревни, имущество и т. п., назывался «хайренатером». Слово «хайренатер» составлено из слов «хайрени[к]» и «тер» (владелец). «Хайренатер» мог продавать свой хайреник, передавать его по наследству, сдавать в вахм и т. д., т. е. пользовался неограниченным правом распоряжения им. Князь Закария купил «у коренных хайренатеров Арич»¹. Земельный участок для постройки монастыря св. Григория Тигран Онец купил у хайренатеров². Князь Тарсаич, а также Степанос Орбелян (историк) купили у хайренатеров земли, сады, виноградники и т. д.³. Жена Тарсаича также в 1292 г. купила виноградники у хайренатеров⁴. Владельцы и обитатели крепости Цур в местности Тамалек «... были старинными хайренатерами»⁵. Они восстали против духовенства и крупных феодалов, когда эти последние захотели отнять у них земли и деревни и передать во владение монастыря Татев.

Термин хайренатер, повидимому, полностью соответствует термину мулькадар, который лег в основу армянских форм «мулькатер», «мюлькатер» и «млкатер»⁶, образованных, вероятно, под влиянием армянского слова «хайренатер». Многие историки и исследователи, уделяя большое внимание терминам мулк — мулькадар, совершенно упустили из виду армянский термин хайренатер.

Этот термин не вошел даже в такие капитальные труды, как «Толковый словарь» С. Малхасяна и «Этимологический коренной словарь» Р. Ачаряна.

Как было сказано выше, слово «хайреник» рассматривалось Н. Адонцом, Я. Манандяном, Х. Самвеляном, но лишь в зна-

¹ К. К о с т а н я н. Указ. соч., стр. 43.

² Там же, стр. 58.

³ Степанос О р б е л я н. Указ. соч., стр. 490.

⁴ Г. А л и ш а н. Сисакан, стр. 191.

⁵ Степанос О р б е л я н. Указ. соч., стр. 230.

⁶ С. М а л х а с я н. Толковый словарь армянского языка. Ереван, 1944, т. III, стр. 341, 362; Р. А ч а р я н. Этимологический коренной словарь армянского языка, т. IV, 1931, стр. 1139.

чении «аллода» — вотчины или «феода» для древнего периода истории Армении, а для XIII в. и более поздних веков этот термин (в частности, в быту сельской общины в значении земельного участка и недвижимого имущества) не был рассмотрен. Термин «хайреник» должен был бы вызвать к себе интерес со стороны историков и исследователей мультка и мульткадарства на территории Армении в XIII—XVIII вв. Б. Арутюнян, ссылаясь на «Джамбр» Симеона Ереванци, пишет, что мультк — недвижимое имущество, приносящее доход: «Здесь под термином «мультк» подразумеваются не только населенные пункты, но и мельницы, «динки»¹, сады и даже бани»². Но о том, что буквально такое же значение имело и слово хайреник, ничего не говорят ни этот автор, ни другие исследователи мультка в Армении. Ясно, что нет никаких оснований опускать армянский термин, отражающий социально-экономические отношения и постоянно встречающийся в источниках. Нельзя ограничиваться только изучением терминов, привнесенных завоевателями. Одним из такого рода привнесенных в Армению извне терминов был арабский «мультк». Этот термин, как уже говорилось выше, стал употребляться в Армении еще в X в.

* * *

В XVI—XVIII вв. «мультк» стал распространенной формой землевладения в Восточной Армении. И. П. Петрушевский считает, что «мультки или мильки отличались от прочих видов феодального землевладения двумя основными признаками: 1) их можно было продавать и покупать, как и передавать по наследству; 2) владение ими не было связано с обязанностью несения определенной государственной службы»³.

Какими путями церковные и светские феодалы становились обладателями мультка? Об этом, помимо уже приведенных выше данных, свидетельствует сообщение епархиального епископа Санаина. В 1687 г. этот епископ о землях, им приобретенных, писал, что он их «. . . [либо] купил, либо захватил, либо освободил [от захватчиков], дав взятку [ханам, правителям], либо получил в качестве пожалования или же завоевал

¹ Динк — рисоочистильня, крупорушка.

² Б. А р у т ю н я н. Крупное монастырское хозяйство в Армении в XVII—XVIII вв. Ереван, 1940, стр. 25.

³ И. П. П е т р у ш е в с к и й. Указ. соч., стр. 228, 229.

силой»¹. Итак, этот церковный феодал сам перечисляет те основные пути и средства, которыми он в то время располагал для приобретения мульки: 1) купля земель; 2) насильственное присвоение, захват или приобретение при помощи взятки (пешкеша); 3) получение пожалований; 4) завоевание. Несомненно, что именно этими путями и образовались крупные земельные владения армянских церковных и светских феодалов XVI—XVIII вв.

Источники и пути образования крупных земельных владений в Армении, на базе которых усиливался класс армянских светских и церковных феодалов, следует рассмотреть более подробно.

1. К у п л я з е м е л ь. Выше уже говорилось о землях «гандзагин» и был приведен ряд примеров в доказательство того, что купля-продажа земель в Армении существовала как до XIII в., так и в последующие века. С XV в. Эчмиадзин и другие монастыри начинают скупать земли. Игумен монастыря св. Акопа Симеон-вардапет «приобрел множество мульков и угодий, а также садов и . . . побуждал духовных и светских христиан, чтобы они на свои средства покупали для монастыря мульки и угодья. . .»². Григор Маквеци, сын Джалалбека, вступив в 1443 г. на патриарший престол, купил у крупного мелькадара за 540 тыс. динаров 7 деревень: Вагаршалат, Аштарак, Батриндж, Норагавит, Агавнатун, Кирашлу, Мугни. В дальнейшем Эчмиадзин купил еще 16 деревень (всего 23 деревни)³. Ярким примером того, каким путем Эчмиадзин приобретал эти деревни и как он постепенно вытеснял из этих деревень старых землевладельцев — мелькадаров, может служить деревня Ошакан, земли которой отдельными частями покупали эчмиадзинские патриархи, начиная с 1633 г., когда в Эчмиадзине стал патриархом Пилипос Агбакеци. Процесс перехода земель Ошакана в руки Эчмиадзинского монастыря может показать табл. 1 (см. стр. 23—24), которая составлена по данным Симеона Ереванци⁴.

Как видно из приводимой таблицы, эчмиадзинские патриархи за время с 1042 по 1092 г. хиджры (т. е. с 1632

¹ Ереванский Матенадаран, рукопись № 3034, стр. 268: «Գնոյ զհեցար կամ զբաւար կամ կաշաքը Թափեցար, կամ պարգև տուցար, կամ բաւար տրեցար».

² «Архив армянской истории» (на армянском языке), Тифлис, 1912, т. 10, стр. 10; здесь же подробно перечислены названия этих мульков и угодий, которые являются мульками монастыря, «куплены Симеоном-вардапетом за серебро» (стр. 11).

³ Симеон Ереванци. Джембр, стр. 99—129.

⁴ Там же, стр. 108—110. Симеон Ереванци сообщает, что деревней Ошакан когда-то владел перс Амириамол-Апитин-бек. В 893 г. хиджры он продал Ошакан за 8000 динаров некоему Ходжа-Сеид-Али.

Таблица 1

Дата хиджры	Какая часть мультка Ошакана куплена	Кто и за какую цену купил землю	Какой мульткадар продал
1050(1640/1) г.	0,5 данк мультка ¹	За 5 туманов ² купил патриарх Пилипос	Султан-бек Са- утлинский
1051(1641/2) г.	1 » »	За 7 туманов купил патриарх Пилипос	Баба Бангалу и Бекум
1051(1641/2) г.	0,5 » »	За 6 туманов купил патриарх Пилипос	Хасан и Ху- сейн
1052(1642/3) г.	0,5 » »	За 5 туманов купил патриарх Пилипос	Исмаил-бек (внук Султан- бека) и Мед- жлум-Кули- бек
1053(1643/4) г.	0,5 » »	За 6 туманов купил патриарх Пилипос	Сефи-Кули-бек и Меджлум- бек
1054(1644/5) г.	0,5 » »	За 4 тумана купил патриарх Пилипос	Шахзейнаб
1055(1645/6) г.	0,5 » »	За 6 туманов 4000 динаров купил пат- риарх Пилипос	Меджлум-бек
1055(1645/6) г.	0,5 » »	За 5 туманов купил патриарх Пилипос	Хусейн-бек
1066(1656/7) г.	0,5 » »	За 5 туманов купил патриарх Аюп Джугаеци	Хападан-Кули, сын Хусейн- бека
1077(1667/8) г.	0,5 » »	За 7 туманов купил патриарх Аюп Джугаеци	Базаз-Даркеах
1091(1681) г.	0,5 » »	За 6 туманов купил местоблюститель патриарха Онофре- ос-вардапет	Сефи-Кули

¹ Ту же самую часть (данк) мультка за 5 туманов от того же мульткадара патриарх Пилипос купил повторно в 1051 (1641/2) г.

² Туман — денежная единица. Туман состоял из 10 000 динаров («динар» — то же самое, что и «диан»). 10 динаров (или дианов) равнялись 1 копейке; 50 динаров соответствовали 5 копейкам и по-персидски назывались шахи или пай; 200 динаров (20 коп.) по персидски назывались аббаси. 50 аббаси или 200 шахи составляли один туман.

Т а б л и ц а 1 (продолжение)

Дата хиджры	Какая часть мульки Ошакана куплена	Кто и за какую цену купили землю	Какой мулькадар продал
1091(1681) г.	0,5 » »	За 6 туманов купил местоблюститель Степанос-вардапет	Мушат
1092(1682) г.	0,5 » »	За 10 туманов купил местоблюститель Минас-вардапет	Гаспар

по 1681 г.) за 84—85 туманов скупили у мулькадаров Ошакан и вытеснили их оттуда. В дальнейшем некоторые из этих мулькадаров (а также их наследники) не раз пытались вернуть обратно свои мульки, но безуспешно, так как все акты купли-продажи были утверждены судьями по закону шариата.

Приблизительно таким же путем, как и Ошакан, в собственность Эчмиадзина перешли 22 другие деревни ¹; кроме того, Эчмиадзин купил еще 700—750 га садов-виноградников ².

Не только Эчмиадзин, но и другие монастыри и светские феодалы покупали и продавали земли. В надписи на стене монастыря Ованаванка говорится: в 874 (1425) г. Закария, внук Гамрикела, сын парон-Азиз-бека, купил деревню Могни (Мугни) на свои собственные средства. В 1584 г. некий Довлат-бек, купив земельный участок, пожертвовал его монастырю св. Карапета ³. Деревни Норагех, Норк, Егвард (4, 5 данк), Еайчи, Глолкенд, Амиригех были мулками «парон-ходжа Сета из Еревана», который имел «еще много подобных садов, мельниц, динков, домов и других мулков». Сыновья и потомки этого парон-Сета продали Эчмиадзину часть упомянутых деревень и садов ⁴. Мулькадар Сукиас, переселившись

¹ Названия этих деревень, их границы, а также время приобретения их Эчмиадзином сообщает Симеон Ереванци в «Джамбре» (стр. 99—129). Так, по данным Симеона Ереванци, Эчмиадзином были приобретены следующие деревни: Вагаршанат, Ошакан, Франканоп, Мастара, Кирашлу, Дипаклу, Мугни, Кешикенд, Норагег, Норк, Егвард, Яйчи, Амиригех, Меликигех, Батринч, Бохенис, Цопенис, Каракойндлу, Аштарак, Агавнатун, Норагавит, Бюракан, Хаджилар. Все эти 23 деревни являлись мулковыми деревнями Эчмиадзинского монастыря и были приобретены в разное время.

² С. Погосян. Церковное землевладение в Ереванском ханстве в XVII—XVIII вв. и Эчмиадзин как крупный помещик (на армянском языке). «Труды Ереванского государственного университета», т. XIII, 1940, стр. 137.

³ Закария Саркава г. История (на армянском языке), кн. III, Вагаршанат, 1870, стр. 21.

⁴ Симеон Ереванци. Джамбр, стр. 121, 122.

в Шемаху, продал свой мульк — деревню Каракойн Эчмиадзину за 22 тумана ¹. Земли скупали и монастыри св. Нахавка, Санаин, Ованаванк, а также и армянские мелики ².

2. Приобретение земель путем захвата (насиловственного присвоения). На примере Санаинского монастыря можно видеть, как шел процесс захвата или присвоения одним мульткадаром земли другого мульткадара, а чаще всего — крестьянских земельных участков. Епископ Санаина парон-тер-Саргис захватил много крестьянских земельных участков, однако вскоре у него их отняли более сильные феодалы. Сменивший парон-тер-Саргиса парон-тер-Барсех «после многих волнений и многих взяток возвратил эти участки обратно». В дальнейшем светские феодалы, родственники Барсеха, с помощью местного правителя захватили земли и сады Санаина. Тер-Барсех пишет, что он с помощью множества взяток и разнообразных даров вернул эти земли: «много израсходовал [средств] у дверей хана и [других] вельмож и с великим трудом вернул обратно [земли]» ³.

Во избежание дальнейших захватов земель со стороны своих родственников и других мульткадаров, епископ поспешил оформить приобретенные мультки в вахм ⁴.

Наиболее наглядные примеры захвата и присвоения земель снова показывает нам Эчмиадзин, о чем весьма подробно рассказывается в книге Симеона Ереванци «Джамбр». Эчмиадзин, кроме 23 мультковых деревень и 750 га садов, имел в хозяйстве монастыря еще 24 пахотных поля общей площадью в 700—750 га. По свидетельству Симеона Ереванци, из числа этих 24 пахотных полей только 11 были закреплены шахскими грамотами за монастырем. Остальные же 13 полей, названия которых отсутствуют в шахских грамотах, были приобретены в течение XVII—XVIII вв. О том, каким путем приобрел эти земли Эчмиадзин, можно судить по примеру захвата земли «Ханлыг Айги» размером в 140 сомаров ⁵.

«Ханлыг Айги» был садом ереванского хана. При патриархах Егиазаре и Нахапете ереванские ханы отдавали этот сад в пользование Эчмиадзину и требовали за это денежное вознаграждение. Патриарх Нахапет при Фарзали-хане отказался платить деньги. Тогда Фарзали-хан поручил обработку сада

¹ Симеон Ереванци. Джамбр, стр. 127.

² Там же, стр. 291. См. Лео. История Армении, т. III, стр. 499.

³ Ереванский Матенадаран, рукопись № 3031, стр. 258—259: «*բազում կաշտուրք և պէտպէն փեղբաշուք թափեցի. շատ բան ծախեցի ի դրանն լիանին և մեծամեծացն հազրել մեր կողմն արարի*».

⁴ Там же, стр. 198—200.

⁵ Сомар — площадь, на засев которой идет около трех пудов зерна (пшеницы).

мелику Карпинского махала — Нерсесу и другим знатым людям. Они же, отдавая хану ежегодно требуемую сумму, по настоянию Эчмиадзина, оставляли сад в необработанном состоянии, отчего он «изо дня в день разрушался и превратился в поле, пригодное для пахоты, которое, однако, засеяно не было». В 20-х годах XVIII в. Эчмиадзин, воспользовавшись удобной политической и военной ситуацией, присвоил этот участок и превратил его в свое пахотное поле ¹.

Таким же путем был приобретен в 1711 г. сад, называемый «Вери» или «Шах-и-кули» ². Симеон Ереванци откровенно пишет и о том, что земли «Мхитаренц Айгинер» раньше «были садами наших крестьян» ³. Хотя Симеон Ереванци не говорит, каким образом крестьянские сады превратились в пахотные земли Эчмиадзина, не приходится сомневаться в том, что Эчмиадзин либо присвоил их путем захвата, либо купил у обедневших крестьян (которые, вероятно, стали мшаками — наемными работниками Эчмиадзина).

Не только те 13 из 24 названных у Симеона Ереванци пахотных полей, которые не упомянуты в шахских грамотах, были приобретены Эчмиадином лишь в XVII—XVIII вв., но, повидимому, и остальные 11 полей (которые упоминаются в шахских грамотах) тоже не принадлежали ранее Эчмиадину. Во всяком случае Эчмиадзин приобрел их не раньше 1441 г., когда он стал центром армянской церкви. Самым древним участком Эчмиадзина (принадлежавшим ему до 1441 г.) следует считать землю «херананк» (площадью в 350 сомаров), название которой является искаженной формой армянского слова «хайреник» ⁴. Все остальные земли, повидимому, приобретены монастырем уже после XV в. (в XVI—XVIII вв.).

Приобретение земель могло носить характер насилия, принуждения и проявляться в разных формах. Из памятной записи, изданной Е. Лалаяном ⁵, мы узнаем, что хайренатер Григор в 70-х годах XVI в. вынужден был продать свои владения и имущество, так как его брат, сделавшись меликом, хотел

¹ Симеон Ереванци. Джамбр, стр. 152—157.

² Там же, стр. 166, 167. Симеон Ереванци пишет, что раньше этот сад назывался «Шах-кули», но так как это название «было опасным», то патриархи Эчмиадзина решили называть его «Вери-Айги» — «ի վերին-այգի, բնիկ անուանի կոչեցաւ. Վերի-այգի»; изменив название сада, патриархи рассчитывали скрыть следы присвоения ими этого сада, так как прежнее его название («Шах-кули») совершенно ясно указывает, что он принадлежал не Эчмиадину, а персидским шахским слугам (чиновникам).

³ Там же, стр. 158.

⁴ «Հերանանք» и «Հերանանիկ» («Джамбр», стр. 154) является искаженной формой «հայրենիք» — «хайреник», о чем свидетельствует сам Симеон Ереванци, написав «հայրենիք քոս կոչեցաւ տեղին» (стр. 153).

⁵ Е. Л а л а я н. Список. . . , стр. 9—10.

захватить все его владения. Мелик, которому не удалось добиться своего, изгнал брата из страны.

Путем принуждения Эчмиадзин присвоил земли «Имамарх» деревни Алибеклу (о чем будет говориться ниже). О том, что захват и присвоение земель в период мульткадарства были обычным явлением, убедительно свидетельствует один из документов, изданных Ереванским Матенадараном. В нем говорится, что некий Акоп, сын Нубарши из Тавриза, хотел продать свой сад, граничивший с садом Эчмиадзина. Друзья Акопа говорили ему: «нет размежевающей стены между твоим садом и садом Эчмиадзина, а поэтому армянин не купит твой сад; если же ты продашь его иноверцу, то он причинит ущерб саду Эчмиадзина. . . Сначала ты сообщи патриарху о своем намерении, и, может быть, [патриарх] купит [твой сад] для Эчмиадзина, так как сад не имеет размежевающей стены или забора. Если же он не купит, тогда ты сам решишь, продашь — кому захочешь»¹. Здесь легко заметить наличие страха перед возможностью захвата и присвоения владений. Если бы сад Акопа, путем совершения сделки о продаже, попал в руки сильного мусульманина, то создалась бы угроза саду Эчмиадзина, не отделенному от владения мусульманского феодала размежевающей стеной. С другой стороны, если бы сад Акопа попал в руки покупателя-армянина, то новому владельцу вряд ли удалось бы устоять перед Эчмиадином. Эчмиадзин заставил бы армянина уступить ему купленный сад или же просто захватил бы его и прогнал покупателя. Вот почему друзья Акопа говорили ему: «армянин не купит твой сад».

3. Приобретение мультка путем завоеваний. Появление в армянском языке глагольной формы «млкел» (от слова мультк), имеющей значение армянского слова «тирел», т. е. «владеть», «завоевать», «сделать своим владением», следует, повидимому, считать результатом процесса захвата и завоевания земель более сильными феодалами у более слабых. У армянского хроника XV в. о Кара-Юсуфе говорится, что в 1406 г. Кара-Юсуф «прибыл в Армению. . . направился в Тавриз и дальше млкеац (т. е. завоевал) многие места до города Султания. . .»². В этом контексте слово «млкеац» (прош. вр., ед. ч., 3 л.) употреблено в том же значении, как и слово «тирел» у Степаноса Орбеляна³, т. е. «владеть», «завое-

¹ Купчие. . . , док. № 72, стр. 91.

² С. А н е ц и. Хроника (приложение), стр. 173; см. также Р. А ч а р я н. Указ. соч., т. IV, стр. 1139.

³ Степанос Орбелян. Указ. соч., стр. 478; см. также Фрик. Стихотворения. (на арм. яз.) Ереван, 1941 г., стр. 219; «Սահիրը գրվանին տեսնե, որ ճրլեց ին զերկիր բոլոր» — «рассказать о Сахиб-Диване, который млкеп (завоевал) всю страну».

вать», «сделать своим владением» и т. д. В данном случае мулык приобретен путем завоевания, мулык «получен» не иначе, как «мечом». Приобретая его таким путем, обладатель мулыка мог смотреть на свое владение как на «неограниченную земельную собственность»¹.

Процесс захвата и завоевания земель сильными феодалами у слабых шел усиленным темпом в XIII—XVI вв., но он имел место и в XVI—XVIII вв. Потомки армянских феодалов и их вассалов, уцелевших во времена владычества монгольских, а затем и последующих завоевателей, с XVI в. стали приобретать новые земли, расширять свои владения.

4. **П о ж а л о в а н и е з е м е л ь.** Некоторые из армянских феодалов, сохранившие к концу XV—началу XVI в. свои земли или часть их, при Сефевидях стали утверждаться в своих наследственных владениях шахами и даже получать пожалования от Сефевидов в виде поместий и деревень. Феодал, получивший пожалование, был одновременно представителем шахской власти на данной территории.

Шахи и ханы жаловали земли только наиболее крупным и влиятельным местным феодалам, на которых они могли опереться при осуществлении своих завоеваний или для управления покоренной страной. В большинстве своем это были потомки старых армянских феодальных домов (Мелик-Шахназаряны в Гегаркуни, Хасан-Джалаляны в Хачене, потомки Закаридов и Орбелянов в Лори), которые с конца XV в. стали усиливаться и в период борьбы Сефевидов против турок оказали помощь Сефевидам. Уже в середине XVI в. среди армянских феодалов выдвинулся «парон мелик-Шахназар, сын Мелик-бека». Мелик-Шахназар заложил основу сильного меликства и стал родоначальником дома Мелик-Шахназарянов в Гегаркуни и Варанде². Историк XVII в. Аракел Даврижеци сообщает о мелик-Шахназаре (1578—1608), что он был «сильным и знаменитым ипшханом (князем)» среди армян, и шах Аббас I «пожаловал ему власть меликства и отдал ему и его братьям имения и деревни; написал вечную грамоту, скрепил ее царской печатью и отдал им [для того], чтобы это было вечным и постоянным владением их и их потомков из рода в род»³.

Брат мелик-Шахназара, мелик-Мирзахан, получив права на управление Варандским округом, переселился туда и положил начало созданию сильного Варандского меликства. После того как мелик-Шахназару и его братьям были предоставлены

¹ И. П. Петрушевский. Указ. соч., стр. 228, 229.

² Материалы по истории армянских меликств, ч. II, стр. 97.

³ Аракел Даврижеци. История, стр. 96—97.

последственные владения и политическая власть, все без исключения члены их семьи стали носить феодальные титулы — «шарон», «мелик», «бек» и т. п.

Феодалы получали деревни и имения за верную службу, за проявленную храбрость во время войны и т. д. Так, шах Аббас I пожаловал деревню Карасахал в Нахичеванском ханстве мелик-Камалу за храбрость, проявленную последним в войне против турок¹.

Однако нельзя сказать, что все армянские мелики-феодалы получали пожалования подобно Мелик-Шахназарянам. В основном, в Армении к числу феодалов, получавших пожалования от шахов и ханов, относились персидские ханы, беки, султаны, мусульманское духовенство, шахские чиновники и т. д. Само собой разумеется, что армянские феодалы, находясь в неравном положении с персидскими, не могли получать пожалований в таких масштабах, как персидские.

Шахские и ханские пожалования армянским феодалам следует рассматривать как один из источников образования мульковых владений, но отнюдь не как первоначальный и основной источник.

Без рассмотрения всех основных путей и источников образования крупных земельных владений невозможно понять процесс усиления армянского феодального класса в XVI—XVIII вв. Будет также непонятно, каким образом крестьянские земельные участки переходили в руки феодалов. Известно, что Эчмиадзин и другие монастыри имели мульковые владения, т. е. были мулькадарами. Но, между тем, Эчмиадзин, а также другие монастыри почти не получали пожалований, если не считать отдельных и весьма незначительных случаев. Таким образом, подавляющая часть монастырских владений образовалась за счет других, описанных выше путей и источников, но отнюдь не вследствие шахских и ханских пожалований.

Наконец, крестьянские земельные участки и имущество, которые также назывались мульком, переходили в руки феодалов не путем пожалования, а в результате купли-продажи или захвата, завоевания. Анализ этих путей и источников образования мульковых владений необходим для понимания противоречий и борьбы между армянскими и персидскими феодалами, с одной стороны, и между классом феодалов и крестьянством — с другой. Разнообразие этих источников является, между прочим, причиной того, что слово мульк, подобно термину хайреник, имело не одно, а множество значений.

¹ М. С м б а т я н ц. Гегаркуни (на арм. яз.). Вагаршанат, 1895, стр. 786—787.

Образование и усиление мульткадарского землевладения и переход крестьянских земель и имуществ в руки феодалов сопровождалось постепенным закрепощением крестьянства. Так, например, крестьянки Джаваир и Гаяне (мать и дочь) из деревни Канакер (недалеко от Еревана), обеднев и запутавшись в долгах, обратились за помощью в Эчмиадзинский монастырь. Там они получили 6 туманов. Впоследствии они за эти 6 туманов вынуждены были сдать в вахм Эчмиадзину все свои участки, сады, дом, имущество, а потом, когда у них уже ничего не осталось, мать и дочь согласились отдать в вахм также самих себя и «... грешным телом и душою стали вахмом св. Престола»¹.

Переход крестьянских участков в руки феодалов можно видеть из табл. 2 на стр. 31—32, составленной по документам, изданным Ереванским Матенадараном («Купчие и разные другие архивные документы по хозяйственным сделкам», ч. I).

Как видно из этой таблицы, монастырь св. Нахавка шаг за шагом, путем скупки и получения в вахм (вакф), приобретал крестьянские земельные участки. Характерно, что приобретая эти земли монастырь старался обменять многие участки на другие, принадлежавшие крестьянам деревни Астapat. Целью обмена, несомненно, являлось округление монастырских владений и закрепление лучших земель за монастырем.

В Восточной Армении земельные отношения были неразрывно связаны с проблемой воды: без воды невозможно было вести земледельческое хозяйство. Как земля, так и вода были предметом собственности, купли-продажи, захвата и т. д. Вода, как и земля, называлась мультком.

Округляя и увеличивая свои земельные владения, феодал стремился обеспечить эти земли водой. Феодалы теснили крестьян, лишая их возможности пользоваться естественными водами, которые феодал поворачивал на свои земли, в свое хозяйство. Табл. 3 (на стр. 33), составленная по документам Матенадарана («Купчие...», ч. I), показывает, что тот же монастырь св. Нахавка, приобретая крестьянские земельные участки, одновременно старался заполучить и крестьянские оросительные каналы, доли воды и т. д.

Таким же образом монастырь св. Нахавка забирал в свои руки дома, мельницы, асархане², сарай и другое недвижимое имущество, которое также называлось «мультк»³.

¹ Купчие... стр. 24—25.

² *asarhan* — от персидского слова «асархане» (اسارخانه) — «маслодельня, предприятие по производству растительного масла». См. Б. В. Миллер. Персидско-русский словарь. М., 1950, стр. 569.

³ Купчие... док. №№ 98—101, 109, 112, 114, 117, 181, 120 и др.

Земельные участки, приобретенные монастырем св. Нахавка¹

№ документа	Дата приобретения (год)	Размер крестьянского земельного участка и его продажная цена	Участок, полученный в вахм	Примечание
16	1667	4 сомара земли, куплены за 30 000 динаров	—	1 сомар — площадь, на которой можно посеять 3 пуда зерна
17	1680	Участок земли, куплен за 50 000 динаров	—	Размер участка не указан
19	1682	6 сомаров земли, куплены за 15 000 динаров	—	—
20	1688	—	8 сомаров земли	—
21	1690	—	10 » »	—
22	1690	—	16 » »	—
24	1691	—	8 чван ² земли	—
25	1692	—	Пахотное поле	Размер не указан
26	1693	—	» »	Размер не указан
27	1695	—	8 сомаров земли	—
28	1697	—	6 » »	—
31	1708	4 сомара земли, куплены за 8 сомаров зерна	—	1 сомар зерна стоил 1000 динаров
33	1714	—	5 сомаров земли	—
35	1719	—	20 » »	—
36	1722	—	12 » »	—
38	1725	—	12 » »	—

¹ Следует отметить, что часть земель и воды монастырь св. Нахавка приобрел путем купли у обедневших и разоренных крестьян, а часть получил в вахм либо от состоятельных, зажиточных семейств, либо от обедневших крестьян «для спасения их души». Нет данных о том, что монастырь св. Нахавка получал шахские или ханские пожалования.

² Чван—букв. веревка. Земельные участки в крестьянском быту обычно измерялись определенной длины веревкой (чван); размер такой веревки указывается в литературе по-разному: в частности, в 11 сажен и в 12 сажен (см. С. Египазаров. Исследования по истории учреждений Закавказья, ч. I. Казань, 1889).

Таблица 2 (продолжение)

№ документа	Дата приобретения (год)	Размер крестьянского земельного участка и его продажная цена	Участок, полученный в вахм	Примечание
39	1732	17 чван земли, куплены за 40 000 динаров	—	—
41	1736	5 сомаров земли, куплены за 18 000 динаров	—	—
42	1737	10 сомаров земли, куплены за 15 000 динаров	—	—
44	1738	10 сомаров земли, куплены за 50 000 динаров	—	—
45	1739	11 сомаров земли, куплены за 8 туманов	—	—
46	1739	12 сомаров земли, куплены за 5 туманов	—	—
49	1748	8 чван земли, куплены за 4 тумана	—	—
13	1750	1 сад, дом и 0,5 доли воды; куплены за 20 000 динаров	—	—
53	1772	18 сомаров земли, куплены за 20 000 динаров	—	—
55	1780	6 сомаров земли, куплены за 40 000 динаров	—	—

Монастырь Гандзасар в Хачене приобрел крупные земельные владения — целые деревни, земельные участки, угодья, пастбища и прочие мульки, частью в качестве вахма, частью путем покупки¹. Мульковые деревни и земли имели также

¹ Список земельных владений, деревень и других мульков монастыря Гандзасар см. в журнале «Арабат», 1914 («Материалы по национальной истории»), стр. 734—741.

Оросительные каналы и доли воды, приобретенные монастырем св. Нахавка

№ документа	Дата приобретения (год)	Количество (долей) воды и цена	Количество (долей) воды, полученной в вахм	Название кяриза ¹	Примечание
86	1676	1 доля воды, куплена за 6000 динаров	—	Из кяриза Црликенц	1 доля названа в источнике «глух» ²
87	1678	2 доли воды, куплены за 28 000 динаров	—	Из кяриза Макара	—
88	1681	1 доля воды, куплена за 16 000 динаров	—	Из кяриза Макара	—
29	1701	—	6 долей воды	Из кяриза Ш [?]	—
91	1751	2 доли воды, куплены за 6000 динаров	—	Из кяриза Норахана	—
13	1750	0,5 доли воды, сад и дом; куплены за 2 тумана	—	—	—
92	1774	2 доли воды, куплены за 8000 динаров	—	Из кяриза Макара	—
77	1786	—	4 доли воды 2 » »	Из кяриза Кузенц. Из кяриза Кусаненц	—
55	1772	2 доли воды, куплены за 10 000 динаров	—	Из кяриза Макара	—
94	1780	4 доли воды, куплены за 20 000 динаров	—	Из кяриза Кусаненц	—
95	1798	—	2 доли воды	Из кяриза Гукаса	—
93	1799	1 доля воды, куплена за 5000 динаров	—	Из кяриза Кусаненц	—

¹ Кяриз — подземный оросительный канал.² Глух — букв. «голова». Это слово в армянском языке употребляется как числительное. В данном случае (в отношении к воде) означает долю воды.

монастыри Гегарт, Севан, св. Аменапркич (Кармирванк), Дзакаванк и др.¹.

Еще более яркий пример роста владений армянских церковных феодалов за счет земель крестьянства дает Эчмиадзин.

В 1713 г. крестьяне селения Алибеклу вследствие своего бедственного положения были вынуждены заложить Эчмиадзину за 14 туманов часть своих земель, называемых «Имарх»². По свидетельству Симеона Ереванци, монастырь превратил эти весьма плодородные земли в пастбища. В дальнейшем крестьяне несколько раз пытались вернуть свои земли, но так как у них не было денег, чтобы погасить свой долг, то Эчмиадзин, воспользовавшись этим, в 1736 г. окончательно присвоил себе земли «Имарх»³.

Эчмиадзин, боясь, что другие мулькадары могут погасить задолженность крестьян и тем самым отнять у него сделанные приобретения, стремился не выпускать крестьян из долговой зависимости. Крестьяне, разоряясь под бременем тяжелых налогов, вынуждены были уступать Эчмиадзину свои участки, ибо другого выхода у них не было. Этим же путем попали в руки Эчмиадзина крестьянские виноградники деревни Ошакан. Так, при патриархе Александре (1705—1714) крестьяне деревни Ошакан попали в бедственное положение из-за засухи, града и других бедствий и были вынуждены заложить за 180 туманов 5 мельниц и 20 виноградников сроком на 7 месяцев везиру Мирза-Мохаммед-беку Саутлинскому и калантару⁴ Хаджи-Мохаммед-Хусейну. Крестьяне деревни Ошакан взяли в долг еще 150 туманов сроком на 9 месяцев у Ходжа-Мовсеса из Еревана, а залогом за эту сумму были 8 виноградников и 12 мельниц. Крестьяне не смогли погасить свои долги в установленные сроки (7 месяцев — для первого договора и 9 месяцев — для второго), в результате чего указанные виноградники и мельницы присвоил Ходжа-Мовсес и вышеупомянутые мусульмане. В 20-х годах XVIII в. Ходжа-Мовсес, Али-Кули-бек (брат везира Мирза-Мохаммеда) и калантар Хаджи-Мохаммед-Хусейн продали Эчмиадзину все виноградники и мельницы, взятые ими за долги у ошаканских крестьян. Эчмиадзин, в свою очередь, пустил эти виноградники в продажу, уже как свою собственность⁵.

¹ См. Симеон Ереванци. Джамбр, стр. 272—275, 278—282, 284—293; М. Бархударян. Арпах, стр. 369; М. Смбамянц. Гегаркуни, стр. 167.

² Купчие. . . , стр. 45—46.

³ Симеон Ереванци. Джамбр, стр. 160, 161.

⁴ Калантар — начальник города, «градоначальник», назначенный правительством.

⁵ Купчие. . . , стр. 79; Симеон Ереванци. Джамбр, стр. 174, 175, 187.

Приведенные данные отражают разорение крестьянского хозяйства, с одной стороны, и переход крестьянских земель и виноградников в руки феодалов — с другой, т. е. показывают, каким образом феодалы создавали, увеличивали и округляли свои владения за счет крестьян.

Источники рассматриваемого периода говорят не только о разорении крестьян феодалами, но и о многочисленных фактах покупки и продажи крепостных крестьян. Особенно характерна эта тенденция для находившихся под властью грузинских царей северо-восточных районов Армении, где уцелели потомки многих старинных армянских феодальных домов и оставались в силе крепостные порядки¹. Это были порядки, типичные для феодального строя, при котором, как указывает И. В. Сталин, «... основой производственных отношений является собственность феодала на средства производства и неполная собственность на работника производства, — крепостного, которого феодал уже не может убить, но которого он может продать, купить»².

По данным рукописи № 3031 Ереванского Матенадарана купля-продажа крестьян в северо-восточных районах Армении была обычным явлением. В этой рукописи имеется, например, следующая запись: «... Я, сын парон-Ата-бека, парон-мелик

¹ И. П. Петрушевский, говоря о феодальных отношениях в Грузии, указывает, что в Грузии существовали «очень своеобразные феодальные отношения, не похожие на порядки, сложившиеся в Азербайджане, кавказской Армении, Ираке Арабском и в Иране. . .» (см. его «Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении», стр. 214). Это замечание в отношении «кавказской Армении» нам кажется несубидетельным. Армянское духовенство и феодалы «кавказской Армении» поддерживали теснейшую связь с грузинскими феодалами и, начиная с XII—XIII вв., «кавказская Армения» иногда целиком, а иногда частями, вплоть до первой четверти XIX в., находилась под властью грузинских царей. На протяжении этого времени формы эксплуатации грузинских и армянских крестьян имели много общего. Судебник Мхитара Гоша, переведившийся с армянского на грузинский язык и действовавший в грузинской феодальной среде, не мог не действовать в армянской феодальной среде. Во всяком случае, в «Джамбре» Симеона Ереванци (стр. 158 и др.) можно проследить отражение грузинских феодальных отношений в Ереванском ханстве. Рукопись № 3031 (Матенадаран) свидетельствует о том, что в северных и северо-восточных округах Армении, которые в XVI—XVIII вв. находились в составе Грузинского царства (Лори и другие округа), земельные отношения испытывали влияние грузинского феодализма. О термине «кавказская Армения» следует сказать, что если И. П. Петрушевский подразумевает под ним только Ереванское ханство, то употребление этого термина в данном случае явно неудачно. Говоря о «кавказской Армении», И. П. Петрушевскому следовало бы либо указать все земли Восточной (ныне Советской) Армении, находившейся в XVII—XVIII вв. в составе разных ханств, либо вовсе отказаться от этого термина.

² И. В. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11. Госполитиздат, 1952, стр. 595.

Горхмаз-бек, утвердил сию запись, что сыновей Гайтмаза Хачатура, Вардана, Папа из [деревни] Горул, и Бугенц Пиргули с его сыновьями из Ахтали, и Галуста с его сыновьями из Батеника, [вместе с] землей и водой, а также 30 габалов ¹ масла из [деревни] Норатус я отдал в вахм св. Богородицы и св. Троицы Санаина. . . » ². Архиепископ Санаина парон-тер-Барсех сдал в вахм монастырю ряд земельных участков, сады, мельницы и прочее имущество и вместе с ними «2 деревни пинакан» (крестьян) ³. Землевладельцы парон-Ати-бек, парон-Карахан и Дурмиш-хан продали земли и оросительные воды вместе с сидящими на них крестьянами епископу парон-тер-Саргису, а этот епископ сдал их в вахм монастырю ⁴. В 1664 г. указанный акт купли-продажи крестьян утвердил эчмиадзинский патриарх Акоп Джугаеци ⁵. Некий Гаспар, сын Зал-бека, свои земли — «горы, равнины и пастбища» вместе с крепостными продал епископу парон-тер-Саргису ⁶.

Крепостные крестьяне находились также в собственности монастыря Гандзасар (около 150 семей, приобретенных монастырем либо путем купли, либо за счет пожалований от армянских феодалов). В 40-х годах XIX в. митрополит Хасан-Джалалян в своем письме Воронцову упоминает, что при персидском владычестве монастырь Гандзасар владел 150 семьями крепостных, проживавших на монастырских землях. Этот же митрополит пожаловал Гандзасару 27 семейств (около 150 человек) из числа своих крепостных и переселил их в деревню Гандзасар ⁷.

Церковные и светские феодалы, приобретая землю, старались прикрепить обрабатывавших ее крестьян к земле, а в случае бегства последних возвращали их на свои места. После разорения монастыря Гандзасар в конце XVIII в. крепостные расселились по разным деревням, у разных феодалов. Но

¹ Габал — мера веса и объема. В Александропольском уезде Эриванской губернии габал был равен 20 русским фунтам. См. С. З е л и н с к и й. Указ. соч., стр. 116—117.

² Ереванский Матенадаран, рукопись № 3031, стр. 360.

³ С. Д ж а л а л я н ц. Путешествие по Великой Армении, кн. 1, стр. 31.

⁴ Ереванский Матенадаран, рукопись № 3031, стр. 373, 374, 380—400, 428, 432.

⁵ Ереванский Матенадаран, рукопись № 3031, стр. 405—408.

⁶ Там же, стр. 412. Тот же Гаспар вместе со своими сыновьями, оформляя в письменном виде куплю-продажу земель и крепостных, предупреждает, чтобы никто («из паронов или крепостных») «не осмелился сопротивляться или пытаться взять (обратно) отданный ими (проданный) хайреник». Письменное заявление этих феодалов подтвердили своими подписями: парон Сарухан, парон Усуб, парон Элизбар, парон Ати-бек, парон Долик, парон Ахназар, парон Алпаксат и другие (там же, стр. 414—415).

⁷ См. журнал «Порп», V, 1880 г., стр. 157.

в 1808 г., когда митрополит Хасан-Джалалин вернулся в Гандзасар для восстановления хозяйства, карабахский хан Мехти-Кули приказал вернуть рассеявшихся крестьян на прежние места, т. е. на земли, принадлежавшие монастырю¹. По данным И. П. Петрушевского, карабахский хан Ибрагим-Халил (1760—1806), помирившись в 90-х годах XVIII в. с армянским меликом Варанды Джаханбахши — Шахназаряном и вернув ему его владения, приказал собрать всех разбежавшихся и рассеявшихся крестьян и водворить их в те селения, где они жили раньше². До нас дошли приказы шахов и ханов о возвращении на прежние места беглых крестьян, относящиеся к 40-м и 60-м годам XVIII в.³

В Ереванском ханстве не существовало грамот или специальных указов о прикреплении крестьян к земле, но по своему положению крестьяне Ереванского ханства мало отличались от крепостных. Так, когда две семьи из деревни Мугни тайно бежали в Караклису (деревня Мугни была мулькаком Эчмиадзина) эчмиадзинский патриарх, узнав о побеге, написал письмо мелику Бамбакадзорского округа Дэмону с требованием немедленно вернуть обратно этих крестьян. В противном случае патриарх угрожал мелику сообщить о происшествии царю (грузинскому) и вернуть их силой⁴.

В какой степени крестьяне были зависимы от феодалов, можно представить себе из следующего примера: крестьянин, по имени Какос, проживавший в деревне Вагаршапат (мульк Эчмиадзинского монастыря), продал свой сад слуге ереванского хана Сару-Махмаду, который был одновременно даругой⁵. Какос продал сад без ведома своего мулькадара (т. е. Эчмиадзина). Узнав об этом, эчмиадзинский патриарх добился расторжения сделки.

В тех случаях, когда крестьяне проявляли непокорство или же во-время не отдавали мулькадару определенную часть урожая, мулькадар либо подвергал их телесным наказаниям, либо в качестве карательной меры производил массовое выселение виновных. Так, например, когда жившие в Ошакане крестьяне из племени моголанлу отказались платить Эчмиадзину мулык (определенную часть урожая), то патриарх изгнал их из Ошакана. Крестьян деревни Мугни, переселившихся в свое

¹ См. там же.

² И. П. Петрушевский. Указ. соч., стр. 258.

³ Там же.

⁴ Архив армянской истории, кн. 8, стр. 118; см. так же «Труды Ереванского государственного университета», т. XIII, указ. ст. С. Погосяна.

⁵ Даруга — при Сефевидях «высший представитель полицейской власти в округе...» (см. И. П. Петрушевский. Указ. соч., стр. 280).

время на жительство к Мугнийскому монастырю, Эчмиадзин заставил вернуться на прежнее место.

Данные источников показывают, что если при сефевидском владычестве и не существовало грамот или специальных указов персидских шахов и ханов о юридическом прикреплении крестьян к земле, то это еще вовсе не означает, что крестьяне не находились фактически в крепостном положении. В XVI—XVIII вв. в одном месте можно наблюдать прикрепление к земле отдельных крестьян, семейств, а в другом месте — целых деревень и общин. Феодал мог продавать и покупать крестьян как с землей, так и без нее. Наряду с зависимыми от частных собственников крестьянами существовали также и государственные крестьяне, но большого различия между ними не было, так как все налоги, подати, барщина и всякого рода повинности налагались на них почти в одинаковом объеме.

В Восточной Армении в XVI—XVIII вв. крестьянство подвергалось жестокой эксплуатации: в одних районах господствовала барщина, в других — взимание натуральной и денежной ренты, в третьих — все эти формы, вместе взятые.

К. Маркс отмечал, что «рента продуктами предполагает более высокий культурный уровень непосредственного производителя, следовательно, более высокую ступень развития его труда и общества вообще»¹. В. И. Ленин, говоря о натуральной и денежной ренте, указывает, что денежная рента «... является простым изменением формы натуральной ренты. Непосредственный производитель отдает землевладельцу не продукты, а цену этих продуктов»².

В северо-восточных районах Армении (Лори и др.) были распространены торговля крестьянами и барщина. В восточных районах (Капан, Мегри, Акулис и др.), благодаря развитию товарно-денежных и рыночных отношений, феодалы взимали ренту с крестьян как в натуре, так и деньгами. В этих районах «малджахат»³ с армян брали исключительно деньгами.

В Ереванском ханстве, наряду с натуральной и денежной рентой, данные источников указывают на существование барщины и издольщины. Некий Тер-Минас в Тухургане (близ Тавриза) в 1735 г. заключил договор с эчмиадзинским вардапетом Саркисом⁴, согласно которому он, Тер-Минас, обязался в течение 10 лет обрабатывать принадлежащий Эчмиадзину

¹ К. Маркс. Капитал, т. III, 1953, стр. 807.

² В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 143.

³ «Малджахат» (пишется по-разному: малджихат, малваджхат, мал-у-джахат и т. п.) — введенный персидскими властями налог. О «малджахате» подробнее см. в гл. II настоящей работы.

⁴ Этот Саркис-вардапет, повидимому, был управляющим мульками Эчмиадзина. Эчмиадзин в своих мульковых владениях назначал одного

сад и ежегодно поставлять Эчмиадзину 450 литров¹ сушеного изюма, независимо от того, даст ли сад урожай или нет». В обязанности Тер-Минаса входили: обработка земли, обеспечение сада оросительной водой, уплата податей, требуемых властями, и прочие расходы². Настоятель монастыря Хорвирапа Аветик-вардапет сдал в обработку крестьянину Маркосу из деревни Норк принадлежащий монастырю земельный участок. Этот крестьянин должен был за счет собственных средств насадить новый сад: «после того, как сад даст урожай, — говорилось в договоре, — половина урожая будет [принадлежать] монастырю, половина — Маркосу»³. Аналогичный договор был заключен между Эчмиадзином и аштаракским крестьянином Овсепом: необработанную площадь (целину), принадлежавшую монастырю Сагмосаванк, Овсеп должен был превратить в цветущий сад и половину урожая отдавать Эчмиадзину. Присутствовавшие при заключении договора жители деревни Аштарак заявили, что условия издолщины и испошщины в их деревне были и останутся «таковы всегда, во все времена»⁴.

Наиболее распространенной формой эксплуатации крестьян в указанный период было взимание ренты под названием «мульк» и «бахра». Но «какова бы ни была специфическая форма ренты, всем ее типам обще то обстоятельство, что присвоение ренты есть экономическая форма, в которой реализуется земельная собственность, и что земельная рента, в свою очередь, предполагает земельную собственность, собственность определенных индивидуумов на определенные участки земного шара. . . »⁵.

Кроме денежных податей и налогов, крестьянин должен был отдавать определенную часть урожая землевладельцу (мульк) и государству (бахра). Так как земельное владение, собственность назывались мульком, то этим термином обозначалась также и та часть урожая — рента, которую землевладелец брал у крестьянина. Симеон Ереванци описывает «принятый в стране обычай», по которому в XVIII в. «во всех дерев-

из вардапетов постоянным управляющим мульками, который, в свою очередь, назначал деревенских танутеров (старост), обязанных собирать определенную часть урожая и беспощадно карать, применяя пытки, крестьян, уклонявшихся от выполнения барщинных и других работ. См. об этом «Жизнь Артемия Араратского». Тифлис, 1892 (на арм. яз.), стр. 41, 42.

¹ Литр — мера веса. В Ереване литр составлял 4,8 кг, в Тифлисе — 3,5 кг, в Лори — 2,4 кг, в деревнях Ширака (ныне Ленинаканский округ) — 8 кг и т. д. Персидский литр весил 6,95 кг.

² Купчие. . . , стр. 80.

³ Там же, стр. 92.

⁴ Там же, стр. 100.

⁵ К. Маркс. Капитал, т. III, 1953, стр. 646.

нях, что бы ни посеяли, одну пятую часть урожая, что называется бахрой, отдают казне и одну десятую часть урожая, что называется мульком, дают мульткадару»¹. Однако упомянутый Симеоном Ереванци «обычай» отнюдь не имел силы закона, регулирующего размер ренты, и мульткадар иногда вместо одной десятой части брал значительно больше, например одну пятую часть урожая. По свидетельству того же Симеона Ереванци, деревни Ошакан и Франканоп одну пятую часть урожая отдавали в качестве бахры государству и одну пятую часть, называемую мульком, отдавали своему мульткадару — Эчмиадзину.

Симеон Ереванци сообщает следующие подробности об этих деревнях: в 1722 г. крестьяне деревни Ошакан, которые раньше платили Эчмиадзину в качестве ренты «мульк» одну десятую часть урожая, в результате непосильных податей, налогов и стихийных бедствий оказались в чрезвычайно тяжелом положении и просили у патриарха Аствацатура денежную помощь в размере 150 туманов, взамен чего дали письменное обязательство Эчмиадзину с этого момента вместо одной десятой части урожая отдавать ему одну пятую часть. Такая же история имела место и в деревне Франканоп, которая в 30-х годах XVII в. была собственностью персидского феодала Ахлулая из Еревана. Ахлулай в 1633 г. продал эту деревню Ходже Ибрагиму и Сулейману. После них деревней владел Али-ага из Аралыга, сыновья которого в 50-х годах XVII в. продали ее патриарху Акопу Джугаеци за 9 туманов 9500 динаров. С тех пор Эчмиадзин стал брать с крестьян этой деревни одну десятую часть урожая. Такое положение сохранялось вплоть до патриаршества Абраама Мшеци, когда крестьяне, попав в бедственное положение из-за тяжести налогов, испросили у патриарха денежную помощь в размере 40 туманов и дали письменное обязательство с этого момента платить Эчмиадзину, как своему мульткадару, вместо одной десятой — одну пятую часть урожая. Симеон Ереванци рассказывает также о дальнейшей судьбе этой деревни. В результате жестокой эксплуатации, с одной стороны, и военных бедствий — с другой, она была окончательно разорена и оставалась ненаселенной, как и многие другие².

Возможно, что то же самое случилось и в деревне Ошакан, так как Симеон Ереванци сообщает, что в дальнейшем в Оша-

¹ Симеон Ереванци. Джамбр, стр. 159: «...որպէս է սովորութիւն երկրիս, որք ի յամենայն գետորայս զոր ինչ սերմանեն՝ ի հնդէն մէկ՝ հինգորդ տան յարբունիս, որ բահրայ ասի, և ի ասանէն մէկ զտասանորդ տան մլրատեան՝ որ մուլք ասի...».

² Там же, стр. 111—113.

кане водворились кочевники из племени моголану (которые отказались платить Эчмиадзину ренту мулык), а коренные крестьяне Ошакана (армяне) были рассеяны в разные стороны ¹.

Разоренные феодалами и персидско-турецкими войнами крестьяне искали выхода в бегстве и переселении в другие места, но феодалы разыскивали беглых и возвращали их на прежние места.

Деревня Франканоц, принадлежавшая Эчмиадзину, до 60-х годов XVIII в. все еще оставалась ненаселенной. Крестьяне этой деревни или были истреблены во время военных действий 30-х годов, или угнаны в плен. Ереванский хан Хусейн-Али заключил договор с эчмиадзинским патриархом о том, что хан соберет из разных местностей крестьян и водворит их во Франканоц для восстановления хозяйственной жизни. На основании этого соглашения половину ренты «мулык» должен был получать хан, а половину — Эчмиадзин. Хусейн-Али-хан не сдержал своего слова и после поселения крестьян стал взимать с них ренту «мулык» полностью в свою пользу, а Эчмиадзину не давал ничего. Через 8 лет патриарху Симеону Ереванци удалось вернуть половину мулька деревни Франканоц. Но тут же хан поспешил захватить деревни Имарх и Кюлтапа и посеять там хлопок. Поскольку это предприятие хана могло поставить под угрозу благополучие хозяйства Эчмиадзина (ибо хан должен был пользоваться оросительной водой, принадлежавшей Эчмиадзину), Симеон Ереванци постарался помешать предприятию хана: он вернул ему деревню Франканоц полностью и взамен взял деревню Кюлтапа. Но плодородные земли деревни Франканоц не давали покоя патриархам, и Симеон Ереванци завещает своим преемникам следующее: если когда-нибудь хан или его преемники будут спорить о деревне Кюлтапа, то «скажите им: верните нашу деревню Франканоц, а ваша деревня Кюлтапа пусть будет нашей» ².

На основании приведенных примеров с деревнями Ошакан, Франканоц, Кюлтапа и другими можно представить себе, до какой степени доходила власть феодалов, их произвол над крестьянами и до какой степени крестьяне были зависимы от своих господ, которые могли продавать и покупать целые деревни вместе с крестьянами, а также обменивать их и делать с ними все, что только было им угодно.

Некоторые историки полагают, что в XVII—XVIII вв. крестьяне добровольно вносили мулык (ренту) феодалам.

¹ Симеон Ереванци. Джембр, стр. 112.

² Там же, стр. 114.

Действительно, в источниках иногда говорится о «добровольной» отдаче крестьянами ренты монастырям. Б. Арутюнян и И. П. Петрушевский эти явления рассматривают как коммendaцию. Так, И. П. Петрушевский пишет: «... Содержание «вакфной грамоты» ... трудно объяснить иначе, как коммendaцию сельской общиной своих земель и ренты с них монастырю»¹. К этому мнению И. П. Петрушевский приходит на том основании, что в вакфной грамоте сказано: «... все обитатели упомянутого селения Уч-Килисий, округа (вахийя) Карпи ... , явившись в судилище благородного Шариата, добровольно и с полной охотой завещали в вечный вакф и постоянное имущество ... монастырю (ванк) Уч-Килисий. ... целиком и полностью шесть дангов селения Уч-Килисий. ... со всеми законно зависимыми местами и прилегающими угодьями, и все указанное селение отдали во владение (тасарруф) того места поклонения». Приводя этот акт, И. П. Петрушевский пишет, что «трудно было бы объяснить такой акт иначе, как коммendaцию крестьянами своей земли и свободы монастырю»². Между тем, данные источников показывают, что ничего добровольного или коммendaционного в этих актах не было.

Прежде всего следует сказать, что источники, которыми пользуются вышеуказанные авторы, не могут быть признаны достоверными, так как они написаны не самими крестьянами, а светскими феодалами и духовенством; последние могли придать любую форму документам, относившимся к крестьянам. Но даже и эти источники при тщательном рассмотрении дают материал, опровергающий точку зрения И. П. Петрушевского и некоторых других историков. Петрушевский пользовался персидскими документами, содержание которых передается на армянском языке в «Джамбре» Симеона Ереванци. На первый взгляд книга Симеона Ереванци, в частности его сообщение о деревне Бохенис, может служить основанием для утверждения, будто крестьяне «по доброй воле» сдавали монастырю свои земли в «вахм» («вакф»). Симеон Ереванци пишет: «Деревня эта (Бохенис) в отдаленные времена была сдана в вахм св. Престолу (т. е. Эчмиадзину) ее крестьянами по их доброй воле и желанию»³. Однако из дальнейших слов самого же Симеона Ереванци можно ясно видеть, что это произошло вовсе не «по их доброй воле и желанию», ибо он сообщает, что «... временами те же крестьяне по причине своей нужды отказывались давать [мульк Эчмиадзину], а потом во время патри-

¹ И. П. Петрушевский. Указ. соч., стр. 244—245.

² Там же.

³ Симеон Ереванци. Джамбр, стр. 126.

аршества Акопа Джугаеци, по его увещанию, эти крестьяне, собравшись вместе, вторично подтвердили обещание своих предков и снова вернули св. Престолу свою деревню — шесть данков мулька». Далее Симеон Ереванци сообщает, что крестьяне составили на персидском языке «вакфное письмо» («вахмнамай»), в котором они писали: «... мы слышали от наших предков и видели, что [наши предки] отдали нашу деревню в вахм св. Эчмиадзину: потому и мы отдали [ее]. Впредь, если среди нас или после нас кто-либо будет спорить и возражать, [тот] будет несправедлив и неправ»¹. Здесь наше внимание привлекают следующие моменты: 1) что крестьяне временами отказывались отдавать ренту мульк; 2) что патриарх Акоп уговаривал их, чтобы они не отказывались от этого в дальнейшем; 3) что в конце вакфного письма (договора) предупреждается возможность какого-либо сопротивления и возражений крестьян в будущем. Нам кажется, что эти моменты опровергают как утверждения о «добровольной отдаче» крестьянами ренты мульк, так и мнения Б. Арутюняна и И. П. Петрушевского о «коммемдации». Не только жители Бохениса, но и крестьяне других деревень при первой возможности отказывались отдавать ренту феодалам. На этой почве нередко происходили «беспорядки» и волнения крестьян².

Факты недовольства и отказа крестьян платить мульк опровергают утверждения о добровольности вахма. Не менее важный и, пожалуй, наиболее серьезный факт представляют собой «увещевания» и «уговоры» со стороны духовенства. В данном случае, в связи с примером деревни Бохенис, Симеон Ереванци, к сожалению, не сообщает, как увещевал, уговаривал крестьян патриарх, но на примере деревни Шамб мы можем представить себе содержание увещательных речей патриарха; тем более, что история деревни Бохенис весьма напоминает историю деревни Шамб. Из документов, изданных Матенадараном³, мы узнаем, что монастырь св. Нахавка имел на территории деревни Шамб мельницы, пахотные земли, сад и прочее. В 1614 г. сельская община Шамба решила с указанного имущества монастыря брать «малджахат» и «хардж»⁴. Через некоторое время в деревне распространилась эпидемия, 250 человек погибли. Растерявшиеся крестьяне деревни Шамб обратились, вероятно с целью получения помощи, к Эчмиадзину

¹ Симеон Ереванци. Джамбр, стр. 126—127.

² Там же, стр. 126, 277.

³ Купчие... стр. 157—158.

⁴ Хардж (от «харадж») — расход, трата, издержки. «Слово хардж во время персидского владычества употреблялось также в значении денежной подати, которая взималась с христиан» (С. Зелинский. Указ. соч., стр. 71).

и там они узнали, что эпидемия была божьим наказанием за то, что крестьяне осмелились взимать «малджахат» и «хардж» с собственности монастыря. Объятые ужасом крестьяне тут же дали письменное обязательство и клятву в том, что ни они, ни их потомки больше не будут брать «малджахат» и «хардж» имущества монастыря. Вот каково могло быть содержание увещаний, уговоров патриарха и «святых отцов». Ясно, что подобный способ тоже представляет собой принуждение, давление и ни в чем не уступает физическому или другому способу принуждения крестьян, «задавленных нуждой, приниженных личной зависимостью и умственной темнотой»¹.

Не только в документах, относящихся к вахму, но и в сделках о покупке и продаже, написанных или подписанных крестьянами, можно часто читать: «по нашей доброй воле и желанию [мы] продали наш мульк» (воду, земли и т. д.). Но тут же в этих документах выясняется истинная причина: «... продали [мульк — воду] — получили деньги [и] отдали за наш хардж», или «... продали — получили [деньги] и уплатили штраф. . .»². Наконец, ярким примером мнимых «доброй воле и желания» могут служить крестьянки Джаваир и Гаяне, которые, как было сказано выше, очутившись в долгу и будучи не в состоянии погасить его, за 6 туманов «по доброй воле и желанию. . .», как они пишут, отдали в вахм Эчмиадзину не только свои земли, сад, дом, имущество, но и сами по той же «доброй воле и желанию» «грешным телом и душою стали вахмом Эчмиадзина».

Следовательно, мы имеем дело не с «добровольной» отдачей крестьянами ренты «мульк» и не с коммендацией, а с настоящим принуждением, давлением феодала-землевладельца на феодально-зависимых крестьян.

Рост крупного землевладения и усиление феодальной эксплуатации крестьянских масс вызывали обострение классовой борьбы в армянской деревне.

Эту борьбу в Армении XVI—XVIII вв. можно проследить как в области земельных отношений, так и в области отношений, связанных с использованием воды.

Из-за пользования водой шла жестокая борьба между крестьянами и феодалами. На этой почве постоянно возникали крестьянские волнения, происходили непрерывные столкновения между феодалами и крестьянами. Так, по свидетельству Симеона Ереванци, крестьяне Кюлтапа и других деревень постоянно находились во вражде с Эчмиадзинским монастырем «из-за воды, из-за земель и из-за пастбищ для скота». Эчми-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 159.

² Кунчие. . . , док. № 86, 87, 88 и др.

адзин всячески препятствовал крестьянам деревни Кюлтапа пользоваться водой для полива их участков. Возмущенные крестьяне обратились к ереванскому хану; они заявили, что больше 80 лет живут в своей деревне и в течение всех этих лет постоянно обрабатывали те земельные участки, которые Эчмиадзин теперь не разрешает им обрабатывать. Хан вмешался в это дело, но решил вопрос, в основном, в пользу Эчмиадзина. Передко крестьяне прибегали к захвату вод Эчмиадзина; в таком случае патриархи спешили обратиться за помощью к шахам и ханам. Так, например, патриарх Пилипос (1633—1655) обратился за помощью к шаху Аббасу II, заявляя, что крестьяне, «захватив воду (реки Касах), провели ее в свои земли». Вскоре был получен «рагам» шаха, согласно которому вода реки Касах была разделена на две части: половина воды была отдана Эчмиадзину, половина — остальным деревням. Половина воды небольшой речки, конечно, не могла удовлетворить нужды крестьян «остальных деревень», в связи с чем разоренные и ущемленные в своих правах крестьяне «не переставали спорить и враждовать с Эчмиадзином». Но так как за спиной Эчмиадзина стояли персидские власти, то крестьяне «не осмелились открыто бороться» против Эчмиадзина. Когда при патриархе Аствацатуре крестьяне «остальных деревень» снова стали выступать против Эчмиадзина из-за воды, на помощь Эчмиадзину поспешил турецкий паша Раджаб, который приказал половину воды оставить Эчмиадзину, половину — крестьянам остальных 20 деревень ¹.

Присвоив воду реки Касах, Эчмиадзин тем самым лишил крестьян многих деревень возможности орошать свои земельные участки и удовлетворять свои насущные нужды. На этой почве в 1709, 1725, 1734 гг. происходили волнения и выступления крестьян против Эчмиадзина. Борьба между крестьянами и феодалами за воду продолжалась и в дальнейшем при Абрааме и других патриархах ².

Следует отметить, что вопрос о характере водовладения, о характере классовой борьбы на этой почве в Восточной Армении в исторической литературе подчас решается неправильно. Так, С. Егиазаров в своих «Исследованиях» заявляет, что ни одна община, ни один частный землевладелец были не вправе отказать в «пути» (*tschamrah*) или в «доступе» к воде: за пропуск воды через свою землю владелец не вправе требовать денежного вознаграждения ³. Таким образом нетрудно заметить, что у Егиазарова есть явная идеализация земельно-

¹ Симеон Ереванци. Джембр, стр. 163, 192, 194, 195.

² Там же, стр. 194, 195.

³ См. С. Егиазаров. Указ. соч., стр. 249.

водных отношений периода феодализма. Ни один землевладелец, ни одна община без соответствующего вознаграждения не разрешали проводить водные каналы через свои земли. На этой почве нередко происходили кровопролитные столкновения, о чем свидетельствуют как Симеон Ереванци и Закария Саркаваг, так и другие источники. Между тем, С. Егиазаров, в подтверждение своей точки зрения, приводит следующие «изречения»: 1. «Если проведение воды необходимо, то можно провести и через церковь». 2. «Когда на пути проведения канавы лежит беременная женщина, то можно рассечь ее чрево, если это необходимо для проведения воды»¹. Однако даже без специальных комментариев можно легко заметить, что указанные «изречения», приведенные С. Егиазаровым, выражают точку зрения феодалов, которые в целях обеспечения своих интересов были способны провести канаву «через церковь», а также «рассечь чрево» беременной женщины. Ошибка С. Егиазарова заключается в том, что он не видит классового феодального содержания этих «изречений» и принимает их за народные «изречения». Следует сказать, что С. Егиазаров не всегда дает удачное и удовлетворительное объяснение вопросов, связанных с проблемой воды, причем нередко он противоречит самому себе. Так, продолжая развивать свою мысль, он пишет: «Очередная вода, которую в маловодных общинах фигурально называют *м о р а р т а с у к* (материнская слеза), составляет частную собственность владельца: последний может продать свою воду или иным способом распоряжаться ею: даже сельский сход не может запрещать продажи очередной воды»². Как эта «очередная вода», так и «земельный участок», через который проводили воду, составляли чью-то частную собственность. Спрашивается, какой собственник, будь то мелкий крестьянин, крупный феодал или же община, согласился бы на то, чтобы через его земельный участок провели воду, не предоставляя ему части этой воды или какого-либо другого вознаграждения, тем более, что вода, как собственность, являлась таким же предметом купли-продажи, как и земля? Взгляды Егиазарова на вопросы, связанные с проблемой воды, полностью поддерживают Лео и некоторые другие буржуазные историки, замазывающие классовые противоречия, классовую борьбу в Армении в XVI—XVIII вв.³.

По отношению к «непокорным» крестьянам феодалы принимали самые жестокие меры, вплоть до разрушения деревень и изгнания крестьян с земель. Примером может служить

¹ С. Егиазаров. Указ. соч., стр. 249.

² Там же, стр. 254.

³ Лео. История Армении, т. III, стр. 85.

деревня Кюлтапа, откуда феодалы изгнали все население; деревня же была превращена в пустыню. Впоследствии, когда крестьяне снова попытались вернуться в эту деревню и построить себе дома, эчмиадзинский патриарх немедленно сообщил об этом ереванскому хану и вместе с ним снова разрушил только что построенные дома крестьян, а их самих разогнал. «Пошли мы к Хусейн-Али-хану, — пишет Симеон Ереванци, — и рассказали ему положение дел: [хан] немедленно приказал разрушить постройки крестьян и разогнать их»¹.

Недалеко от деревни Ошакан жили крестьяне из племени моголану. Эчмиадзин всячески старался выселить их оттуда и когда с этой целью был отправлен в Ошакан местоблюститель Акоп, крестьяне напали на него и нанесли ему тяжелые ранения, в результате чего Тер-Акоп умер. В деревне Карпи крестьяне, будучи недовольны поведением настоятеля монастыря, также напали на него и прогнали его из деревни (1680)². Волнения и выступления крестьян против светских феодалов и монастырей усилились в XVIII в. до такой степени, что в 60-х годах XVIII в. Симеон Ереванци, опасаясь нападения крестьян, разрушил ряд кварталов деревни Вагаршапат и приказал строить крестьянские дома в большой отдаленности от монастыря (не меньше, чем на расстоянии ружейного выстрела), так как «святому престолу угрожала опасность»³.

II

На базе мульковых земельных владений в Восточной Армении в XVI—XVIII вв. стал усиливаться класс армянских светских и церковных феодалов. Многие крупные церковные и светские феодалы этого периода происходили из старых армянских феодальных домов XII—XIII вв. Армянским феодалам был нанесен сильный удар сначала сельджуками, затем монголами, а в дальнейшем нашествиями Тимуридов и кочевых племен. Однако армянский феодальный класс не был целиком уничтожен: многие потомки старых феодальных домов, приняв духовный сан или же укрепившись в неприступных горных местах, в период господства Сефевидов стали приобретать земельные владения и усиливаться в хозяйственном и в политическом отношениях. Многие крупные феодалы, приобретая новые земли, округляя свои земельные владения, добивались прав на отправление административных функций, на власть в пределах своих территорий.

¹ Симеон Ереванци. Джембр, стр. 196.

² Закария Саркаваг. История, кн. III, стр. 37.

³ Симеон Ереванци. Джембр, стр. 203, 277.

Усиление армянских меликов, укрепление их меликств является важным моментом в истории Армении XVI—XVIII вв. Рассматривая этот процесс, нельзя обойтись без изучения социально-правовых отношений, существовавших между армянскими феодалами и крестьянством, с одной стороны, и между армянскими и персидскими феодалами — с другой.

В XVI—XVIII вв. армянские феодалы именовались титулами «мелик» и «бек», а их владения назывались «меликутюн» (меликство). Однако, по данным источников, в армянском феодальном быту в XVI—XVIII вв., наравне со словами «мелик» и «бек», стали вновь довольно широко употребляться социально-правовые термины, свойственные армянскому феодальному обществу XII—XIII вв.: «парон», «тер», «ишхан», «парон-тер» и другие.

Еще в 1909 г. И. А. Орбели, в работе «Хасан-Джалал, князь Хаченский», заметил, что в Хачене «уже с первой половины XVI в. и до последнего времени при именах всех армянских владетелей в этой местности имеются титулы, обратившиеся как бы в составную часть имени: *բէկ* — bek, *մէլիկ* — meliq и приблизительно равнозначащее с ними *պարոն* — paron; *բէկ* ставится обыкновенно после имени, *մէլիկ* — перед ним. Без этих титулов-приставок употребляются только имена духовных лиц. Между прочим, за этот период известны два-три Джалала, но все они Джалал-беки»¹.

Уже факты употребления терминов «парон», «тер», «ишхан», «парон-тер» наводят на мысль, что в XVI—XVIII вв. представители армянского феодального класса и феодальные институты, внешне прикрытые арабо-персидскими терминами «бек», «мелик», «меликство» и т. п., по существу сохраняли ряд особенностей и черт, свойственных феодальному строю в Армении предыдущего периода. Носителями указанных титулов являлись потомки Прошянов, Хасан-Джалалянов, Досянов и других феодальных домов, образовавшихся в XII—XIII вв. при Закаридах.

В XVI—XVIII вв. армянские меликства образовывались, в основном, потомками указанных княжеских домов. Вот почему потомственные армянские мелики и беки XVI—XVIII вв. почти все без исключения обозначались одновременно терминами «парон-мелик», «парон-бек», а иногда и «парон-ага».

Термин «парон» происходит от средневекового западноевропейского «барон» и был перенесен в Восточную Армению

¹ И. А. Орбели. Хасан-Джалал, князь Хаченский. «Известия Академии Наук», СПб., 1909, стр. 434.

при Закаридах из Киликийской Армении¹. «Из подписей и исторических источников можно заключить, — пишет Х. Самвелян, — что термин *парон* является синонимом слова и *п х а н*, отсюда ряд производных слов: «*паронутюн*» в значении «*ишханутюн*» (княжество. — П. А.), «*п а р о н а — х о г*» — земля, принадлежащая князю, «*м е ц — п а р о н*» — великий князь»². Возможно, что при Закаридах слово «парон» действительно имело такое же значение, что и слово «ишхан» — князь. Но в период существования меликств, т. е. в XVI—XVIII вв., слово «парон» употреблялось в значении армянского термина «тер», который в это время, как правильно указывает Х. Самвелян, в социально-правовом смысле означал «владелец собственности, имущества»³.

Тот факт, что слово «парон», употреблявшееся при Закаридах в качестве синонима термина «ишхан» (князь), в период существования меликств обозначало владельца собственности, имущества, т. е. употреблялось в том же смысле, что и слово «тер», подтверждает и употребление терминов «мелик» и «бек», относящихся к этому периоду. В период Багратидов, а также Закаридов «ишханами» назывались феодалы, располагавшие властью над определенными территориями, а термином «тер» обозначались все без исключения феодалы — и крупные и мелкие, независимо от того, имели ли они власть, т. е. являлись ли они представителями (носителями) власти или нет⁴. Приблизительно такое же соотношение можно наблюдать между терминами «мелик», «бек», с одной стороны, и «парон» — с другой. Словами «мелик» и «бек» обозначались феодалы, происшедшие из рода меликов⁵, а также те феодалы, которые стояли у власти в пределах данной территории, были представителями власти. Поэтому иногда названием «мелик» именовались также деревенские старосты и окружные начальники⁶. Термином же «парон» обозначались, повидимому, все представители класса армянских феодалов как мужского, так и женского пола.

Однако следует заметить, что не всегда и не во всех источниках можно наблюдать именно такое и только такое употребление слова «парон». Этот термин употребляется также в одинаковом смысле со словом «ишхан», т. е. становится равным по своему значению термину «мелик» или «бек». Еще труднее

¹ Х. Самвелян. Указ. соч., т. I, стр. 243.

² Там же.

³ Там же, стр. 242.

⁴ Словом «тер» (*տէր*) обозначались также представители армянского духовенства.

⁵ Есаи Хасан-Джалалян. Краткая история страны агванов (на арм. яз.). Иерусалим, 1868, стр. 27: «...*բերդաւոր լիւր զմեզ*».

⁶ Закария Саркаваг. История, кн. I, стр. 47.

уловить значение каждого термина в отдельности, когда они, как это часто бывало, употреблялись вместе, в форме сочетания: «парон и мелик», «парон и бек» и т. д. Эта форма напоминает сочетания терминов более древнего периода — «тер и ишхан» или «ишхан и тер».

В надписи монастыря Дад (XV в.) упоминаются некий Сейтин («сын парон-Шанше, внук парон-Хасана», Григор, Хасан, Пеки и Алтун — «сыновья парон-Ваграма, внуки парон-Хасана», «Айтин, сын парон-Турсуна, внук парон-Агбуги», «Шаханше, сын Хасана, внук парон-Джанши» и т. д.¹ В надписи монастыря Норатус (1344) паронами называются «князь князей» Буртел и его сыновья — «князья» Бешкен, Иваник, Самег. Вблизи церкви деревни Мазра на крестном камне написано: «поставлен сей крестный камень великому ишхану Мелик-беку» (XVI в.). В надгробной надписи мелик-Шахназара говорится: «Здесь покоится парон-мелик-Шахназар, который был тером и ишханом страны Гегам: он был славным и боголюбивым ишханом. . . умер в 1057 (1608) году». Недалеко от этого надгробия, на другом камне написано: «Здесь покоится парон Яври-бек, сын парон-мелик-Шахназара». На стене монастыря Макенеац имеется такая надпись: «. . . Я Мелик-бек, сын великого парон-Абова, властитель страны Гегам, перестроил церковь. . .». В другой надписи упоминаются «сыновья парон-Мелик-бека» и т. д.²

В одной из надписей, приведенных М. Бархударяном, говорится: «. . . сия св. церковь построена в горькое и тяжелое время. . . в дни царствования шаха Сулеймана, паронства Мирзы-Кулибека и при власти (ишханутеан) в стране Варанда — мелик-Шахназара, сына мелик-Баги. . . в 1122 (1673) году»; следовательно, паронство находилось в руках Мирзы-Кулибека, а власть (ишханутюн) — в руках мелик-Шахназара. В надписи в деревне Карабулах (в Карабахе) говорится, что население деревни построило церковь «во время ханства в стране Угурлу-хана и паронства [в этой] деревне Фарзали-бека . . . в 1125 (—1676) году»³.

Приведенные данные показывают, что как в XIII в., так и в XVI—XVIII вв. в армянском феодальном быту, наравне с арабо-персидскими терминами «мелик» и «бек», употреблялись также армянские термины «парон», «паронство», «ишхан», «тер» и т. д., которыми обозначалось социально-правовое положение армянских феодалов. В надписях, наряду с вышеуказанными терминами, встречается также слово «ага» (в значе-

¹ М. Бархударян. Арцах, стр. 208—209.

² М. Смбастьянц. Гегаркуни, стр. 486, 571, 608, 610, 625.

³ М. Бархударян. Арцах, стр. 105, 253, 408.

нии «господин», «властитель» и т. д.). М. Смбатянц прочел в деревне Каракойн (Басаргечарский округ) следующие надписи: «... я, тер Мовсес, бек и ага этой деревни...»¹; «Сей св. крестный камень [поставлен] парону-Джахану-ага», «... парону-Кул-ага» (1571)². О том, что среди армян были люди, именовавшиеся «ага», свидетельствует патриарх Абраам Кретацци, который часто упоминает в 30-х годах XVIII в. «армянских и мусульманских ага»³. П. Дубровин, говоря об этих ага, замечает, что «лица, происшедшие от ханов и ханских поколений, носили иногда звание аги и ага-мари, в существе своем, ничем не отличались от беков, пользуясь одинаковыми с ними правами и преимуществами»⁴. В такой же мере употреблялось сочетание «парон и бек»: «... Я, Закарий, внук Гамрикели и сын парон-Азиз-бека, купил деревню Могни...» (1425)⁵; «... Сие написано... в дни шах-Исмаила... и нашего парона Давуд-бека» (1509)⁶.

Характерно также то, что в XVI—XVIII вв. титул «парон», а иногда «мелик» и «бек», носили и представители армянского духовенства; но, как видно из источников, термином «парон» обозначались главным образом те духовные лица, которые имели светское феодальное происхождение. Представители этой части армянского духовенства назывались, повидимому, «парон-терами»: первая часть этого сочетания показывает светское феодальное происхождение, а вторая часть (тер) — духовный сан носителя. Так, в 1182 г. Хасан, сын Вахтанга, владетель Хатерка, Хандаберда, Хаченаберда и Хавкахагаца, после сорокалетнего управления страной отдал свои крепости и области своим 6 сыновьям, а сам ушел в монастырь к своему брату «п а р о н - т е р-Григорису и постригся в монахи...»⁷. Разумеется, этот крупный феодал после 1182 г. стал таким же «парон-тером», каким был его брат Григорис. Потомки князей Прошянов и Орбелянов, которые в XIV—XV вв. назывались «паронами» и «беками», в XVI—XVII вв., принимая духовный сан (вардапет, епископа и т. д.), именовались «парон-терами»⁸. Потомки Закаридов и других феодалов, принявшие

¹ М. Смбатянц. Гегаркуни, стр. 630: «... ես ահր Մովսէս, բէկ եւ ագա գրեզի...».

² Там же, стр. 58.

³ Абраам Кретацци. История Абраама Кретацци о современных ему событиях и о Надир-шахе персидском (на армянском языке), Вагаршапат, 1870, стр. 93.

⁴ Н. Дубровин. История войн и владычества русских на Кавказе. т. I, кн. II. СПб., 1871, стр. 391.

⁵ Закария Саркаваг. История, кн. III, стр. 21.

⁶ Е. Лалаян. Список... стр. 640 (памятная запись).

⁷ М. Бархударян. Арцах, стр. 203—204.

⁸ Г. Овсисян. Хахбакяны или Прошяны в истории Армении (на арм. яз.). Ереван, 1928, стр. 230, 232, 234, 236.

духовный сан, в источниках называются «парон-терами»; епископы Санаина назывались: «парон-тер Саргис», «парон-тер-Барсех» и т. д.¹. Под 1664 г. в Варанде (Карабах) упоминаются «парон-тер Барсех, парон-тер Мартирос, парон-тер-Алексан» и другие². В качестве епископа монастыря Шогагу в 1670 г. значился «парон-тер» Мкртич³. В 1701 г. в монастыре св. Нахавка был «парон-тер» Пилипос; в Эчмиадзине упоминается некий «парон-тер Давид»⁴. В одной памятной записи под 1607 г. указано, что, когда шах Аббас I завоевал Карабах, то «парон-тер Ованес (из города Гянджи) спас многих пленных и многие книги. . .»⁵. Парон-тер-Саргис в начале XVII в. был одним из организаторов движения Сюнийской пустыни⁶.

Данные источников наводят на мысль о том, что духовные феодалы, наряду с названием «парон», иногда носили также титулы «мелик», «бек», «ага», что объясняется или их происхождением или участием в управлении округами, деревнями и т. д. Так, о Тер-Мовсесе в надписи на крестном камне в деревне Каракойн говорится, что он «бек и ага» этой деревни⁷. При Амиргуне-хане в Апаранском округе (Ниг) был назначен «гаварапетом» (т. е. начальником округа) священник, который назывался «мелик-тер Овасап». В монастыре Сагмосаванк епископом был парон-тер Ованес из Карпи. Упомянутый «мелик-тер-Овасап» настроил хана против парон-тер-Ованеса, который был подвергнут пыткам⁸.

Чтобы более ясно представить себе социально-правовую терминологию, характерную для армянского феодального класса в XIII—XVIII вв., целесообразно ознакомиться с приведенным ниже списком, составленным на основании надписей, памятных записей, рукописей и других исторических источников.

Этот список (табл. 4) является свидетельством того, что хотя армянскому феодальному классу при монголах и последующих завоевателях был нанесен сильный удар, все же этот класс не был полностью уничтожен.

¹ Ереванский Матенадаран, рукопись № 3031, стр. 198, 200, 258 и др. Упомянутый парон-тер-Саргис-епископ в 1667 г. в кондаке патриарха Акона Джугаеги назван «сыном знатного». См. также: «Купчие. . .», стр. 160.

² А. Т о п ч я н. Список рукописей, собранных Дадян-Хачик-вардапетом, ч. I, Вагаршапат, 1898, стр. 100—101.

³ Материалы по истории армянских меликств, ч. II, стр. 161.

⁴ Купчие. . ., стр. 43, 83.

⁵ М. Бархударян. Арцах, стр. 268.

⁶ Аракел Даврижепи. История, стр. 264, 285, 291, 315.

⁷ М. С м б а т я н ц. Гегаркуни, стр. 630.

⁸ Закария Саркаваг. История, кн. I, стр. 49, 50.

Титул и имя феодала	Год упоминания	Источник
Ишхан Курд	1176	Надпись монастыря Севан (М. Смбалянц, «Гегаркуни», стр. 120)
Ишхан Вахташ	1191	Надпись монастыря Гетик («Гегаркуни», стр. 173)
Парон Умек	1283	Надпись монастыря Гетик («Гегаркуни», стр. 174)
Патрон ¹ Ваче	1223	Надпись монастыря Кечарис («Гегаркуни», стр. 352)
Патроны Иванэ Атабек, Шаханшах, Авак и их мать — патрон-Хошак	1271	Надпись монастыря Кечарис («Гегаркуни», стр. 353)
Тер (владелец) Атабек	1271	В надписи монастыря Гандзасар (М. Бархударян, «Арцах», стр. 177)
Ишхан Хасан-Джалал-дола	1240	В надписях монастыря Гандзасар («Арцах», стр. 173—176).
Хутлу-бек, сын Хойдана	1293	В надписи монастыря св. Акопа («Арцах», стр. 170)
Парон Закарья, внук Авака	1325	В надписи монастыря Дзаг («Гегаркуни», стр. 241)
Пароны Хайтина и Тайника	1281	В надписи монастыря Аринч («Гегаркуни», стр. 246)
Парон Болатхан, парон Атабек Саргис	1322	В надписи монастыря Аван («Гегаркуни», стр. 254)
Атабек Шаханшах	1358	В надписи монастыря Бжни («Гегаркуни», стр. 320—321)
Парон Закаре, парон Хошак	1300	В надписи монастыря Бжни («Гегаркуни», стр. 320)
Ишхан Григор, внук Допы	1303	В надписи монастыря Бжни («Гегаркуни», стр. 321)
Парон Шаханшах	1350	В надписи монастыря Бжни («Гегаркуни», стр. 322)
Пароны Ваграм, Турсун, Ширван, Григор, Сайтун, Прош, Григор, Саргис, Шанше, Джханше, Агбуга, Шрван, ишхан Садун—сыновья «...ишхана Хасана, сына Допы»	1411	Памятная запись (Материалы по истории армянских меликств, 1914, ч. II, стр 185)

¹ Патрон — покровитель. В XII—XIII вв. в Армении патронами назывались крупные феодалы-сеньеры.

Титул и имя феодала	Год упо- минания	Источник
Парон Атабек	1411	Памятная запись («Материалы . . .», ч. II, стр. 185)
Парон Шанше	1430	Надпись на крестном камне («Арцах», стр. 408)
«Тер и парон» Сайти («из рода великих князей»)	1430	Надпись на крестном камне («Арцах», стр. 408)
Турсун, «внук великого Джалала»	1493	В надписи монастыря Гандзасар («Арцах», стр. 178)
Велиджан и его братья: сыновья Сайтуна — «внуки великого Агбаста, владельцы Хачена»	1480	В надписи монастыря Гандзасар («Арцах», стр. 178)
Парон Агбаст	1507	В надписи монастыря Гандзасар («Арцах», стр. 177)
«Патриарх Саргис, сын Хатыр-мелика, внук великого Сайтуна»	1546	В надписи монастыря Гандзасар («Арцах», стр. 177)
Парон Улубек, «Патриарх Ованес — сын Джалала, внук великого Атабека»	1456	Памятная запись из рукописи монастыря Гандзасар («Арцах», стр. 187)
«Асатур-ага, его сын Туман-ага»	—	Надпись на крестном камне в Н. Баязете («Гегаркуни», стр. 57)
Парон Хикии, парон Тулага	1548	Надпись на крестном камне в Н. Баязете («Гегаркуни», стр. 57)
Пароны Таджум, Джахан-ага, Аствадатур, Кул-ага	1577	Надпись на крестном камне в Н. Баязете («Гегаркуни», стр. 57—58)
Шагубат-ага (танутер Гавара)	1504	Надпись на крестном камне в Н. Баязете («Гегаркуни», стр. 58—59)
Туман-ага, его сын Пири-бек	1541	Надпись на крестном камне в Н. Баязете («Гегаркуни», стр. 59)
Кунтуз-ага	1513	Надпись-эпитафия в Н. Баязете («Гегаркуни», стр. 501)
Мелик-Барек, его сын Гункчабек	XVI в.	Надпись на крестном камне в Н. Баязете («Гегаркуни», стр. 484)

Т а б л и ц а 4 (продолжение)

Титул и имя феодала	Год упо- минания	Источник
Мелик-Хатун, Араб-шах-ага, Мелик-ага	1549	Надпись на крестном камне в деревне Гулалы («Гегар- куни», стр. 494)
Парон Давид, Пирамзе-ага	1549	Надпись в деревне Пашакинд («Гегаркуни», стр. 499)
Амир-ага	1536	Надпись на крестном камне в деревне Еранос («Гегар- куни», стр. 507)
Саркис-ага	1551	Надпись на крестном камне в деревне Еранос («Гегар- куни», стр. 505—506)
Хамаз-ага	1595	Надпись на крестном камне в деревне Еранос («Гегар- куни», стр. 506)
Григор-ага	1575	Надпись на крестном камне в деревне Н. Адияман («Ге- гаркуни», стр. 532)
Сукиас-ага	1519	Надпись в церкви деревни В. Каранлыг («Гегаркуни», стр. 539)
«Ишхан (страны) Гегаркуни» Мирза, его сын Меликсет, епископ	1502	Надпись на крестном камне в деревне Аличалу («Гегар- куни», стр. 567)
Хуанд-ага (дочь Шагусата)	1528	Надпись на крестном камне в деревне Н. Адияман («Ге- гаркуни», стр. 532)
Парон Давид-бек	1509	Памятная запись из рукописи (Е. Лалаян. Список..., стр. 640)
«Мец ишхан» Мирзахан, его сыновья: Давид-бек, Мелик- бек	1549	В надписи монастыря св. Сар- гиса («Арцах», стр. 406)
Мелик-Пап. Мелик-Аван	1566	Надпись на крестном камне в Варанде («Арцах», стр. 107)
Мелик-Адам, «мец ишхан» Аван	XVI в.	Надпись на крестном камне в Варанде («Арцах», стр. 107)
Мелик-бек, «сын великого па- рон-Апова»	XVI в.	В надписи монастыря Маке- неад («Гегаркуни», стр. 571)
«Мец ишхан Мелик-бек»	XVI в.	Надпись на крестном камне в деревне Мазра («Гегарку- ни», стр. 608)

Таблица 4 (продолжение)

Титул и имя феодала	Год упоминания	Источник
«Парон мелик-Шахназар тер и ишхан страны Гегам»; его братья: Майил-бек, Татлу-бек, Мирза-бек, Мелкум-бек	1578—1608	Надпись на крестном камне в деревне Мазра («Гегаркуни», стр. 610)
Его жена парон-Фахриджан; его невестки: парон-Вахах, парон-Таджум-ага	XVII в.	Памятная запись («Материалы. . .», ч. II, стр. 195)
«Парон Нияз, сын Исабека, внук парон-мелик-Шахназара»	1693	Надпись на крестном камне в деревне Мазра («Гегаркуни», стр. 571)
Мелик-Карапет, сын Тиричаса	1654	Симеон Ереванци. Джембр, стр. 292
Саргис, сын Мелик-бека	1688	Деревня Бджни («Джембр», стр. 287)
Мелик-бек, Баласан-бек	1668	Надпись на крестном камне в деревне В. Каранлыг («Гегаркуни», стр. 538)
Парон Джханкир-бек	1676	Надпись на крестном камне (Цар; «Арцах», стр. 406)
Парон Кала-бек	1611	Надпись на крестном камне в Хатерке («Арцах», стр. 200)
«Мелик-Шахназар, сын Мелик-баги»	1673	Надпись в церкви св. Григориса («Арцах», стр. 105)
Парон Азис	1653	Надпись на крестном камне в деревне В. Каранлыг («Гегаркуни», стр. 541)
Мелик-хан	1651	Надпись на крестном камне в деревне Н. Адиаман («Гегаркуни», стр. 531)
Амир-Аслан, Давлат-бек	1653	Надпись на крестном камне в деревне Сот («Гегаркуни», стр. 620)
Сарухан-бек (из Восканапата), Оглан-Кешиш, Кала-бек (из Хатерка), Джалал-бек (из Хачена), Мелик-Суджум (из Дизака), Мелик-Пашик (из Кочиза), Мелик-Баре[к] (из Бритиса), Мелик-Айказ (из Кштага)	1600	Аракел Даврижеци. История, стр. 16

Таблица 4 (продолжение)

Титул и имя феодала	Год упоминания	Источник
«Парон мелик-Горхмаз-бек, сын парон Атабека»	XVII в.	Ереванский Матенадаран, рукопись № 3031, стр. 360
«Парон Ати-бек, парон Каракан, сын Аслам-бека, парон Сарухан, парон Усуб, парон Элизбар, парон Долик, парон Ахназар — из рода Аргута»	XVII в.	Ереванский Матенадаран, рукопись № 3031, стр. 414—416
Парон Шахназар	1650(?)	В надписи монастыря св. Степаноса («Арцах», стр. 368)
«Парон Яври-бек, сын парон мелик-Шахназара»	XVII в.	Надпись-эпитафия в деревне Мазра («Гегаркуни», стр. 610)
«Мелик-Мирзахан, сын парон Мелик-бека — внук мелик-Паласана»	1701	Надпись на крестном камне в Сот («Гегаркуни», стр. 625)
Мелик-Малхас	1709	Надпись на крестном камне в деревне Даликарташ («Гегаркуни», стр. 503)
Мелик-Манучар	1734	Памятная запись из рукописи евангелия в деревне Гулалли («Гегаркуни», стр. 495)
Мелик-бек	1717	Надпись-эпитафия («Арцах», стр. 406)
«Парон Шахкули, сын парон Сагатела», «парон-Гама Султан, дочь парон Папа»	XVI в. (?)	Надпись на крестном камне в Н. Баязете («Гегаркуни», стр. 492)
«Мелик-Ми[r]захан, его жена парон-Пана»	1754	В надписи церкви в деревне Хндзирстан («Арцах», стр. 160)
Парон мелик-Екан, его сыновья: парон мелик-Арам, парон мелик-Есаи	1738—1740	Надписи в деревне Тух (округ Дизак; «Арцах», стр. 74—76)
«Мелик-Хусейн, его сын мелик-Шахназар»	1730—1740	В надписи усыпальницы Мелик-Шахназарянов («Арцах», стр. 97)
Мелик-Мирзахан, мелик-Аллаверди	1760—1770	В надписи церкви в деревне Хндзирстан («Арцах», стр. 160)

Т а б л и ц а 4 (продолжение)

Титул и имя феодала	Год упоминания	Источник
Мелик-Есаи, его сын мелик-Исраел и внук мелик-Адам	1753	Памятная запись евангелия из округа Джраберд («Арцах», стр. 218—261)
Парон-тер-Григор	1182	В надписи монастыря Дад («Арцах», стр. 204)
Парон-тер-Григор	1568	Надпись на крестном камне в Сот («Гегаркуни», стр. 625)
Парон-тер-Ованес	Нач. XVII в.	Надпись на крестном камне («Арцах», стр. 204)
«Тер-Мовсес бек и ага деревни. . .»	1628	Надпись на крестном камне («Гегаркуни», стр. 630)
Парон-тер-Овасап, Парон-тер-Терун	1600	Памятная запись («Материалы. . .», ч. II, стр. 195)
Таутер тер-Симеон	1676	В надписи церкви св. Аствацацин («Арцах», стр. 253)
Мелик-тер-Овасап	1620	Закария Саркаваг (История, кн. II, стр. 49)
«Тер-мелик-Овасап, сын мелик-Яври»	XVII в.	Памятная запись («Арцах», стр. 280)
Парон-тер-Гукас	XVII в.	Ереванский Матенадаран, рукопись № 3031, стр. 338
Парон-тер-Саргис, епископ Санаина	1667	Ереванский Матенадаран, рукопись № 3031, стр. 258—259
Парон-тер-Мкртич	1670	«Материалы. . .», ч. II, стр. 161
Парон-тер-Ованес	1620	Закария Саркаваг (История, кн. II, стр. 49)
Парон-тер-Пилипос	1701	«Купчие. . .», стр. 43
Парон-тер-Давид (Эчмиадзин)	1741	«Купчие. . .», стр. 83
«Парон-тер-Барсех, сын парон Аргута, внук парон Васака»	XVII—XVIII вв.	Ереванский Матенадаран, рукопись № 3031, стр. 198—200
Парон-тер-Барсех, архиепископ; парон-тер-Мартирос, вардапет; парон-тер-Егия, парон-тер-Ованес	XVII—XVIII вв.	Топчян. Список. . ., стр. 101
Симеон-бек, епископ; Нерсес-парон, епископ	1330-е годы	Чамчян (История Армении, кн. III, стр. 330)
Парон-тер-Саргис (из Карли)	1620-е годы	Аракел Даврижеци (История, стр. 315)

В этот список, разумеется, включены далеко не все феодалы XIII—XVIII вв., имена которых можно найти в источниках. Но и из него видно, что названия «тер», «ишхан», «парон», которые являлись характерными социально-правовыми терминами армянского феодального строя до XIII в., сохранились и применялись после XIII в. Они употреблялись вплоть до XVIII в. в армянском феодальном быту наравне с терминами «мелик» и «бек». Список показывает также, что армянские феодалы, принимая духовный сан, не переставали называться «паронами». Упомянутые в списке «парон-теры», несомненно, являются потомками армянских феодалов (Хасан-Джалалыны в Карабахе, потомки Закаридов и Орбелианов в Лори, потомки Дошы в Гегаркуни и пр.).

На основании данных приведенного списка, можно также заключить, что ряды армянского феодального класса в XVI—XVIII вв. пополнялись представителями деревенской зажиточной прослойки. Примером является мелик-Еган, который в 20—30-х годах XVIII в. основал в Дизаке сильное меликство. Не только мелик-Еган, но и некоторые другие феодалы были выходцами из зажиточной прослойки деревни.

Потомки этих феодалов, усилившись в XVII—XVIII вв., образовали армянские меликства и взяли в свои руки как светскую, так и церковную власть в пределах той или другой территории: если одни братья или сыновья данного феодала-мелика назывались «бек», «парон», то другие, приняв духовный сан (вардапет, епископ и т. д.) и церковную власть, назывались «парон-терами». Как сообщает Симеон Ереванци, в Гарнийском округе во главе монастыря Аменапркич (Кармирванк) стоял Закария-вардапет. Монастырь этот владел мульковыми деревнями, и в епархии его находились г. Ереван и расположенные близ Еревана деревни. В 1445 г. Закария купил у Амир Кямал Абдинбека деревни Манкус, Аваник, Кутис, Хайоцтар, Кутун-ванк, Аванасар, Тарнис и другие. Закария-вардапет и его родные были из рода «испокон веков свободных и знатных, многочисленных и богатых, хотя некоторые из них были церковными, а некоторые — светскими [владельцами], но их владения и имущество были общими; и деревня и монастырь в равной мере считались их общей собственностью»¹. Симеон Ереванци пишет, что они были потомками Григора Магистра Пахлавуни², но можно полагать, что они скорее были из рода Прошянов, так как с XIII в. в руках Прошянов находились все эти местности, а также монастыри Аменапркич, Гегарт и другие. Во всяком случае, в приведенном сообщении

¹ Симеон Ереванци. Джембр, стр. 276—277.

² Там же.

С. Ереванци мы имеем бесспорное свидетельство того, что в XV—XVI вв. в Гарнийском округе существовали представители армянских феодальных домов, в руках которых находились одновременно и церковные и светские владения на данной территории.

В XVII—XVIII вв. меликства образовались в Карабахе, Сисиане, Капане, Лори, Ереванском ханстве и других областях.

В XVII и в начале XVIII в. в Карабахе образовались Хаченское, Варандское, Чарабердское, Гюлистанское и Дизакское меликства.

Владельцами Хаченского округа являлись крупные феодалы Хасан-Джалаляны. Построив в 1240 г. монастырь Гандзасар, они взяли в свои руки светскую и церковную власть над этим округом, удерживая как ту, так и другую вплоть до XIX в. В XVII—XVIII вв. монастырь Гандзасар, в результате деятельности Хасан-Джалалянов, стал крупным хозяйственным и церковно-политическим центром. В конце XVII в. деятели армянского освободительного движения (Исраел Ори и армянские мелики) созывали в Гандзасаре собрания, а в 20-х годах XVIII в. глава этого монастыря патриарх Есаи Хасан-Джалалян и феодалы мелик-Григор, Аллаверди и другие принимали деятельное участие в освободительном движении.

Мелики Варандского округа происходили из дома Мелик-Шахназарянов. Карапет Тер-Мкртчян предполагает, что один из братьев мелик-Шахназара — Мирза-бек — в 1603 г. переехал из Гегаркуни в Варанду (Карабах) и там положил начало Варандскому меликству Мелик-Шахназарянов¹.

Мелик-Багыр и мелик-Хусейн Шахназаряны приняли активное участие в освободительном движении. Мелик-Хусейн (ум. в 1736 г.) отважно сражался против турецких войск².

Остальные меликства Карабаха образовались позднее. По данным народных преданий, родоначальником Гюлистанского меликства — Мелик-Бекларянов — был некий «Кара-юзбаши» Абов, который в начале XVII в. вместе с подвластными ему людьми переселился из удинской деревни Ниж в деревню Талыш. О Гюлистанском меликстве в рукописи Ереванского Матенадарана (№ 4463) говорится, что основатели этого меликства переселились из Ширвана и, утвердившись в деревне Талыш, взяли в свои руки управление округом³. Кара-Юзбаши

¹ Материалы по истории армянских меликств, ч. II, стр. 134—136.

² Лео. История Армении, т. III, стр. 751. О мелик-Хусейне и других Мелик-Шахназарянах имеются народные предания в рукописи № 7429 Ереванского Матенадарана.

³ Ереванский Матенадаран, рукопись № 4463, л. 7.

Абов умер в 1632 г. Его старший сын мелик-Беклар, именем которого в дальнейшем стало называться Гюлистанское меликство, вел борьбу против Абраама-Юзбаши и отнял у него ряд деревень. В народном предании говорится, что его сын «хромой» мелик-Абов похитил дочь Гянджинского хана Мамада. Мамад, после ряда столкновений с «хромым» Абовом, примирился с ним и, признав свою дочь — Камар-Салтану — его законной женой, все свое богатство перед смертью отдал ей, так как она была единственной наследницей этого хана. После смерти «хромого» Абова меликство захватил в свои руки его брат мелик-Тамраз, лишив наследственных прав малолетнего Юсуфа — сына «хромого» Абова ¹.

Родоначальником владетелей Чарабердского меликства был сын мелик-Исраела мелик-Есаи, который, убив сюнийского хана, в 1687 г. вместе со своими подданными переселился в Карабах ². После смерти Есаи меликство перешло в руки мелик-Аллакули-Султана и его брата ³. В течение некоторого времени они владели также Хаченом, Хавкахагацом, Хандабердом и другими местностями.

Повидимому, именно с образованием и усилением Чарабердского меликства связано появление там новых патриархов, которые, построив в конце XVII в. монастырь «Трех младенцев», почти до конца XVIII в. считали себя независимыми от Гандзасара. Патриархи монастыря «Трех младенцев» часто не подчинялись даже Эчмиадзину и вели острую борьбу против гандзасарских патриархов. Но в период освободительного движения они примирились с Гандзасаром и совместно с ним участвовали в борьбе против чужеземных завоевателей.

Среди карабахских меликств позднее всех образовалось Дизакское меликство, родоначальником которого был мелик-Еган, сын Гукаса (Мовсеса)-вардапета. По данным ряда источников, семья мелик-Егана переселилась в Карабах в начале XVIII в.: по одним данным, она переехала в Дизак из Персии ⁴, по другим — из Лори (Грузия) ⁵. О том, каким путем мелик-Еган достиг положения мелика и образовал меликство, рассказывает оставленная им надпись, относящаяся

¹ Эти данные, которые передает Лео, в основном представляют собой народные предания; их нельзя, конечно, принимать на веру. Наиболее точные и достоверные сведения о Мелик-Бегларянах имеются в надписях и памятных записях, начиная со второй половины XVIII в. (см. М. Б а р х у д а р я н. Арпах).

² В рукописи Матенадарана № 4463 говорится, что они переехали из Магавуза в округ Чараберд, в крепость Джермук (см. л. 7)

³ А. Т о п ч я н. Список, т. II, стр. 26—27.

⁴ Ереванский Матенадаран, рукопись № 4463, л. 6.

⁵ Материалы по истории армянских меликств, ч. 1, стр. 12—13.

к 1737 г.¹ Мелик-Еган в 20-х годах XVIII в. принял деятельное участие в освободительном движении.

Крупные мелики существовали и в Ереванском ханстве.

Еще в начале XVII в. в Ереванском ханстве из числа местных армянской знати были назначены управляющие округов, которые назывались меликами. Историк XVII в. Закария Саркаваг сообщает, что «некий Давид из деревни Канакер был назначен [Амиргуне-ханом] меликом окр. Котайка и Амберда и некий Гезалбек из [деревни] Карпи сделался помощником и советником мелик-Давида». В Гегаркуни меликом был назначен «мелик-Парсадан, человек чрезмерно жадный, разоряющий население и надменный». В Апаране (Ниг) меликом был назначен обладатель духовного сана, уже упоминавшийся нами в другой связи, — мелик-тер-Овасап².

В XVII—XVIII вв. ереванское ханство разделялось на 15 махалов (округов), и там имелось 9 армянских меликов. Многие из этих меликов приобрели себе крупные земельные владения, получили наследственные права и построили родовые усыпальницы. По данным Е. Шахазиза, в 1710 г. Мелик-Агамаянны перестроили церковь св. Ованеса в Конде, в одном

¹ В книге М. Бархударяна «Арпах», где напечатана надпись, в качестве даты указывается ԹՃԺԶ — т. е. по армянскому летосчислению 1116 г., что равняется 1667 г. (стр. 76). Это или ошибка автора «Арпах», который, вероятно, вместо Զ (80) прочитал Ժ (10), или ошибка в самой надписи. Такая же ошибка допущена в другой надписи, где мелик-Еган подробно пишет о своем отце, матери, своих сыновьях и т. д. В конце поставлена дата ԹԻԿԻ ԹՃԷ — 1107 г. (стр. 74), что равняется 1658 г. Мы полагаем, что и в этом случае в надписи пропущена армянская цифра Զ (80), при наличии которой мы могли бы соответственно иметь в указанных надписях 1737 и 1738 гг. Это будет исторически правильно, так как мелик-Еган мог составить надписи только после 30-х годов XVIII в., когда он сделался могущественным меликом и рядом с церковью св. Иоанна построил себе родовую усыпальницу, где были похоронены он сам — в 1744 г. и его сыновья: мелик-Арам — в 1745 г., мелик-Есаи — в 1781 г. (см. надгробные надписи в «Арпах», стр. 75—76).

Следует сказать, что до сих пор армянские надписи почти не подвергались анализу и изучению со стороны исследователей; они изданы отдельными путешественниками и авторами, которые печатали их без комментариев, без объяснений, из-за чего часто одна и та же надпись в разных изданиях читается по-разному. Этим изданиям нельзя доверять и при пользовании ими следует быть весьма осторожным; так, например, по С. Джалалянцу (указ. соч., т. I, стр. 192), надпись мелик-Беклара и мелик-Абова из Талыша имеет дату ԹՃԶ — (1106) 1657 г. а в «Арпах» (стр. 178) та же самая надпись имеет дату ԹՄԼԻԹ ԹԻԿԻ — (1239) 1790 г. Подобные ошибки можно встретить у К. Костянина, у М. Смбатянца («Гегаркуни»), у Шахатунянца, Алишана и др. При использовании опубликованных ими надписей необходимо соблюдать большую осторожность как в отношении хронологических данных, так и в отношении терминов.

² Закария Саркаваг. История, кн. I, стр. 47, 49, 82.

из кварталов Еревана, и сделали ее своей родовой усыпальницей¹.

При последних ханах в конце XVIII — начале XIX в. в Ереване были известны Мелик-Агамалыны и Мелик-Гегамяны. Они обладали крупными наследственными владениями и располагали немалой властью. О власти и влиянии Мелик-Агамалынов свидетельствует Хачатур Абовян². В XIX в. деревни Арзакан, Агверан и др. в районе Цахкадзор были владениями Мелик-Агамалынов. Деревня Бжни была владением Арсен-султан-Гегамяна. Он в 1876 г. продал ее Эчмиадзину за 75 тыс. руб.³

Приведенные данные говорят о том, что в XVII—XVIII вв. наследственные меликства образовались также и в Ереванском ханстве. Поэтому утверждение И. П. Петрушевского о том, что в окрестностях Еревана и Эчмиадзина якобы не было меликств, необосновательно.

Меликства существовали также в Сисиане и Капане. Е. Лалаян во время своих путешествий (в конце XIX в.) собрал различные материалы, в том числе народные предания, относящиеся к меликам тех мест. По данным Е. Лалаяна, в старом Горисе (Зангезур) жили Мелик-Хусейяны, а в с. Дыг — Мелик-Бархударяны. В Сисиане были известны Мелик-Сафразяны (деревня Ангегакот) и Мелик-Тангяны (деревня Брнакот). Об этих меликах исторически достоверных сведений не имеется, и они, повидимому, не играли особенно значительной роли как до XVII в., так и в последующий период.

Согласно народному преданию, в XVIII в. в Капане владельческими меликами были Мелик-Парсаданяны, род которых в дальнейшем разделился на две ветви: Мелик-Парсаданянов и Мелик-Степанянов⁴. Кроме них, в источниках упоминаются Мелик-Нубаряны (семья дочери мелик-Парсадана), мелик-Франгул (деревня Арцваник), мелик-Давид — в Татеве и другие.

В Лори утвердились крупные феодалы (выходцы из рода Закаридов и, возможно, также Орбелянов, переселившихся в Лори в XIV—XV вв.). В руках лорийских феодалов находились крупные наследственные владения и церковная власть, в связи с чем они часто назывались «парон-терами».

Мелики проживали также на территориях, расположенных юго-западнее оз. Севан, в так называемой местности Мазра (Сотк или «Сотиц гавар»), где находились родовые наследствен-

¹ Е. Шахазиз. Старый Ереван, стр. 205.

² См. Гакстгаузен. Закавказский край, СПб., ч. I, 1857, стр. 185—187.

³ М. Смбалянц. Гегаркуни, стр. 314, 316.

⁴ «Азгагракан Андэс», 1904, XII, стр. 177—178.

ные владения Мелик-Шахназарянов. В XVI—XVII вв. территориями Цар и Гегам, повидимому, владели два меликских дома: резиденцией одного из них (дома Мелик-Шахназарянов) была большая Мазра, а другого (дома Мелик-Улубеканов) — деревни Цар и Сот¹. М. Смбатянц во время своих путешествий в Сот прочел большое число надписей на крестных камнях, где говорится: «... в 1017 (1568) году, во время царствования шаха Тахмаспа, эти крестные камни были поставлены во имя спасения души Улубека и его благословенных усопших [родных] рукою мелик-Ага-бека, племянника епископа парон-гер-Григора». В другой надписи сообщается: «божьей милостью, я Петрос-вардапет, Григор-епископ, мелик-Мирзахан, мы, сыновья парон-Мелик-бека, внуки мелик-Паласана, поставили сей св. крест во спасение души архиепископа Степаноса... 1150 (1701) г.»².

Многие из перечисленных выше меликств, усилившись в XVII—XVIII вв., стремились к достижению политической самостоятельности. Крупные феодалы-мелики строили себе родовые усыпальницы, дворцы, крепости. Е. Лалаян, путешествуя в Карабахе и Капане, собирал различные сведения и составлял описания крепостей и укрепленных местностей, в которых в 20-х годах XVIII в. армянские мелики защищались от чужеземных завоевателей.

Капан, который в XVII—XVIII вв. являлся политическим центром Сюника, нередко называется в источниках «Страной семи крепостей». Здесь еще до XIII в. было построено много сильных укреплений³. В XVII—XVIII вв. важное значение приобрели капанские крепости Хндзореск, Шенухайр, Алидзор и другие.

В период усиления меликств многие феодалы-мелики старались приписать себе царское происхождение, связывая свою генеалогию то с Багратидами⁴, то с агванскими царями. В XVIII в. среди армянских феодалов усилилась тенденция к тому, чтобы выводить свое происхождение не только от Багратидов и Закаридов, но и от более древнего рода — Аршакидов и даже от мифического родоначальника армян — Гайка⁵. Несмотря на то, что эти генеалогические построения и предания не являются достоверными и не соответствуют историче-

¹ См. журнал «Банбер», 1921—1922, стр. 109, 112.

² М. С м б а т я н ц. Гегаркуни, стр. 625; см. также стр. 503, 620 и др.

³ Степанос О р б е л я н. Указ соч., стр. 13—14.

⁴ М. Б а р х у д а р я н. Арцах, стр. 320—321 (надгробная надпись мелик-Арстама); см. также стр. 337.

⁵ Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа, ч. I. М., 1833, стр. 222—226 (генеалогия и происхождение «рода князей Аргутинских-Долгоруковых»).

ской действительности, они все же отражают определенную тенденцию усилившихся армянских феодалов, которые старались исторически оправдать свои политические стремления.

* * *

Армянские церковные и светские феодалы в своих владениях чувствовали себя полновластными владыками над крестьянами и подвергали их жестокой эксплуатации. По данным Е. Лалаяна, крестьяне, помимо сдачи заранее определенной доли урожая, были обязаны отбывать много других феодальных повинностей, а именно:

1) платить с каждого дома одну золотую монету (около 3 рублей) для хана;

2) вносить десятину от урожая зерна и сена мелику;

3) выделять от каждого дома одного человека, чтобы тот работал на полях мелика и привозил для мелика дрова из лесу;

4) отправлять в определенные дни все плуги деревни для вспашки земель мелика;

5) деревня обязана была выделять одного человека, который должен был весь год работать (пахать) для мелика, одного человека в качестве сельского рассыльного для исполнения приказаний мелика, одного сторожа для меликских лошадей, одного сторожа и одного работника для ухода за ослами мелика, а также нескольких человек для работы в самом доме мелика; деревня обязана была содержать всех упомянутых работников за свой счет (за счет крестьян, общины);

6) женщины деревни должны были летом собирать разные травы для семьи мелика и чесать шерсть;

7) каждый дом, помимо сдачи определенной доли урожая, должен был выделять в личный фонд мелика по одному сомару пшеницы ¹.

Феодал-мелик назначал деревенского старшину или давал указания крестьянам, кого назначить на эту должность; распоряжался распределением земель в деревне, указывал, кому давать и кому не давать землю ². Крестьяне обязаны были по первому слову мелика выделять «военных людей», т. е. пополнять ряды войска мелика. По данным Е. Лалаяна, в мирных условиях мелик постоянно имел около 300 воинов, которых он сам содержал ³. У дизакского мелика Есаи, сына

¹ Е. Л а л а я н. Зангезури гавар (на армянском языке), кн. I, 1808, стр. 23; кн. II, 1899, стр. 15; «Азгагракан Андэс», 1898, № 1, стр. 123.

² А. Т о п ч я н. Указ. соч., т. II, стр. 26, 27.

³ «Азгагракан Андэс», 1898, № 1, стр. 252—253; См. также Л е о. История Армении, т. III, стр. 508.

мелик-Егана, во время военных действий было около 3 тыс. войск. Не только у этого мелика, но и у других крупных меликов были свои войска. Мелик-Манучару, сыну Мелик-джана (Ереванское ханство), Надир-шах разрешил иметь палача, тюрьму и постоянное войско.

По данным Е. Лалаяна, мелики подвергали своих подданных всякого рода телесным наказаниям и даже убивали их ¹.

Путем эксплуатации крестьянства феодалы-мелики как в Армении, так и в Азербайджане накапливали огромные богатства, все более укрепляя свое экономическое положение и свое влияние в стране.

Историк Есаи Хасан-Джалалян, говоря о Ширване, следующим образом описывает мелика этой провинции и богатства, которые он накопил, эксплуатируя армянских и азербайджанских крестьян: «Разными способами этот мелик собрал многие богатства, особенно золото и серебро, и стал применять насилие по отношению к населению». Далее историк сообщает, что у этого мелика «мульков и голов скота было несметное количество. . .» ².

Варандские владетели Мелик-Шахназаряны (мелик-Шахназар, его отец и дед) израсходовали на разные сооружения и на постройку оросительных каналов в своих владениях около 80 тыс. рублей. Мелик-Шахназар из суммы штрафов, уплачиваемых населением, получал ежегодно 20 тыс. руб. дохода. Сын мелик-Шахназара после смерти отца стал обладателем наследства в 4200 золотых и 3500 серебряных рублей деньгами; во время голода он продал зерна на сумму 360 тыс. рублей; он же собрал по векселям в округе Варанда 15 тыс. рублей. У Мелик-Шахназарянов было очень много драгоценной утвари, скота и т. д. ³

М. Бархударян и М. Смбалянц во время своих путешествий по Армении и Карабаху собрали большое количество преданий, в которых говорится о богатстве местных армянских феодалов. М. Бархударян в деревне Савар (на правом берегу реки Шамхор) прочитал надгробную надпись на крестном камне, поставленном в память некоего Гичи. Об этом Гичи местные крестьяне рассказали М. Бархударяну следующее: «Владелец деревни Савар князь (ишхан) Гичи был очень богат. Из его дома выходили семь плугов, каждый плуг был запряжен одноцветными волами. Волы первого плуга все были черные, второго плуга — белые, третьего плуга — красные, четвертого плуга — серые, пятого плуга — все темнокрасные и т. д. Гичи имел несметное

¹ «Азгагракан Андэс», 1898, № 2, стр. 14.

² Есаи Хасан-Джалалян. Указ. соч., стр. 26—28.

³ Лео. История Армении, т. III, стр. 506—507.

количество овец, буйволов, волов, коров и т. д. . .». От продажи овец, шерсти, буйволов, волов, лошадей и т. д. Гичи получал ежегодно огромные доходы. «Во время пребывания шаха-Аббаса (в Карабахе) Гичи ежедневно закалывал 100 овец, 25 коров. . .»¹.

Приблизительно в таком же духе рассказывается в народных преданиях о мелике Манучаре из Гегаркуни².

Свои богатства феодалы накапливали путем эксплуатации и разорения крестьянства, народных масс. Эксплуатировали и грабили крестьян не только крупные, но и окружные и деревенские мелики, которые не уступали крупным меликам в алчности³.

В ряде мест армянские крупные феодалы в XVII—XVIII вв. усилились до такой степени, что стали считать себя независимыми от ханов и персидских чиновников, а иногда даже вступали с ними в споры, особенно в земельных вопросах. Симеон Ереванци сообщает о конфликте между Эчмиадзином и ереванским ханом Хусейн-Али в 60-х годах XVIII в. Хусейн-Али-хан решил обрабатывать землю местности Илхиджи для себя и с этой целью он начал переселять туда крестьян из племени келани. Это предприятие хана могло принести ущерб земельным и водным владениям Эчмиадзина; поэтому «после многих споров и возражений, — говорит Симеон Ереванци, — мы приостановили осуществление злого намерения хана и не позволили хану переселить туда крестьян из племени келани, убедив [его], что эти земли [принадлежат] нашей деревне и орошаются нашей водой, и [только] мы можем их засеять и больше никто». Хан был вынужден письменно признать права Эчмиадзина: «в самом деле наше намерение было нечестным, — писал он, — а потому его осуществление и было остановлено». Указывая, где можно найти этот документ, Симеон Ереванци завещает своим преемникам «крепко беречь его для будущего»⁴.

* * *

Изложенное выше отнюдь не исключает того, что при сефевидском владычестве армянские феодалы были неполноправны в политическом отношении сравнительно с феодалами персидскими. Армянские феодалы находились на низшей ступени феодальной иерархической лестницы — ниже ханов, султанов,

¹ М. Бархударян. Арцах, стр. 300, 429.

² М. Смбастьянц. Гегаркуни, стр. 496—497.

³ Закария Саркаваг. История, кн. I, стр. 82—83.

⁴ Симеон Ереванци. Джембр, стр. 158.

мулл, муллабашиев и т. д. Это можно видеть, например, из сообщения армянского патриарха Абраама Кретацци. Говоря о феодалах, собравшихся в Мугане, он подробно описывает иерархическую лестницу своего времени: «ханы и султаны, мирза и мирсофия, муллабашия и мุลлы, калантары и мелики, начальники округов, знатные (а'йян) и кедхуда. . .» и пр.¹ Историческая действительность была такова, что армянские феодалы постоянно находились в зависимости от персидских ханов и шахов. Даже глава армянской церкви, патриарх, зависел от произвола персидских ханов и шейх-ал-исламов. Между армянскими и персидскими феодалами существовали острые противоречия, прежде всего в связи с земельными отношениями.

Было бы неверно полагать, что армянские феодалы приобретали и увеличивали свои земельные владения и богатства, не встречая никакого сопротивления со стороны персидских феодалов и не вступая в столкновения с ними. Персидские феодалы, пользуясь своим привилегированным положением, мешали армянским феодалам расширять их владения. Продавая земли армянам, персидские феодалы потом вступали с ними в спор и либо захватывали только что проданные участки и территории, либо требовали уплаты дополнительных сумм. О взаимоотношениях и борьбе между армянскими и персидскими феодалами можно судить по «Джамбру» Симеона Ереванци. Он сообщает, в частности, следующие подробности: в 1443 г. векил (доверенное лицо) малолетнего Сейид-бека, Сару-мелик продал деревню Вагаршапат армянскому патриарху Григору Маквечи, сыну парон-Джалал-бека. Но в том же году, после совершения сделки купли-продажи, родственница Сейид-бека, мелик-Хатун, дочь Пир-Хусейна, заявила, что деревня Вагаршапат является ее собственностью. Патриарх Григор, который уплатил Сейид-беку 8040 динаров, вынужден был уплатить еще 15 тыс. динаров упомянутой мелик-Хатун и вновь заключить акт купли-продажи. Но дело этим не кончилось, так как около 14 родственников Сейид-бека и мелик-Хатун «начали беспокоить патриарха Григора», которому пришлось уплатить им еще 15 тыс. динаров. Несколько позже деревню Вагаршапат, как и ряд других деревень, захватил крупный феодал Амир-Рустем, который вновь «продал» их патриарху Григору за 90 тыс. динаров².

В 1633 г. патриарх Пилипос за 5 туманов купил у Султан-бека Саутлинского мулык в размере $\frac{1}{2}$ данга в деревне Ошакан,

¹ Абраам К р е т а ц ц и. Указ. соч., стр. 40—41; см. также стр. 46.

² Симеон Е р е в а н ц и. Джамбр, стр. 100—102.

но вскоре патриарх вынужден был уплатить еще 5 туманов за тот же участок (т. е. данный участок земли он купил повторно у того же бека). В Ошакане много земельных участков скупил патриарх Акоп Джугаеци (1655—1680); после этого начали «беспокоить» патриарха дочь Бабур-ага Саутлинского и другие персидские феодалы, которым Эчмиадзин уплатил повторно в общей сложности 8 туманов 500 динаров¹.

Симеон Ереванци, говоря об актах купли-продажи земель при патриархах Пилипосе и Акопе Джугаеци, сообщает, что каждый раз после оформления актов купли-продажи земель судом и шариадом персидские владельцы и их родственники «начинали спорить и беспокоить упомянутых патриархов». В 1681 г. Аллахверди-бек, сын Хаджи-беклу-Хангялду, захватил деревни Кирашлу, Дипаклу и Кешишкенд. Эчмиадзину удалось вернуть себе эти деревни лишь «после многих споров и расходов». В 1701 г. некие Али-кули и Зейналапти вступили в спор с патриархом Нахапетом из-за деревни Кирашлу, и патриарх вынужден был дать им 2 тумана и 5000 динаров, чтобы они больше не беспокоили его.

Деревня Кешишкенд (в Крхбулагском махале) принадлежала Гул-Фахрат-ага, сыну Гул-Исмаил-ага. Патриарх Акоп Джугаеци купил эту деревню за 2 тумана. Спустя некоторое время Гул-Исмаил-ага обратился к ереванскому хану Сефи-Кули, заявляя, что Эчмиадзин присвоил его мульк (упомянутую деревню) незаконно. Он заставил местоблюстителя патриарха явиться в суд и заплатить ему определенную сумму².

Персидские мулькадары «иногда приходили к патриарху Акопу [Джугаеци] и начинали спорить [с ним]. . . Некоторые [мулькадары] сами, [а также] некоторые из их родственников не давали покоя [Эчмиадзину], некоторые спорили из-за одного данка, другие — из-за двух данков, третьи — из-за половины [мулька] и так далее»³.

Патриарх Александр (1705—1714) писал шаху-Хусейну, что «некоторые [мулькадары-персы] затрагивают [наши владения] и не дают нам покоя»⁴.

На земли армянских феодалов зачастую претендовали не только персидские землевладельцы, но также персидские ханы и шахские чиновники. Симеон Ереванци пишет, что еще в первой четверти XVII в. ереванский хан Амиргуне захватил деревню Вагаршапат. После многих споров и ценой больших расходов Эчмиадзину удалось вырвать Вагаршапат из рук

¹ Симеон Ереванци. Джембр, стр. 108, 110.

² Там же, стр. 120.

³ Там же, стр. 103—106.

⁴ Там же, стр. 106.

Амиргуне-хана, но сын Амиргуне-хана, Тахмасп-Кули-хан, опять захватил эту деревню. Персидские владетели, рассказывает Симеон Ереванци, «начали пожирать и передавать ее из поколения в поколение, и продавали и раздавали, кому хотели, так как [они] превратили ее в свое собственное владение». Патриарху Мовсесу не удалось вернуть деревню Вагаршапат. Это сумел сделать только патриарх Пилипос, который, истратив большие средства, получил от шаха Аббаса II рагам (грамоту) о Вагаршапате. Но некий Аббас-Кули, из потомков Амиргуне-хана, прибыв в Ереван при Акопе Джугаеци, вновь предъявил претензии на вагаршапатский мульк.

Нередко армянские землевладельцы были вынуждены из-за притеснений персидских феодалов обращаться к шахским властям, что требовало крупных расходов, так как каждый раз они должны были давать большие взятки и «пешкеши» шахам, ханам и крупным чиновникам.

Так, например, в деревне Егвард (Карпийский махал) армянин парон-Акопджан, сын парон-Сета, имел мульк в размере 4,5 данка, а некий Мурад-бек — мульк в размере 1,5 данка. «Этот Мурад-бек, — рассказывает С. Ереванци, — насильно захватил 4,5 данка мультка Акопджана». Чтобы защитить свои права, Акопджан обратился к шаху, но пока он получил соответствующее шахское распоряжение на имя ереванского хана, последний был отстранен от должности. Поэтому Акопджану пришлось вторично ехать в Исфаган. Однако, затратив большие средства для возвращения своего мультка, Акопджан, очевидно во избежание новых притеснений, поспешил сдать свой мульк в вахм Эчмиадзину. В дальнейшем, вплоть до 20-х годов XVIII в., ереванские ханы, отняв деревню Егвард у Эчмиадзина, держали ее в своих руках, «называя ее Халисе»¹.

В 30-х годах XVII в. из Исфагана прибыл в Ереван шахский чиновник Полат-бек, чтобы составить опись имущества Тахмасп-Кули-хана. Этот Полат-бек, поощряемый некоторыми персидскими мульткадарами, в качестве мультков Тахмасп-Кули-хана записал деревни Норагег, Ййчи и Гёлкенд, которые, как свидетельствует Симеон Ереванци, были мультками «парон-ходжа Сета из Еревана». В дальнейшем сыновьям упомянутого Сета, Акопджану и Калантар-Сааку, удалось восстановить свои мульткадарские права и вернуть эти деревни (разумеется,

¹ Симеон Ереванци. Джамбр, стр. 123. «Халисе — чистый; без примеси; превосходный. В Закавказье и Персии этим словом назывались имения, находившиеся в полной собственности владельца (С. Зелинский. Указ. соч., стр. 70; см. также С. Егизаров., стр. 16, прим. 3).

это удалось им после многих расходов и «нешкешей»), но они поспешили сдать деревню Норагег в вахм Эчмиадзину и ему же продали деревни Яйчи и Амиригег ¹. Возможно, что по той же причине мулькадар Саак, владелец деревни Карагоюялу (в Гарнийском махале), переселился в Шумахе и продал свою деревню Эчмиадзину ².

Обострились противоречия между Эчмиадином и Ереванским ханом из-за деревень Франканец, Культапа, Илхиячи и др. ³

Борьба за землю между армянскими и персидскими феодалами происходила не только в Ереванской области, где было образовано крупное феодальное хозяйство Эчмиадзина, но и в других областях Восточной Армении.

Важным объектом противоречий между армянскими и персидскими феодалами была оросительная вода. В борьбе за воду иногда принимали участие также армянские крестьяне, так как персидские феодалы непрерывно пытались захватить оросительные каналы и тем самым поставить под угрозу посевы армянских крестьян.

При патриархе Пилипосе Эчмиадзин соорудил канал и провел воду с горы Алагез, чтобы оросить свои земли. Но нередко персидские землевладельцы, рассказывает Симеон Ереванци, «шумели и возбуждали против нас (т. е. против Эчмиадзина. — П. А.) козни, стараясь повернуть воду в свою сторону» ⁴.

При патриархе Акопе Джугаеци было вырыто около Эчмиадзина искусственное озеро. Ереванский хан Сефи-Кули потребовал от патриарха, чтобы он ему отдал этот водоем. И когда патриарх отказал, хан «разгневался и много зла причинил патриарху. . .» ⁵.

Наследники Пурч-Али-бека из Еревана, Хтмат-Кули-бек, Махмад-Кули-бек и Гамур-Гая-бек за 50 туманов продали патриарху Нахапету канал, проведенный от реки Занги их отцом. Патриарх Нахапет (1691—1705), продолжив сооружение канала, довел его до Эчмиадзина. При патриархе Аствацатуре родственники упомянутых выше беков неоднократно захватывали воду из этого канала ⁶.

Таким образом, персидские феодалы открыто и грубо нарушали существовавшие обычаи и порядки. Отдельные рагамы персидских шахов в пользу армянских патриархов ни в коей

¹ Симеон Ереванци. Джембр, стр. 122, 124, 125.

² Там же, стр. 127.

³ Там же, стр. 113, 114, 158.

⁴ Там же, стр. 192.

⁵ Там же.

⁶ Там же, стр. 201.

мере не препятствовали захватническим действиям персидских феодалов, не затрагивали их привилегированного положения.

Противоречия между персидскими и армянскими феодалами особенно обострились в конце XVII—начале XVIII в. и во многом определили позицию части армянской феодальной верхушки по отношению к освободительному движению и движению за присоединение к России.

III

Как уже упоминалось выше, ряды армянских феодалов пополнялись за счет представителей крестьянской зажиточной верхушки. Эта деревенская верхушка, присвоив себе право распоряжаться общинной землей и водой, держала общину в зависимом от себя положении. В указанный период происходило усиление деревенской верхушки, с одной стороны, и разорение крестьян-общинников, — с другой.

Сельская община в Армении обозначалась словами «жого-вурд» (буквально — народ, население), «гегаканк» (буквально — деревенские жители) и арабским термином «джамаат» («джумиат») ¹. Она существовала в Армении с древних времен и сохранялась в XVI—XVIII вв. и позднее. Но нашествия завоевателей, внутренние раздоры и междоусобные войны феодалов в значительной мере влияли на ход развития армянской сельской общины.

Истребление населения и набеги завоевателей нередко заставляли армянских крестьян переселяться в деревни, сравнительно более безопасные. В таких случаях в одной и той же армянской деревне вместо прежней единой общины создавалась более крупная община, в состав которой входили крестьяне из разных деревень и областей, с разными обычаями и культурой, или же просто оформлялись две разные общины со своими танутерами (старшинами). Таким образом, за счет одной деревни, за счет одной области увеличивалось население других деревень и областей. В частности, армянское население западных областей Армении, где гнет и репрессии турецких и курдских феодалов носили особенно жестокий характер, вынуждено было постепенно переселяться в восточные области. Европейские путешественники-купцы XVII—XVIII вв. (Шарден и др.), говоря о Восточной Армении, подчеркивают густоту армянского населения ² в этой части страны, хотя, казалось бы, следовало ожидать уменьшения армянского населения в Во-

¹ Купчие. . . , стр. 11, 19, 75 и др.

² Шарден. Путешествие Шардена по Закавказью в 1671—1673 гг. Тифлис, 1902, стр. 237.

сточной Армении в связи с массовым выселением и истреблением армян шахом Аббасом I и его преемниками. О густоте населения в армянских деревнях Восточной Армении говорят и армянские источники; указываемое в них число жителей в ряде деревень и округов весьма велико, что для того времени нельзя считать результатом только лишь естественного роста населения. Так, в послании карабахских армян русскому правительству от 25 июля 1725 г. об округах Карабаха, а также об округах Гегаркуни, Колани, Капан, Сисиан и др. говорится, что каждый из этих округов состоит из 30, 40, 50 деревень, а каждая деревня имеет «600, 500, 400, 200, 100, 50 домов; небольшие [деревни]: 30, 40 домов»¹. Эти данные сообщают патриархи Есаи и Нерсес, которым точное количество населения каждой деревни было хорошо известно, так как они собирали там подушные и разные другие подати.

По свидетельству Закарии Саркавага, в 1679 г. во время землетрясения в деревне Канакер погибло 1228 человек². Если допустить, что от землетрясения в Канакере погибла половина или даже две трети всех жителей, то все равно получится очень большое для того времени количество населения.

В 30-х годах XVIII в. патриарх Абраам Кретапи, побывав в деревне Хндзорец, сообщал, что в этой деревне до нашествия турок (т. е. до 20-х годов XVIII в.) было 500 домов³. В деревне Карпи в 1724 г. насчитывалось около 6000 жителей. По свидетельству Артемия Арапатского, в деревне Вагаршапат во второй половине XVIII в. проживало около 700 семейств⁴.

¹ АВПР ф. «Сношения России с Арменией», 1725—1726, д. № 5, л. 8: «... որ են գանջայ, դարապահն, դ մնալ, այլ և զեղարբունի, քոշնի, դափն, սիսիան, և այլ երկրներ, այս ամեն մնալ լ, խ., ծ., փարէ գեղէ և ամեն քեղն գծ. տուն, գծ. քծ. մէկճ տուն, ծ. տուն, փոքր լ, խ., տուն են...».

² Закария Саркаваг. История, кн. II, стр. 105.

³ И. П. Петрушевский ошибочно принимает деревню Хндзорец (Хндорек — *հնձորեկ* у Абраама Кретапи) за татарскую Оба (см. его «Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI — начале XIX в.», стр. 303) и делает неправильные выводы из сообщения Абраама Кретапи. Борьбу азербайджанского народа против иноземных завоевателей и успешное отражение «нападения их карательных отрядов» Петрушевский видит только в деревне Хндзорец, где в то время (как и теперь) жили армяне. Абраам Кретапи, говоря о Хндзорецке, имеет в виду борьбу армянских крестьян под руководством Мхитар-бека (Мхитар-спарапета), который в 1727 г. укрепился в крепости Хндорек — Хндзорец. Говоря о своем обратном путешествии из Мугана в Эчмиадзин, Абраам Кретапи сообщает, что из деревни Тох (в Дизаке) он отправился в Хадрут, оттуда — в деревню Дзоргег, оттуда — в деревню Пнацор, оттуда — в Оба Корчибека Писянского, оттуда (!!) отправился в деревню Хндорек, оттуда — в Караундж и Татев (см. Абраам Кретапи. Указ. соч., стр. 74—75).

⁴ Жизнь Артемия Арапатского, стр. 2, 123.

Косвенным подтверждением этих данных может служить и один из изданных Ереванским Матенадараном документов (№ 127), под которым значатся подписи 84 человек из деревни Шамб (1614); в основном это были «довлатаворы»¹ и «знатные»².

В обычной, среднего размера деревне рассматриваемого периода насчитывалось от 30 до 50 домов, а деревня с числом домов 100—150 считалась очень большой. Но ряд армянских деревень, согласно приведенным примерам, имел от 200 до 700 домов. Подобная густота населения не могла не сказываться на жизни деревни. В крупных деревнях особенно четко проявлялось наличие внутренних противоречий. Резче проявлялось различие между основной массой крестьянства и деревенской верхушкой, игравшей решающую роль во всех общинных делах.

Правда, сельская община, общинное собрание все еще сохраняли в рассматриваемый период ряд прав: право разверстки земель, распределения податей и взимания их с членов общины³; назначения сельского старшины, называемого «танутер» или «рәс»; постройки деревенской церкви; распределения работы при строительстве каналов и других общественных сооружений и т. д. Но представители крестьянской зажиточной прослойки суживали права общины, все больше забирая их в свои руки.

Зажиточная прослойка в армянской деревне обозначалась армянским термином «мецамецк» («знать», знатные люди деревни) и равнозначным персидским термином «кедхуда». И. П. Петрушевский считает, что армянский термин «танутер» и термины «мелик» и «кедхуда» в сельском, деревенском быту имели одно и то же значение. Приведем его объяснение целиком: «При Сефевидах и в период полунезависимых ханств термин «мелик» чаще всего встречается в двояком значении: 1) мелкого владетельного феодала, потомка старинных местных владетелей, подчинившихся шахской власти. . . 2) в ряде случаев мелик — старшина селения или группы селений. Термин «мелик» в таком значении обычно упоминается рядом с термином «кедхуда» (перс. букв. «домовладыка», в одном из значений «сельский или квартальный староста», синоним армянского слова «танутер» с тем же буквальным и терминологическим значением). Не ясно, однако, означало ли слово «мелик» в этом последнем случае то же самое, что «кедхуда» (танутер) — «сельский староста» или мелик был старшиной

¹ «Довлатавор» (от слова «довлат-доулят» — богатство) — богатый.

² Купчие. . . , стр. 157—158.

³ Там же, док. № 126, 129, 132; Ереванский Матенадаран, папка 1, док. № 15, 16, 17.

целого объединения селений — волости»¹. И в другом месте: «...мелик» и «кедхуда» обозначают одно и то же»².

Однако источники показывают, что такое определение является неточным. Нельзя отождествлять разные термины, имевшие различное значение.

Слово «танутер» в рассматриваемый период действительно употреблялось в значении «домовладыка». Но в более ранний период истории Армении, когда слово «тун» употреблялось в более широком смысле, а именно и как «страна», «земля», «территория», «область», тогда и в слово «танутер» вкладывалось совершенно иное содержание, чем то, в каком оно применялось в XVI—XVIII вв.³

В XVI—XVIII вв. слово «танутер» значило: сельский староста, назначаемый собранием общины. Трудно сказать, имел ли термин «кедхуда» в более ранний период истории, подобно термину «танутер», другое значение или нет, но в XVI—XVIII вв. термин «кедхуда» применялся, повидимому, не только в буквальном смысле, т. е. как «домовладыка», но имел также и более широкое, сословное, значение. Словом «кедхуда» обозначалась принадлежность к деревенской верхушке; «кедхуда» скорее являлся термином, равнозначным армянскому «мецамецк», нежели слову «танутер».

Высказанное мнение подтверждают данные источников. Так, например, когда крестьяне деревни Алибеклу в 1713 г. заложили свои земли «Имарх» Эчмиадзину, то договор от их имени подписали «...мелик Тамурхан, священник Гугас и другие кедхуда — я Мойдага, я Рустам, я Мириджан, я Галуст, я танутер Егик, я Мкртич...» (и еще 6 человек)⁴. Как видно из этого списка, здесь кедхуда называются и деревенский мелик, и танутер, и священник, и еще 11 других лиц. В данном случае подчеркивается только их принадлежность к определенному слою населения — кедхуда, из среды которого выбирались, назначались и мелик, и танутер, и другие деревенские должностные лица. Если не признавать, что термины «кедхуда» или «мецамецк» обозначали деревенскую верхушку, то останется непонятным факт наличия в одной деревне

¹ И. П. Петрушевский. Указ. соч., стр. 112.

² Там же, стр. 245 (Выделено мной. — П. А.).

³ Н. Адонян. Армения в эпоху Юстиниана. СПб., 1908; Я. Мандян. Феодализм в древней Армении (на армянском языке). Ереван, 1934; Х. Самвелян. Указ. соч., т. I.

⁴ Купчие... стр. 45—46: «մենք Ալիբեկլուի գեղի մեծ և փոքր մէլիքս, բահանայք և այլ բեախուտայքս, այսինքն մէլիք Քամուրխանս, տէր Դուկասս, Մոլղաղէս, Ուստուսմս, Միրիջանս, Գալուստս, տանուտէր Եղիգս, Մկրտիչս, Խաչիկս, Գուլասիանս, Յովասափս, Քարխանս, Ալվազս...».

стольких кедхуда в значении «танутеров» или «меликов», тогда как в одной крупной деревне обычно был лишь один мелик и один или два танутера. С другой стороны, в числе «кедхуда» упоминаются, как видно из приведенного примера, не только деревенский мелик и танутер, но также священник и другие лица. В самом деле, нельзя представить себе деревню (тем более крупную деревню с оседлым населением), которая не имела бы своих богатых, «знатных» людей. Из числа этих людей и назначались мелики, танутеры и другие должностные лица.

В 1706 г. в деревне Астapat некий Айрапет, сын Эваза, за 1 туман продал свой земельный участок «парону Галусту, сыну Фарманенц-Айрапета» из той же деревни. Этот акт купли-продажи утвердили «нижеподписавшиеся кедхуда (!): я мелик Никогайос, свидетель, я, Гочи, сын Аствацатура, свидетель, я, Вардан, сын Мхтеси¹ Погоса, свидетель...», далее следовало еще 12 имен, фамилий и печатей, всего 15 подписей². Все эти люди, как указывается в документе, были кедхуда. Разумеется, только один из них был меликом (мелик Никогайос), а остальные (14 человек) принадлежали к числу деревенских кедхуда. Таким кедхуда был и тот же «парон Галуст», купивший вышеуказанный земельный участок.

О том, что термин «кедхуда» буквально соответствует армянскому термину «мецамецк» («знатные», «славные» люди) и означает деревенская «знать» (крестьянская верхушка), можно заключить из документа, написанного в 1714 г. в той же деревне Астapat; в этом документе вместо слова «кедхуда» стоит армянское слово «мецамецк», за которым следуют соответствующие подписи: «это сделано (сдача земельного участка в вахм) с ведома мецамецков [деревни] Астapat: Я, мелик Аветик, свидетель, я, Галуст, сын Айрапета, свидетель, я, Акоп, сын Еновка, свидетель, я, Гочи, сын Аствацатура, свидетель, я, Вардан, сын Погоса, свидетель. . .» и еще 15 подписей и печатей, всего подписи 20 кедхуда³. В числе мецамецков-кедхуда часто упоминаются также священники, вардапеты данной деревни⁴.

Не менее характерным документом является договор, заключенный в 1660 г. между патриархом Акопом Джугаеци и кедхуда деревни Ындзнаберд: со стороны крестьян документ подписали «протопоп тер-Акоп, тер-Петрос и мы все кедхуда(!):

¹ Мхтеси (махтеси, иногда также мугдуси) — христианин, совершивший паломничество в Иерусалим.

² Купчие. . ., стр. 44.

³ Там же, стр. 47.

⁴ Там же, стр. 112, 113 и др.

я танутер Айваз, я ктигор Пириджан, я кедхуда Нерсес, я кедхуда Ованес. . .» и пр.¹

В 1747 г. некий Чрах Матевос и его жена умерли, не оставив наследников. Кедхуда общины «трех церквей Еревана» решили сдать сад Матевоса в вахм монастырю св. Аменапркич. Это решение вынесли и подписали: кедхуда-танутер Григор, Тасалу — сын Арутюна, Саргис — сын Шаг[и]на, Саргис — сын Мартироса, Григор — сын Маргара, псаломщик Меликсет, ходжа Казар, Багдасар — сын Григора, Агенц Саргис, Аветис — брат Калантара и другие; «мы вышеупомянутые кедхуда трех церквей Еревана с общего согласия и по желанию всех приложили свои печати». В конце документа написано: «я, тер-Есаи, написал [сие] по приказу вышеупомянутых кедхуда»².

Наконец, когда Симеон Ереванци, говоря о земельном участке Ханлыг Айги в Карпинском махале, упоминает «мелик-Нерсеса и других знатных и главных ишханов»³, мы полагаем, что он подразумевает именно деревенских знатных людей — кедхуда, из числа которых назначались мелики и танутеры и выходили светские и духовные должностные лица. Сын упомянутого выше «парон-Галуста» из деревни Астapat во второй половине XVIII в. упоминается уже как вардапет⁴. Из этой же деревенской верхушки вышел известный дизаковский мелик Еган, который в начале своей карьеры выступал в качестве деревенского кевха.

Е. А. Пахомов, рассматривая сословно-поземельные отношения в Азербайджане, тоже указывает на «бекский род, вышедший из деревенской крестьянской аристократии»⁵.

Эта деревенская «аристократия», как видно из приведенных данных, в Армении называлась армянским термином «меца-мецк» (очень редко также «ишханк» — князья) и персидским термином «кедхуда». Если словами «мелик», «танутер» в армянском быту обозначались должностные лица, представители местной или общинной власти, то терминами «кедхуда» или «мецамецк» обозначалась деревенская верхушка, откуда выходили, как было сказано, мелики, танутеры, священники, вардапеты.

¹ Купчие. . ., стр. 19.

² Там же, стр. 86: «Մեր վերոյ գրեալ քէտիւտէրս ամենեցուն հասարակացիով ե մեր յօժարութեամբն մեհրեցինք. . . ես՝ տէր Եսայիս զայս վերոյ գրեալ քէտիւտիւղոնց հրամանաւն գրեցի. . .».

³ Симеон Ереванци. Джембр, стр. 157.

⁴ Купчие. . ., стр. 138.

⁵ Е. А. Пахомов. О сословно-поземельном вопросе в Азербайджане. Баку, 1926, стр. 5.

Из числа этой верхушки — мецамецков-кедхуда иногда выходили крупные светские и церковные феодалы, а также купцы.

Следовательно, все мелики, танутеры были кедхуда, но не все кедхуда были меликами или танутерами, т. е. должностными лицами. Термин «кедхуда», в отличие от терминов «мелик» и «танутер», имел более широкое значение, означал деревенскую зажиточную прослойку, которая, повидимому, иногда называлась также термином «довлатаворы» (т. е. богатые, состоятельные люди). Поэтому нам кажется, что термины «мелик», «кедхуда» и «танутер» нельзя отождествлять или рассматривать, как «одно и то же».

Из числа кедхуда, мецамецков или довлатаворов могли выделяться деревенские «муафы», т. е. свободные, привилегированные люди, которые поступали на службу к ханам, бекам и пополняли ряды феодального класса ¹.

Деревенские мецамецки-кедхуда были опорой феодального класса и одновременно сохраняли тесные связи с крестьянами. Они играли чрезвычайно важную роль в жизни деревни.

Именно перед мецамецками и отчитывались сельские танутеры. Примером этого может служить деревня Канакер, где сельская община выбирала себе танутера и нотари (т. е. писаря, секретаря). Они, как свидетельствует Закария Саркаваг, отчитывались не перед общинным собранием, а перед мецамецками деревни: «... однажды собрались мецамецки деревни и говорили о своих нуждах. . . , вызвали танутера и сказали ему: мы собрались для того, чтобы ты представил нам отчет о твоём танутерстве» ².

Тот же Закария Саркаваг в лице «богатого и зажиточного Аюнджана из деревни Карпи» показывает нам семью и хозяйство представителя деревенской верхушки — мецамецка. Старший сын Аюнджана, Товлат-бек, после смерти отца возглавил семью и занялся хозяйством; он «наполнил свой дом всеми благами: увеличил поголовье скота, [приобрел] сады, мельницы, необходимый для хозяйства инвентарь и другое имущество». Товлат-бек отправился в Гянджу для покупки шелка и там умер, его брат Мыср-хан умер в Измире, а второй брат Агду-баба умер в Гиляне. В качестве главы семьи в дальнейшем выступает старший сын Товлат-бека парон-Айваз, которому беспрекословно подчинялись все члены семьи Товлат-бека и его братьев (30 с лишним душ). Этот парон-Айваз, подобно своему отцу, занимался хозяйством и строительством: «Увеличил имущество, поголовье скота и стада [овец], лошадей и мулов, посадил сады и огороды, соорудил искусственный

¹ О «муафах» подробнее см. И. П. Петрушевский. Указ. соч.

² Закария Саркаваг. История, кн. II, стр. 1—4.

водоем на равнине, называемой Карпадашт (равнина Карпи. — П. А.). Этот водоем в весеннее время наполнялся водой из дождевых ручьев, чтобы летом хватило воды полям деревни»¹. Парон-Айваз построил также церковь. Он поддерживал тесные связи с духовенством и оказывал значительную материальную помощь монастырям. «Среди мецамецков [он] был высокочтимым, а патриарх Нахает питал к нему особую любовь, и что бы ни говорил Айваз, он (патриарх) принимал все это с охотой и беспрекословно»². В лице парон-Айваза и его отца Товлат-бека мы видим типичных представителей деревенской верхушки-мецамецков, тесно связанных с армянскими церковными и светскими феодалами. Многие мецамецки занимались также торговлей, которая практиковалась ими в основном для благоустройства их сельского хозяйства³.

Деревенская верхушка значительно усилилась во второй половине XVII в., в период относительного хозяйственного подъема в стране, но в дальнейшем, в связи с хозяйственным упадком, начавшимся в конце XVII в. и продолжавшимся в XVIII в., она сильно пострадала, и многие из деревенских мецамецков, разорившись, начали продавать свои земли, имущество и т. п. Примером этого может служить «Кртенц Степан, сын Саргиса» (из деревни Астапат), который, располагая довольно крупным состоянием (еще в 20-х годах XVIII в. у него была в долгу Ана-Хатун — жена мелик-Гулвели), за 17 туманов купил (в 1722 г.) сад и долю оросительной воды у крестьянина Эванеса, но в дальнейшем семья Кртенц Степана разорилась: его жена и сын вынуждены были продать и этот сад, и долю воды за 4 тумана 500 динаров⁴.

Таким образом, термином «кедхуда» обозначалась армянская деревенская, крестьянская верхушка и этот термин не был равнозначным «танутеру».

Термином, равнозначным названию «танутер», было арабское слово «раис», которое, начиная с XIII в., встречается в армянских надписях и источниках. В XVII—XVIII вв.

¹ Закария Саркисов. История, кн. II, стр. 131.

² Там же, стр. 133.

³ И. П. Петрушевский называет этого парон-Айваза купцом и почему-то переносит его из его родной деревни Карпи в Нахичеванский край. «В этот период, т. е. во II половине XVII века, складывались крупнейшие купеческие состояния. Примером их могут служить состояния армянских купцов из Нахичеванского края парон-Айваза и Закария Акулиского», — пишет Петрушевский (см. Сборник статей по истории Азербайджана, Баку, 1949, стр. 286). Вопреки мнению И. П. Петрушевского, мы считаем парон-Айваза настоящим представителем армянской деревенской верхушки и по его происхождению и по его сословному и имущественному положению.

⁴ Купчие. . . , стр. 52, 53, 78, 79.

это же слово «раис» упоминается в форме «рес», «рэс», причем в начале слова часто ставится армянский нейтральный звук *р*¹.

Б. Н. Заходер, рассматривая термин «раис», пишет: «У Бейхаки мы находим термин «раис» неизменно в сочетании с чиновниками и знатными людьми»². Этот термин «раис» — «рес» — «рэс» в армянском быту стал употребляться после завоевания страны арабами, а затем сельджуками и монголами. Как в городе, так и в деревне «раисы» — «рэсы» и танутеры назначались из числа местных знатных людей. Крупные феодалы, ханы, а также и сами шахи, выражали через них свою волю жителям данной местности или деревни. В мульткадарских деревнях танутер — «рэс» обычно назначался мульткадаром или его уполномоченным: например: в деревне Вагаршпат (мульк Эчмиадзина) танутер был назначен управляющим мультками Эчмиадзина вардапетом Галустом³.

Армянские крупные феодалы-мелики сами назначали в своих владениях танутеров, называемых также «кевха». М. В. Бархударян приводит приказ мелик-Адама, адресованный жителям деревни Магавуз (Чартахлу), которым он писал: «От меня, мелик-Адама, пусть будет известно вам. . . что я сделал Мелкума кевха над вами, [вы] не должны возражать. . . если вы придете [ко мне с заявлением], что Мелкум вас не устраивает, то [оно] не будет принято»⁴. В 1747 г. мелик Алла-кули-Султан (мелик Чараберда) назначил в качестве кевха некоего Киракоса⁵. В 1728 г. крестьяне «выбрали» кевха, которого указал в своем приказе мелик-Григор (мелик Хачена)⁶.

Танутеры (рэсы, кевха) в деревне были лицами, исполняющими волю крупного феодала. Правда, в XVI—XVIII вв. крестьяне в ряде случаев еще не потеряли права участвовать в выборе танутера, но при «выборах» решающее слово имели феодал, владелец данной деревни и мецамецки. Выбирался танутер только из числа представителей крестьянской верхушки и утверждался непосредственно приказом «своего» феодала. Поэтому танутер отчитывался не перед общинным собранием, а перед деревенской «знатью» и тем же феодалом.

В больших деревнях и крупных населенных пунктах, наряду с танутерами, были также и мелики, обычно назнача-

¹ Е. Л а л а я н. Список. . . , стр. 530, 829, 845, 956, 1032; см. также Абраам К р е т а п и. Указ. соч., стр. 8.

² Б. Н. З а х о д е р. Хорасан и образование государства сельджуков. «Вопросы истории», 1945, № 5—6, стр. 131.

³ Жизнь Артемия Арапатского, стр. 41.

⁴ М. В а р х у д а р я н. Арцах, стр. 221.

⁵ А. Т о п ч я н. Указ. соч., т. II, стр. 26.

⁶ Там же, стр. 27.

шися ханами, причем в крупных деревнях могло быть одновременно два танутера, но только один мелик. Деревенский мелик никогда не выбирался на собрании сельской общины. Он был представителем ханской или шахской власти в деревне, но назначался также из состава деревенской зажиточной верхушки.

Из «Дневника» Закарии Акулисского можно заключить, что мелик имел более широкие полномочия, нежели танутер, и при отсутствии мелика для исполнения его обязанностей назначались два, даже три танутера. Так, Закария Акулиссский пишет: «1669 год 1-го марта: в этом году Акулис не имел мелика, ибо мелик-Шахназар поехал в Исфаган. . . Так как в нашей стране мелика не было, то назначили 3 танутеров для разверстки налогов мал и товджи по состоянию плательщиков»¹.

В отличие от танутера, мелику могли подчиняться одновременно несколько деревень, вот почему Закария Акулиссский и пишет «в нашей стране не было мелика. . .».

Привилегированное, по сравнению с остальными жителями деревни, положение меликов, танутеров и других представителей деревенской верхушки нашло свое отражение, в частности, в патриаршеских кондаках². В этих документах мелики, танутеры и пр. называются нередко «богатыми довлатаворотами», «величественными и благочестивыми мецатунами» (буквально — богачами), «беспристрастными и справедливыми меликами», «властительными танутерами» и пр.³

Приведенные в источниках сведения дают основания для следующих выводов:

1. В армянском деревенском быту в XVI—XVIII вв. термином «кедхуда» обозначалась деревенская зажиточная верхушка, из состава которой назначались мелики и танутеры; слово «кедхуда» было равнозначно армянскому термину «меца-мецк».

2. Термины «танутер», «рэс» и «кевха» имели одно и то же значение, и этими названиями обозначались должностные лица, назначенные крупными феодалами, или же лица, выбранные сельским собранием, но утвержденные феодалами. Танутеры, рэсы и кевха принадлежали к сословию кедхуда, меца-мецков.

3. В крупных деревнях и населенных пунктах деревенский мелик был должностным лицом, чиновником и представителем

¹ Закария Акулиссский. Дневник (русский перевод), Ереван, 1939, стр. 70.

² Кондак — послание армянского патриарха (католикоса) к своей пастве.

³ Купчие. . ., стр. 170 и др.

ханской или шахской власти. Такой мелик непосредственно назначался ханами или другими представителями шахской власти и имел более широкие права, нежели танутеры и кевха. Однако он также принадлежал к числу представителей деревенской верхушки.

Мелики, танутеры и другие представители деревенской верхушки нередко использовались крупными феодалами против основной массы крестьян. Так, когда крестьяне захватили оросительную воду монастыря Аменапркич, патриарх Нахпет (1691—1705) поспешил написать мелику Агаси, чтобы он «проявил свою храбрость» и разрешил вопрос в пользу монастыря ¹.

Из письма патриарха Шилипоса, направленного в 1647 г. парону Парсадану и мелику деревни Портак Гаспару, выясняется, что «некий Аракел» вступил в спор с Севанским монастырем из-за мулька-маслобойни и мельницы. Этот Аракел доказывал, что маслобойня и мельница являются его собственностью. Однако суд решил вопрос в пользу монастыря, и патриарх поспешил написать «парону Парсадану, мелику Гаспару, танутеру Салуку и другим знатым», чтобы они наказали тех, кто будет противиться решению суда и указанию патриарха ².

Между верхушкой деревни и крестьянской массой шла острая борьба. По свидетельству Закария Акулиссского, в деревне Дашт танутером был некий Мугденц Мелкум, обладатель крупного состояния. Этого танутера поддерживал архимандрит Петрос, «даштецы же (т. е. крестьяне деревни Дашт. — П. А.) были против него. Дело в том, — пишет Закария Акулиссский, — что сей Мелкум более 30 лет состоял ахсакалом (т. е. аксакалом — старшиной) Дашта и теперь его отстранили, так как даштецы много возились с ним по денежным вопросам, таскаясь по судам» ³.

Совместные действия местных феодалов, танутеров и представителей сельского духовенства, эксплуатация и разорение крестьянских масс вызывали недовольство и волнения крестьян. Так, еще в 1564 г. происходило волнение крестьян деревни Шамб, когда местный танутер попытался построить себе мельницу на общинной земле ⁴. В 1614 г. в этой же деревне Шамб крестьяне потребовали, чтобы местное духовенство, имевшее свои мельницы, приняло участие в уплате налога («мал»), возлагаемого на всю общину; на первых порах крестья-

¹ Куцкие. . . , стр. 113, 114.

² Там же, стр. 122.

³ Закария Акулиссский. Дневник (русский перевод), стр. 68—69.

⁴ Куцкие. . . , стр. 11, 12.

нам удалось добиться принятия своего требования, но вскоре они должны были отступить перед угрозами и махинациями духовенства ¹. В деревне Астатат духовенство добилося того, что крестьянское (сельское) собрание в 1693 г. приняло решение о прекращении взимания подати «мал-у-джихат» (малджахат) с мельниц и имущества монастыря св. Нахавка, но, как видно из того же решения, крестьяне отнюдь не примирились с ним ².

Танутеры, мелики и прочие должностные лица — выходцы из деревенской верхушки — содержались, как это имело место и в индийской общине, на счет всей общины.

Пользуясь своим положением, они эксплуатировали и грабили крестьян. В источниках имеются об этом немногочисленные, но очень существенные данные. Так, по сообщению Закарии Саркавага, упоминавшийся уже выше танутер деревни Канакер во время своего танутерства присвоил около 60 туманов из общинных средств ³. Повидимому, таким же образом поступил танутер Малхас из деревни Шахкерт. Испугавшись гнева крестьян, он тайно бежал в Исфаган к Махмет-Ризахану.

Окружные и деревенские мелики, танутеры и другие должностные лица прибегали к насилию не только над крестьянами, но иногда даже над сельскими священниками, заставляя их выполнять разные работы для своего личного хозяйства. На это указывает сообщение Закарии Саркавага об окружном мелике — выходце из деревенских мецамецков — мелик-Парсадане и его насильственных действиях по отношению к сельскому священнику Мхитару. По сообщению Закарии Саркавага, этот мелик (из деревни Дали-Карташ) потребовал от местного священника, чтобы он прекратил молотьбу своего хлеба и отправил своих волов для работы на гумно мелика. В ответ на возражения священника мелик послал к нему своих слуг. Они силою отняли у священника волов и сельскохозяйственные орудия ⁴. Если даже со священниками мелики не стеснялись поступать подобным образом, то что же говорить об их отношении к крестьянам, которых они эксплуатировали, обогащаясь и расширяя свое хозяйство за счет разорения крестьянских хозяйств. Мелики и танутеры как «сборщики податей», повидимому, получали большие доходы от распределения и взимания податей и налогов. Содержание ряда документов дает основание полагать, что определенная часть взимаемых

¹ Купчие. . . , стр. 158.

² Закария Акулисский. Дневник (русский перевод), стр. 164.

³ Закария Саркаваг. История, кн. II, стр. 1—4, 118.

⁴ Там же, стр. 123.

налогов и податей постоянно шла в пользу танутера и прочих мецамецков. Так, из документов видно, что взимавшийся в деревне Кисапат (Ксапат) с мельницы некоего Папа налог «малджахат» в сумме 30 шахи делили между собою кевха Оган и другие мецамецки джамаата (общины)¹.

Получив власть над деревней, выходцы из деревенской верхушки старались строить на принадлежащих общине земельных участках собственные мельницы и другие сооружения, что нередко вызывало сильное сопротивление со стороны крестьян².

В ряде случаев можно наблюдать связь мецамецков с рынком. Накопив богатства и деньги за счет крестьян, они занимались не только благоустройством своего хозяйства, увеличением поголовья скота, расширением своих земельных участков и т. д., но и вели торговлю, продавая на рынке определенную часть производимых в их хозяйстве продуктов и приобретая необходимые им товары. Примером этого могут служить «парон Айваз» из деревни Карпи, «парон Галуст» из деревни Астапат и другие, о которых говорилось выше.

Таким образом, рассматривая данные источников, можно установить, что в армянском феодальном обществе важную роль в ходе хозяйственного усиления и возвышения деревенской верхушки — мецамецков — играло приобретение ею власти над деревней, над крестьянами. Деревенские мелики и танутеры, являясь выразителями и исполнителями воли крупных феодалов и соединяя в одном лице судью, полицейского начальника и сборщика податей, наживались за счет крестьянства, за счет общины. Чем больше ослабевала община, тем больше усиливались должностные лица и прочие мецамецки деревни. В 20-х годах XVIII в. посланец русского правительства, Иван Карапет, прибывший в Карабах, мог наблюдать, как «каждый старшина, собрав вокруг себя 10—20 преданных себе людей, пожирает деревню»³.

Однако, несмотря на это, деревенские мецамецки-кедхуда, из числа которых выделялись деревенские мелики, танутеры, рэсы, одновременно сохраняли тесные связи с крестьянством (родственные и другие). Опираясь на эти связи, деревенские мецамецки нередко выступали против крупных феодалов, когда те затрагивали их интересы. Так, в конце XVII—начале XVIII в. исход борьбы между патриархами монастыря Гандзасар, с одной стороны, и монастыря «Трех младенцев», с дру-

¹ Купчие. . . , док. № 132; Ереванский Матенадаран, папка I, № 16, 17; папка II, № 1.

² Там же, стр. 11—12.

³ АВПР, фонд Сношения России с Арменией, 1739, № 2, лл. 38, 47.

гой стороны, решило вмешательство деревенских меликов, танутеров, а также священников и купцов. Вот что говорится об этом в одном из документов, хранящихся в Матенадаране: «. . . Мы, архиереи, вардапеты, священники, мелики, ктиторы, танутеры, купцы, земледельцы и вообще большие и малые жители всей страны Агвана. . . написали сию бумагу во едином союзе и согласии о следующем: в наши дни 2 патриарха сделались противниками друг друга и разорили наш св. престол Гандзасар, и мы, не зная, кто из них является доброжелателем нашего престола, принимали сторону то одного, то другого; теперь же [мы] узнали истинно, что все то, что собирает [подати и приношения] патриарх [гандзасарский] Еремия, [он] собирает для св. престола, а все то, что собирает [патриарх монастыря «Трех младенцев»] Симеон, [он] расходует на свой отцовский дом и другие цели; тем более, что он до сих пор обманывал нас, говоря, что придет в Гандзасар, но он нарушил свое обещание и не пришел и сейчас везде и повсюду бранит наш престол и презирает его святейшество, в связи с чем мы написали, приложили наши печати и решили, что впредь нашим патриархом является Еремия, а с Симеоном ничего общего мы не имеем. . . Мы единогласно и единодушно решили, если впредь придет к нам патриарх Еремия, мы его примем охотно и с любовью и будем его почитать и платить ему законную дань, а если к нам придет Симеон, изобьем его, потребуем объяснения и прогоним — пусть идет, куда хочет. Также единодушно будем требовать от него [возврата] всего серебряного, золотого и прочего драгоценного церковного имущества нашего Гандзасара: мы будем требовать от него возврата каждой вещи — всего того, что он растратил и распродал. . .»¹.

Конечно, среди крестьянской верхушки были также и свои, внутренние противоречия². Однако как во внутренних раздорах, так и в борьбе против крупных феодалов деревенская верхушка обычно использовала крестьянство.

¹ Матенадаран, папка 1, док. № 40. Этот документ, написанный в 1140(1691) г. подписали и скрепили печатью: «Я, мелик-Ахиджан из Чараберда вместе со своей страной, согласен, я, мелик-Едикар, приложил печать охотно, я, мелик-Мирзахан Шамхорской страны, согласен с этим [решением], я, танутер Райр из [деревни] Артана, со своими священниками, согласен с этим [решением], я, танутер Ахназар, согласен, [я], ходжа Казар, сын Пирали, согласен, я, епископ Мкртич из Хачена, согласен, я, мелик-Турши из Партава, согласен, ходжа Бархудар, Петрос-вардапет, Григор епископ Барсех Паречи [мы] согласны. . .» и еще 55 подписей и печатей других танутеров, кевха и пр.

² Захария Акулисский. Дневник (русский перевод), стр. 68, 69; см. также М. Бархударян. Арпах, стр. 187 (памятная записка); Купчие. . ., стр. 11—12.

В источниках имеются также данные (хотя и весьма скудные) о том, что деревенская верхушка, совместно со всем крестьянством, выступала против персидских и турецких угнетателей. Так, по словам Аракела Даврижеци, в 20-х годах XVII в., когда персидские власти насильственно обращали в ислам переселенных армян, некий танутер Нуриджан говорил своим односельчанам: «Давайте вооружимся и единодушно выступим против иноверцев, обрезающих [христиан] и не дадим им вступить в нашу деревню»¹.

Сефевидские завоеватели угнетали и разоряли как все крестьянство, так и его верхушку. В освободительном движении 20-х годов XVIII в. эта зажиточная крестьянская верхушка приняла активное участие и шла во главе крестьянства (о чем подробно будет сказано ниже).

¹ Аракел Д а в р и ж е ц и. История, стр. 164, 166.

Глава II

ВОСТОЧНАЯ АРМЕНИЯ ПОД ГНЕТОМ СЕФЕВИДОВ

Сефевидское государство в административном отношении разделялось на отдельные вилаеты (области), ханства и махалы (округа), которыми управляли бегларбеги, сардары, ханы и прочие лица, назначенные шахскими властями. «Чтобы ограничить власть бегларбегов, шахи окружили их разными гражданскими сановниками, подчиненными непосредственно центральной власти. В каждом вилаете были: 1) шейх-ал-ислам. . . , 2) садр — ведавший вакуфным имуществом, 3) джанишин — заместитель бегларбега — следивший за его действиями. . . , 4) областной везир, ведавший финансами»¹. Но несмотря на это бегларбеги-сардары, а также ханы рассматривали подвластные им области как «поместья свои»².

Для управления страной, точнее, для ее эксплуатации, бегларбеги назначали чиновников, исполнявших их волю, — наибов (в деревнях и местностях со смешанным — армянским, персидским и азербайджанским населением), окружных меликов (в армянских деревнях) и прочих должностных лиц.

Области разделялись на округа, для управления которыми назначались знатные мелики, минбаши (тысяцкие), султаны, наибы, мир-болюки. Нередко на пост окружного мелика назначались представители деревенской, местной знати, а также лица, имевшие духовный сан (вспомним апаранского мелика — тер-мелик-Овасапа)³. «Совокупность нескольких махалов составляла ханство с ханом во главе. Отдельные ханы назначались или шахом лично, или же сардаром-бегларбегом»⁴.

В состав Ереванского ханства в XVII—XVIII вв. входил один город и 15 махалов-округов. Восточные округа — Капан, Мегри, Сисиан-Зангезур — входили то в состав Гянджа-Кара-

¹ Сборник статей по истории Азербайджана, стр. 247—248.

² С. Егиазаров. Указ. соч., стр. 305.

³ Закария Саркаваг. История, кн. II, стр. 49.

⁴ С. Егиазаров. Указ. соч., стр. 3.

бахского, то Нахичеванского ханства, а временами подчинялись непосредственно тавризскому хану. Эти округа также были разделены на махалы, находившиеся в руках отдельных ханов, меликов и прочих феодалов, против которых поднялись армянские крестьяне в период освободительного движения.

Бегларбеги и ханы пограничных областей обладали более широкими полномочиями, нежели другие ханы. Широкими правами пользовался ереванский хан. Он смотрел на все ханство как на свое собственное владение — вотчину. Окружив себя преданными чиновниками и прочими представителями феодальной верхушки, ереванский хан жестоко эксплуатировал местное население.

Путем насилия, эксплуатации и разорения населения ереванские ханы наживали огромные богатства. По свидетельству Закарии Акулиссского, в 1674 г. азербайджанский везир Мирза-Ибрагим составил опись имущества ереванского хана Сефи-Кули, арестованного по приказу шаха Сулеймана. «Засим сей везир. . . отправил к шаху на 400 верблюдах все имущество хана: и золото, и серебро, и медь, и ковры, и шатры, и лошадей, и верблюдов, и хорошее и плохое, наличное и недоимки; всего имущества было описано на 30 000 туманов»¹. Другой Сефи-Кули-хан (сын Рустема), покидая Ереван, вез свои богатства на 700—800 верблюдах².

Для накопления этих богатств ханы имели множество источников и возможностей, среди которых немалую роль играло взяточничество. Яркий пример последнего приводится в сообщениях того же Закарии Акулиссского. В 1680 г. некий чиновник Мусабек без всякого основания взыскал 4000 туманов с крестьян Акулиса, Мегри и других деревень. Возмущенные крестьяне решили отправить 120 представителей к ереванскому хану, надеясь, что тот поможет им получить свои деньги обратно. В ответ на требование крестьян хан дал им понять, что без взятки ничего не получится, но одновременно сделал аналогичный намек Мусабеку. В результате хан получил взятку и от разоренных крестьян (150 туманов) и от Мусабека (400 туманов)³.

Нередко ханы и правительственные чиновники прямо грабили население Армении. Примером может служить приводимое ниже сообщение Закарии Акулиссского. 28 декабря 1672 г. в монастырь св. Нахавка прибыл патриарх Акоп Джугаеци и собрались представители Акулиса, Мегри и других деревень. Представителям населения этих деревень было сообщено, что

¹ Закария Акулиссский. Дневник (русский перевод), стр. 100—101.

² Там же, стр. 112.

³ Там же, стр. 122.

патриарх должен турецким властям 24 тыс. марчил¹ и что долг необходимо погасить. Население отказалось оказать денежную помощь патриарху, мотивируя свой отказ следующим образом: патриарх должен 24 тыс. марчил турецкому правительству, но так как оно изгнало патриарха из Западной Армении и этому содействовали турецкие армяне, то пусть они (турецкие армяне) и уплатят эти 24 тыс. марчил. Получив отказ, патриарх пожаловался ереванскому хану, который в апреле 1673 г. отправил в эти местности Кай-Кайуз-бека, а также местоблюстителя патриарха Саака и калантара Нахичевани с конным отрядом в количестве 30 человек. Явившись в Акулис, люди, посланные ереванским ханом, предъявили населению ханский приказ и потребовали уплаты 1000 туманов.

В деревнях Акулис, Дашт и Ванк они насильно собрали 350 туманов. «Однако поборы они производили не только в Акулисе, но и в других местностях, где собрали до 2000 туманов». Далее Закария Акулиссский сообщает, что «этих денег хан не дал католикосу, вследствие чего между ними создались враждебные отношения и возникло много шума». Ереванский хан, узнав, что патриарх тайно отправился в Исфаган, чтобы пожаловаться на него шаху, поспешил написать шаху, что эти деньги «собраны насильно и пусть шах велит ему возвратить деньги их владельцам». Поступило указание шаха о том, чтобы собранные деньги были возвращены владельцам. И вот как это произошло: «[эти поборы] были возвращены следующим образом: с одного только Акулиса было взято 148 туманов, но... вернули всего 98 с половиной туманов; каждый соответственно внесенной им сумме получил расчет за вычетом расходов по 6300 диан на один туман»; иначе говоря, из собранных 2000 туманов было присвоено около 740 туманов и возвращено только 1260 туманов².

По сообщению историка Закарии Саркавага, тот же Сефи-Кули-хан собрал с ереванских армян 1300 туманов под тем же предлогом (т. е. якобы для патриарха Аюпа Джугаеци, который должен был погасить свой долг). Но хан сам присвоил эти деньги³.

О насилии и произволе персидских феодалов рассказывает и французский купец Шарден, побывавший в Ереване во второй половине XVII в. Говоря о Ереванском ханстве

¹ Марчил — денежная единица, в XVII в. равнялась приблизительно 60 коп. серебром. См. Д. Ч у б и н о в. Грузинско-русско-французский словарь, СПб., 1840, стр. 272; см. также «Дневник» Закарии Акулиссского, предисловие к армянскому изданию, стр. 5.

² Закария Акулиссский. Дневник (русский перевод), стр. 91—92.

³ Закария Саркаваг. История, кн. II, стр. 78.

и доходах Сефи-Кули-хана, Шарден пишет: «Эта провинция приносит дохода тридцать две тысячи туманов, что составляет на наши деньги пятьсот тысяч экю, не считая насильственных налогов, подарков и других окольных путей к обогащению, приносящих круглым счетом еще тысяч двести. Сефи-Кули-хан, разумеется, самый богатый и самый счастливый вельможа в Персии»¹.

Замечая, что Сефи-Кули-хан «не так жадно берет взятки, как другие», Шарден сообщает следующее: «наместник (ереванский бегларбег) исправно два раза в неделю, по пятницам и субботам, выезжает из крепости и посещает некоторые кварталы города, отдавая необходимые приказания. Когда он останавливается перед каким-нибудь домом, то желающие делают ему подарки. Но раз он входит в дом, то уже, в силу обычая, хозяин обязан сделать подношение»².

Взятки, «пешкеши», штрафы взимались не только ханами: начиная с шаха и кончая самым последним чиновником в стране, все были жадны до взяток. Патриарх Саак, обращаясь к шаху Аббасу I, говорил, что он «все еще не получил шахских рагамов», так как придворные чиновники «требуют много (буквально — «много вещей»), а я, — говорит патриарх, — не в состоянии давать [требуемого]. . . »³.

В источниках часто встречаются краткие сообщения, характеризующие действия того или иного хана или шахского чиновника. Так, по свидетельству историка Закарии Саркавага, в Ереване в конце XVII в. ханом был некий Фарзали-хан — «человек жадный и скряга, разоритель, грабитель и взяточник, несправедливый в суде; и взятками [он] искажал решение суда: когда один жаловался на другого, то, не разбирая дела, он брал штрафы»⁴.

В 1680—1682 гг. управление Ереванским ханством временно было поручено Муртаза-Кули-хану (сыну нахичеванского хана Махмад-ага), который старался подкупом и взятками окончательно закрепить за собой должность хана; увидя, что это ему не удастся, он принялся без удержу разорять и грабить страну: «и отправил [он] людей во все округа, чтобы они запечатали все карасы⁵ и винные погреба. И они запечатали все карасы и погреба; затем они отправились в горные округа, где вовсе не было вина, и там запечатали путуки⁶,

¹ Шарден. Указ. соч., стр. 256.

² Там же, стр. 256 и 289.

³ Аракел Даврижеи. История, стр. 231.

⁴ Закария Саркаваг. История, кн. II, стр. 135.

⁵ Карас — большой глиняный кувшин, в котором держат вино, зерно и т. д.

⁶ Путук — глиняный горшок, кувшин.

в которых держат похлебку из творога и простоквашу. И так он терзал страну до тех пор, пока собрались окружные управляющие (гаварапетк) и танутеры и написали вексель на большую сумму денег и отдали ему. . . ». После того, как эти деньги были собраны и переданы Муртаза-Кули-хану, «вернулись те люди, которые запечатали путуки и карасы и, получив взятки, сорвали печати»¹.

Брат Закарии Акулисского, Шмавон, ведал ереванским монетным двором. После его смерти ереванский хан начал представлять разные счета Закарии Акулисскому и требовать от него денег («долги Шмавона»). Когда Закария Акулиссский попытался возражать против требований хана, тот угрозами заставил отдать 100 туманов. Вот что пишет об этом сам Закария Акулиссский: «Я, Закарий, ответил [хану], что долг этот мне не известен. Тогда хан возразил, что если я не дам этих 100 туманов, то он окончательные счета монетного двора Шмавона, переданные по одному делу местоблюстителю престола на хранение в Эчмиадзине, не возвратит мне и что вновь пересмотрит все счета монетного двора. Если он это сделает, думал я, то он — сам же хан, сам же бек, сам же судья и пойдет наперекор мне, из чего я не выйду и двумя тысячами туманов»².

Махмад-Кули-хан заключил патриарха Аствадатура в темницу и не выпускал до тех пор, пока патриарх не уплатил ему 700 туманов³. Нахичеванский правитель Мирза в 30-х годах XVIII в. с 32 деревень собрал около 1000 туманов взяток⁴.

Угрозы, штрафы и взятки считались нормальными явлениями. Хан не представлял себе осуществления власти без этих средств.

Грабежи и вымогательства особенно усилились в период упадка Сефевидского государства (в конце XVII и начале XVIII в. при шахе Хусейне). Участник освободительного движения, историк Есаи, говоря о шахских и ханских чиновниках этого периода, сообщает, что хан, султан, везир, друга и прочие лица, получив должность или право на взыскание податей и налогов, грабили и разоряли народ⁵. Из сообщения Закарии Акулисского мы узнаем, что в 1670 г. Мирза-Ибрагим отправил в Акулис и в деревню Дапшт для продажи 60 литров

¹ Закария Саркаваг. История, кн. II, стр. 134.

² Закария Акулиссский. Дневник (русский перевод), стр. 84. (Выделено мной. — П. А.).

³ Лео. История Армении, т. III, стр. 624.

⁴ Абраам Кретици. Указ. соч., стр. 83, 85.

⁵ Есаи Хасан-Джалалин. Указ. соч., стр. 17.

шелка-сырца II сорта, литр которого стоил по ценам того времени 8000 динаров. Представители Мирза-Ибрагима установили цену одного литра шелка в размере 12 500 динаров и уехали, не обращая внимания на протесты жителей Дашта и Акулиса. В результате жители этих деревень вынуждены были продавать оставленный шелк по цене 8000 динаров за литр, но Мирзе-Ибрагиму они уплатили по 12 500 динаров, вследствие чего они потерпели убыток в 20 туманов¹. Этот же Мирза Ибрагим однажды сообщил в Акулис, Мегри и другие деревни, что он разбивает в Тавризе новый сад, и потребовал прислать ему 450 саженцев грушевых и абрикосовых деревьев, а также яблонь и барбариса².

Неимоверно тяжелы были для населения также и «пешкеш» ханам. Некий Закария пишет, что он взял в долг 60 туманов у армянского патриарха, чтобы дать «пешкеш» хану. В дальнейшем, будучи не в состоянии погасить свой долг, он за 60 туманов продал Эчмиадзинскому монастырю свой дом, виноградники, а также свои обработанные и необработанные земли и т. д.³.

Особенно жестокий характер насилия и вымогательства приобретали при взыскании податей, когда в деревнях появлялись ханские чиновники. Чиновники эти в течение всего периода сбора податей жили за счет крестьян и старались поживиться как можно больше, разоряя крестьян. В Нахичеванском ханстве «для сбора податей состояли при хане 20 есаулов, которых он посылал для сего по округу три раза в год. Есаулы не получали особого жалованья, но, собирая с жителей подать, имели право требовать, кроме того, себе в куллух⁴ (т. е. за службу) по десяти процентов со всей собранной суммы»⁵.

Далее автор цитированного выше «Статистического описания Нахичеванской провинции» пишет: «Ханский нукар⁶, приезжая в селение мерять хлеб, занимается больше грабительством, нежели настоящим делом: нарочно медлит оным и делает разные придирки, чтобы выманить у бедных жителей сколь можно более подарков и денег»⁷.

¹ Закария Акулиский. Дневник (русский перевод), стр. 75—76.

² Там же, стр. 76.

³ Ереванский Матенадаран, архив армянских патриархов, папка № 1, док. № 12; см. также «Купчие. . .», стр. 22.

⁴ Куллух (куллук — قولة) — денежное вознаграждение (подать) сборщику налогов. См. С. Зелинский. Указ. соч. стр. 38.

⁵ Статистическое описание Нахичеванской провинции. СПб., 1833, стр. 61.

⁶ Нукар (пукер) — слуга.

⁷ Статистическое описание Нахичеванской провинции, стр. 100.

Таково было положение не только в начале XIX в., но и в XVIII и даже в XVII вв. Вот что пишет относительно этого в «Дневнике» Закария Акулиссский: «В 1670 г. 12-го апреля из Тавриза от Мирзы-Ибрагима приехал в Акулис друг, по имени Алигули-хан, в сопровождении 10 всадников и пробыл здесь 20 дней. Уплачено ему было 5 туманов куллуха, после чего он уехал. Его пребывание обходилось нам ежедневно в 5000 диан»¹. Менее чем через два месяца история повторилась: «1670 г., 5-го июня. Сегодня прибыл из Тавриза в Акулис от Мирзы-Ибрагима друг, по имени Баграмбек для сбора малиджахата, — сообщает Закария Акулиссский. — Он был сопровождаем 20-ю всадниками и остался 9 дней, причем его пребывание обходилось ежедневно один туман. Затем он взял 17 туманов куллуха и отправился в другие участки, ибо все 5 участков находились по повелению шаха во владении Мирзы-Ибрагима»².

Насилие и произвол ханов и чиновников вызывали среди крестьян волнения и протесты. Жестоко подавляя проявления недовольства, шахские власти еще больше усиливали гнет над крестьянами. Примером может служить деревня Цгна (10—12 километров севернее Акулиса), где крестьяне, будучи не в силах терпеть насилия и грабежи, чинимые «парон-Парсадан-беком», послали к шаху своих представителей с жалобой на действия этого чиновного феодала. Шах, в ответ на протесты крестьян, приказал связать их представителей, отправить их обратно в Цгну и там судить. Мало того, шахские чиновники потребовали и получили от крестьян деревни Цгна 1000 туманов за то, что они осмелились жаловаться на Парсадан-бека: что же касается парон-Парсадан-бека, то он продолжал притеснять крестьян: «вот уже 7 лет, как этот Парсадан со всей своей семьей и братьями, по приказу шаха пожирал Цгну, причиняет бедствия», — писал о нем Закария Акулиссский³.

Положение, характерное для XVII—XVIII вв., сохранялось вплоть до первой четверти XIX в., пока Восточная Армения не была освобождена от персидского ига. Об этом свидетельствуют, в частности, сообщения выдающегося армянского писателя Хачатура Абовяна: «В нашу деревню (Канакер), — говорит Х. Абовян, — ежегодно летом приезжал саркиар⁴ для

¹ Закария Акулиссский. Дневник (русский перевод), стр. 76.

² Там же, стр. 79.

³ Там же, стр. 103—104.

⁴ Саркиар (саркар) — должностное лицо. Саркар следил за сбором определенной части урожая, причитавшейся ханам и правительству. См. С. Егиазаров. Указ. соч., стр. 3; см. также С. Зелинский. Указ. соч., стр. 59.

сбора с участка правительства хлеба. За этим простым долгом, требующим немного времени, он проживал в деревне месяца три или четыре. Ему на это время отводилось лучшее помещение в деревне, он требовал самой заботливой прислуги и хорошего корма для своих слуг и лошадей; ему ежедневно носили в дом лучшие припасы: кур, яйца, масло, мясо и проч., даже вино. . . Деревенский слуга каждый день ходил из дома в дом, чтобы выпросить или вытребовать все нужное. С ним обыкновенно шел слуга саркиара с кнутом, для подстрекания или наказания его, в случае медленности. Он бил и гнал его перед собою. . . Когда хозяин дома не тотчас выдавал все затребованное, человек этот с зверскою яростью врывался в дом, ломал все, беспощадно бил всех, без различия возраста и пола. И это был слуга, — можно судить по нему, что был и господин!» А когда саркиар гневался, то «кнут, сабля, кинжал, все, что попадалось в руки, служило ему оружием»¹.

* * *

Господство персидских, равно как и турецких феодалов наносило огромный ущерб развитию торговли и ремесла в Армении. До нашествия шаха Аббаса I Ереван, Старая Джуга (Джюльфа) и ряд других городов были значительными торговыми и ремесленными центрами. Но во время нашествия шаха Аббаса они, как и многие другие города и населенные пункты Закавказья (Тбилиси, Шемаха, Гянджа и т. д.), были опустошены и разорены. Жителей Еревана и Старой Джуги, занимавшихся торгово-ремесленной деятельностью, Аббас I насильно переселил в Исфаган².

Однако во второй половине XVII в. наблюдается некоторое оживление городской жизни, некоторый, хотя и относительный, подъем торговой и ремесленной деятельности в наиболее крупных городах Закавказья — Тбилиси, Ереване, Гяндже, Шемахе. Этому способствовало заключение в 1639 г. персидско-турецкого мира, временное прекращение жестоких войн и набегов, опустошавших Армению, Грузию, Азербайджан.

Историк Закария Саркаваг, живший в рассматриваемый период, следующим образом описывает Ереван и Ереванскую область: «Арагатская страна плодородна, она изобилует всякими произведениями и цены на них небольшие: поэтому со всех концов приезжают в Ереван и покупают все, что хотят, и отправляются обратно на свои места: так, много караванов

¹ Гакстгаузен. Закавказский край, ч. I, стр. 185—187.

² См. Дневник осады Исфагана афганцами, веденный Петросом ди Саргис Гиланенц в 1722 и 1723 гг. СПб., 1870, стр. XIV. Предисловие К. Патканова.

прибыло из Тавриза и [прибывшие] купили рис, хлопок, масло, сыр, сало, масло — оливковое, кожу, меха и все, что хотели»¹.

Академик Б. Д. Греков, говоря о городах и городской жизни при феодализме, пишет: «...какого бы происхождения городское поселение ни было, возникает ли оно из бурга (укрепленного пункта), вотчины или из общины, город всегда есть результат общественного разделения труда и является поселением с преобладающим населением ремесленного и торговых центров всегда есть показатель роста внутреннего рынка»².

К таким центрам, где существовало разделение труда, развивались торговля и ремесло, следует отнести Ереван, а также крупные населенные пункты городского типа — Карпи и другие. Конечно, при персидском и турецком владычестве, во времена разрушительных войн и жестокого гнета завоевателей, развитие хозяйственной жизни и, в частности, рост городов были сильно затруднены. Но все же известная хозяйственная специализация отдельных округов, общественное разделение труда между городом и деревней, распространение различных видов ремесел как в городе, так и в деревне, развитие внутреннего рынка отмечаются и в Армении в XVII—XVIII вв. В 1711 г. И. Шредер записал ответы армянского купца, который говорил: «Наш народ живет: некоторые — земледельцы, некоторые — ремеслами, а другие — торговлей». Этот же армянин говорит насчет ремесла: «Всякие простые ремесла есть среди нашего народа, как то: портные, шапочники, сапожники, цирюльники, токари, плотники, каменщики, мастера золотых дел, кузнецы, ткачи, писцы, переплетчики, художники, миниатюрщики, красильщики, изготовители пергамента, шелка, печатники, басмаджи и многие другие»³. Таким образом, уже в 1711 г. были перечислены те виды ремесла, которые были зафиксированы Шопеном в 30-х годах XIX в.⁴

В XVII—XVIII вв. эти ремесла и ремесленники существовали не только в Ереване, но и в армянских деревнях⁵. В больших деревнях и населенных пунктах городского типа были рынки, где многие местные жители имели свои духаны (т. е. лавки, ремесленные мастерские). Примером может служить деревня Астапат, где в 1680 г. путем получения в вахм и

¹ Закария Саркаваг. История, кн. II, стр. 54.

² Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси. М., 1946, стр. 555—556.

³ И. Шредер. Клад армянского языка. Амстердам, 1711, стр. 339, 341, 342. См. у С. В. Тер-Аветисяна. Город Джуга, стр. 35—39.

⁴ И. Шопен. Исторический памятник состояния Армянской области в эпоху ее присоединения к Российской империи. СПб., 1852.

⁵ Купчие. . . , док. № 99.

покупки монастырь св. Нахавка приобрел на рынке духан¹. В этой же деревне некий Антон, «сын даллака» (цирюльника), когда-то купил духан-кузницу, которая в 1708 г. была сдана в вахм монастырю св. Нахавка. Из документа, относящегося к духану кузнеца Антона, можно заключить, что монастырь мог сдавать этот духан-кузницу внаем². Следовательно, либо в Астапате были, либо приходили сюда из разных мест кузнецы-ремесленники, которые за определенную плату снимали духан-кузницу и работали в ней³.

В крестьянских документах, сохранившихся от XVII—XVIII вв., встречаются подписи ремесленников. Так, в 1714 г. в деревне Мастара упоминается «столяр Мкртум», в деревне Канакер — «кузнец Айваз», в деревне Астанат в 1667 г. упоминается «кузнец Андреас, сын кузнеца Григория». В 1681 г. этот же Андреас упоминается под прозвищем «уста Андреас», т. е. «мастер Андреас»⁴.

В 1614 г. в деревне Шамб вместе с другими крестьянами документ подписали «неркарарец (*նըրկարաբէնց*) Багдасар», «нававар (*նավաւար*) Хачик», «ходжа Ованес» и т. д. Из этих подписей можно заключить, что в деревне были ремесленники («неркара» — красильщик) и торговые (ходжа) люди.

Следует отметить, что, когда одним и тем же ремеслом занималась целая семья и оно переходило из поколения в поколение, название этого ремесла нередко становилось прозвищем, характеризующим данную семью. В дальнейшем это же название начинает упоминаться в качестве фамилии данной семьи. Выражения «неркарарец Багдасар», «даллакенец Антон» показывают, что Багдасар происходит из семьи «неркара» — красильщика, а Антон — соответственно из семьи «даллака» — цирюльника; точно так же выражения «дарбинтенк»⁵, «дарбинтенц» и т. д. указывают на происхождение данного человека из семьи дарбина, т. е. кузнеца. Имеются также сведения о том, что целые деревни именовались или были известны под названием ремесла, распространенного в данной деревне. Так, например, в деревне Шахкерт было много медников, в связи с чем эта деревня в дальнейшем стала называться «Казанчи» (от слова «казан» — котел)⁶. Жители деревни «Казанчи», восстав в 1750 г. против Гайдар-хана, вооружи-

¹ Купчие... , док. № 101.

² В конце документа упоминается, что Антон в свое время купил этот духан на свои собственные средства: «приобрел своим собственным трудом»; можно предположить, что Антон был ремесленником, оторванным от земледелия.

³ Купчие... , стр. 21, 26, 32.

⁴ Там же, стр. 157.

⁵ Там же, стр. 38.

⁶ Л е о. История Армении, т. III, стр. 721.

лись оружием своего изготовления¹. В 1724 г. Иван Карапет, прибыв в Карабах, увидел, что местное население — «кто сколько хочет» — пользуется свинцовой, медной, железной рудой, которыми богата страна². В 1729 г. в Москву прибыл Тархан-юзбаши и заявил в Коллегии иностранных дел, что в Карабахе армяне «ружье имеют при себе, которое делают сами при помощи находящихся при них военных людей, как например, пищали, сабли, тесаки, кинжалы, пистолеты»³. Далее Тархан-юзбаши сообщил, что в Карабахе «имеютца руды железныя, медныя, свинцовыя и серебряныя, из которых из железной делают обретающиеся при них люди не токмо железо, но и ружье; також свинец и порох, токмо имеют недостаток к размножению пороху в сере горячей (горючей — sulphur). . . »⁴.

Со второй половины XVII в., в связи с развитием внутренней и внешней торговли, крупные землевладельцы-мулькадары старались улучшить обработку своих земель и изготовлять товары для рынка. Эчмиадзин, который при патриархах Пилипосе, Акопе Джугаеци и Нахапете расширил оросительную сеть своих земельных владений, начал возделывать хлопок, рис и прочие культуры для рынка. По данным С. Погосяна известно, что из Ереванского ханства вывозили в большом количестве рис, хлопок и вино в Баязет, Карс, Эрзерум, Тбилиси и т. д.⁵

По свидетельству Симеона Ереванци, Эчмиадзин получал через нвираков из разных областей и районов продукты, производство которых достигло там наибольшего развития. Так, Эчмиадзин получал масло, сыр и скот из Баязета, Алашкерта, Вана, Эрзерума; пшеницу, ячмень, чечевицу — из районов Гегаркуни, Ширака, Карса, Апарана; воск «и тому подобное» — из Тбилиси; сухие фрукты, миндаль, орехи, бобы — из Нахичевани, Гохтана, Акулиса, Мегри; сушеный виноград, миндаль и т. д. — из Тавриза; железные, деревянные и шерстяные изделия «и тому подобное» — из округов Лори, Казаха, Шемахи, Ширвана, Гянджи, Хачена⁶.

Это сообщение Симеона Ереванци, а также данные, приведенные в упомянутой выше работе С. Погосяна, указывают

¹ Лео. История Армении, т. III, стр. 724; Чамчян. История Армении, т. III, кн. VI, гл. 56.

² АВПР, ф. «Сношения России с Арменией», 1724, д. № 4, л. 31.

³ Там же, 1729—1731, д. № 1, л. 50.

⁴ Там же, л. 57; см. также Г. Эзов. Указ. соч., стр. 445. См. также, стр. 386.

⁵ С. Погосян. Церковное земледелие в Ереванском ханстве в XVII—XVIII вв. и Эчмиадзин как крупный помещик. «Научные труды Ереванского государственного университета», т. XIII, 1940, стр. 200—203.

⁶ Симеон Ереванци. Джамбр, стр. 50—51.

на наличие известной хозяйственной специализации отдельных районов, на развитие торгово-рыночных отношений в Армении и вообще в Закавказье. Однако при персидском владычестве в Ереванском ханстве, как и во всем Закавказье, зачатки новых отношений не могли пустить глубоких корней, не могли иметь нормального развития.

В период относительного оживления хозяйственной деятельности в Армении во второй половине XVII в., в связи с развитием внутренней и внешней торговли, усиливается также армянское купечество¹. Армянские купцы того времени вывозили в Европу шелк-сырец, цветные кожи и прочие товары, изготовленные в Армении, Персии и соседних странах. Из Европы они «привозили в Персию сукна, парчу, венецианские зеркала, часы и все, что считалось нужным для Персии и Индии»². У Г. Алишана приведены подробные данные из первоисточников, характеризующие армянских купцов, их состояние и торговые дела как на Западе, так и на Востоке³.

Часть армянского торгового сословия, купечества, была сосредоточена не в самой Армении, а вне ее — в Тбилиси, Шемахе, Гяндже, в Персии (Исфаган, Гилян), Турции (Константинополь, Смирна и т. д.) и в других странах. В Восточной Армении (в Ереване и других крупных населенных пунктах) и Западной Армении (Карс, Эрзерум, Ван и т. д.) также в известной мере развивалась торговля, богатела и усиливалась некоторая часть местного купечества. Однако политика шаха Аббаса I и насильственное переселение армян (в частности, джюльфинских и ереванских) в Исфаган и другие персидские города причинили большой ущерб развитию торговли в Армении. В то же время эта политика содействовала развитию торговли и купеческого сословия в Персии, откуда со времен шаха Аббаса I армянские купцы стали отправляться в Россию и Западную Европу с шелком-сырцом и прочими товарами.

В XVII в. армянские купцы стали создавать торговые компании, которые вели торговлю с Россией, Индией, Венецией и т. д. С половины XVII в. шахская торговля находилась в руках армянских купцов. Рядом с Исфаганом шах Аббас I образовал городское предместье — Джюльфу, где проживало богатое армянское купечество, занятое международной торговлей как с Востоком, так и с Западом.

Однако с 90-х годов XVII в. торговля и хозяйство вновь стали приходить в упадок. Как в султанской Турции, так и

¹ И. П. Петрушевский. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении, стр. 83.

² Дневник осады Исфагани.

³ Г. Алишан. Сисакан, стр. 446—447.

в Сефевидском государстве купцы подвергались грабежу и преследованиям со стороны крупных чиновников и феодалов, которые зачастую организовывали вооруженные банды для ограбления караванов, убийства купцов и т. д. «... турецкое, как и всякое другое восточное владычество несовместимо с капиталистическим строем; извлеченная прибавочная стоимость ничем не обеспечена от хищных рук сатрапов и пашей; нет налицо первого основного условия буржуазного приобретения — обеспеченности личности купца и его собственности»¹. Отмеченные Ф. Энгельсом явления были характерны и для Персии. О том, какие размеры принимала необеспеченность торговой и хозяйственной жизни, можно составить себе представление из сообщений Закарии Акулисского, который часто упоминает в своем дневнике о случаях нападения на торговые караваны, ограбления и убийства купцов и т. д. Так, 15 апреля 1655 г., пишет Закария Акулиссский, «было сделано нападение на караван: двое были убиты, 7—8 человек было ранено». В 1667 г. в Турции «развелись такие разбои, что было 8—9 нападений на караваны, было убито много людей, разграблено всякого товара. Затем в стране Кызылбашей ограбили 2—3 каравана и унесли товары»².

В конце XVII в., как свидетельствует историк Закария Саркаваг, «увеличилось число разбойников на дорогах и воров в деревнях», из-за чего никто не мог отправиться в дорогу, так как разбойники грабили всех. Закария Саркаваг сообщает также, что ереванский правитель Сефи-Кули-хан «не наказал воров, а только оштрафовал их и отпустил. И они снова стали заниматься воровством»³. Торговля в таких условиях не могла успешно развиваться⁴.

Распространенным явлением в период хозяйственного упадка конца XVII — начала XVIII в. была большая задолженность персидских феодалов армянским купцам, причем очень часто последние не могли получить причитающиеся им суммы.

О размерах задолженности персидских феодалов в 20-х годах XVIII в. можно составить представление по спискам должников, составленным армянским купцом Ильей Мушегом:

«Хаджи-Абтул-Баги должен	0 151 450 динаров
Калбали-Мехраб	» 0 110 000 »
Мирза-Фейз	» 0 017 500 »
Мирза-Хашум	» 0 100 000 »
Кара-Оглу-Саркис	» 0 020 000 »

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. II, стр. 22.

² Закария Акулиссский. Дневник (русский перевод), стр. 45, 64.

³ Закария Саркаваг. История, кн. II, стр. 89.

⁴ Закария Акулиссский. Дневник (русский перевод), стр. 64—65.

разносчик (<i>Ршшл</i>) Пири должен	0 010 000	динаров
Тархан-бек с тремя товарищами должен	0 072 550	»
разносчик Абдул Хусейн должен	0 024 000	»
Ходжа Млтан Хитун «	0 150 000	»
Калпали-Наги из Хлиджана	0 400 000	»

Итого . . . 1 055 500 динаров»¹

7 июля 1723 г. Илья Мушег составил в Тавризе другой список должников и передал его Мирзе Абдул Кариму, который, по словам Ильи Мушега, исполнял в то время должность эттимад-довле (первого министра). По этому списку Илья Мушегу были должны:

«Пахлева Мехри и Лутва Туфенкчи	0 012 000	динаров
Мирза Мохаммад Хоссейн	0 070 000	»
Алибек, Фатулла и Даниари	0 120 000	»
Алибек, Фатулла и Даниари	0 120 000	»
Мохаммад Садидбек Ишгахатлу, сын Гасума	0 050 000	»
Мохаммад Найим, Абдул Разак, Абдул Вахпинэ	0 250 000	»
Мирза Ашраф Мустофи Сапих	0 136 700	»
Мохаммад Дахир-бек, сын Мирзы Гутпатина	0 070 000	»
Исмаил-ага, сын Мулькали	0 020 000	»
Махмад Таги Туфенкчи, сын хаджи-Махмада	0 012 000	»
Таги, Зейналашит, Хутаверди	0 085 200	»
Муртаза-Кули, сын Хутаверди	0 020 000	»
Мирза Али-бек	0 025 000	»
Мохаммад Самиз-бек, сын Лашкар-бека	0 070 000	»
Абдул Вахап, Абдул Рази, Мирза Ашраф	0 246 400	»
Талибхан-бек, Ахматлу Хасан-бек }	0 080 550	»
Пахарлу Ягунлу, Махсуман-бек }		
Мирза Фейз	0 010 000	»
Стоимость проданных домов Мирзы Мумина [?]	0 970 000	»
Хаджи Хлидж-Джловдар	0 025 000	»
Ага Фатулла	0 500 000	»
Далал Абдул Хусейн	0 006 000	»
Ага-Мумин (человек Мирзы-Мумина)	0 030 000	»
Наги из Хлиджана	0 500 000	»
Ага-Мумин	0 060 000	»
Мирза-Хасум Гату	0 094 800	»
Зейналаитин	0 029 350	»

Итого . . . 3 613 000 динаров

Лоаз-бек — должен 10 туманов (0 100 000 д.)»².

¹ АВПР, ф. «Сношения России с Арменией», 1724, д. Е-1, л. 17.

² Там же, л. 16.

Тот же Илья Мушег составил список предметов с указанием их стоимости, которые Мирза-Мумин взял у купцов и за которые он должен был заплатить:

«Кремневое ружье	0 50 000	динаров
1 карманный пистолет из желтой меди	0 25 000	»
1 сабля кызылбашская	0 30 000	»
1 конь вороной масти	0 18 000	»
1 конь серой масти	0 10 000	»
Плата за 2 лестницы [?]	0 02 500	»
2 отреза сукна гулнаф	0 04 000	»
1 шатер (отправленный в Кавмин)	0 05 000	»
По вышеприведенному списку Мирза-Мумин должен		
нам всего	144 500	»...»

Персидские феодалы, оказавшиеся в долгу у купцов, часто разоряли своих заимодавцев, взыскивая с них разные «джариме», т. е. штрафы, убытки. Илья Мушег составил также список тех джариме, которые взыскивали «люди, находящиеся на службе у хана»:

«Список взысканных джариме:

Мустафа-бек	взыскал	0 040 000	динаров
Фарашхана даругаси	»	0 012 000	»
Фарашхана даругаси	»	0 010 000	»
Даруга из Хлиджана	»	0 012 000	»
Слуги даруги	»	0 001 000	»
Диван-бек	»	0 004 000	»...»
Прочие	»	0 365 000	»

Общая сумма взысканных джариме, по данным Ильи Мушега, составила 444 000 динаров¹.

Притеснения со стороны сефевидских властей и произвол персидских феодалов, особенно усилившиеся в период хозяйственного упадка в конце XVII — начале XVIII в., вызывали резкое недовольство армянского купечества. В 20-х годах XVIII в., когда развернулось освободительное движение в Ереване, Капане и других местах, часть купечества приняла участие в движении и выдвинула из своей среды ряд видных деятелей, какими были, например, Петрос ди Саргис Гиланец и его товарищи.

* * *

В особенно тяжелом положении в период хозяйственного упадка конца XVII — начала XVIII в. оказалось, конечно,

¹ АВВР, ф. «Сношения России с Арменией», 1724, д. Е-1, л. 18.

армянское крестьянство, которое являлось основным объектом эксплуатации для светских и церковных феодалов. В последнее десятилетие XVII и в первой четверти XVIII в. резко усилилась и без того невыносимая эксплуатация крестьянских масс Армении как со стороны отдельных феодалов, так и со стороны Сефевидского государства. В огромной степени возрос налоговый гнет, тяготевший над армянским народом, и прежде всего — над крестьянством. Налоговая политика Сефевидов в Армении, вообще отличавшаяся исключительной жестокостью, достигла при шахе Хусейне крайних пределов.

Налоги и налоговые термины, существовавшие в период господства Сефевидов, подробно рассмотрены И. П. Петрушевским. Он приводит и анализирует около 35 налоговых терминов¹. В налоговых и податных списках, приведенных И. П. Петрушевским, отсутствует, однако, ряд терминов, как, например, «ахтаз»², «шахмали»³, «дин-ипеки»⁴ и другие. Дальнейшее исследование источников и документов может обнаружить еще новые термины и определить их значения, тем более что до сих пор все еще не изучены внутренняя жизнь и развитие отдельных ханств, в которых разные налоговые термины употреблялись в одном и том же значении, или один и тот же термин употреблялся в нескольких значениях (т. е. обозначал разные налоги).

Здесь необходимо рассмотреть те основные термины, при помощи которых можно попытаться охарактеризовать налоговую систему при Сефевидах в Армении. Такими терминами являлись: «джинс», «нагд», «джизие», «бегар», или «кор-бегар».

Л. Ф. Богданов в свое время заметил, что в Персии «главной из категорий, по коим взимаются подати «малийат», является подать земельная, причем часть ее взимается натурой и носит название «джинс» (جنسی — собств. «товар, продукт»), а остальная часть наличными деньгами — «нагд». Взимаются подати эти на основании податных списков, составленных для каждой деревни особо, причем в таком списке указывается, сколько данная деревня должна внести наличными и сколько натурой»⁵. Это замечание Богданова относится главным образом к истории Персии более позднего периода, ко временам Фатх-Али-шаха. Однако термины «джинс», «нагд», а также

¹ И. П. Петрушевский. Очерки. . . , стр. 263—295.

² Закария Акулиссский. Дневник (армянское изд.), стр. 150.

³ Закария Саркаваг. История, кн. II, стр. 134.

⁴ Термин «дин-ипеки» обнаружил в рукописных документах проф. Лео; см. его «Историю Армении», т. III, стр. 121—122.

⁵ Л. Ф. Богданов. Персия в географическом, религиозном, бытовом, торгово-промышленном и административном отношениях. СПб., 1909, стр. 120.

списки деревень, где указывались причитающиеся с каждой деревни подати в натуре или деньгами, существовали и раньше.

В армянских источниках XVII—XVIII вв. часто встречаются термины «джинс» и «нагд». Закария Акулиский в своем дневнике сообщает, что 24 июля 1674 г. даруга Мирза-Ибрагима — везира Азербайджана, прибыв в Акулис и Дашт, взыскал с жителей этих деревень 80 туманов наличными деньгами как за «нагд», так и за «джинс», «куллух» и «ахтаз»¹. О «джинсе» и «нагде» более конкретно говорится в «Джамбре» Симеона Ереванци. Согласно его данным, можно заключить, что «джинс» взимали натурой с посевов всех видов зерна².

Как известно, определенная часть урожая, которая взималась натурой, называлась «бахра». Повидимому, все посевы, с которых ожидался урожай, и определенную часть урожая, называемую «бахра», обозначали общим термином «джинс»³.

Подать «джинс», которая была связана с урожаем (и представляла собой определенную часть урожая), взималась всегда только натурой. Размер ее изменялся в зависимости от условий данной местности или данного земельного владения, от урожайности земли и от воли феодала. Подать «джинс» взималась то в размере $\frac{1}{5}$ часть урожая, то в размере $\frac{1}{10}$, а иногда даже в размере $\frac{1}{3}$ или половины урожая.

По сравнению с термином «джинс» термин «нагд» (слово «нагд» значит «наличие», «наличные деньги») имел иное значение: подати, налоги, получаемые в виде «нагда», взимались с садов, мельниц, маслобоек, динков, магазинов, бань, поголовья скота и т. д.⁴. «Нагд» взимался частично натурой, частично деньгами. Деньгами он взимался с садов, мельниц, магазинов, каравансараев и т. д. Взимание «нагда» (натурой и деньгами) производилось и с поголовья скота, и с продуктов животноводства (шерсти, масла, сыра и т. д.).

По данным «Джамбра» Симеона Ереванци, до 1735 г. с 1 виноградника в среднем брали 1500 динаров «нагда». Поскольку за Эчмиадзином в этот период числилось 10 виноградников (садов), он должен был бы платить 15 тыс. динаров «нагда». Но по рагаму Надир-шаха Эчмиадзин был освобожден от уплаты этой суммы. Однако если бы Эчмиадзин приобрел больше 10 виноградников, то тогда он должен был бы платить за каждый новый виноградник 1500 динаров «нагда». Эчмиадзин имел 19 мельниц, маслобоек, динков и т. д. За каждый из этих объектов следовало платить 1650 динаров «нагда» (по Эчмиадзину

¹ Закария Акулиский. Дневник (армянское изд.), стр. 121.

² Симеон Ереванци. Джамбр, стр. 145.

³ Там же.

⁴ Там же.

был освобожден и от этого налога). По этим же данным Симеона Ереванци, за каждую овцу взимали пол-шахи (25 динаров) «нагда». Эчмиадзин, имевший 500 овец, должен был бы платить всего 12 500 динаров «нагда» (от чего он также был освобожден). Все состояние и имущество Эчмиадзина, все мельницы, сады, маслобойни, магазины, овцы и т. д., с которых в общей сложности причиталось 10 туманов и 6650 динаров «нагда», были освобождены от обложения налогом, так как Эчмиадзин был магафом¹. Однако в шахском рагаме указывалось, что если Эчмиадзин будет сеять больше 66 халваров², то должен будет платить «джинс», а если будет иметь больше садов, мельниц, магазинов и т. д., чем было указано в податных списках, то за каждый новый сад, мельницу и прочее будет обязан платить «нагд» согласно существующим порядкам³. Эчмиадзин, как крупный феодал, в указанных пределах был освобожден от податей. Но эти данные совершенно ясно показывают размеры налогов и податей, которые в то время платили широкие массы населения («платила вся страна»)⁴.

Размеры податей и налогов, указанные Симеоном Ереванци, повидимому, были установлены в 1702 г., когда в стране происходила последняя перепись населения и имущества и были увеличены размеры налогов. По сообщению патриарха Есаи, после переписи 1699—1702 гг. подати и налоги увеличились в три раза, в результате чего обычная деревня стала платить от 50 до 150 туманов, а небольшие деревни — по 30—20 туманов. С 1702 г. вплоть до следующей переписи 1735 г. мы не имеем сообщений об изменении или увеличении налогов. Но после проведения этой новой переписи, т. е. уже при Надиршахе, налоги опять увеличились в несколько раз. Если до 1735 г. с десяти садов (виноградников) Эчмиадзина взимали 15 000 динаров «нагда», то в 1738 г. с тех же садов взимали 98 100 динаров. Если за одну мельницу до 1735 г. взимали 1650 динаров, то в 1737—1738 гг. — уже 3150 динаров «нагда», если за одну овцу взимали 25 динаров (до 1735 г.), то в 1738 г. — 60 динаров и т. д.⁵.

Сообщения патриарха Есаи и Симеона Ереванци в основном относятся к налогам и податям «нагд», которые, как было сказано, взимались и деньгами и натурой. Десятки налоговых

¹ Магаф (мааф, муаф) — свободный (от податей). См. С. Е г и а з а р о в. Указ. соч., стр. 9, прим. 1.

² Халвар, харвар — мера веса и единица измерения площади. См. С. З е л и н с к и й. Указ. соч., стр. 70.

³ Симеон Е р е в а н ц и. Джембр, стр. 145.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 147.

терминов, которыми определялись налоги, взимавшиеся с разных хозяйственных отраслей и объектов, в конечном счете служили для обозначения одной формы налога, известной под названием «нагд», но, в зависимости от специфики объекта налогообложения, носили разные названия. Так, например, по «Джамбру», общим термином «нагд» назывались подати и налоги, взимавшиеся с садов, мельниц, магазинов, с поголовья скота (овец) и т. д.; в то же время каждый из этих налогов имел свое собственное название («багнули» — налог с сада, «малпули» — налог с поголовья скота, «чоппули» — налог с пастбищ и т. д.). Из множества налоговых терминов видно, что финансовое ведомство Сефевидов старалось не оставлять без обложения налогом ни одного возможного объекта. С другой стороны, необходимо иметь в виду, что в состав Сефевидского государства входили разные страны и народы, находившиеся на различном уровне развития общественной жизни, хозяйства, культуры. Повидимому, этим обстоятельством следует объяснить наличие различных налоговых названий и терминов, которые по существу могли быть определены двумя словами — «джинс» и «нагд».

Среди податных терминов Сефевидского государства особое место занимает «малджахат» или «малваджахат». Подать «малджахат» иногда брали натурой (т. е. в этом случае подать «малджахат» входила в состав «джинса»), а иногда — наличными деньгами (в этом случае «малджахат» входил в состав «нагда»). Это обстоятельство, повидимому, следует объяснять или условиями развития хозяйства данной области, территории или же характером политических и финансовых соображений сефевидских властей. Большинство историков и исследователей, рассматривая «малджахат», считает этот термин синонимом терминов «бахра», «харадж» и т. д. Они утверждают, что «малджахат» являлся поземельным налогом — рентой и взимался не деньгами, а натурой. И. П. Петрушевский почти во всех своих работах, касаясь термина «малджахат», заявляет, что это слово было синонимом терминов «бахра» и «харадж» и что этот налог в Армении и Азербайджане брали натурой. Он пишет: «малджихат — это основной сбор с земледелия, доля урожая и, следовательно, основная часть ренты-налога. Этот сбор, в зависимости от того, к какой категории землевладения принадлежало данное селение, вносился либо целиком в пользу государства (в диван), либо целиком в пользу землевладельцев, либо делился между ними в определенной пропорции. Малджихат, как правило, вносился продуктами — пшеницей, ячменем, рисом, хлопком, шелком и т. д. Размер малджихата в разных местностях Армении и Азербайджана составлял от $\frac{1}{10}$ до $\frac{1}{3}$ доли валового урожая; в ханствах

Ереванском и Нахичеванском он равнялся $\frac{1}{3}$ урожая. Синонимом термина «малджихат» был термин «бахрэ...»¹.

Приведенное высказывание И. П. Петрушевского и данное им определение «малджахата», возможно, являются верными для Азербайджана и других областей Сефевидского государства; но для Армении определение И. П. Петрушевского представляется нам не вполне убедительным. В Армении, как показывают армянские источники, «малджахат» брали почти исключительно деньгами, иногда даже в двойном размере. Следовательно, в армянском быту слово «малджахат» вовсе не было синонимом терминов «бахра» и «харадж». Так, патриарх Абраам Кретацци, добываясь у Надир-шаха грамоты о магафстве (т. е. об освобождении от налогов) Эчмиадзина и 19 других монастырей, писал, что эти монастыри раньше (т. е. при Сефевидах) через патриарха «в год один раз платили налог под названием «малджахат» в размере 17 туманов и 5000 динаров». В «Джамбре» упоминается, что «малджахат», взимавшийся с каравансараев, духанов, лавок, составлял 4 тумана 8300 динаров. Симеон Ереванци не только сообщает, что «малджахат» в Армении брали деньгами, но и совершенно определенно показывает «малджахат» как нечто противоположное «бахре». Так, например, он подчеркивает, что монастыри платили государственный налог деньгами в размере 17 туманов 5000 динаров в год в качестве «малджахата», а также отдавали $\frac{1}{5}$ часть урожая в качестве подати «бахра»². Если «малджахат» был синонимом термина «бахра» или взимался натурой в качестве ренты-налога, то вряд ли такой крупный феодал и отличный знаток феодальных порядков XVIII в., каким был патриарх Симеон Ереванци, стал бы так решительно отделять «малджахат» от «бахры». Если бы эти термины представляли собой разные названия одного и того же налога, Симеон Ереванци непременно упомянул бы о том, что часть «малджахата» (или часть «бахры») взимали деньгами, а другую часть — натурой.

Однако у Симеона Ереванци нет подобного упоминания, так как «малджахат» и «бахра» являлись разными налогами-податями и взимались с разных объектов. Из дневника Закарии Акулисского видно, что во второй половине XVII в. «мал-

¹ И. П. Петрушевский. Очерки..., стр. 266—267; см. его же. «Хам-даллах Казвини» — «Известия Академии Наук СССР», № 4, 1937, стр. 886, прим. 5. Ту же самую мысль И. П. Петрушевский повторяет в своих последних работах: см. «Сборник статей по истории Азербайджана», стр. 191: «поземельный налог «малджихат» — иначе «харадж», взимавшийся в виде доли урожая...».

² Симеон Ереванци. Джамбр, стр. 144, 148.

джахат» брали только деньгами¹. В документах XVII в. имеются неопровержимые данные о том, что в Нахичеванском ханстве армянские деревни платили «малджахат» только деньгами и нередко даже в двойном размере. Так, в записях Матеоса Иоаннисского упоминается, что в 1669 г. деревни Апаранер, Джахук, Шахапуни, Апракуни, Хошкашен, Салитаги, Крнай, Карагуш должны были платить «малджахат» в двойном размере — в сумме 1365 туманов².

Некоторые документы дают основание предполагать, что «малджахат» распределялся среди крестьян деревенской общины. Сборщики налогов, государственные и финансовые чиновники, повидимому, заранее определяли сумму «малджахата», которую должны были уплатить крестьяне данной деревни. Община в свою очередь распределяла эту сумму между отдельными крестьянами. Не только крестьяне, но и все те, у кого были на территории данной деревни какие бы то ни было владения или имущество (хотя бы владельцы сами и не жили в деревне), также должны были принимать участие в уплате «малджахата», налагавшегося на всю деревню. Собрание крестьянской общины решало вопрос о том, кто должен платить «малджахат» и в каком размере. О порядке распределения «малджахата» имеются сведения во многих документах XVII—XVIII вв.³

В некоторых документах Ереванского Матенадарана указываются размеры «малджахата», налагаемого на мельницы и прочие объекты⁴.

Одним из самых тяжелых налогов, взимавшихся с населения Армении, была подушная или подымная подать. Она обозначалась терминами «джизья», «башпули», «гяххарк» (арм.). Этот налог взимали со всех армян мужского пола, достигших 15 лет. О том, как персидские чиновники и сборщики податей составляли списки плательщиков подушной подати и лиц, обязанных выполнять барщинные работы,

¹ Закария Акулиссский. Дневник (арм. изд.), стр. 94, 119, 134, 135, 139, 150 и т. д. В русском издании «Дневника» на стр. 143 помещено следующее примечание: «Малджихат, точнее малджатат, — особая натуральная подать, иначе бахра: это — мусульманская десятина, которая с течением времени подвергалась изменению, колебалась от $\frac{3}{10}$ до $\frac{15}{30}$, соответственно видам облагаемых объектов сельскохозяйственных культур». Такое определение «малджахата» ничем не оправдывается, так как во всех случаях в «Дневнике» «малджахат» фигурирует не в виде натуральной подати («бахры»), а в виде денежного налога. Очевидно, автор примечания путает «малджахат» XVII—XVIII вв. с «малджахатом», упоминающимся в Положении 1847 г.

² Журнал «Арабат», 1915, стр. 67.

³ Кунчие. . . , стр. 157, 158, 163, 164.

⁴ Матенадаран, папка 1, док. № 16а; см. также «Кунчие. . . », стр. 169.

имеется подробное сообщение у армянского историка Закарии Саркавага. В своей «Истории» он посвятил этому вопросу специальную главу¹. По свидетельству Абраама Кретапи, в 1735 г. в Шемахе подать «джизья» была настолько велика, что многие из представителей местных властей и феодалов, собравшихся в Мугане, обратились к Надир-шаху с просьбой оставить «джизью» в прежних размерах — $3\frac{1}{2}$ куруша с семейного человека² (чтобы тем самым получить возможность больше взимать податей в свою пользу). С. Егиазаров, рассматривая существовавшую в ханствах податную систему, пишет, что «во всех ханствах существовала, прежде всего, так называемая неуравнительная подымная подать, имевшая личный характер, так как в ней объектом обложения служили дым и семья, как совокупность лиц, а не как хозяйственная единица». Далее он замечает, что эта «подымная подать в различных ханствах носила разные названия: в Нахичеванском ханстве — *öv puli* (подымная деньга), в Бакинском — аташ-хараджи, а у татар вообще — тусту-пули (подымная деньга). Личный налоговый характер этой подати еще яснее выражается в так называемом «баш-пули» — «поголовной деньге», объектом которой служило всякое лицо, достигшее 15-летнего возраста, а порой и всякая душа и даже малолетние дети»³.

Среди важнейших повинностей, которые несли крестьяне, была барщинная работа, называемая у армян «кор», «кор-бегар» или просто «бегар». Барщинную работу — «бегар» — крестьяне должны были выполнять не только для своих хозяев-феодалов, но и для персидских властей. В таких случаях крестьян отрывали от их личных хозяйств и насильно гнали на строительство крепостей, дорог и т. д. Ярким примером может служить сообщение историка Закарии Саркавага. Он пишет, что после занятия Еревана персами, ереванский правитель Амиргуне-хан начал строить крепость, дворцы, сады, каналы и т. д., в связи с чем он увеличил «бегар» до очень больших размеров⁴.

Кроме указанных выше основных податей и налогов, существовали также чрезвычайные и местные подати и налоги, которые, может быть, и не были установлены центральной властью, но взимались местными ханами, чиновниками и

¹ Закария Саркаваг. История, кн. I, стр. 65—67; см. также И. П. Петрушевский. Очерки..., стр. 286—287.

² Абраам Кретапи. Указ. соч., стр. 65.

³ С. Егиазаров. Указ. соч., стр. 287.

⁴ Закария Саркаваг. История, кн. I, стр. 46; см. также И. П. Петрушевский. Очерки..., стр. 286.

сборщиками податей в свою пользу. Такими «местными» податями являлись «коналга», «даругеги», «байрамлык», «хасарат», «карахарджи», «ахтаз» и др.¹. Нередко персидские власти требовали от местных жителей предоставления им особых средств для сооружения крепостей, укреплений и для других целей². Характеризуя положение армян под властью Сефевидов, русский дипломат А. Волынский писал в 1717 г., что они «великими налогами и податями отягчены. . . »³.

* * *

Появление денежной ренты и денежных податей являлось результатом развития товарно-денежных отношений, товарного производства, обслуживавшего феодальное общество. Процесс развития товарно-денежных отношений, как было сказано выше, усилился во второй половине XVII в. В этот период персидские власти, так же как и феодалы, стали взимать с крестьян ренту и подати деньгами. Взимание ренты и податей с крестьян в денежной форме приняло еще большие размеры в период хозяйственного упадка, т. е. с конца XVII в., когда персидские ханы, феодалы и чиновники, будучи связаны с рынком и сильно нуждаясь в деньгах, повысили свои денежные требования к крестьянам. К тому же в деревнях и городах усиливалось ростовщичество, которое ускоряло разорение не только крестьян, но и части феодалов.

Данные многих источников показывают, как происходил процесс разорения крестьян в указанный период и какие широкие размеры приняло ростовщичество. По документам сборника «Купчие и разные другие архивные документы по хозяйственным сделкам», в деревне Мастара некие Мкртич и Беклар, нуждаясь в деньгах, в 1714 г. заложили свой мульк Эчмиадзину за четыре тумана с тем условием, что пока они не возвратят эти деньги, их мульк будет оставаться в распоряжении Эчмиадзина. «Когда возвратим деньги, — говорится в кабальной грамоте, — наш мульк будет [возвращен] нам»⁴. Из данных другого источника — «Джамбра» Симеона Ереванци — выясняется, что упомянутым Мкртичу и Беклару в дальнейшем не только не удалось заплатить эти четыре тумана и получить

¹ См. И. П. Петрушевский. Очерки. . . , стр. 280, 281; Купчие. . . , стр. 163; Закария Акулисский. Дневник (арм. изд.), стр. 121, 150.

² Закария Акулисский. Дневник (русский перевод), стр. 68.

³ Е. Зевакин. Азербайджан в начале XVII века. Журнал посла Волынского. Баку, 1929, стр. 12.

⁴ Купчие. . . , стр. 21.

обратно свой мульк, но что они вынуждены были через пять лет после этой сделки, в 1719 г., «через ходжа Акопджана из Еревана» продать Эчмиадзину еще один земельный участок. Еще ранее — в 1709 г. — дед Мкртича и Беклара, Мгер продал Эчмиадзину другой участок в той же деревне¹. Некий Арутюн — крестьянин из деревни Ошакан — по «своей доброй воле» заложил весь урожай своего сада службе патриарха Эчмиадзина со следующим условием: если Арутюну удастся в срок с октября (1736) до 20 марта (1737) вернуть деньги службе патриарха, то он получит свой сад обратно, а если не удастся вернуть деньги, то и в следующем году «урожай сада также будет принадлежать ему (службе патриарха)». На основании этого договора служба патриарха должен был пользоваться садом Арутюна до тех пор, пока тот не вернет ему деньги. Арутюн, буквально через несколько дней после этой сделки, заключил другой договор с тем же служкой о том, что он отдает ему в пользование также свой винный погреб вместе с карасами за 4000 динаров со следующим условием: когда Арутюн возвратит деньги и получит обратно сад, то он получит обратно также и винный погреб².

Конечно, ростовщичеством в Эчмиадзине занимался не только служка патриарха. Документ № 102, изданный в сборнике «Купчие и разные другие архивные документы по хозяйственным сделкам», показывает, что к ростовщичеству был причастен смотритель мульков («млканачи») Эчмиадзина Агаек. В 1709 г. при его посредничестве («рукою млканачи Агаека») крестьянин Абраам и его племянник Григор из деревни Ошакан продали свою давилню за 6000 динаров. Далее в документе говорится, что если в будущем этот Абраам и его племянник потребуют возвращения проданной давилни, то они должны будут уплатить 12 000 динаров (т. е. в два раза больше продажной цены давилни)³. Как эти, так и многие другие документы⁴ указывают на усиление ростовщичества в Армении в конце XVII и начале XVIII в.

Обнищение крестьянства шло усиленным темпом, и крестьяне, попавшие в долговую кабалу, вынуждены были продавать свои земли и имущество. Так, в 1719 г. крестьянин Малер, сын Бабуненц Айрапета, в своем завещании писал, что он должен разным лицам восемь туманов⁵. Из другого документа,

¹ Симеон Ереванци. Джамбр, стр. 115.

² Купчие. . ., стр. 84—85.

³ Там же, стр. 130.

⁴ Там же, док. № 103 и др.

⁵ Там же, стр. 165.

относящегося к 1725 г., мы узнаем, к чему вела эта задолженность крестьянина. «После смерти моего мужа, — пишет крестьянка Ана-Хатун, — два с половиной года я жила без мужа. Мой ребенок умер и я взяла два тумана в долг для пропитания, для установки надгробного камня и для омовения [умершего ребенка]. В 1725 г. я, жена Гулвели Ана-Хатун, продала землю моего мужа за четыре тумана, чтобы отдать долги — мой и моего мужа. Два тумана я отдала Степану, 14 000 динаров Миансару и 6000 динаров Маргару»¹. Из другого документа выясняется, что муж Аны-Хатун, Гулвели, еще в 1722 г. был сельским меликом. Его займодавец Степан был состоятельным крестьянином и за 17 туманов купил виноградник (сад). Но в дальнейшем семья этого Степана также обнищала: сын и жена Степана вынуждены были этот же виноградник продать за четыре тумана. Что касается Аны-Хатун, то она вторично вышла замуж, но несчастье преследовало эту женщину: ее второй муж также умер, и в 1736 г. она и ее сын (от второго мужа) Багум были вынуждены продать свой земельный участок «хайреник-мульк»².

Крестьянин Бахшенц Айрапет в 1706 г. продал за один туман свой земельный участок размером в восемь сомаров «шарон Галусту, чтобы погасить долг своего отца». Другой крестьянин Ованес, сын Кафуренц-Назара, продал свои земли за пять туманов, чтобы «погасить долг своего отца». Также поступил и крестьянин Айрапет, сын Мугдуси-Авака³.

Крестьяне вынуждены были продавать не только собственные земельные участки, но и оросительные каналы (воду), дома, сарай — все, что только можно было продать⁴.

Для создавшегося в период хозяйственного упадка положения чрезвычайно характерно падение цен на крестьянские земельные участки, которое отражено в приводимой ниже таблице 5.

Таблица показывает не только падение цен на землю в первой половине XVIII в., но также и сохранение этого положения в дальнейшем. Необходимость платить «малджахат» и другие денежные подати, при существовании подобных цен на земельные участки, огороды и имущество, не могла не повести к еще большему обнищанию крестьян. Продавая свои земли и имущество для того, чтобы расплатиться с долгами, крестьяне часто вынуждены были переходить на землю феодалов.

¹ Купчие. . . , стр. 52.

² Там же, стр. 52, 56, 77, 78.

³ Там же, стр. 43, 60, 65.

⁴ Там же, стр. 127—153.

Цены земельных участков в XVII—XVIII вв.¹

Источник	Год	Размер земельного участка	Цена земельного участка в динарах	Цена 1 сомара и 1 чвана земли в динарах	Примечание
Купчие..., док. № 16	1667	4 сомара	30 000	1 сомар — 7500	—
» » № 24	1680	1 чван	6 000	1 чван — 6000	} Тот же участок
» » № 24	1691	1 »	3 500	1 чван — 3500	
» » № 20	1682	6 сомаров	15 000	1 сомар — 2500	—
» » № 30	1706	8 »	10 000	1 сомар — 1250	—
» » № 31	1708	4 сомара 8 сомаров пшеницы	(8 000)	1 сомар — 2000	1 сомар пшеницы стоил 1000 динаров
» » № 39	1732	17 чванов	40 000	1 чван — 2352,5	—
» » № 42	1737	10 сомаров	15 000	1 сомар — 1500	—
«Джамбр», стр. 175	1707— —1710	{ 20 садов и 5 мельниц	1 800 000	—	} Те же самые сады и мельницы
		{ 9 садов и 12 мельниц	1 500 000	—	
		{ 20 садов и 5 мельниц	550 000	—	
	1722	{ 9 садов и 12 мельниц	700 000	—	
Купчие..., док. № 58	1722	8 арык (виноградник)	170 000	—	} Тот же самый участок
	1750	8 арык (виноградник)	45 000	—	
» » № 53	1772	18 сомаров	20 000	1 сомар — 1100	—
» » № 55	1780	6 »	4 000	1 сомар — 666	—

¹ Табл. 5 составлена по документам, изданным Ереванским Матенадараном в 1941 г. (Купчие. . .).

Упадок крестьянского хозяйства и разорение крестьян часто усугублялись стихийными бедствиями. Так, в одной из памятных записей говорится, что в 1717 г. в округах Дизак, Варанда, Чараберд, Хачен (в Карабахе) имел место падеж скота, затем появились саранча и гусеница, после чего наступил голод, за которым последовала эпидемия чумы. От чумы ежедневно умирали 60—70 человек¹.

Таким образом, в конце XVII—начале XVIII в. широкие массы населения Армении были доведены до полного разорения. Разоренные крестьяне вынуждены были продавать свои земельные участки и имущество и переходить на землю феодалов. Все это вызывало среди крестьян частые волнения, которые в 20-х годах XVIII в. приняли характер вооруженных выступлений.

Сефевидские шахи, шахские чиновники, ханы подвергали армян также политическим и религиозным гонениям, глумились над армянской культурой, языком, нравами, обычаями; не проходило ни одного года или месяца при персидском владычестве, чтобы в результате этих гонений не погибло несколько десятков или сотен людей.

Еще при шахе Аббасе I усилились религиозные преследования, участились случаи разрушения армянских монастырей и церквей. Так, например, шах Аббас I приказал разрушить стены монастыря Эчмиадзин и отправить все камни, а также «десницу Григория Просветителя» в Исфаган². Сефевидские власти насильно заставляли армян принимать ислам. Нередко шах Аббас I сам принуждал того или другого армянина принять ислам, а в случае отказа убивал непокорного на месте. Так он поступил с деревенским священником Тер-Аветисом в 1620 г., а немного спустя он приказал насильно совершить обрезание всем переселенным в Персию армянам. Эти действия вызвали среди армян волнения, даже вооруженное сопротивление. Но, не будучи в состоянии дать отпор силам шаха, многие армяне предпочитали бросать свои дома, имущество, и разбегались в разные стороны, укрываясь в горах и в пустынных местах³.

Чтобы принудить армян принять ислам, Сефевиды пустили в ход так называемый «закон» имама Джафара, по которому «член семьи, принявший мусульманство, являлся единственным наследником всех своих родных — христиан, в какой бы степени родства с ними не состоял; но не одни родные, часто

¹ М. Бархударян. Арцах, стр. 280 (памятная запись Евангелия).

² Аракел Даврижеци. История, стр. 212, 213.

³ Там же, стр. 163—166, 168.

совершенно чужие, принявшие мусульманство, по показанию ложных свидетелей из магометан, признавались родственниками и присваивали их имущество»¹. Приблизительно такой же «закон» был распространен в 1705 г. в областях Багеш и Ван (Западная Армения) одним из местных мулл².

Очень характерные для этого периода данные сообщает Закария Саркаваг. Он рассказывает, что некий перс, поссорившись с епископом Микаелом, поставил себе целью завладеть его имуществом и для этого объявил, что он является родственником епископа. Этот перс говорил Микаелу: «Все, что ты имеешь, это все мое, так как я мусульманин: и наши законы так велят». Дав взятку ереванскому шейху, этот перс получил подтверждение в том, что он действительно является родственником епископа: «и этот перс, получив свидетельство, завладел садом епископа»³.

Как в Персии, так и в Турции правительственные и местные чиновники часто брали у армян деньги «в долг». Если армяне возражали, то чиновники наказывали их и заставляли принять ислам, а в случае отказа — вешали, сжигали живыми на костре⁴.

Известна, например, трагическая судьба молодого священника Андреаса, учителя Акулисской армянской школы, где занималось около 50—60 детей из Акулиса и близлежащих сел. Андреас усердно занимался учебой и воспитанием своих учеников. Однако скоро ему пришлось заплатить жизнью за свою деятельность: в 1617 г. шах Аббас I, прибыв в Акулис, увидя школьников и узнав, что их учителем является священник Андреас, приказал немедленно подвергнуть его пыткам и потребовать от него принятия ислама, а в случае отказа — убить. «Причиной» подобного решения шаха, по словам Аракела Даврижеци, была практиковавшаяся в школе стрижка волос детям (из-за чего школьники выглядели «некрасивыми!»). По существу же действия шаха были направлены против армянской культуры, образования, языка. Учитель Андреас не принял ислама, и шахские чиновники, исполняя приказ своего повелителя, убили Андреаса⁵. Многие армяне, подобно учителю Андреасу, отказавшись принять ислам, пали от рук

¹ Г. Э з о в. Указ. соч., стр. XII.

² Г. С р в а н д з т я н. Мананай (на арм. яз.). Константинополь, 1876, стр. 359—360; см. также «Материалы по истории армянского народа. Мелкие хроники XIII—XVIII вв.» Кн. III, Ереван, 1951, стр. 363.

³ Закария Саркаваг. История, кн. I, стр. 72, 73.

⁴ Я. М а н а н д я н. Новые армянские мученики (на арм. яз.). Вагаршапат, 1902, стр. 415.

⁵ Аракел Д а в р и ж е ц и. История, стр. 354—363.

пахских и султанских чиновников. Так, крестьянка Азиз из Вайоц-Дзора, отказавшись принять ислам, по приказу местного правителя — Султан-Мурад-хана была повешена на башне мечети. Такая же участь постигла крестьянку Тамам из деревни Шахкерт. 18-летнего юношу Григора в Исфагане убили только потому, что он осмелился защитить честь своего отца от гнусных оскорблений, причиненных персидскими ассимиляторами, и отказался принять ислам¹. По сообщению Закарии Саркавага, ереванский хан Сефи-Кули приказал христианам в дождливые дни не выходить на улицу, чтобы они «своим грязным запахом не пачкали персов». Этот дикий произвол хана вызвал недовольство даже среди местного нехристианского населения².

Разорение и разрушение армянских церквей, преследования армянской культуры и религии со стороны персидских и турецких ассимиляторов продолжались во второй половине XVII и начале XVIII в. При дворе шаха Сулеймана (1664—1694) и шаха Хусейна (1694—1722) широко практиковались так называемые «религиозные споры». Во время этих «споров» представители армян должны были защищать свою церковь и вероисповедание. «Споры» зачастую кончались тем, что шахские власти требовали от армян принятия мусульманства³.

Преследования и угнетение армян со стороны сефевидских властей, по свидетельству Есаи Хасан-Джалаляна, особенно усилились при шахе Хусейне.⁴

К этому прибавлялись враждебные действия римского папы и его миссионеров, стремившихся подорвать армянскую церковь и обратить армян в католическое вероисповедание. Воспользовавшись последствиями походов шаха Аббаса I, католические миссионеры активизировали свои действия и нередко пытались даже разрушить армянские церкви под предлогом поисков «мощей святых».

Эчмиадзинский патриарх Александр (1705—1714) в своем письме к римскому папе жаловался на то, что миссионеры вносят в страну беспорядки и смуту, внушая армянам, что «ваша обедня — не обедня и крещение — не крещение, а также исповедь и покаяние в грехах и другие священные обряды, установленные в церкви, не являются истинными и

¹ Закария Саркаваг. История, кн. II, стр. 126—131; см. также Я. Манандян. Новые армянские мученики, стр. 488, 489, 521—524, 539—550.

² Закария Саркаваг. История, кн. II, стр. 89, 90.

³ См. Хачатурябег Джугаеци. История Персии (на арм. яз.). Вагаршапат, 1905; Лео. История Армении, т. III, стр. 427—429.

⁴ Есаи Хасан-Джалалян. Указ. соч., стр. 18.

настоящими». В этом же письме патриарх Александр писал, что представители папы, встречая сопротивление со стороны армян, творят всевозможные бесчинства¹.

Особенно нагло действовали католические миссионеры против армянской церкви на территории Персии и Турции. В Константинополе, например, в 1706 г. иезуиты с помощью французского посла похитили армянского патриарха Аветика-вардапета, который был непримиримым врагом католичества.

Столкновениями между католическими миссионерами и армянским духовенством нередко пользовались персидские и турецкие ассимиляторы, преследовавшие армян и за сохранение их собственного вероисповедания и за переход в католичество. Характерны в этом отношении события в Константинополе в 1720 г. Местное католическое духовенство пыталось силой помешать армянам посещать армянскую церковь. Константинопольский армянский патриарх Ованес-вардапет неоднократно обращался к католическому епископу с просьбой не мешать армянам посещать свою церковь. Натолкнувшись на решительный отказ, Ованес-вардапет вынужден был просить вмешательства турецких властей, которые, воспользовавшись случаем, начали массовое преследование армян, принявших католичество².

Подобные же факты имели место и в Сефевидском государстве. Г. Эзов замечает, что «источником многих зол и бедствий для армян были находившиеся в пределах Персии католические миссионеры. . . »³.

Определенное значение для противодействия религиозной политике Сефевидов по отношению к армянам имело движение Сюнийской пустыни, хотя надо сказать, что оно никогда не выходило за пределы узко классовых интересов верхушки армянского феодального общества. Даже после перехода эчмиадзинского престола в руки последователей сюнийского движения не прекращались совместные действия феодалов-церковников и чужеземных поработителей против народных масс Армении.

Тем не менее это движение, будучи направлено против разложившейся верхушки армянского духовенства, официально признанной Сефевидами, носило прогрессивный характер, так как способствовало укреплению и объединению армянской церкви, являвшейся в то время, в известной мере, носителем идеи национального объединения армянского народа.

¹ Сборник «Парос» («Маяк»), вып. 2, 1870, стр. 11—12.

² Ч а м ч я н. История Армении, т. III, стр. 776—778.

³ Г. Э з о в. Указ. соч., стр. XIII.

Как известно, в XII—XV вв. армянская церковь находилась в состоянии раскола. В стране появились два, а затем три и четыре патриаршества, которые, не признавая друг друга, управляли своими епархиями независимо друг от друга. Начало церковному расколу положило перенесение в XII в. политического и религиозного центра армян в Киликию; из центральных областей Армении в Киликийскую Армению начали переселяться многие армянские светские и церковные феодалы с зависимыми от них людьми, попадая постепенно под влияние греческой и западной церквей¹. В дальнейшем среди киликийских армян влияние западной церкви усилилось до такой степени, что в 1439 г. патриарх Киликийской Армении отправил своих представителей во Флоренцию, чтобы они заявили о принятии армянской церковью католичества. Это обстоятельство вызвало недовольство среди феодалов и духовенства Центральной Армении. Чтобы сохранить свою независимость от папы, некоторые круги духовенства и светских феодалов решили создать патриарший престол в самом центре Армении, откуда им было бы легче вести борьбу против влияния католичества. Повидимому, этим обстоятельством следует объяснить учреждение патриаршего престола в Эчмиадзине в 1441 г. В 40-х годах XV в. у армян оформились четыре патриаршества, с четырьмя резиденциями, а именно: Эчмиадзинское, Киликийское, Ахтамарское и Гандзасарское. Все они вели борьбу друг против друга².

Для того чтобы укрепить руководящую роль Эчмиадзина, светские и церковные феодалы Центральной и Восточной Армении лишили престола слабохарактерного патриарха Киракоса; его место занял выходец из среды светских феодалов — сын парон-Джалал-бека Григор Макведи (1443—1455). Этот патриарх, будучи способным организатором и состоятельным человеком, начал, как было сказано выше, приобретать для Эчмиадзина крупные земельные владения и привел в порядок хозяйство эчмиадзинского престола. С этого периода Эчмиадзин стал заметно усиливаться. В 60-х годах XVI в. эчмиадзинский патриарх Микаел добился ограничения прав гандза-

¹ Симеон Ереванци. Джамбр, стр. 54.

² Агванское, или Гандзасарское, патриаршество существовало с древнейших времен. В самом конце XVII в., недалеко от Гандзасара, в монастыре «Трех младенцев», появилось новое патриаршество, которое выступало против патриархов Гандзасара. Патриархи Гандзасара и монастыря «Трех младенцев» в борьбе друг против друга часто обращались за помощью к Эчмиадзину (подробнее об этом см. Симеон Ереванци. Джамбр, стр. 63—91).

сарских и ахтамарских патриархов и тем самым поставил их в зависимое положение от Эчмиадзина¹.

Однако вскоре наступило значительное ослабление Эчмиадзина; на эчмиадзинском престоле стали одновременно появляться по два, по три, а иногда и по четыре патриарха². Каждый из патриархов не только распоряжался хозяйством и средствами Эчмиадзина по своему собственному усмотрению, но и, враждую с другими патриархами, нередко прибегал к помощи персидских шахов и феодалов. Это повлекло за собой падение роли Эчмиадзина как церковного центра и усиление его зависимости от шахских властей.

Историк Аракел Даврижеци сообщает, что патриархи Меликсет и Саак «из-за своей жадности и властолюбия купили у персидского царя патриаршескую власть над св. престолом Эчмиадзина»³. Так, патриарх Меликсет был утвержден шахом Аббасом I на эчмиадзинском престоле в обмен за обязательство платить в шахскую казну специальную подать («мугада») в 100 туманов ежегодно. Через год шах послал в Эчмиадзин своих чиновников, чтобы они получили за прошедший год обещанные патриархом Меликсетом 100 туманов. Чтобы заплатить эти 100 туманов, патриарх вместе с шахскими чиновниками и их слугами стал притеснять население и требовать деньги. Эти совместные действия Меликсета и шахских чиновников, которые «насильничали и разоряли население», вызвали среди армян общее недовольство, направленное не только против персидских властей, но и против эчмиадзинского патриарха⁴.

Аракел Даврижеци сообщает также, что, получив церковную власть с помощью взяток, патриархи Меликсет и Саак тем же путем помазали епископов и священников, которые «были до крайней степени невежественными, негодными, мерзкими» и с утра до ночи заняты были «низкими и мерзкими делами»⁵. Как сами эчмиадзинские патриархи, так и назначенная ими верхушка духовенства стали фактически исполнителями воли и желаний сефевидских властей.

Сильное недовольство среди армянского населения вызывало и поведение эчмиадзинских патриархов по отношению к агентам римского папы — католическим миссионерам. Так, когда после «великого сургуна» (насильственного переселения

¹ Симеон Ереванци. Джамбр, стр. 20.

² В 1455 г. в Эчмиадзине одновременно были помазаны 2 патриарха, в 1461 г. — 3 патриарха, с 1476 до 1506 г. — 2 патриарха, в 1557 г. — 4 патриарха, в 1567 г. — 4 патриарха, в 1593 г. — 2 патриарха, с 1603 по 1628 г. — 3 патриарха и т. д. (подробнее об этом см. Аракел Даврижеци. История, стр. 436—438).

³ Аракел Даврижеци. История, стр. 289.

⁴ Там же, стр. 221—224.

⁵ Там же, стр. 290.

армян) «латинцы» стали раскапывать землю под местом расположения эчмиадзинских монастырей св. Гаяне и Рипсимэ, собираясь взять с собой «мощи» Рипсимэ, среди армян вспыхнули волнения: на месте происшествия собрались епископы, вардапеты и крестьяне, которые ожидали, что патриарх Меликсет накажет «латинцев». Выяснилось, однако, что патриарх заранее получил от них взятку золотом, почему и не принял против них никаких мер. Тогда разгневанные эчмиадзинцы сами напали на «латинцев», избили и прогнали их¹.

В этих условиях и возникло движение Сюнийской пустыни, которая была основана в 1610 г. недалеко от монастыря Татев. В Сюнийской пустыни собрались не только вардапеты, епископы, священники, но и «знатные люди» из светских феодалов, отрицательно относившиеся к политике эчмиадзинских патриархов². Движение Сюнийской пустыни поддерживало также и армянское кустечество.

Основателями и руководителями Сюнийской пустыни явились епископ парон-тер-Саргис, священник Тер-Киракос и Мовсес Сюнеци. Они ставили перед собой следующие цели: 1) вести борьбу против разложения духовенства и его главы — эчмиадзинского престола; 2) вести борьбу против миссионеров и представителей римского папы; 3) взять в свои руки церковную власть (престол патриарха) и добиться того, чтобы в Эчмиадзине, вместо 3—4 патриархов, был помазан только один патриарх; 4) поднять хозяйство Эчмиадзина и усилить его экономическое и политическое значение; 5) создать при крупных монастырях новые пустыни, открыть духовные школы и т. д.

Сюнийская пустынь развернула пропаганду среди армянского населения как в самой Армении, так и за ее пределами. Один из руководителей пустыни — вардапет Погос Макведци начал свою проповедническую деятельность среди тавризских армян, а затем по настоянию гохтинских купцов отправился проповедовать в Акулис и Астапат.

Деревня Астапат в XVI—XVII вв. была крупным населенным пунктом, где в значительной мере были развиты торговля и денежные отношения. В этой деревне жило много монахов, которые строили свои кельи вокруг деревенской церкви. Когда представители деревни обратились к Погосу-вардапету с просьбой посоветовать им, как расширить церковь, тот убедил их разрушить кельи монахов и присоединить освободившуюся площадь к церкви.

Разгневанные местные монахи начали бранить Погоса-вардапета и грозили выгнать его из деревни, но он до такой

¹ Аракел Д а в р и ж е ц и. История, стр. 183.

² Там же, стр. 253—254.

степени настроил население против них, что жители деревни стали разрушать монашеские кельи. Монахи вызвали на помощь главу монастыря св. Нахавка, и он изгнал Погоса-вардапета из Астapatа. Когда жители деревни Астapat узнали об этом, они, вооружившись камнями, напали на монахов, избили их и прогнали из деревни. Монахов Астapat поддержали епископы монастыря св. Нахавка, которые, в свою очередь, обратились за помощью к эчмиадзинскому патриарху Меликсету. Патриарх предложил Погосу немедленно удалиться из страны, угрожая в противном случае предать его в руки «властительных князей», т. е. персидских феодалов. Патриарх старался восстановить против Погоса Амиргуне-хана, а также Карчхана из Тавриза. В том же духе действовал и племянник Меликseta патриарх Саак¹.

Эчмиадзинским патриархам удалось заставить замолчать Погоса; но они не смогли сделать этого в отношении Мовсеса Сюнеци, который, как было сказано, являлся одним из основателей Сюнийской пустыни.

Мовсес Сюнеци в своих проповедях резко выступал против разложения духовенства, которое перенимало светские порядки и в значительной степени отходило от церковных обычаев. Проповеди и деятельность Мовсеса Сюнеци фактически были направлены против существовавших, официально признанных патриархов, епископов, вардапетов, священников и прочих представителей духовенства. Влиятельные круги армян из числа высланных в Персию, а также некоторые феодалы и купеческие круги Восточной Армении поддерживали Мовсеса Сюнеци, который в самом Ереване построил церковь и, собрав единомышленников, создал пустынь. Вскоре авторитет Мовсеса усилился настолько, что Эчмиадзин был вынужден сделать ему ряд уступок, а в 1627 г. поддерживавшие Мовсеса влиятельные армянские круги в Исфагане добились у шаха Аббаса I рагама о назначении Мовсеса Сюнеци эчмиадзинским лусараром (церковным ключарем)².

С этого времени Мовсес стал фактически главой Эчмиадзина, а в 1629 г., при поддержке своих друзей в Исфагане, был утвержден патриархом Эчмиадзина и стал заниматься монастырским хозяйством. Ему удалось при шахе Сефи добиться отмены ежегодного налога в 100 туманов (мухада), наложенного на Эчмиадзин шахом Аббасом I.

Перед смертью (в 1632 г.) Мовсес Сюнеци назначил своим преемником своего ученика Пилипоса Агбакеци, воспитанника Сюнийской пустыни. Вплоть до 1680 г. (до смерти Акопа

¹ Аракел Д а в р и ж е п и. История, стр. 270—272, 277, 281, 282.

² Там же, стр. 295, 247, 248, 302.

Джугаеци) эчмиадзинское патриаршество находилось в руках выходцев из Сюнийской пустыни и их учеников. Если до 1627—1629 гг. сюнийское движение было направлено против эчмиадзинских патриархов и разложившегося духовенства, то в последующий период, когда патриаршество перешло в руки представителей Сюнийской пустыни и в Эчмиадзине был утвержден только один патриарх, борьба велась уже за усиление Эчмиадзина как хозяйственного и церковного центра. Патриарх Пилипос (1633—1655) возродил разрушенные монастыри и восстановил внутренние порядки среди духовенства. Фактически с этого момента патриаршества Ахтамар и Гандзасар были поставлены в зависимое положение от Эчмиадзина. Патриарх Пилипос, усилив эчмиадзинское хозяйство, одновременно открыл духовные школы, расширил сеть нвираков.

Институт нвираков (т. е. нунциев) существовал и раньше, но он стал играть более активную роль, когда Эчмиадзин перешел в руки патриархов — выходцев из Сюнийской пустыни. Через нвираков Эчмиадзин поддерживал связь с населением Западной Армении, а также с армянами, проживавшими в других странах. Нвираки боролись против влияния католических миссионеров. Связи и переговоры Эчмиадзина с иностранными государями и руководителями других церквей также осуществлялись через нвираков.

Немаловажную роль сыграл институт нвираков и в хозяйственном усилении Эчмиадзина. В назначенных им епархиях нвираки занимались торговлей, собиранием церковных податей и приношений для Эчмиадзина.

В своих епархиях нвираки продавали главным образом мирру: так, Пилипос Агбакеци, еще будучи епископом, отправился в Эрзерум в качестве нвирака и продавал там мирру. Когда же его вызвал на допрос эрзерумский паша, то Пилипос заявил ему: «Я продаю масло, кто покупает у меня масло, покупает его на деньги, а кто не покупает, не дает денег»¹. С. Погосян указывает, что эчмиадзинские епископы, возвращаясь в Эчмиадзин, привозили с собой из разных стран и местностей различные ткани и промышленные изделия и продавали их в Ереванском ханстве². Церковные подати нвираки собирали как деньгами, так и натурой.

Симеон Ереванци приводит подробный список всех епархий (иногда он перечисляет даже все города и деревни данной епархии), в которых нвираки собирали среди армянского населения подати и приношения³. Эчмиадзинскими патриархами

¹ Закария Саркаваг. История, кн. II, стр. 28.

² Научные труды Ереванского государственного университета, т. XIII, 1940, стр. 151.

³ Симеон Ереванци. Джембр, стр. 44—51.

были разработаны специальные правила, в которых указывалось, в какие сроки и в каких размерах причитались с населения подати и приношения¹. Среди указанных податей следует особо отметить подушную подать, которую каждый армянин должен был платить Эчмиадзину. Как сообщает Закария Акулиссский, во второй половине XVII в. эта годовая подушная подать составляла 20 дианов или динаров. В дневнике Закарии Акулиссского говорится, что в 1669 г. в Акулис прибыл в качестве нвирака эчмиадзинский архимандрит Микаел, чтобы собрать подушную подать, «которую платил ежегодно каждый армянин в размере 20 дианов Эчмиадзину. Уже три года не собирался сей налог. Он прибыл и собрал за 3 года по 60 диан с каждой души»².

В XVII—XVIII вв. Эчмиадзин усилился до такой степени, что нередко оказывал сопротивление ереванским ханам³. Однако в период освободительного движения 20-х годов XVIII в. Эчмиадзин обращался к турецкому паше с просьбой оказать ему помощь в подавлении крестьянских выступлений⁴. И позднее, когда волнения и выступления народных масс принимали острый характер, патриархи в своих кондаках угрожали населению духовными и телесными наказаниями, причем телесные наказания должны были последовать со стороны «иноплеменных властителей»⁵. «Иноплеменными властителями» являлись персидские ханы и прочие чиновники, каравшие крестьян с беспощадной жестокостью. Эти факты еще раз подтверждают верхушечный узко классовый характер движения сюнйской пустыни.

* * *

Борьба против сефевидского гнета велась в XVI—XVIII вв. не только в религиозной области. Она приобретала и более острые формы, выливалась порой в прямые выступления народных масс как против иноземных поработителей, так и против «собственных» светских и церковных феодалов. Наиболее знаменательным выступлением этого периода было крестьянское движение под руководством Мехлу-баба, направленное против верхушки духовенства и поддерживавших ее персидских феодалов.

¹ Список податей, взыскиваемых с населения церковью, их названия и другие подробности см. Лео. История Армении, т. III, стр. 135—136.

² Закария Акулиссский. Дневник (русс. перевод), стр. 74.

³ Симеон Ереванци. Джембр, стр. 158.

⁴ Там же, стр. 142.

⁵ Кунчие. . . , стр. 168.

Историки — современники описываемых ими событий — не дают подробных и точных сведений о движении, возглавлявшемся Мехлу-баба. Кое-какие данные имеются у Закарии Саркавага¹, который не скрывает своей ненависти к самому Мехлу-баба и возглавлявшемуся им движению.

Мехлу проповедовал полный отказ от золота, серебра, от богатства и роскоши. По сообщениям Закарии Саркавага, он был злейшим противником монахов и призывал народ ничего не давать им, так как они «являются нечестивыми и развратными». «Где бы они (Мехлу и его приверженцы) ни встретили монахов, епископов, вардапетов, убивали их, а многих преследовали и изгоняли из армянской страны»².

Вокруг Мехлу-баба собралось более 500 последователей, среди которых были не только рамики (простолюдины), но и «невежественные священники, богатые и знатные люди», — сообщает Закария Саркаваг. Из этих 500 последователей Мехлу-баба назначил себе 12 «апостолов», которые исполняли приказы Мехлу.

Армянские крестьяне решительно поддерживали Мехлу и его сторонников, присоединялись к нему. Когда Мехлу-баба со своими приверженцами прибыл в деревню Канакер, «невежественные рамики Канакера, узнав о его прибытии, с неудержимой силой отправились навстречу ему и встретили его. . . многими лобзаниями»³. Движение Мехлу, вспыхнувшее в Карабахе, докатилось до Еревана, где против Мехлу общими силами выступили эчмиадзинский патриарх и ереванский хан. Этот хан, подвергнув Мехлу пыткам, изгнал его из пределов Еревана. Узнав о торжественной и радостной встрече, устроенной Мехлу крестьянами деревни Канакер, хан и патриарх поспешили послать в Канакер специальный отряд, чтобы силой прогнать оттуда Мехлу. Мехлу после этого отправился в Апаран, а затем перебрался в Западную Армению⁴.

Из сообщения Закарии Саркавага видно, что в движении, возглавлявшемся Мехлу, участвовали не только армянские, но и азербайджанские крестьяне. Историк сообщает, что азербайджанцы звали его «Мехлу-баба», а армяне — «Мехлу-вардапет».

И. П. Петрушевский, подробно рассматривая движение Мехлу-баба, замечает, что «в этом движении важным момен-

¹ Закария Саркаваг. История, кн. I, стр. 47—53.

² С. Погосян. История Армении (на арм. яз.), ч. V, 1941, стр. 74.

³ Закария Саркаваг. История, кн. I, стр. 51.

⁴ Там же, стр. 53.

том было объединение армянских и азербайджанских крестьян против землевладельцев»¹.

По некоторым данным можно полагать, что движение, возглавлявшееся Мехлу-баба, было направлено не только против духовных и светских феодалов, но и против сефевидского владычества. Так, по сообщению Закарии Саркавага, когда Мехлу-баба начал свои проповеди, против него выступил агванский патриарх. Защиту от преследований патриарха Мехлу-баба нашел у правителя Гянджи Давут-хана. Последний потребовал от агванского патриарха прекратить преследования Мехлу-баба, восстановить его церковные права (духовное звание вардапета) и дать полную возможность Мехлу продолжать свои проповеди среди населения. Закария Саркаваг сообщает также, что ереванскому хану Амиргуне были известны связи Мехлу-баба и Давут-хана: когда в ереванской крепости Мехлу-баба, с целью избавиться от избиения и пыток, заявил, что он молится за Амиргуне-хана, то последний сказал, что за него молится эчмиадзинский патриарх, и, повернувшись к Мехлу-баба, гневно заявил ему: «Ты иди помолись за Давут-хана». Закария Саркаваг указывает, что Давут-хан, покровитель Мехлу-баба и его сторонников, находился в союзе и дружбе со знаменитым Георгием Саакадзе, который организовал борьбу грузинского народа против сефевидских войск и в одну ночь перебил находившиеся в Грузии сефевидские войска во главе с Карча-ханом. Шах Аббас I, узнав о событиях в Грузии, послал туда сильную армию и потребовал, чтобы Давут-хан также принял участие в борьбе против Георгия Саакадзе. Давут-хан отклонил требование шаха Аббаса, а после поражения Георгия Саакадзе, вместе с шестью преданными ему людьми, бежал из Гянджи².

Связи Мехлу-баба с Давут-ханом представляются нам важным свидетельством того, что движение Мехлу-баба в значительной мере было направлено против сефевидского владычества.

Волнения и движения крестьян в XVII в. не прекращались и после Мехлу. Выступления крестьян против местных феодалов, танутеров, персидских чиновников и ханов, принимая разные размеры и формы, в XVII в. происходили то в одних, то в других деревнях и областях. Так, например, в Акулисе и соседних селениях в апреле 1673 г., в ответ на насилия со стороны ереванского хана и эчмиадзинского патриарха, произошли крестьянские волнения, после подавления которых были повешены в одну ночь 35 человек³.

¹ И. П. Петрушевский. Очерки. . . , стр. 331.

² Закария Саркаваг. История, кн. I, стр. 27, 31, 48, 50

³ Закария Акулисский. Дневник (русский перевод), стр. 91.

Выступления народных масс против местных чужеземных поработителей происходили и в Западной Армении. Так, в 1702 г. в городе Ван, не желая больше терпеть городского рэса Тохмаха Мирака, около 500 человек, «собравшись вместе, отправились в сад Тохмаха и, войдя в его дом, схватили его и, повалив на землю, избили до смерти». Турецкий паша, возвратившись в Ван и узнав об убийстве рэса, обвинил в этом некоего ходжа-Джангула, умертвил его и потребовал от населения Вана уплатить 600 курушей как «цену крови» рэса. Паша потребовал от армян также представить ему письменное свидетельство о том, что он убил ходжа-Джангула якобы по их желанию. Горожане отклонили требование паши. Они закрыли свои магазины, лавки, церкви и, собравшись вместе в количестве около 1500 человек, решили оказать паше сопротивление. Напуганный паша вынужден был отказаться от своих требований¹.

Следует отметить, что крестьянские и вообще народные волнения и выступления до начала XVIII в. не выходили из пределов данной деревни, города или округа и не носили организованного характера. Первым массовым, более или менее организованным выступлением армянских крестьян явилось движение, возглавлявшееся Давид-беком, вокруг которого собрались «люди угнетенные и обедневшие от тяжелого порабощения иноплемennыми; люди, которые решили быть свободными от порабощения иноплемennыми»². Этими иноплемennыми поработителями являлись персидские и турецкие завоеватели, против которых и было направлено освободительное движение армянского народа в первой четверти XVIII в.

*
*
*

Завоевание Армении кочевыми племенами, а затем сефевидской Персией и султанской Турцией не только опустошало страну и разрушало производительные силы, но и приводило также к уничтожению памятников культуры и литературы. Было уничтожено много рукописей и других культурных ценностей армянского народа. Уцелевшие книги и рукописи «валялись в углах, как пни, покрытые землей и пеплом»³.

¹ Г. С р в а н д з т я н. Указ. соч., стр. 353—355; см. также «Материалы по истории армянского народа. Мелкие хроники XIII—XVIII вв.», кн. III, стр. 361.

² Ереванский Матенадаран, рукопись № 4598 — «История Давид-бека», стр. 4.

³ А р а к е л Д а в р и ж е ц и. История, стр. 255.

Однако, несмотря на жестокие репрессии со стороны персидских и турецких ассимиляторов, несмотря на враждебные проскии католических миссионеров, армянский народ никогда не прекращал борьбы за свою культуру, письменность, язык.

Еще в начале XVI в. сделало первые шаги армянское книгопечатание, получившее значительное развитие в XVII—XVIII вв. Опустошительные войны, происходившие между Сефевидами и султанской Турцией на территории Армении, расчленение страны, истребление и угнетение армянского населения вынуждали армян открывать свои первые типографии в Европе.

Значительную роль в развитии армянского книгопечатания сыграл Хачатур-вардапет Кесараци, энергично боровшийся против католицизма. Он был главой армянского монастыря Аменапркич в Новой Джульфе, которая, как известно, являлась одним из центров католической пропаганды в Сефевидском государстве. Руководители монастыря Аменапркич вели непримиримую борьбу против католических миссионеров, действовавших в пределах Персии. В 1640 г. Хачатур-вардапет Кесараци открыл в Новой Джульфе высшее училище и типографию; это была первая типография в Сефевидском государстве.

После смерти Хачатура-вардапета (в 50-х годах XVII в.) Ново-Джульфинская типография была запущена и закрыта, но в 1687 г. она была восстановлена епископом Степаносом¹. В этот период в Ново-Джульфинской типографии был отпечатан ряд религиозно-полемических сочинений Ованеса-вардапета Джугаеци, известного под прозвищем Мркуз, и Александра-вардапета Джугаеци, ставшего впоследствии (в 1705 г.) эчмиадзинским патриархом. В своих книгах Ованес и Александр Джугаеци вели борьбу как против религиозной политики шаха Гусейна по отношению к армянам, так и против пропаганды католических миссионеров, которые представляли собой не менее опасных врагов армянского народа.

Во второй половине XVII в. были открыты армянские типографии в Амстердаме, Марселе, Измире и в других городах. В 20-х годах XVIII в. в Венеции была основана типография мхитаристов, а в течение XVIII в. был учрежден ряд типографий и в других городах². В них вначале издавались книги религиозно-церковного содержания, но в дальнейшем, наряду с ними, стали выходить в свет сочинения древнеармянских историков, словари и книги научного характера и другие произведения, интересовавшие более широкие слои армян-

¹ Хачатур абега Джугаеци. Указ. соч.

² «Выставка истории армянской печатной книги». Ереван, 1948.

ского населения. Следует отметить, что многие представители усилившегося во второй половине XVII в. армянского купечества стали принимать деятельное участие в развитии книгопечатания¹.

В 1669 г. была издана «История» Аракела Даврижеци, в 1695 г. — знаменитая «История Армении» Мовсеса Хоренаци, а также «Карта мира» и «Сокровища мер, весов, чисел и денег всего мира. . .», которыми пользуются купечества всего мира». В 1709 г. была издана «История Армении» Агафангела. В 1711 г. вышла книга И. Шредера «Клад армянского языка».

Издание книг, в которых освещались история Армении в период ее государственной самостоятельности и борьба армянского народа против иноземных завоевателей, рассматривались вопросы армянской культуры, языка и т. д., имело большое общественно-политическое значение. Многие из этих книг, особенно «История Армении» Мовсеса Хоренаци, оказали значительное влияние на будущих руководителей освободительного движения 20-х годов XVIII в. Видный деятель армянского освободительного движения Израил Ори поддерживал близкие связи с кругами, занимавшимися изданием и изучением «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци².

* * *

Жестокое угнетение и преследование армянского народа со стороны персидских ханов, феодалов и чиновников дошли к началу XVIII в. до крайних пределов; Израил Ори еще в 1706 г. писал, что христиане «от губернаторов земли его (шаха) и начальников бесчеловечно утеснены и мучены бывают»³.

Возвращаясь в 1709 г. из Персии через Шемаху в Россию, Ори следующим образом охарактеризовал положение христиан в Персии: «И понеже христиане сей земли, которая держатся под жестоким порабощением и ежедневно принужденны бывают в Турскую обратиться веру, толь убегают коль можно, из предела Килань Назандара вышло двадцать дворов с фамилиею, шед в прибежище государств христианских»⁴.

В 1717 г. Волынский сообщил, что «христиане (армянской веры), которые во многих местах живут и особливыми деревнями, также имеют свои монастыри, при которых есть у них

¹ С. В. Тер-Аветисян. Город Джуга, стр. 16.

² См. Лео. История Армении, т. III, стр. 581.

³ Г. Эзов. Указ. соч., стр. 223.

⁴ Там же, стр. 251.

и епископ. . . , великими налогами и податями отягчены от них (от персов). . . »¹.

А. Р. Иоаннисян замечает, что, начиная с XVI в., после того как страна была разделена между Турцией и Персией, армяне, как и другие подвластные народы, были лишены не только каких-либо гражданских прав, но и элементарных гарантий личной и имущественной безопасности. «Армянский райя, — пишет Иоаннисян, — подвергался самой беспощадной и ничем не ограниченной эксплуатации, несравнимой с масштабами феодальной эксплуатации в тогдашних европейских феодально-абсолютистских государствах»².

Эта ничем не ограниченная эксплуатация и жестокое национальное угнетение вызвали вооруженные выступления армянского народа других народов Закавказья против персидских и турецких ассимиляторов в первой четверти XVIII в.

¹ Е. Зевакин. Указ. соч., стр. 12.

² А. Р. Иоаннисян. Иосиф Эмин. Ереван, 1945, стр. 8.

Глава III

УПАДОК СЕФЕВИДСКОГО ГОСУДАРСТВА И ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ АРМЯНСКОГО НАРОДА

Подъем освободительного движения армянского народа в начале XVIII в. происходил в обстановке упадка Сефевидского государства и афганского нашествия на Персию.

В буржуазной исторической литературе причины упадка, а затем и развала Сефевидского государства не получили правильного освещения. Одни авторы пытались объяснить эти события личными качествами последнего Сефевида — шаха Хусейна, которого многие современники иронически называли «муллой»; другие считали основной причиной нашествие афганцев и т. п.¹

Подобные объяснения явно не основательны. Причины развала Сефевидского государства носили более серьезный и глубокий характер. Рассматривая их, следует обратить особое внимание на хозяйственный упадок страны, на разорение и непомерно усиливавшуюся эксплуатацию крестьянства. Разорение крестьянского хозяйства и было решающей причиной общего экономического упадка в Сефевидской державе. Экономический упадок страны привел к военно-политическому кризису и к развалу государства Сефевидов.

Со второй половины XVII в., в связи с оживлением торговли и развитием рыночных связей, увеличивалась потребность персидских феодалов в различных товарах. Однако эти феодалы вследствие упадка земледелия (главной отрасли хозяйства того времени), обусловленного катастрофическим разорением основных производителей — крестьян, сильно нуждались в деньгах; стремясь удовлетворить свои потребности в товарах, они либо продавали свое недвижимое имущество, либо брали деньги в долг у купцов. Одновременно резко усилились

¹ См. «Дневник осады Исфaghани», предисловие Р. Патканова, стр. IV, VI, VII; Г. Э з о в. Указ. соч., предисловие, стр. VI, VII; Л е о. История Армении, т. III, стр. 590, 591.

вымогательство и произвол ханов и шахских чиновников, обогащавшихся путем безудержного грабежа подвластного им населения. Примером может служить Шемахинское ханство, где государственные доходы (т. е. подати, налоги, взимавшиеся ежегодно с населения) составляли около 80 тыс. руб. в год; «однако ж, сверх сего оклада управители обыкновенно вдвое или втрое каждой год собирают и по своим карманам делят», — писал А. Волынский¹.

Большое распространение получили среди самых высокопоставленных сефевидских придворных, чиновников и феодалов взяточничество и купля-продажа должностей. А. Волынский в свое время заметил, что в Персии «ежели кто из знатных пожелал бы себе ханства (губернацию) или иной какой уряд гражданской, однако ж, не может получить ни чрез какие заслуги, кроме того, что обыкновенно все прибыточные чины получают чрез великие дачи. . . министрам и самому шаху, в чем у персиян подозрения нет»².

Получив должность хана, персидские феодалы старались как можно больше выжать из населения. Путем грабежа создавались огромные состояния. Особенно беспощадному разорению и угнетению подвергались народные массы поработенных Сефевидами стран. Эксплуатация и угнетение народных масс вызывали все большее недовольство и постоянные волнения, которые, в конечном счете, переросли в вооруженное восстание против Сефевидского государства.

Важным фактором ослабления и упадка Сефевидского государства было также постепенное усиление феодальной знати, феодальной верхушки покоренных Сефевидами народов.

Выше было показано, как и какими путями в XVI—XVIII вв. в Армении усиливался армянский феодальный класс, представители которого нередко вступали в острые столкновения с персидскими ханами и другими феодалами. Такое же явление можно проследить в Грузии и в Азербайджане.

В то время как в персидских провинциях и в покоренных странах шло усиление феодальной верхушки, которая стремилась к политической самостоятельности, происходило ослабление сефевидской центральной власти. В условиях феодальной раздробленности возрастали стремления к феодальной децентрализации.

«Ныне Персия. . . , — писал А. Волынский, — не токмо от внешних неприятелей, но и внутренних зело обеспокоена, понеже народ персидской особливо гордой и зело своеволен, а страха от государя своего никакого не имеют, ибо хотя шах

¹ Е. З е в а к и н. Указ. соч., стр. 12.

² Там же, стр. 8.

их и суверен, но токмо уже сия власть осталась в одном титуле, а не в действе. . . »¹.

Кризис Сефевидского государства усугублялся также наличием в нем довольно сильной военно-кочевой знати с ее непримиримо враждебным отношением к центральной власти. Знать кочевых племен играла немалую роль как при первых Сефевидах, так и при последних. Правда, шах Аббас I старался истребить кочевых феодалов (эмиров), но все же кочевая знать не была полностью уничтожена, так как все еще сохранялись кочевые племена.

В состоянии разложения находилась военно-административная система в ханствах Сефевидского государства. «И хотя я слышал, — писал Волинский, — что в провинции Ширванской собирается по 10 000 человек, и я б мог верить, однакож в сию войну повелено было бывшему тогда тамо Кехосрову хану собрать 1000 человек и с ними итти к его величеству в Казвин. Но оной не мог собрать изо всей провинции больше 500, и то с великою нуждою шесть месяцев набирал»². Тот же Волинский указывал, что в Персии «редкие остались места, где б не было ребелей (мятежников)»³. По мнению Волинского, в случае войны между Россией и Персией последняя не смогла бы противостоять натиску даже весьма небольших русских сил.

Еще ранее (в 1699—1701 гг.) Израел Ори отмечал, что Персия никогда не была так слаба, как ныне. Ори указывал, что в период военных действий персидские войска собираются с большим трудом, притом никак не в первые дни войны, а в течение 7—8 месяцев; по окончании же военных действий возвращаются домой без разрешения начальства⁴.

В 1709 г. Израел Ори писал из Шемахи, что там 2 сентября произошло вооруженное столкновение между местным ханом и неким Литвали-беком. В результате этого столкновения было много убитых и раненых. Литвали-бек бежал в Ардебил, «шемахинцы же, — писал Ори, — пребывают еще в смятении с Персианами и у них многия за несколько время деревни пожгли и пограбили»⁵. Говоря о событиях, происшедших в Кандагаре, Израел Ори писал, что шах приказал Хосров-хану отправиться с войском численностью в 40 тыс. человек в Кандагар и покорить повстанцев; но Хосров-хану удалось набрать лишь 2 тыс. человек. В течение 8 месяцев

¹ Е. З е в а к и н. Указ. соч., стр. 6.

² Там же, стр. 15.

³ Там же, стр. 6.

⁴ Г. Э з о в. Указ. соч., стр. 38 42, 43.

⁵ Там же, стр. 250.

персам, несмотря на множество приказов и грубое принуждение, удалось собрать лишь 7 тыс. человек вместо 40 тыс.¹. По сообщению Исае́ла Ори, «шах велел еще войска собирать и в четыре месяца в Шемахе насилу собрали 300 человек»².

Говоря о количестве персидских войск, Исае́л Ори в своей докладной записке от 1699 г. сообщил, что из Ереванского, Гянджинского, Шемахинского, Нахичеванского и других западных ханств Сефевиды в случае войны могут собрать около 48 тыс. человек. Однако, если наступающие войска войдут на территорию Закавказья в первые месяцы войны, то Сефевиды не будут в состоянии собрать из этого числа даже 5 тыс. человек, ибо «их войска не соединены в полки, они не сосредоточены в одной местности, так как они вместе со своим хозяйством и скотом располагаются лагерем в горах...»³. Ори подчеркивает кочевой состав и характер персидского войска. Этот момент, как было сказано выше, сыграл немаловажную роль в ослаблении и упадке Сефевидского государства. В то время как европейские государства в XVII—XVIII вв. добились больших успехов в военном деле и технике, Персия оставалась в лучшем случае на том же уровне, на каком она находилась при первых Сефевидах. Говоря о снабжении и содержании персидских войск, Ори указывал, что войскам «платит не царь (шах), а губернаторы, которые дают им бумагу, по которой они (войска) получают свое жалование в деревнях зерном или чем-нибудь другим. И когда наступает война, они обязаны собраться на войну за свой счет и, следовательно, они очень плохо снабжены, и дисциплина у них плохая»⁴.

Описывая в своих планах и записях положение в Шемахинском, Гянджинском, Капанском, Ереванском, Нахичеванском ханствах, Ори подчеркивал, что соответствующие города и местности не укреплены, а правители этих ханств (ханы) имеют при себе на службе не более 200 (ереванский хан), а иногда всего 20—30 человек⁵.

Приведенные выше цифры показывают численность ханских войск в мирное время. Однако и в условиях военной ситуации положение в ханствах было не лучше.

Эти данные показывают, что во всех случаях Исае́л Ори постоянно подчеркивал военную слабость сефевидской Персии. Как мы уже видели, у Артемия Вольтынского

¹ Г. Э з о в. Указ. соч., стр. 252, 253.

² Там же, стр. 258.

³ Там же, стр. 39.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 32, 33.

сложилось точно такое же представление о Персии и ее военной мощи.

Разложение административного и военного аппарата в западных областях и в центре Сефевидского государства облегчило вторжение и победу афганцев, причем афганское нашествие совпало с вооруженным выступлением армянского, грузинского, азербайджанского и других угнетенных сефевидами народов.

В 1709—1711 гг. афганцы Кандагарской области, умертвив сефевидских наместников Георгин-хана и Хосров-хана, объединили свои силы для нашествия на Персию. К ним присоединились войска правителя Кабула — Дараф-шаха¹. В 1716 г. произошло восстание сильного афганского племени абдалиев в Гератской области. В 1718 г. выступили курды, вооруженные отряды которых наводнили Араратскую область, Хамадан, Салмаст и дошли до Исфагана.

Характеризуя положение, создавшееся в 1718 г. в Персии и в Армении, гандзасарский патриарх Есаи в письме Минасвардапету писал, что «сея страны нечестивых вельмож противники от всех стран окружили, найпаче внутренние неприятели. . . от страны Узбекской как при Мешете все разорили; из Курдистана востали rebellion на пограничную Араратскую провинцию и Эриванскую и Салмаст разорили; у нас в Ширване, в провинции Агванской, Карабацкой, Грузинской бесчисленно разорили ж, чего ради Персидский народ ныне в великом недоумении обретається»².

Одновременно Сефевидское государство подвергалось набегам дагестанских феодалов, которые, не встречая сопротивления со стороны шахских войск, грабили и разоряли закавказские страны. В одной памятной записи от 14 мая 1722 г. сообщается, что дагестанские феодалы «наступали на Гянджу, Партав, Хачен, Варанду, Щеки, Шемаху, Грузию, Закам [и] . . . опустошили страну кругом: много крови пролилось безвинной, в руки нечестивых попало несметное количество пленных и книг. . . »³.

Эти набеги в известной мере ускорили вооружение армян, грузин и азербайджанцев: они должны были собственными силами отражать набеги горцев. Поднявшиеся на борьбу народы Закавказья совместно выступали как против дагестанских феодалов, так и против персидских и турецких завоевателей.

¹ А. Тер-Ованян. История Новой Джуги (на арм. яз.). Н. Джуга, ч. 1, стр. 224—225; см. также Матенадаран, рукопись № 1786, л. 46.

² Г. Эзов. Указ. соч., стр. 326.

³ М. Бархударян. Арцах, стр. 140—141.

Нашествие афганцев и взятие ими Исфагана было концом ослабевшего Сефевидского государства. Записи и сообщения очевидцев рисуют смятение, которым в 20-х годах XVIII в. были объаты Персия и ее столица. Характерные подробности сообщает армянский купец Илья Мушег в своих записях. Касаясь наступления курдов на Марагу, Илья Мушег рассказывает, что против них из Тавриза двинулось персидское войско численностью в 20 тыс. человек. Но персы, «прежде чем начать бой, повернулись и побежали: и так поспешно бежали, что у многих пали лошади. Сбросив с себя во время бегства одежду и оружие, бежали в одних рубашках... бежали в такой панике, что даже не смотрели назад — гонится ли кто-либо за ними. С таким позором вернулись и со стыдом, украдкой вступали в город (Тавриз) с 16 по 20 августа»¹. В письме, отправленном 23 марта 1722 г. из Исфагана, Илья Мушег, говоря о приближавшихся к Исфагану афганцах, сообщает, что против них выступили все знатные эмиры с войском численностью в 80 тыс. человек. «Если даже это число наполовину преувеличено, то 40 000 отборных персидских воинов были направлены против афганцев», — пишет Илья Мушег. «8 марта, после полудня начали сражаться, [но] не могли устоять, персы понесли большие потери и бежали; только Кулар-Агаси с 500—600 воинов [продолжал] сопротивляться и пал на поле боя. Афганцы захватили 24 пушки, 30 вьюков свинца и оружия и многие другие ценности»². Афганцы, наступавшие на Казвин, разбили персидские войска, возглавляемые Муртаза-кули-ханом, и вступили в город. Лишь в результате сопротивления со стороны местных жителей они вынуждены были оставить Казвин³. Но почти в это же время пал Ардебиль, куда вступили войска дагестанских феодалов⁴.

¹ АВПР, ф. «Сношения России с Арменией», 1724, л. № А-14, л. 34: «...առաջ քան կրիւ սկսելն յերեսն դարձուցին և փախան: Եւ այնքան հապճեպ փախչում էին ելել, որ բազումք ձիանք ճագվեցան, փախած ժամանակն իրան զրեհն և սպեսան թափելով դնում էին, այնքան, որ վրան մին շապիք մնում է եզեր... այնքան խելազարեալ փախչելն, որ յետ չի մտիկ անիլ թէ օվ է, որ յեսներեն դուքայ. այսպես խայտառակ դարձան և ամօթալից և զաղտաղդի մտան քաղաք օգոստոսի 16իցն մինչի 20».

² Там же, л. 20: «յելին քաղաքէս այմենայն օմարէք և որ չափ որ ձեռիցն բան եկող որ կային, առացին՝ թէ մինչի 2ի (80 000) մարդ, թէ կան սուա լինի, շիտակ 40 ի (40 000) ընտիր մար[դ]կանց կային: Մարտի 8-ին, յետ կս աւուր կովեցան, ոչ կարացին զիմանալ, կոտորումն մեծ եղև պարսից, փախան: Միայն թէ զուլլար աղասին 5—6 ձ (5—600) մարդով զիմացաւ և սպաննեցաւ Միայն 24 թօփ, 30 բեռ արձիճ և հրափող, և այլ ամեն զանձ վրան և ամեն իբմինն ի ձեռն աղուանից...». Об этих событиях Илья Мушег упоминает также в другом своем письме, написанном 31 марта 1722 г. некому «парон-Казару» (см. там же, л. 21).

³ Там же, л. 50.

⁴ Там же, л. 23.

Создавшуюся в результате афганского нашествия обстановку многие персидские феодалы и военачальники использовали как повод для грабежа населения страны. Примером может служить некий Хаджи-Хашум из Тавриза, который сделался в дни наступления афганцев сотником (юзбаши) и был поставлен во главе персидского воинского подразделения численностью в 500 человек. Вместо того чтобы защищать дорогу Кашан—Кохруа от наступавших афганцев, он повернул обратно и принялся грабить и разорять «четыре стороны Кашана»¹.

Все это вело к усилению смуты в стране, к окончательному падению шахской власти. В одном из писем Ильи Мушега имеется сообщение о том, что 10 марта 1722 г. шах Хусейн решил передать власть в Исфагане своему старшему сыну — Аббас-Мирзе, но 12 марта придворные круги отстранили Аббас-Мирзу; 15 марта шах назначил вместо себя другого сына — Сефи-Мирзу, но вскоре и он был отстранен от власти². Многие крупные феодалы старались не принимать участия в управлении страной и всячески отказывались от предложенных им должностей. Так, например, по сообщению Ильи Мушега (от 24 июня 1722 г.), некий Диван-бек отказался занять должность тавризского хана; от этого же назначения отказался и другой крупный феодал — Мирза-Мумин, решивший даже выехать в Гянджу³.

В конце 1723 г. был организован заговор против сына шаха Хусейна — Тахмаспа, который во время осады Исфагана бежал на север и провозгласил себя шахом. В письме из Тавриза от 28 декабря 1723 г. Илья Мушег сообщает, что новый персидский иттимад-доуле (первый министр) вступил в переговоры с руководителем афганцев — Махмудом, обещая разогнать персидские войска и схватить Тахмаспа, чтобы передать его в руки Махмуда. Иттимад-доуле просил Махмуда прислать ему для этой цели небольшой воинский отряд. Однако поставленные Махмудом во главе этого отряда сыновья персидских ханов (Мохаммат-хана и Джани-хана), прибыв в Казвин, где находилась резиденция нового шаха, сообщили ему о заговоре, после чего Тахмасп бежал из Казвина в Тавриз⁴.

Наступление афганцев, занявших столицу Сефевидов — Исфаган, явилось немаловажным внешним фактором, облегчившим открытое вооруженное выступление армян и других народов Закавказья в 20-х годах XVIII в. Однако не это было главным. Е. Зевакин, говоря о журнале Волинского, где описывается

¹ АВПР, ф. «Сношения России с Арменией», 1724, д. № А-14, л. 33.

² Там же, л. 20.

³ Там же, л. 22.

⁴ Шах Тахмасп прибыл в Тавриз, имея с собой не больше 8000—9000 воинов (см. там же, л. 46 — письмо Ильи Мушега).

положение Сефевидского государства, в этот период замечает, что «это описание дает нам картину полного развала страны и лишний раз подтверждает, что афганское нашествие являлось последней каплей в переполненной чаше»¹.

Таким образом, обстановка, в которой происходило освободительное движение армянского, а также грузинского и азербайджанского народов, определялась в первую очередь внутренним разложением Сефевидского государства, уже задолго до вторжения афганцев находившегося в состоянии глубокого кризиса. В условиях обострения этого кризиса и развернулась вооруженная освободительная борьба угнетенных народов Закавказья, которая в свою очередь способствовала дальнейшему ослаблению и развалу государства Сефевидов.

* * *

Армянское освободительное движение начало развиваться во второй половине XVII в., причем в этот период в него были вовлечены лишь узкие круги армянской феодальной верхушки и купечества, ограничивавшиеся переговорами с русским правительством и правительствами других европейских государств. В дальнейшем, с развитием освободительного движения, оно стало массовым и в 20-х годах XVIII в. приобрело характер вооруженной борьбы против персидских и турецких завоевателей.

В исторической литературе обычно началом освободительного движения считается Эчмиадзинское тайное совещание представителей армянского духовенства и светских феодалов в 1678 г., причем руководителями и инициаторами совещания (а следовательно, и освободительного движения) буржуазные историки (Лео и другие) называют патриарха Акопа Джугаеци и римско-католических миссионеров. По мнению Лео, поводом к созыву Эчмиадзинского совещания в 1678 г. послужила смерть пропагандиста латинской церкви, некоего Писконо, который должен был защищать в Европе интересы армян и под влиянием которого якобы находился патриарх Акоп Джугаеци. Связывая возникновение и развитие освободительного движения с пропагандой миссионеров, Лео заявляет, что движением руководили эти миссионеры и эчмиадзинский патриарх².

Армянские мелики в своих письмах и посланиях 1699 г. действительно ссылаются на Эчмиадзинское совещание 1678 г., утверждая, что на этом совещании было решено послать пред-

¹ Е. Зевакин. Указ. соч., стр. 3.

² Лео. История Армении, т. III, стр. 345—346.

ставителей для переговоров в Европу. Одним из этих представителей называют Исаела Ори. Однако, судя по данным Закарии Акулисского, можно полагать, что дата Эчмиадзинского совещания указывается не точно и вызывает сомнение в достоверности сообщений меликов. Закария Акулиссский, будучи современником событий, отмечает в своем дневнике, что после 1 июля 1677 г. патриарх Акоп Джугаеци бежал из Армении и больше не возвращался туда. В 1679 г. Закария Акулиссский писал: «Вот уже третий год, как из Эчмиадзина не приезжал никакой посланец, ибо католикос Акоп, спасаясь от вражды Сефи-Кули-хана, два года как бежал в Грузию, а затем через нее в страну Хоромов»¹.

Если патриарх покинул Эчмиадзин в 1677 г. и больше не возвращался в Армению, то как же он мог в 1678 г. собрать в Эчмиадзине тайное совещание? Ответ ясен: либо это совещание было до 1677 г., либо его вовсе не было².

Патриарх Акоп Джугаеци был одним из наиболее видных деятелей армянского духовенства в XVII в. Он поддерживал и поощрял развитие армянской литературы, книгопечатания и т. д. Известно, что крупный армянский историк Аракел Даврижеци продолжал писать и закончил свою книгу «История» по настоянию Акопа Джугаеци³. Известно также, что по инициативе этого патриарха, в целях развертывания армянского книгопечатания, были направлены в Европу Матеос Цареци (1656), Воскан-вардапет (1662) и другие⁴. Акоп Джугаеци проявил себя не только в области мероприятий культурного характера, но предпринимал и политические шаги, направленные в сторону сближения с Россией. В 70-х годах XVII в. он обратился к России с просьбой о помощи. Описывая в своем письме к царю тяжелое положение армян и рассказывая об огромных налогах и податях, взимаемых с них в принудительном порядке персидскими чиновниками, а также о том, как персы заставляют армян переходить в их веру, Акоп Джугаеци просил, чтобы царь через своих послов и прочих лиц взял армян под свою защиту: «и как все могучие государи

¹ Закария Акулиссский. Дневник (русск. перевод), стр. 118. В армянской средневековой литературе «страной Хоромов» называлась Турция.

² Характерно, что дата Эчмиадзинского тайного совещания в документах указывается по-разному — то 1674 г., то 1678 г. и т. д. (см.: Г. Э з о в. Указ. соч., док. № 5, 6, 7, 8 и др.). Обращает на себя внимание и тот факт, что местом, где происходило «тайное совещание», обычно называется «Св. Эчмиадзин», но представитель этого «тайного совещания» Исаел Ори в своих объяснениях указывает, что оно происходило не в Эчмиадзине, а в Ереване — «в Ревани городе» (см. там же, док. № 44).

³ Аракел Даврижеци. История, стр. 669.

⁴ Л е о. История Армении, т. III, стр. 443—447.

Московской России всегда являлись защитниками и поборниками веры, а также покровителями угнетенных против насилия врагов, то Его Величеству... также подобает защищать нас несчастных...»¹.

Не исключена возможность, что с такой же просьбой Акоп Джугаеци отправил в Европу Исаела Ори (о чем говорят мелики в своем письме Петру I). Однако эти мероприятия Акопа Джугаеци и посылка Исаела Ори в Европу все же не дают основания считать началом освободительного движения и движения за присоединение к России Эчмиадзинское тайное совещание под руководством Акопа Джугаеци. Ведь еще задолго до Акопа Джугаеци, в XVI в., также делались попытки послать представителей в Западную Европу и Москву² с просьбой о помощи. Но как в XVI в., так и во время патриаршества Акопа Джугаеци на тайных совещаниях и переговорах, повидимому, не ставился вопрос об организации вооруженной борьбы против персидского и турецкого гнета. Только в 1699 г., когда персидские власти провели в Армении новую перепись населения и втрое увеличили налоги и подати, что вызвало взрыв возмущения среди широких масс армянского народа, феодально-купеческая верхушка армянского общества стала склоняться к более решительным действиям. На собрании армянских меликов в деревне Ангегакот в апреле 1699 г. был впервые, повидимому, поставлен вопрос о создании армянских войск и вооруженном выступлении против чужеземного ига³.

О том, что вопросы вооруженной борьбы действительно обсуждались в Ангегакоте, можно судить по запискам присутствовавшего там Исаела Ори, написанным вскоре после Ангегакотского собрания. Ори сообщает, что в случае войны с персами армяне могут выставить около 200 тыс. человек: из области «Большой Капан» — около 60 тыс. (в связи с этим Ори пишет, что четыре князя из этой области подписали те документы, которые были составлены собранием в Ангегакоте), из Еревана — около 15 тыс., из Даралагёза — 10 тыс., из Гегаркуни — 15 тыс., из Сисиана — 6 тыс., из Лори — 6 тыс. и т. д.⁴.

Повидимому, в Ангегакоте обсуждался также вопрос о вооруженном выступлении грузин и западных армян. В запис-

¹ Журнал «Арагат», 1915, стр. 781.

² Лео. История Армении, т. III, стр. 190.

³ На собрании в Ангегакоте (29 апреля) присутствовали 13 представителей армянской феодальной верхушки. Г. Эзов и Лео обычно определяют число участников в количестве 11 человек, приводя при этом только имена и подписи присутствовавших меликов. Тем самым они упускают из виду таких участников собрания, как Исаел Ори и Минас-вардапет.

⁴ См. Г. Эзов. Указ. соч., стр. 35—36.

ках Ори говорится, что грузины могут выставить около 80 тыс. человек; пять армянских областей, находившихся под властью турок, также могут выставить около 80 тыс. человек и оказать материальную (денежную) помощь ¹.

Вряд ли можно сомневаться в том, что подобные данные Ори получил в основном на Ангегакотском собрании, у меликов. На основании этих сведений Израел Ори составил записку, состоявшую из 36 пунктов и являвшуюся своего рода планом освобождения Армении ².

Конечно, приведенные выше сообщения Ори о численности армянских войск сильно преувеличены. Это косвенно подтверждает и сам Ори. В сокращенном варианте плана, который 25 июля 1701 г. он представил русскому правительству, общее число армянских войск составляет 116 тыс. человек: «а наипаче в том числе будет конницы; и в одну неделю все то войско зберут старшина их армянская, кроме грузинского войска, которого, чае он (т. е. Ори. — П. А.), что с 30 тысяч зберется тот час; да и в Турской земле есть с 60 тысяч Армян торговых, которые, услыша, тот час придут в помощь им Армянам» ³.

Таким образом, здесь Ори уже значительно убавил численность армянского войска. Однако самый факт постановки в обоих вариантах плана вопроса о составе и численности армянских войск свидетельствует о том, что в Ангегакоте шла речь о вооруженной борьбе против персов.

Следует отметить также и то обстоятельство, что в плане Израела Ори говорится о необходимости иметь для армянских войск около 100 знамен, на которых должны быть изображены: на одной стороне — распятие, на другой — основатель армянской церкви Григор Просветитель; соответствующие надписи на знаменах должны быть написаны по-армянски. Эти знамена должны быть розданы армянским войскам ⁴.

Интересно, что в указанном сокращенном варианте плана изображение Григора Просветителя заменялось царским гербом: «а на тех знаменах писано б было: на одной стране распятие Господне, а на другой стране — его царского величества герб» ⁵.

В этом же плане, представленном русскому правительству, говорится: «А как зберутца там вся старшина и все войско их

¹ См. Г. Э з о в. Указ. соч., стр. 36. Повидимому, Израел Ори впервые узнал в Ангегакоте о том, что грузинский царевич Арчил находился в это время в Москве (см. Г. Э з о в. Указ. соч., стр. 40—41). В дальнейшем, в Москве Ори сблизился с Арчилом и настроил его в пользу заключения армяно-грузинского союза (см. там же, стр. 223).

² Там же, стр. 28—44.

³ Там же, стр. 90.

⁴ Там же, стр. 29.

⁵ Там же, стр. 86.

армянское и примут знамена с государевым гербом, тогда они с великим устремлением и с ревностью пойдут на неприятелей, чтоб могли от них избавиться и места свои и города свободить»¹.

Еще ранее Израел Ори писал, что армянские мелики говорили ему, что в случае войны «каждый из них может подготовить свои войска в течение 24 часов для похода»². Эти слова Ори лишний раз свидетельствуют о том, что на собрании в деревне Ангегакот действительно обсуждался вопрос о вооруженном выступлении. Это важно отметить потому, что до Ангегакотского собрания мы не находим подобного явления.

Следует отметить также, что если инициатором и руководителем Эчмиадзинского тайного собрания был эчмиадзинский патриарх Акоп Джугаеци, то на собрании в Ангегакоте эта роль перешла к представителям армянских светских феодалов — меликов, имевших свои дружины, которые могли сыграть немалую роль в борьбе против персидского и турецкого ига.

Значение Ангегакотского собрания подчеркивается еще и тем, что здесь было принято решение обратиться за помощью к России, без которой невозможно было освобождение Армении, как и всего Закавказья, от ига персидских и турецких завоевателей. Письмо участников собрания Петру I от 29 апреля 1699 г. следует считать одной из важнейших исходных вех движения за присоединение к России.

Буржуазный историк Лео, идеализируя личность Израела Ори, заявляет, что вопрос о русской помощи на собрании в Ангегакоте был выдвинут и обсуждался по настоянию Израела Ори; иначе говоря, обращение армян к России он связывает исключительно с личным влиянием Ори³. Трудно предположить, что Израел Ори мог быть инициатором постановки в Ангегакоте вопроса о русской помощи, если учесть, что он вернулся в Армению (4 апреля 1699 г.) не из России, а из Западной Европы, имея при себе письма баварского курфюрста Иоганна-Вильгельма, сулившего армянам «помощь» западноевропейских держав. В Европе Ори внушали, что армяне получат помощь, если они примут католичество, и Ори вернулся в Армению с намерением настроить влиятельных армянских политических деятелей в пользу папы и западноевропейских государей.

Вопрос о принятии католичества Ори выдвинул в Эчмиадзине и Гандзасаре, но натолкнулся на решительное сопротивление. Все же ему удалось добиться обсуждения этого вопроса,

¹ Г. Э з о в. Указ соч., стр. 88.

² Там же, стр. 36.

³ Л е о. История Армении, т. III, стр. 526.

так же как и вопроса о помощи баварского курфюрста, на Ангегакотском собрании.

Участники собрания, принадлежавшие к феодальной верхушке армянского общества, очевидно, по настоянию Ори, решили написать письмо Иоганну-Вильгельму с просьбой прислать войска на помощь армянам. С целью ускорить эту помощь мелики согласились также отправить послание римскому папе, обещая принять католичество, если они получат достаточную военную поддержку. Однако эти письма и обещания оказались мертворожденными, так как они не опирались на поддержку широких слоев армянского народа, ненавидевшего католицизм и его распространителей, как своих злейших врагов.

Совершенно другое значение имела постановка в Ангегакоте вопроса о помощи со стороны России, с которой у армян были давнишние экономические, политические и культурные связи. В присоединении к России были заинтересованы широчайшие народные массы, и именно потому этот вопрос не только получил свое дальнейшее развитие, но и занял центральное место в 20-х годах XVIII в., когда армянский народ с оружием в руках выступил против персидских и турецких поработителей.

Если в 70-х годах XVII в. патриарх Акоп в письме к русскому царю лишь в общих словах выразил думы и чаяния армян, находившихся под гнетом Персии, то в Ангегакоте мелики решили более конкретно подойти к вопросу о русской помощи и уже по-новому ставили его. В письме к Петру I мелики не только просили помощи, но и одновременно заявляли о своей готовности подчиниться русскому царю, как «это делали другие князья». В этом же письме армянские мелики писали, что они с давних времен почерпнули из своих святых книг и преданий надежду, что свобода будет дана им и их стране русским государем. «И до сегодняшнего дня, — писали мелики, — мы имеем эту надежду и мнение»¹.

О том, что еще до собрания в Ангегакоте среди армян проявлялись живой интерес к России и надежды на возможность помощи с ее стороны, видно также из записки Ори, где говорится: «Когда я был там (в Армении), прошел слух, что он (русский царь) хочет объявить войну персидскому шаху»². В этой же записке Ори приводит услышанный им в Армении рассказ, повидимому, народное предание, в котором выражена надежда на избавление от «рабства у неверных» с помощью Русского государства³.

¹ Г. Э з о в. Указ. соч., стр. 18—19.

² Там же, стр. 32.

³ Там же, стр. 31.

Эти настроения сказались на результатах собрания в Ангегакоте в 1699 г., где Израелу Ори было поручено отправиться в Россию с письмом к Петру I и начать переговоры о русской помощи. После собрания в Ангегакоте, вместо того чтобы продолжать свои переговоры с Иоганном-Вильгельмом, с письмом которого он был послан в Армению, Ори, вернувшись в Европу, совершенно неожиданно обратился к Иоганну-Вильгельму с просьбой помочь ему выехать в Россию. Примечательно, что, направляясь в Россию, Ори был уверен в том, что его миссия встретит благожелательное отношение со стороны русского правительства¹. Повидимому, такую уверенность внушило ему пребывание в Армении. Нам кажется, что на собрании в Ангегакоте не мелики пошли за Ори в вопросе о русской помощи, а напротив, сам Ори пошел в этом вопросе за меликами и поддерживавшими их кругами армянского общества.

Таким образом, развитие русско-армянских взаимосвязей в начале XVIII в. нельзя рассматривать как результат действий одного только Ори. Приведенные выше данные говорят о том, что армяне уже задолго до начала деятельности Ори серьезно задумывались над возможностью получить помощь от России. Мелики в своем письме Петру I указывали, что еще в 1678 г. они собрались вместе и, зная о могуществе Русского государства, решили послать своих представителей в Россию с просьбой о помощи. В данном случае речь идет об Эчмиадзинском тайном совещании, дата которого является сомнительной. Однако, вне зависимости от вопроса о точной дате Эчмиадзинского совещания, никакого сомнения не вызывает тот факт, что армяне в 70-х годах XVII в. хотели обратиться за помощью

¹ Почти за три десятилетия до Ангегакотского собрания ряд деревенских священников, ходжа и кедхуда из восточных округов Армении и Нахичевани, в связи со смертью некоего армянина ходжа Баги, обратились к царю Алексею Михайловичу с просьбой оказать содействие брату покойного Ованесу в розыске имущества ходжа Баги. Правда, письмо носит частный характер, но оно интересно как свидетельство связей определенных кругов армянского общества с русским правительством еще в начале 70-х годов. В указанном письме говорится о «больших и малых» жителях деревни, о «разоренных, бедных христианах», «которые испытывают постоянные притеснения со стороны заимодавцев», и т. д. Авторами письма являются «нижеподписавшиеся кедхуда и священники» (*հերթոյ գրեալըն քահանայէրն և քահանայր...*) Тер-Аствапатур, Тер-Галуст, Тер-Туман, Тер-Ованес, Тер-Григор, ходжа Петрос, ходжа Велидан, ходжа Григор, ходжа Егия, ходжа Петрос, ходжа Григор, ходжа Мовсес, ходжа Галуст, ходжа Авак, ходжа Насип, ходжа Аракел, ходжа Микаел, ходжа Вардан, ходжа Гарам, ходжа Хачик и т. д. (ЦГАДА, ф. «Сношения России с Арменией», 1676, д. № 2, лл. 1—3. Письмо на латинском языке, датировано 13 апреля 1674 г.). Слово «ходжа» в этот период означало «знатный, богатый», употреблялось также в значении «господин» и т. д.

к России. Не вызывает сомнения также и то, что в письме 1699 г. мелики выразили те настроения и чаяния, которые развивались уже в течение длительного времени.

* * *

Вскоре после Ангегакотского собрания два его участника — Израел Ори и Минас-вардапет, снабженные письмами и указаниями армянских меликов, покинули Армению и окружным путем (через Западную Европу) направились в Россию. В 1701 г. в Москве начались переговоры между русским правительством и армянскими представителями относительно русской помощи в деле освобождения Армении.

В период освободительного движения и движения армянского народа за присоединение к России из его рядов вышли многие видные деятели, отдавшие все свои силы и способности делу освобождения Армении от персидского и турецкого ига. Одним из таких деятелей был Израел Ори. Изучение жизни и деятельности Израела Ори выходит за рамки настоящей работы. Считаю нужным, однако, остановиться на некоторых моментах его биографии.

Начиная со второй половины XIX в. и до наших дней, жизнь и деятельность Израела Ори привлекали к себе внимание историков. Ссылаясь на сообщения современников Израела Ори, историки высказывали о нем самые противоречивые мнения и предположения. Одни считали его купцом, представителем и выразителем идей купечества, другие — крупным карабахским меликом, потомком армянских князей Прошянов, и т. д.

Причиной подобных разногласий является не только отсутствие точных сведений о жизни и деятельности Ори до 90-х годов XVII в. Для церковно-феодалных и буржуазных историков было важно установить «благородное» происхождение Израела Ори и приписать его деятельность и идеи этому происхождению. С этой целью Г. Овсепян написал свою книгу, посвященную изучению истории князей Прошянов с древнейших времен, которую он заканчивает Израелом Ори — «последним отпрыском Прошянов». По словам Г. Овсепяна, Израел Ори в деле освобождения Армении от персидско-турецкого ига шел по стопам «своих благородных предков», из коих трое последних, в том числе и отец Израела Ори, погибли «за веру»¹. Лео, так же как и Г. Овсепян, утверждает, что последние Прошяны в XVI—XVII вв. превратились

¹ Г. О в с е п я н. Указ. соч., стр. 290.

в меликов, и такими меликами он считает «мелик Мартироса, мелик Агаджана и Карахана»¹. Под влиянием этих историков в книгах и статьях, написанных в последнее время и затрагивающих вопросы, связанные с личностью Ори, его неизменно считают либо Прошяном, либо одним из «крупных армянских феодалов в Карабахе»².

Источником подобных мнений, повидимому, являются заявления самого Ори, который не только распространял слухи о своем княжеском происхождении, но причислял себя к потомкам древних армянских царей³.

Некоторые факты из биографии Иосифа Эмина могут пролить свет на сообщения меликов об Ори и сделать возможным правильное истолкование этих сообщений. Известно, что Эмин был сыном армянского купца Иосифа. Однако, когда в 1762 г. ему в Петербурге выдали паспорт и там написали: «купец армянин Иосиф Эмин», то он в феврале того же года подал заявление в коллегию иностранных дел, в котором писал, что «...он беков сын, а не купец...», он, Эмин, просит, чтобы ему паспорт дали вновь, не именуя его во оном купцом»⁴. Спрашивается, почему сын купца — Иосиф Эмин мог заявлять о своем бекском происхождении, считать себя «сыном бековым», а Ори не мог поступить таким же образом, называя себя Прошяном. Повидимому, не только Ори и Эмин старались приписать себе княжеское, бекское происхождение. Во второй половине XVIII в. «барон Иоанн фон Лазарев» также утверждал, что он происходит «от знаменитой фамилии из Армении... из рода тамошних владетелей...», а относительно «рода князей Аргутинских-Долгоруких» имеются сведения, что он вел свое происхождение не только от знаменитых Закаридов, но и от Аршакидов⁵.

¹ Л е о. История Армении, т. III, стр. 514. Г. Овсепян указывает, что Ори родился не в Карабахе, а в деревне Мартирос в Даралагезе (см. Г. О в с е п я н. Указ. соч., стр. 70). В учебнике «История Армении» говорится, что Израел Ори родился в 1658 году и «местом его рождения предположительно считают село Сисиан (ныне Апаван) Сисианского района». См. «История Армении», ч. 1, 1951, стр. 242.

² Х а ч а т у р А б о в я н. Избранное. М., 1948, стр. 232, примечания.

³ Л е о. История Армении, т. III, стр. 582. См. также «Дневник осады Исфагани», предисловие Р. Патканова, стр. IX.

⁴ А. Р. И о а н н и с я н. Иосиф Эмин, стр. 7, 91, 92.

⁵ Собрание актов, относящихся к образованию истории армянского народа, ч. 1, стр. 181, 222—226. Следует отметить, что задолго до князя Аргутинского, Израела Ори и других, когда сюнийские князья в X в. создавали царство, они связывали свое происхождение с мифическим родоначальником армян — Гайком (см. Степанос О р б е л я н. Указ. соч., стр. 299—300).

Среди вышеупомянутых лиц, пожалуй, наиболее скромными были потомки ходжа Манука-Лазарева (из Джульфы), которые ограничивались заявлением о том, что они происходят «от знаменитой фамилии из Армении»; дальше общих слов о том, что их предки были «из рода владетелей», они не шли и приписать себе царское или княжеское происхождение не пытались. Если бы Ори был уроженцем округов Карса, Ани или Лори, то вряд ли можно сомневаться в том, что он также, подобно Аргутинскому, охотно приписал бы себе багратидское или закаридское происхождение. Но Ори был уроженцем восточных округов Армении, где влиятельными феодалами до XIII в. были Прошяны, которые в дальнейшем (XIV—XVI вв.) стали принимать духовный сан. С XVI в. следы Прошянов в светской жизни исчезают и в монастырях они упоминаются очень редко (притом уже не в качестве влиятельных феодалов и владетелей). Если в XVI—XVIII вв. еще существовали потомки Прошянов, то они либо приняли духовный сан, либо жили в деревнях, где они в социально-экономическом и политическом отношении опустились до уровня деревенской «знати», известной под названиями «кедхуда», «мецамеджк», «довлатаворы». К этому убеждению приводят данные, имеющиеся в работе Г. Овсепяна.

Г. Овсепян, стараясь установить местность и деревню, откуда происходил Ори, указывает, что в деревне Мартирос и в находящемся неподалеку от нее монастыре Оцоп в надписях упоминаются «парон Агаджан», «парон Мартирос», «парон Элиаз», которых Г. Овсепян считает потомками Прошянов и предками Исаела Ори¹. Не исключена возможность, что упомянутые пароны действительно были предками Ори или являлись потомками Прошянов. Однако это обстоятельство все еще не позволяет заявить, что они были «влиятельными Прошянами» или «крупными феодалами», ибо для подобного заявления нет никаких оснований.

По данным надгробных надписей и крестных камней можно наблюдать одновременное существование в одной и той же деревне несколько таких паронов. Наличие в одной деревне многих паронов — «мецатунов» говорит о том, что они не являлись «крупными», «влиятельными» феодалами, ибо владетелем деревни мог быть один крупный феодал, а не десяток феодалов одновременно. Мы склонны думать, что если упомянутые пароны Мартирос, Агаджан и другие действительно были предками Исаела Ори (тем более, что эти имена упоминаются также в письмах армянских меликов), то они являлись

¹ Г. Овсепян. Указ. соч., стр. 253—254.

представителями деревенской «знати», которые именовались терминами «мецамецк», «довлатаворы», «кедхуда», т. е. это были зажиточные деревенские семьи. Такие семьи, наряду со своим основным занятием — земледелием, занимались и торговлей. Типичной семьей подобного рода была, например, семья «парон-Айваза» из деревни Карпи¹. Деревенские меца-туны, довлатаворы, откуда выходили танутеры, кевха и прочие доверенные лица крупных феодалов, при первой возможности заявляли о своем княжеском («благородном») происхождении. Это можно наблюдать как в XVII—XVIII вв., так и в XIX в.² Израел Ори, повидимому, происходил из такой семьи. Имеющиеся данные свидетельствуют скорее о деревенском происхождении Ори, чем о княжеском (прошьянском) или меликском.

При рассмотрении имеющихся документов и данных бросается в глаза прежде всего то, что Израел Ори усердно скрывал название местности и деревни, где он родился, или, вернее сказать, где находились его отцовский дом и состояние. Это обстоятельство следует объяснить тем, что если бы он точно указал деревню, откуда был родом, то быстро разоблачил бы ложь о своем княжеском происхождении, которую сам распространял.

Вращаясь в придворных кругах, среди крупных феодалов и князей, Ори отлично понимал, что человек незнатного происхождения не может пользоваться почетом и вниманием в их кругу: а он обращался с просьбами о военной помощи именно к ним, с ними вел он переговоры политического характера, ибо военная сила и власть находились в их руках. Добиваясь у них помощи, он должен был изображать себя выходцем из «благородного», княжеского рода, которому «не чуждо было» военное дело и искусство управления страной. В этих условиях он мог пойти и на то, чтобы выдумать и распространять слух о своем княжеском происхождении. Очевидно, поэтому во время переговоров с Иоганном-Вильгельмом он заявил, что когда начнутся военные действия (поход в Персию), тот увидит, что Ори рожден не для торговли.

Вторым обстоятельством, вызывающим сомнение в принадлежности Ори к княжескому или меликскому роду, является то, что ни сам Израел Ори, ни Минас-вардапет, ни кто-либо другой не сообщает сведений о владениях, о состоянии Ори или его родителей — меликов в Армении. Между тем представить себе князя или мелика (притом «крупного кара-

¹ Закария Саркисов. История, кн. II, стр. 131—132.

² См. «Архив истории Армении», кн. III, 1894 (предисловие, стр. 61).

бахского феодала», как часто называют Ори), не имеющим никаких владений и состояния, по тем временам, вряд ли возможно.

Минас-вардапет после смерти Ори в своих письмах и заявлениях Петру I неоднократно упоминал о «пожитках» и «потерях» Ори, но ни разу не говорил о его владениях, землях, состоянии. Он ни разу не говорил также о родных Ори. Между тем, если Ори действительно был «крупным феодалом», или меликом, или выходцем из семьи крупного мелика или князя, то в таком случае как сам Ори, так и Минас-вардапет могли бы искать в этой семье опоры и поддержки своих политических взглядов и своей деятельности.

О том, что Израел Ори не был меликом и что он не происходил из княжеской или меликской семьи свидетельствует также следующее место из рассказа самого Ори: когда он говорил о себе со своей сестрой, та со слезами пошла за братьями «и в течение одной минуты дом был так переполнен людьми, что он не знал, кому из них и что отвечать» (так как каждый из них старался узнать новости и ему беспрерывно задавали вопросы)¹. Эта бытовая подробность показывает, что семья Ори не относилась к числу крупных феодальных семейств, ибо вряд ли дом феодала, и притом «крупного феодала», или его сестры мог бы сразу наполниться людьми, свободно задающими вопросы, не стесняясь, не боясь мелика. Разве мог мелик допустить, чтобы каждый из жителей деревни, интересующийся новостями, свободно входил в его дом и без стеснения задавал вопросы его гостю? Таких порядков и обычаев не могло быть в семье феодала-мелика. Ясно, что это не был дом влиятельного феодала или его сестры. Но описанный Ори случай вполне мог иметь место в семье зажиточного крестьянина, в доме «мецатуна», к которому могли свободно приходить люди из той же прослойки деревни.

Если бы Ори был сыном влиятельного феодала-мелика, то после возвращения в Армению он, как наследник, должен был бы поинтересоваться наследством своего отца и вступить во владение этим наследством, тем более, что он вечно испытывал нужду. А между тем 6 апреля 1699 г., уходя из дома, Израел Ори оставил в постели свои часы и несколько медалей, т. е. оказал помощь своим родным тем, чем мог². Этот факт из биографии Израела Ори следует рассматривать как достоверный и показательный. Он проливает свет на социальное положение семьи, из которой происходил Ори. 1699 год, как

¹ Г. Э з о в. Указ. соч., стр. 51—52.

² Там же.

уже указывалось выше, был годом начала новой переписи населения и повышения налогов и податей в трехкратном размере. Весною 1699 г. армянское население, в особенности крестьянство, подверглось вновь грабежу и разорению со стороны персидских чиновников и ханов. Ори побывал именно в это время в разных деревнях Армении и, обнаружив тяжелое положение своей семьи и родственников, оказал им материальную помощь, чем мог.

В период хозяйственного упадка страны в конце XVII и начале XVIII в. значительная часть деревенской верхушки сильно обеднела. Так, например, некогда зажиточная семья парон-Айваза из Карпи была совершенно разорена и, повидимому, распалась на части. Отдельных представителей этого семейства можно обнаружить в деревне Канакер¹, куда они переселились, видимо, после своего разорения в Карпи. Не исключена возможность, что Ори был выходцем из подобной семьи, разоренной в 1699 г. и впоследствии обнищавшей. Возможно, что этим обстоятельством следует объяснить отсутствие сведений о том, где, в какой деревне проживали семья и братья Ори. О них нет упоминаний даже в бумагах и записях Минаса-вардапета, с которым они могли бы поддержать связь после смерти Ори.

Все эти обстоятельства дают основание говорить скорее о крестьянском происхождении Ори, чем о княжеском — меликском.

Полагая, что Ори был выходцем из среды деревенской «знати», мы далеки от мысли считать его идеологом или представителем крестьянства. Исаела Ори следует рассматривать как выразителя идей и интересов феодально-купеческой верхушки армянского общества. С этой точки зрения наиболее правильную характеристику Исаелу Ори дал С. Погосян².

Хозяйственный упадок страны, новая налоговая политика Сефевидов, усиление национального угнетения армян создали почву для деятельности Исаела Ори. Настойчивые просьбы Ори к Иоганну-Вильгельму о содействии ему в возвращении на родину, поспешный отъезд Ори в Армению, быстрые переезды из Эчмиадзина в Сисиан, Гандзасар, Ангегакот дают основание полагать, что накануне своего отъезда из Европы он, по всей вероятности, был уведомлен определенными кругами об обстановке в Армении, о настроениях армян. Повидимому, ему было известно, что среди армян происходит процесс бро-

¹ Купчие. . . , стр. 26.

² С. Погосян. История Армении, т. V, стр. 107.

жения и подготовки к освободительной борьбе; потому-то, по всей вероятности, он так спешил на родину, в поисках основного очага этих настроений. Его уверенные шаги в Сисиан-Капане, Карабахе и оказанный ему меликами прием, его решительные заявления у мелик-Сафразы, в Гандзасаре и т. д. — все это показывает, что Ори был заранее осведомлен о назревавшем движении. Без точных и определенных данных о настроении армян Ори вряд ли рискнул бы приехать в Сисиан-Капан и Карабах и подвергнуть опасности свою жизнь. Началом политической деятельности Ори следует считать 1698—1699 гг., когда он, прибыв в Армению, встретился там с представителями армянских меликов и более широких кругов армянского общества. Выше уже было указано, что не армянские мелики и поддерживавшие их круги армянского общества пошли за Ори на собрания в Ангегакоте, а, наоборот, Ори пошел на этом собрании за ними, и лишь после этого они признали его своим представителем в переговорах с Западной Европой и Россией.

Деятельность Исаака Ори с 1699 и до 1711 г. в основном была направлена на разрешение двух задач: освобождения Армении от персидского и турецкого ига и создания самостоятельного или полусамостоятельного армянского государства под покровительством России. Решение последней задачи требовало дальнейшего расширения армяно-русских отношений, которые могли бы способствовать развитию среди армян движения за присоединение к России. В этом отношении Ори сделал гораздо больше, чем кто-либо другой из его современников.

Интересы армянских феодалов и землевладельцев, так же как и интересы купечества, требовали освобождения Армении от персидского и турецкого ига и сближения с Россией. В своей политической деятельности Ори никогда не выходил из рамок интересов этой верхушки, занимаясь лишь подготовкой и организацией движения сверху. Не случайно армянские мелики в своем послании Петру I, всячески восхваляя Ори, согласились признать его «главным начальником страны Армении» после ее освобождения¹.

Следует отметить, что Ори не ограничивался только политической деятельностью, но и стремился выступить в качестве военного руководителя. Известно, что он пытался образовать армянский полк под своим начальством, «который мог бы быть крылом войска (наступающего на Персию. — П. А.), потому что люди этого полка будут знать дороги, переходы

¹ Г. Э з о в. Указ. соч., стр. 17, 18.

и язык населения»¹. В своих обращениях к Петру I Ори неоднократно заявлял, что он намерен собрать в Астрахани «лутчих людей нашего народа. . . и от тех построится регимен карабинеров моими проторами. . .»². Чтобы создать полк и вооружить людей, Ори закупил на 15—20 тыс. руб. оружия и просил у Петра I разрешения перевезти это оружие из Амстердама в Астрахань³. Его просьба о присвоении ему чина полковника, повидимому, и была связана с его намерением создать армянский полк.

Бесспорно, образование армянского полка могло бы сыграть известную роль в развитии освободительного движения (об этом свидетельствует опыт армянского эскадрона — см. гл. V). Однако Ори явно преувеличивал значение армянского полка. Стараясь создать этот полк вне пределов Армении, он тем самым связывал действия и успехи полка не с внутренним движением армян, а лишь с силами, наступавшими извне. Не веря в силы народных масс, не понимая значения их борьбы, Ори не пытался организовать широкое народное движение в Армении и дело освобождения страны связывал главным образом с действиями внешних сил.

Вместе с Исаефом Ори в Россию выехал в 1699 г. настоятель монастыря св. Акопа Минас-вардапет Тигранян. По приезде в Россию он вместе с Ори вел переговоры с русским правительством о помощи в освобождении Армении от персидского и турецкого ига. После смерти Ори в 1711 г. до начала 20-х годов связи между армянской феодально-купеческой верхушкой и русским правительством поддерживались через Минаса.

В исторической литературе нередко можно встретить самые противоречивые высказывания и мнения о Минасе-вардапете. В качестве примера можно сослаться на Лео, который в одной из своих работ, говоря о дальнейшем развитии освободительного движения после смерти Ори, утверждает, что «если бы не было его (Минаса-вардапета), то освободительное движение исчезло бы среди армян как кратковременный сон»⁴. Как видно из этой цитаты, дальнейшее развитие освободительного движения после смерти Ори Лео целиком приписывает деятельности Минаса-вардапета. Однако впоследствии, повидимому, под влиянием работ Аш. Иоаннисяна, Лео характеризует того же Минаса-вардапета совершенно иначе: «Исраела Ори заменил его товарищ Минас-вардапет, способности

¹ Г. Э з о в. Указ. соч., стр. XLII; см. также стр. 221, 224.

² Там же, стр. 185.

³ Там же, стр. 225—227, 229.

⁴ Л е о. История армянского книгопечатания, т. II, стр. 275.

которого, однако, не шли дальше подделки печатей и документов»¹.

Минас-вардапет, подобно Ори, был чужд движению масс и ограничивал свою роль главным образом посредническими функциями между русским правительством и верхушкой армянского общества. Будучи в 1716—1717 гг. в Армении, он имел возможность убедиться в том, что широкие массы населения питают ненависть к персидским и турецким завоевателям и с нетерпением ждут русских войск. Но, понимая это, Минас не предпринял никаких мер для организации внутренних сил страны. Как представитель армянского духовенства, он стремился достигнуть освобождения Армении и ее присоединения к России с помощью церкви, религии. Еще в 1714 г. он предлагал Петру I добиться согласия персидского шаха на строительство армянского монастыря в Низовии (на берегу Каспийского моря) с тем, чтобы держать при этом монастыре русские войска и привлекать («собирать») туда армян, в результате чего русский государь мог бы «армянский народ под свою державу принять»².

Но даже в своих религиозных планах Минас не был последователен. Так, приехав в Западную Европу, он принял католичество, очевидно, с целью установить связи с католической церковью и правителями западноевропейских католических государств. Впоследствии, очутившись в России, он опять вернулся к армянскому вероисповеданию, а в конце своей жизни принял православие. Характерно также, что Минас-вардапет не только не стремился обеспечить единство действий хотя бы церковных кругов Армении, но, наоборот, оказался во вражде с Эчмиадзином и его представителем в Москве священником Иваном Яковлевым³.

¹ Ле о. Ходжаякан капитал, стр. 26.

² Г. Э з о в. Указ. соч., стр. 311—314.

³ Вплоть до 1719 г. Минас-вардапет был в хороших отношениях с Иваном Яковлевым и писал о нем русскому правительству: «Есть еще один священник нашего закона, именем Иван Яковлев, мой верный друг и сослужитель, который от тех стран с неким известием прибыл в бытность Федора Алексеевича (Головина, умершего в 1706 г.) сюды, и я его здесь удержал, ибо есть нам зело верен и может в сих делах добрым помощником быть» (Г. Э з о в. Указ. соч., стр. 330). Однако вскоре он поссорился на почве материальных интересов с этим «верным другом» и «добрым помощником» и, если верить жалобе Ивана Яковлева, добился его ареста и высылки (АВПР, ф. «Сношения России с Арменией», 1722, лл. 28—39). Во всяком случае даже сторонники Минаса не одобряли его конфликта с Эчмиадзином. Один из них (гандзасарский патриарх Есаи) в 1721 г. в письме к Минасу-вардапету советовал ему не восстанавливать против себя Эчмиадзин и изъявить свою покорность эчмиадзинскому патриарху.

В конце жизни Минас остался совершенно одиноким и был забыт своими соотечественниками.

Бесспорно, Минас-вардапет отнюдь не отличался особыми способностями; в правительственных сферах России и среди армянской феодально-купеческой верхушки он не пользовался таким авторитетом, как Ори. Однако после смерти Ори, в силу сложившейся обстановки, ему пришлось сыграть довольно заметную роль в деле дальнейшего укрепления армяно-русских связей и развития освободительного движения.

В 1716 г. Минас-вардапет по поручению русского правительства прибыл в Армению, где оставался до 1717 г. Здесь он встречался с представителями влиятельных духовных и светских кругов. Его донесения русскому правительству содержали ценную информацию о положении в Армении в то время. В конце второго десятилетия и в начале 20-х годов XVIII в. к Минасу-вардапету обращались со своими письмами и посланиями многие армянские руководители, рассматривая его как своего представителя при русском правительстве.

* * *

В Армении вопрос о русской военной помощи и одновременном выступлении армянских войск стал более активно обсуждаться с 1707 г., когда Ори вернулся из России (он пробыл в Армении и в Персии до 1709 г., а затем вновь выехал в Россию). О направлении и результатах переговоров, которые Ори вел в Армении в этот период, можно судить по письмам эчмиадзинского патриарха Александра Джугаеци и гандзасарского патриарха Есаи Хасан-Джалаляна к Петру I.

В первом из этих писем высказывались надежды, связанные с русской помощью¹. Во втором письме, относящемся к 1721 г., о пребывании Ори в Армении в 1707—1709 гг. говорилось следующее: «Когда Ори прибыл в эти края, то он был осведомлен о всех наших намерениях и узнал все здешние входы и выходы как приморские, так и с суши, [а также число] как пеших, так и конных войск. . .». В этом же письме патриарх Есаи писал Петру I: «И мы с [нашей] страной и со всеми меликами и знатыми, и рамиками, готовы и ожидаем [вашего прибытия]».

Нельзя сомневаться в том, что эти мелики, знатные люди и рамики, о которых упоминает в своем письме патриарх Есаи, не только знали о пребывании Ори, а затем и Минас-вардапета в Армении, но и обсуждали в то время вопросы о борьбе против персидских поработителей, о русской помощи

¹ Г. Э з о в. Указ. соч., стр. 243, 244; см. также ЦГАДА, ф. «Сношения России с Арменией», 100/1, 1707—1711, д. № 1, л. 32 (армянский текст, подлинник), лл. 33—34 (русс. перевод).

и т. д. Следует отметить, что само письмо Есаи не носило личного характера, о чем свидетельствует наличие под ним подписей многих духовных и светских лиц¹.

В 1714 г. Минас-вардапет, составляя план освобождения Армении и ее перехода под покровительство России, писал: «ведаю подлинно, что патриархи с духовными, тако ж и другие из знатных и посполитых Армянского народа, многие или большая часть, зело желают быть под протекциею у его царского величества»².

Эти духовные лица и знатные люди, представители которых, как было сказано выше, подписали адресованное Петру I письмо патриарха Есаи, в своих округах и владениях обсуждали указанные вопросы, привлекая к обсуждению и более широкие круги населения — прежде всего, конечно, представителей деревенской верхушки, из состава которой выделялись танутеры и кевха. Последние, как уже говорилось выше, были тесно связаны с крестьянством — рамиками. Патриарх Есаи писал, что вместе с духовными и знатными людьми помощи русского царя ожидают также и рамики.

Побывав в Армении в 1716—1717 гг. и возвращаясь обратно в Москву, Минас-вардапет доносил русскому правительству, что «Народа Армянского под владением вышеупомянутых двух патриархов (т. е. гандзасарского и эчмиадзинского) счислением может быть тысяч с двести, и то — купечество и крестьянство; и естли случай позовет к войне на Персов, то они, как он (Минас-вардапет) чает, совершенно все к стороне царского величества склонятся, понеже они от Персов великие на себе несут тягости»³.

* * *

Расширение и укрепление связей между Россией и Арменией оказало сильное влияние на развитие освободительного движения армянского народа, вступившего в 20-х гг. XVIII в. в новый, более высокий этап. Если в начальном периоде освободительного движения (в частности, во время Ангегакотского собрания) в него были вовлечены лишь узкие, верхушечные

¹ Это письмо, кроме Есаи Хасан-Джалаляна, подписали: Ованес-епископ, игумен (настоятель) монастыря св. Егише; Хачатур-вардапет, наместник монастыря Гандзасар и игумен (настоятель) монастыря св. Акопа; А р а к е л-вардапет, игумен (настоятель) монастыря Амарас; Петрос, игумен (настоятель) монастыря Хотаван; мелик-Есаи, сын мелик-Ахиджана из Чарабердского округа; Овсеп из Гянджи, сын Есаи-вардапета, внук мелик-Овсеп; Атибек, сын Аветика из Гянджи и др.

² Г. Э з о в. Указ. соч., стр. 313.

³ Там же, стр. 325.

слои армянского общества, избегавшие решительных действий, то во втором и особенно в третьем десятилетии XVIII в. движение приобрело массовый, боевой характер.

На усиление сефевидского гнета при шахе Хусейне народные массы Армении, Грузии и Азербайджана ответили решительным сопротивлением, подорвавшим сефевидскую военно-административную систему в западных землях. Одной из важнейших форм этого сопротивления явилось массовое уклонение от выполнения военных и барщинных повинностей, от уплаты налогов, податей и т. п. Известно, что персидские власти и феодалы пополняли ряды своих войск за счет крестьян, обязанных при первом вызове феодала явиться к нему со своим собственным оружием и снаряжением, запасами продовольствия и т. д. Но Израел Ори и Артемий Волинский неоднократно подчеркивали в своих записках, что когда возникала необходимость в вооруженном выступлении, персидским властям и феодалам вместо нескольких десятков тысяч воинов удавалось собрать принудительным путем лишь несколько сот человек. Это обстоятельство можно объяснить только тем, что крестьянство Армении, Азербайджана, Грузии и других подвластных Сефевидам стран уклонялось от военной повинности и отказывалось платить налоги и подати.

Вовлечение в освободительное движение широких народных масс Азербайджана, Армении, Грузии окончательно распатало основы сефевидского владычества в Закавказье и сыграло решающую роль в деле подготовки вооруженного выступления против персидских и турецких поработителей.

Сефевидское владычество в Грузии с самого начала натолкнулось на сопротивление грузинского народа. Стремясь присоединиться к России, грузины непрерывно восставали против персидского ига, подрывая власть Сефевидов не только в Грузии, но и во всем Закавказье. Чувствуя себя неспособными одной лишь грубой силой держать грузинский народ в покорности, Сефевиды пытались привлечь на свою сторону часть грузинской знати. В то же время сефевидские власти удаляли враждебных им видных грузинских деятелей из Грузии, стремясь оторвать их от народа. Так поступили Сефевиды и с Вахтанг-ханом (Вахтангом VI). Однако, вернувшись в 1719 г. на родину, он тотчас же стал готовиться к вооруженной борьбе против Сефевидов, обратившись одновременно за помощью к России.

На борьбу против сефевидского гнета подымался также и азербайджанский народ. Азербайджанцы неоднократно изгоняли сефевидских чиновников и брали местное управление в свои руки. Об этом свидетельствует «Журнал» Артемия Волинского. В нем рассказывается, что жители Муганской

степи («шах-севаны») в 1717 г. отказались признать персидского хана, назначенного шахом, и «...выбрали из своего народа управителя (который по-персидски называется калантар): также и в прочем во всем уже учинились указом шаховым противны и многие персидские партии разбили. И тако остались без всякого страха от персиан. . .»¹. Еще раньше Волынского (в 1709 г.) Израел Ори сообщил, что между сефевидскими властями и населением Шемахи происходило столкновение и что шемахинцы «пребывают еще в смятении с Персианами. . .»².

* * *

Развитие событий дало Минасу-вардапету основание в 1719 г. писать русскому правительству: «...в письме ко мне от приятелей объявлено, что оное секретное дело уже ныне есть время в действо производить, ибо варвары от всех стран и внутренне бедствуют»³. Этими приятелями Минас-вардапета были Есаи Хасан-Джалалян и другие представители верхушки карабахских армян. Если в конце XVII и начале XVIII вв. армянская феодально-купеческая верхушка не шла дальше робких протестов против произвола сефевидских властей и переговоров с другими государствами, то теперь, когда в движение пришли широкие массы крестьянства, определенная часть этой верхушки решилась открыто выступить против Сефевидов, имея в виду закрепить за собой руководство движением. Вставшая на этот путь часть карабахских меликов и старшин начала теперь усиленно заниматься подготовкой и вооружением армянских войск.

Армянские войска существовали и раньше, до освободительного движения. По данным Закарии Саркавага, сефевидские шахи и ханы нередко пополняли ряды своих войск «отборными и способными к войне армянами»⁴. По свидетельству путешественника Адама Олеария, в связи с прибытием его в Шемаху, местный хан выставил за городом «более 2000 человек пехоты, большею частью армянских христиан»⁵. Наконец, известно, что крупные армянские мелики имели постоянные войска — дружины, с помощью которых они охраняли свои владения и с которыми они во время войны были обязаны идти на помощь шахам, ханам и т. д.⁶ Наличием этих войск

¹ Е. Зевакин. Указ. соч., стр. 13.

² Г. Эзов. Указ. соч., стр. 250.

³ Там же, стр. 329—330.

⁴ Закария Саркаваг. История, кн. I, стр. 86.

⁵ Описание путешествия Адама Олеария. М., 1870, стр. 526.

⁶ Л. Меликсет-Бек. Грузинские источники об Армении и армянах, ч. II (на армянском языке). Ереван, 1936, стр. 112.

следует объяснить существование у армян терминов «юзбаши», «минбаши» и др., которыми они называли своих сотников и прочих военачальников. Однако объединение армянских дружин и отрядов и создание самостоятельного армянского войска произошло, повидимому, в начале 20-х годов XVIII в., когда образовались армянские сгнахи (о сгнахах см. ниже — в гл. «Сгнахи в Карабахе и Капане»). Известную роль в организации армянских войск сыграл грузинский царь Вахтанг VI, который и в период подготовки, и в ходе вооруженной борьбы армянского народа против завоевателей присылал к армянам некоторых военачальников. Вахтанг VI руководил грузино-армянскими объединенными войсками, собравшимися под Гянджой. При нем осуществилось объединение грузинских и армянских сил против Сефевидов и турецких завоевателей, которое готовилось еще в конце XVII — начале XVIII в. Как Армения, так и Грузия в то время были разделены между Персией и Турцией. Непрерывные нашествия персидских и турецких войск, хищническая, грабительская политика завоевателей в одинаковой степени разоряли как Армению, так и Грузию. Народы обеих стран страдали под одним и тем же чужеземным игом, боролись против одних и тех же врагов.

Общность судеб армянского и грузинского народов, вековая борьба против турецких и персидских ассимиляторов способствовали укреплению армяно-грузинской дружбы. Новым шагом в ее развитии явились события 20-х годов XVIII в.

В 1719 г. Вахтанг VI, вернувшись из Исфагана в Тбилиси, стал готовить грузинские войска к выступлению против Сефевидов. Одновременно он вел переговоры с армянскими военачальниками о совместных действиях: «И по распоряжению [Вахтанга VI] мы начали организовывать [войска]. . .», — сообщает Есаи Хасан-Джалалян¹.

Весной 1722 г. армянские мелики и военачальники (Есаи, Ширван, Саркис, мелик-Овсеп) объединились и выступили с войском численностью в 12 тыс. человек против дагестанских феодалов и сефевидских войск². Одновременно они обратились за помощью к России. В своем послании Петру I армянские руководители писали, что «тифлисский Вахтанг-хан во многом оказал нам помощь, о чем невозможно передать письмом»³. О помощи, оказанной армянам Вахтангом VI, говорится также в письмах архиепископа Минаса Первизяна, патриарха Есаи и др.

¹ Есаи Хасан-Джалалян. Указ. соч., стр. 48.

² Г. Эзов. Указ. соч., стр. 340, 341; АВНР, ф. «Сношения России с Арменией», 1723, д. № 1, л. 2.

³ Г. Эзов. Указ. соч., стр. 341.

Объединение армянских войск и их открытое вооруженное выступление один из руководителей освободительного движения — Есаи Хасан-Джалалян — считал «началом восстановления армянской власти»¹. Сам он в это время выехал в Тбилиси, где в течение 4 месяцев вел переговоры с Вахтангом VI о совместных действиях.

В сентябре 1722 г. Вахтанг VI со своими войсками отправился в Гянджу, где должно было произойти соединение грузинских войск с армянскими и азербайджанскими войсками; в дальнейшем эти объединенные войска должны были соединиться в районе Шемахи с русской армией. Еще находясь на пути в Гянджу, Вахтанг VI послал Есаи Хасан-Джалаляна в Карабах за армянскими войсками. «Вызвав к себе, — пишет Есаи Хасан-Джалалян, — приказал [Вахтанг VI] мне отправиться в нашу страну — Карабах и привести к нему армянские войска. . ., находившиеся под руководством 4 молодых военачальников — Авана, Шруана, Шахни и Сарухана, которые назывались сотниками и юзбаша»². Эти военачальники вместе с карабахскими меликами «после того, как была распатана власть персов. . ., объединив всех отважных и способных носить оружие людей и молодежь страны Агван, организовали войско численностью более 12 000 человек и укрепились в неприступных местах Арцаха»³.

Есаи Хасан-Джалалян подробно описывает торжественную встречу и объединение армянских и грузинских войск под Гянджой, совместные действия которых заставили обратиться в бегство наступавших дагестанских феодалов⁴.

Одновременно объединенные армянские и грузинские войска вступили в борьбу с вооруженными силами преданных Сефевидам феодалов: кахетинского хана Махмад-Кули, гянджинского хана Огурлу и других. Последние писали персидскому шаху: «Вахтанг решил восстать против тебя и, объединив армянский и грузинский народы, отправил послов к русскому царю, чтобы тот прибыл и завоевал твою страну»⁵. Против сефевидского гнета выступили не только организованные войска, но и широкие народные массы, прежде всего, конечно, крестьянство во главе со своими старшинами-танутерами.

¹ Есаи Хасан-Джалалян. Указ. соч., стр. 48.

² Там же, стр. 46, 47.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 48—50; см. также АВПР, ф. «Сношения России с Арменией», 1724, д. № А-14, л. 23: «Лезгины опустошили и разграбили Ардебиль; там [они] оставались 14 дней, [но] когда услышали, что грузины прибыли к берегу Куры, бежали из Ардебиля в Шемаху» (из письма Ильи Мушега от 20 июня 1722 г.).

⁵ Есаи Хасан-Джалалян. Указ. соч., стр. 52.

Особенно большой размах вооруженная борьба армянского крестьянства получила в восточных округах (Сисиан, Капан, Мегри), где во главе восставших в 1772 г. встал Давид-бек. После упорных боев Давид-беку удалось освободить восточные округа от сефевидских властей и феодалов. Борьба народных масс Капана, Сисиана, Мегри под руководством Давид-бека оказала сильное влияние на развитие освободительного движения не только в Восточной Армении, но и в западных областях страны, где начались выступления против турецкого господства. Очевидец этих событий монах Мхитар в своей памятной записи сообщает, что в 1722 г. под влиянием движения, возглавлявшегося Давид-беком, на территории Западной Армении (в областях Ван, Рштуни, Бзюни) происходили волнения против турецкого ига. Автор памятной записи был свидетелем того, как мелики и «танутеры из всех деревень, собравшись вместе», решили собрать средства и вооружение для борьбы с турецкими поработителями¹. О стремлении западных, в частности кареских армян, поддержать освободительное движение в восточной части страны свидетельствует и «Дневник» Петроса ди Саргиса Гилапенца².

Таким образом, в 20-х годах XVIII в. борьба народных масс Восточной Армении против сефевидского гнета подняла население Западной Армении на борьбу против турецкого господства. Само освободительное движение в 20-х годах XVIII в. приобрело характер массового вооруженного выступления, направленного как против персидских, так и турецких завоевателей.

* * *

Чтобы яснее показать народный, массовый характер освободительного движения в Армении и в Карабахе в 20-х годах XVIII в., следует, по мере возможности, определить состав и численность участников этого движения. Между тем в источниках и литературе имеются разные и противоречащие друг другу сведения о численности и составе армянских войск, а также о количестве всех вооруженных и невооруженных людей, принимавших активное участие в освободительном движении против персов и турок. Лишь о численности войск Давид-бека мы располагаем более или менее точными данными. Один из сподвижников Давид-бека, явившийся впоследствии историком его войн, Степанос Шаумян оставил список военна-

¹ М. Н е р с и с я н. Отклики движения Давид-бека в Васпуракане и в соседних областях, «Известия Армянского филиала Академии Наук СССР», № 5—6 (10—11), 1941.

² «Дневник осады Исфгани», стр. 36, 37.

чальников Давид-бека; в этом списке приводятся данные о численности войск каждого военачальника и указано их расположение. Общую численность всех войск Давид-бека Степанос Шаумян определяет в 6628 человек, из которых 400 человек Давид-бек имел при себе в момент своего прибытия в Сисиан-Капан в 1722 г. Следует полагать, что остальные бойцы (более 6200 человек) были примкнувшими к Давид-беку местными жителями, крестьянами восточных округов.

Современник событий историк Абраам Ереванци указывает, что число армян, выступавших против турецких войск в Ереване, составляло 9443 человека, из которых 9000 человек были крестьяне из расположенных вокруг Еревана деревень, а 443 человека — горожане Еревана ¹.

В источниках имеются сообщения также о численности войск и участников освободительного движения в Карабахе. Однако эти сообщения противоречат друг другу. Так, упомянутые выше четверо армянских старшин из Карабаха (Есаи, Ширван, Саркис, мелик-Овсеп) в послании к русскому государю указывали численность своих войск в 10—12 тыс. человек ². Эти старшины, повидимому, говорят лишь о той части карабахских войск, которыми они руководили сами; другая же часть войск, которой руководили Есаи Хасан-Джалалян, Аван, Мирза и другие, упоминается в письмах и посланиях Минаса-вардапета, Есаи Хасан-Джалаляна и других старшин из Карабаха. Так, Минас-вардапет, говоря о восставших армянах, писал в своей докладной записке, что патриарх Есаи Хасан-Джалалян находится между Гянджой и Капаном с двенадцатитысячным войском ³. Не менее интересные данные о карабахских войсках сообщили два армянина, прибывшие в Тбилиси вместе с П. А. Толстым; со слов этих армян Минас-вардапет указал в своей докладной записке, что они (эти два армянина) в ноябре 1722 г. видели в Тбилиси Вахтанга VI, который говорил им, что «Исай патриарх приходил близко Еньжи (Гянджи) города с осмью тысяч войсками избранных людей. . . и оповедал нам (Вахтангу-хану) так, что есть де у меня (патриарха) еще и во ином месте войска двенадцать тысяч избранных же людей, все в готовности» ⁴. Патриарх Есаи сам сообщает в своей книге, что когда армянские войска соединились под Гянджой с грузинскими войсками, то численность их (армянских войск) достигала 12 тыс. человек ⁵.

¹ Абраам Ереванци. История войн 1721—1736 гг. (русский перевод), стр. 21, 22.

² Г. Э з о в. Указ. соч., стр. 341; АВПР, ф. «Сношения России с Арменией», 1723, д. № 1, л. 2.

³ Там же, стр. 347.

⁴ Там же, стр. 342.

⁵ Есаи Хасан-Джалалян. Указ. соч., стр. 46—47.

О численности армянских войск имеются также сведения, сообщенные русскому правительству его посланцем в Карабахе Иваном Карапетом. В письме от 5 февраля 1724 г. Иван Карапет указывает, что «когда армяне этих 4—5 сгнахов (карабахских. — П. А.) отправляются в поход, то всего выступает 20 000 человек; [здесь] людей много»¹. Из другого письма Ивана Карапета мы узнаем, что в округах Чараберд, Барта-Колани и Хачен в освободительном движении участвовали 10 тыс. вооруженных и 10 тыс. невооруженных армян². В то же время имеются сведения, согласно которым численность армянских войск в Карабахе достигала 30—40 тыс. человек³.

В табл. 6 (на стр. 161) сопоставлены данные источников о численности активных участников освободительного движения в Карабахе.

Из приведенной таблицы видно, что из всех данных о численности войск в Карабахе наиболее достоверны сообщения Вахтанга VI как руководителя грузинских и армянских войск под Гянджой. По его данным, в 1722 г. общее число армянских войск, выступавших в Карабахе против сефевидских властей и горных феодалов, достигало 20 тыс. человек. Этим данным соответствуют сообщения Ивана Карапета, который неоднократно писал, что в 4—5 карабахских сгнахах насчитывалось около 20 тыс. бойцов. Следует иметь в виду, что эти данные исходили в основном от армянских военачальников и, в первую очередь, от патриарха Есаи, более или менее точно знавшего численность армянского населения в Карабахе, а также число вооруженных и невооруженных людей⁴. Ему были известны также настроения и отношение этих людей к движению, поэтому он неоднократно подчеркивал, что при наличии необходимого продовольствия и вооружения 5 сгнахов Карабаха могли бы выставить до 40 тыс. человек⁵.

Дальнейшему росту численности армянских войск в Карабахе мешали не только нехватка оружия и неналаженность снабжения провиантом, но и отсутствие единого руководства в связи с постоянной враждой меликов между собой.

¹ АВПР, ф. «Сношения России с Арменией», 1724, д. № 4, л. 31; см. также л. 33.

² Там же, 1739, д. № 2, л. 60; см. также 1724, д. № 4, л. 21.

³ Г. Э з о в. Указ. соч., стр. 333, 386, 448.

⁴ Патриарх Есаи мог с достаточной точностью знать число карабахских армян, способных носить оружие, так как армянские патриархи раз в каждые три года собирали с армянского населения своей епархии подушную подать; см. Закария А к у л и с с к и й. Дневник (русский перевод), стр. 74.

⁵ АВПР, ф. «Сношения России с Арменией», 1739, д. № 2, л. 38; см. также Г. Э з о в. Указ. соч., стр. 386.

Таблица 6

Источники	Автор документа	Число участников		Руководители войск в Карабахе
		вооруженных	невооруженных	
Г. Эзов. Сношения Петра Великого с армянским народом, док. № 218	4 старшин: Есаи, Шруан, Саркис, Овсеп	10—12 000	—	Есаи, Шруан, Саркис, мелик-Овсеп
АВПР, ф. 100/1, 1739, д. № 2, л. 38	Иван Карапет	20 000	20 000	Патриарх Есаи и др.
Г. Эзов. Указ. соч., док. № 224	Минас-вардапет	12 000	—	Патриарх Есаи
Там же, док. № 219	Минас-вардапет (эти данные сообщены ему «двумя армянами» со слов Вахтанга VI)	8 000 + 12 000	—	Патриарх Есаи и др.
Есаи Хасан-Джалаян. История страны Агванов, стр. 46—47	Патриарх Есаи	12 000	—	Аван, Шруан, Шахни, Сарухан
Г. Эзов. Указ. соч., док. № 252	Священник Антон	30 000 (конных) и 10 000 (пеших)	—	Патриарх Есаи, Аван-юзбаши, Мирза-юзбаши и др.
Там же, док. № 299	Тархан-юзбаши	30 000	—	Аван, Тархан, Абраам и другие юзбаши
Там же, док. № 253	Иван Карапет	500	6 400	Аван и Мирза
АВПР, ф. 100/1, 1724, д. № 4, лл. 31, 33	» »	20 000	—	—

Это обстоятельство неоднократно подчеркивал в своих письмах Иван Карапет; он писал: «у этих армян нет главы»¹.

Несмотря на указанные затруднения, в пяти сгнахах Карабаха принимали активное участие в освободительном движении свыше 20 тыс. вооруженных армян. В этих 5 сгнахах

¹ АВПР, ф. «Сношения России с Арменией», 1739, д. № 2, стр. 38.

находились самые крупные и сильные меликства, из которых каждое могло выставить от 4 до 5 тыс. бойцов (численность войск в одном только сгнахе Шопи составляла 6900 человек).

Таким образом, в освободительном движении участвовали с оружием в руках около 40 тыс. человек (свыше 20 тыс. — в Карабахе, 7 тыс. — в Капане, около 10 тыс. — в Ереване). В то же время в источниках неоднократно подчеркивается участие в движении людей, не имевших вооружения. Так, например, указывается, что в Карабахе число невооруженных участников движения составляло около 20 тыс. человек. Не приходится сомневаться в том, что таких невооруженных, но активно участвовавших в движении людей было много также и в Капане, Ереване и других местах. Это значит, что в освободительном движении принимали активное участие не 40 тыс. человек, а по крайней мере вдвое больше¹. Такое количество участников свидетельствует о большом размахе движения, о его массовом характере.

¹ Следует иметь в виду, что в приведенные выше цифры не включена численность населения деревни Карпи, которое первым с оружием в руках выступило против турецких войск, и армянского эскадрона, действовавшего в Гиляне-Мазандаране; не учтено также число армян, выступавших вместе с грузинами в Грузии, с азербайджанцами — в Кабале.

Глава IV

БОРЬБА ПРОТИВ ТУРЕЦКОЙ АГРЕССИИ И ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ АРМЯНСКОГО НАРОДА

Развал Сефевидского государства, нашествие афганцев, освободительное движение закавказских народов привлекли к себе внимание султанской Турции. Турецкое правительство развернуло подготовку к вторжению на западные земли Сефевидского государства, стремясь захватить все Закавказье до Дербента и задуть освободительное движение армян, грузин и азербайджанцев.

С этой целью Турция еще весной 1722 г. установила связь с дагестанскими феодалами, в частности с вооруженными отрядами Хаджи-Доуда и Сурхайя, которые должны были вторгнуться в Закавказье с севера. На восточных границах турки концентрировали военные силы и создавали запасы продовольствия. Один из очевидцев сообщает: «8 сентября (1722) я прибыл в Карс и сам видел, как карский паша запрещал вывоз пшеницы в персидские владения и с большой энергией приготавливал для войск провиант»¹.

На завоевание всего Закавказья турок подстрекала западноевропейская и прежде всего английская дипломатия. Англия стремилась не допустить победы освободительного движения народов Закавказья и помешать укреплению позиций России в этом районе. В этих целях английское правительство рассчитывало использовать султанскую Турцию. Английский посол в Константинополе вместе с послами других западноевропейских держав внушал султанскому правительству, что Турция без труда может овладеть всем Закавказьем; если же турки не выступят, то западные области Сефевидского государства будут заняты русскими войсками и «... тогда турецкие подданные, грузины и армяне, сами вступят под русское

¹ «Дневник осады Исфагани», стр. 36.

покровительство, а оттуда близко и к Трапезунду, отчего со временем может быть турецкой империи крайнее разорение»¹.

Народы Закавказья по опыту знали, что несет им нашествие турецких ассимиляторов, которые «... сотни лет кромсали, терзали и истребляли армянскую и грузинскую нации...»². Еще в XVI—XVII вв. турки подвергли жесточайшему разграблению Армению и Грузию, разрушая города и села, уничтожая производительные силы и культурные ценности, массами истребляя людей.

В одной памятной записи очевидца, в связи с вторжением турецких войск в 1579 г., говорится, что они, вступив на территорию Армении, Грузии и в другие западные земли, входившие в то время в состав Сефевидского государства, «разрушили до основания многие церкви и монастыри, истребили много христиан...», замучили многих и увезли в плен неисчислимое множество людей: из города Нахичевани и других округов увели в плен больше чем 40000...»³. Другой источник сообщает, что турецкий военачальник Лала-паша «увел в плен армян и мусульман» до 60 000 человек⁴.

В то время как турецкие захватчики грабили и опустошали Закавказье, дагестанские феодалы, поощряемые Турцией, совершали нападения с севера на Гянджу, Партав (Барда), Чараберд, Хачен, Варанду, Дизак — вплоть до реки Аракс, разоряли цветущие области, истребляли население⁵.

Захватив западные армянские и грузинские области, турецкие ассимиляторы создали здесь режим насилия и произвола. Не случайно в конце XVI и начале XVII в. многие армяне и грузины, разоренные турецкими завоевателями, в поисках лучшей доли бежали в разные стороны, решив покинуть родные места, лишь бы избавиться от турецкого порабощения. Аракел Даврижеци, приводя подробный список бежавших грузинских и армянских феодалов, сообщает также, что жители местности Дашт ушли в Исфаган «и причиной бегства населения Дизака и Дашта было требование уплаты тяжелых налогов, разорение, разграбление и беспощадное истребление христиан»⁶.

В 20—30-х гг. XVII в. турецкие паши неоднократно организовывали набеги на территорию Ширака, Нига (Апаран), на Ереван и т. д. Против них выступали армянские крестьяне.

¹ С. М. Соловьев. История России, изд. 2-е, т. 18, стр. 691.

² И. В. Сталин. Соч., т. 11, стр. 348.

³ Материалы по истории армянских меликств, ч. II, стр. 186—187.

⁴ Аракел Даврижеци. История, стр. 607.

⁵ Там же, стр. 608.

⁶ Там же, стр. 15—17.

Так, например, историк Закария Саркаваг рассказывает о сопротивлении крестьян деревни Егвард (расположенной неподалеку от Еревана) турецким войскам: «И деревенские выступили против них с камнями. Османцы остановились и ожидали, пока кончились их камни, после чего они легко взяли их укрепление и истребили 30 мужчин, а остальных угнали в плен. И схватив там одного мужчину по имени Цатур и связав ему руки, били его, требуя показать [спрятанные] богатства, так как он являлся старшиной деревни»¹.

Жителей Еревана и окрестных деревень разоряли и истребляли как персидские, так и турецкие завоеватели. В результате персидско-турецких войн число армян, проживавших в Ереване, непрерывно уменьшалось².

Все это пагубно отражалось на жизни города, и Ереван при турецком и персидском владычестве не имел того городского облика, каким отличались армянские города (Двин, Ани и другие) прежде — во времена армянского государства.

Шарден, побывав в Ереване в 70-х годах XVII в., заметил, что это «большой, но не красивый город; большую часть занимают сады и виноградники: в нем нет красивых построек»³. Ханвей также сообщает, что в Ереване было больше садов и виноградников, нежели домов⁴. Другой, более поздний путешественник писал, что каждый из этих садов в предместье Еревана «своими каменными стенами может выдержать порядочную осаду. Версты две ехал я, — пишет этот путешественник, — между этими стенами, любуясь одними верхушками деревьев, обремененных плодами... на другой стороне, на скале, как над пропастью, висит западная часть крепости с бывшим дворцом сардара, гаремом и другими зданиями. Отсюда Эривань решительно недоступна»⁵.

Однако эти цветущие сады, их каменные стены и сама крепость, вопреки мнению путешественника, неоднократно разрушались турецкими и персидскими захватчиками. Е. Шахазиз справедливо замечает, что «походы султана Селима (1513), султана Сулеймана (1534), султана Мурада III (1579—1583), султана Мурада IV (1635) и султана Ахмета (1722) на Ереван и взятие ими крепости, а также обратное завоевание города персидскими шахами были для Еревана насто-

¹ Закария Саркаваг. Указ. соч., кн. I, стр. 85.

² И. Шопен. Указ. соч.; см. также «Обозрение Российских владений в Закавказье», т. IV, стр. 291.

³ Шарден. Указ. соч., стр. 241.

⁴ Hanway. Zuverlässige Beschreibung seiner Reisen... durch Russland und Persien. I Abth., Hamburg, 1754, Bd. I, S. 150.

⁵ Живописное путешествие по Азии... т. VI. М., 1840, стр. 7.

ящим бедствием и он неоднократно превращался в груды развалин и снова восстанавливался и перестраивался из этих развалин»¹.

В начале XVII в. Сефевидам удалось вытеснить турок из Восточной Армении и из Восточной Грузии. Границы между Турцией и Персией, установленные в 1639 г., оставались неизменными до 20-х годов XVIII в. Но уже в начале XVIII в., учитывая обстановку в Персии, Турция проводила военные приготовления, готовясь вторгнуться в западные области Сефевидского государства. Еще в 1710 г. Израел Ори, возвращаясь из Персии в Россию, писал: «от Турка пробежал один гонец к Персичьему шаху: не ведомо, Турки хотят между собою ссору какую иметь или иное какое дело учинить»². В 1711 г. Минас-вардапет, ссылаясь на письмо Израела Ори, сообщал, что «Турской Баязетской бей поссорился с Ереванским ханом Персичьего шаха. . .; видя шах, что салтан Турской имеет великое приготовление воинское, вельми опасался и боялся, чая, что будут воевать Турчанин против него, для того что и сам шах знает, что он с Турчанином воевать силы и мочи не имеет, також и никакого огненного оружия, — а имянно: ни пушек, ни бомб и ни пороху, — и страшится и от Турков, и от великого государя. . .; в Анатолии збирается премного турецкого войска, и никто не знает из них куда имеют итти и против кого будут воевать»³.

В 1723 г., воспользовавшись развалом Сефевидского государства, крупные силы турецких войск под командованием Ибрагим-паши и Мустафы-паши вторглись в Грузию. Захватив Тбилиси, турки намеревались быстро продвинуться дальше на восток и овладеть всем Закавказьем.

Турецкий паша, попавший в плен к карабахским армянам, на допросе заявил, что «султан приказал истреблять армян и кызылбашев этих стран, так как войска русского царя пришли на эту сторону моря, а мы, — заявил паша, — должны наступать на них, потому и эти страны должны быть разрушены, армяне истреблены, чтобы наша дорога была свободна. . . Если бы вы (армяне) не были [на нашей дороге], мы наступали бы на Дербент, Баку. . .»⁴.

В связи с нашествием турок положение восставших армян и других народов Закавказья чрезвычайно осложнилось. В письме к Петру I от 1 ноября 1723 г. армянские мелики и старшины из Карабаха сообщали: «. . . С одной стороны,

¹ Е. Шахазиз. Старый Ереван, стр. 86

² Г. Эзов. Указ. соч., стр. 253.

³ Там же, стр. 255—256.

⁴ Там же, стр. 422.

османские [войска], наступавшие на нас, заняли Грузию и дошли до Гянджи, 20 дней бились за город и повернули обратно; с другой стороны, остатки персов поспешно наступают на нас, а с третьей стороны — лезгины и дагестанские [войска] производят на нас набеги»¹. Однако, несмотря на всю тяжесть создавшейся после вторжения турок обстановки, армяне, грузины и азербайджанцы нашли в себе силы бороться и против наступавших турецких войск, и против персидских поработителей. Острое освободительного движения обратилось в этот период против наиболее опасного врага — султанской Турции.

В 1724 г. турецкие войска под предводительством Кеprüлю-Абдуллах-паши, Ариф-Ахмет-паши, Хаджи-Мустафы-паши приняли наступление на Ереван. Ариф-Ахмет-паша из Диарбекира с 30-тысячным войском вторгся в Ереванское ханство; «местности и деревни, находящиеся на пути его похода, были полностью опустошены, и он взял в плен (обратил в рабство) больше 20 000 человек обоего пола. После этих варварских действий в середине упомянутого месяца он пришел в Ереван, главный город этой провинции»². Передовые части турецких войск (численностью около 1800 человек) под командованием Ялгус-Хасана и Гоч-Али, вступив в бой с 12-тысячным войском ереванского хана под деревней Егвард, разбили и обратили его в бегство, после чего ереванский хан вместе с персидскими и армянскими знатными людьми укрылся в крепости Еревана³.

Одержав победу под Егвардом, турки открыли себе дорогу на Ереван и рассчитывали без серьезного сопротивления войти в город. Однако против турецких войск выступило местное население, прежде всего армянское крестьянство из окрестных деревень. Так, когда турецкие войска наступали на Ереван, население деревни Карпи, вооружившись, преградило подходы к деревне. Жители деревни связались с ереванским ханом, рассчитывая на его помощь. Однако, убедившись в бессилии хана и не имея возможности самостоятельно сопротивляться превосходящим силам турок, карпийцы были вынуждены подчиниться туркам. Но крестьяне других деревень, объединившись, решили до конца защищать Ереван. Они собрались в город, где были организованы вооруженные отряды ополченцев.

Вместе с крестьянами сражались горожане, твердо решившие не пускать турок в Ереван. По сообщению очевидца этих

¹ Там же, стр. 360.

² Напвау. Указ. соч., т. I, стр. 150.

³ Абраам Ереванци. История войн 1721—1736 гг. (русский перевод), стр. 22.

событий, историка Абраама Ереванци, влиятельные люди Еревана и старшины (имена которых историк перечисляет) «собрались вместе и все они, единодушно, посоветовавшись между собой, набрали отборных молодцов из [окрестных] сел Еревана: из Паракара, Гугумбета, Кавакерт, Аринча, Авана, Дзагавана, Дзага, Норагеха. Набралось у них девять тысяч готовых к войне бойцов, ибо все мужчины, способные воевать, из упомянутых сел, придя, собрались в пригороде Еревана. Из города, из того околотка, что зовется старым Ереваном, собирались многочисленные группы молодых людей с боевым снаряжением, руководителями которых был готемартик (борец) Никогайос, сын Мариамы — Антониос, сын Хатуны — Бутик и тер (священник) Мовсес. И количество всех было девять тысяч четыреста сорок три вооруженных отважных бойцов, полностью снабженных мечами и ружьями. Все они, оставив дома женщин, детей и непригодных к бою мужчин, собрались с командирами своими в одном околотке Еревана, который называется Дзорагюх, чтобы идти воевать за себя, за женщин и за детей»¹.

Эти вооруженные отряды крестьян и горожан два месяца героически защищали Ереван, не допуская вступления турецких войск в город. Только получив подкрепление, турецкие войска 7 июня 1724 г., после ряда ожесточенных боев, ворвались в Ереван: «армянские бойцы были перебиты мечом, и многие из них были потоплены в реке. Османцы увели в плен их жен и детей и, уведя, заполнили ими лагерь свой и злыми деяниями осквернили их», — пишет Абраам Ереванци².

После взятия Еревана турецкие войска продолжали военные действия, двигаясь как в направлении Гянджи и Карабаха, так и в направлении Нахичевани—Тавриза. Турки опустошали все на своем пути, истребляли и угоняли в плен население. Упомянутая выше хроника XVIII в. сообщает следующие подробности: «И по приказу султана в 1723 году прибыли в Ван амассийский паша, паша из Урфы, паша из Чангры и другие паша со своими войсками и конницей: прибыли они к Абдуллах-паше, который сделался их верховным военачальником (сераскером), и стали наступать на персов и взяли Хой, Ереван, Тавриз, Хамадан, Муган и многие небольшие города. Но сколько крови пролили безжалостно и [сколько людей] увели в плен, не поддается исчислению, ибо не осталось страны, откуда бы не угнали 400, 500 пленных. . .»³.

¹ Абраам Ереванци. История войн 1721—1736 гг. (русский перевод), стр. 21—22.

² Там же, стр. 25.

³ Г. С р в а н д з т я н. Указ. соч., стр. 377—378.

Наступление турок к Гяндже и Карабаху вызвало смятение среди той части руководителей освободительного движения, которая принадлежала к феодальной верхушке.

Вахтанг VI, возглавлявший грузино-армянские объединенные войска, после взятия турками Тбилиси покинул свою страну и в августе 1724 г. уехал в Астрахань. Руководители армянских войск в Карабахе растерялись. Некоторые из них, а также патриарх Нерсес (из монастыря «Трех младенцев») решили покориться туркам. Обострившиеся противоречия среди карабахской руководящей верхушки отражены в письме Мартироса-вардапета (из Кабалы), который 24 февраля 1724 г. сообщал русскому коменданту Дербента: «Саркис из Чараберда является сторонником кызылбашей, Есаи из Гюлистана — сторонником османцев; Есаи отправился к османцам, чтобы их привести [в Карабах]; мелик-Багыр, внук мелика-Паги, также является сторонником кызылбашей»¹.

Однако опасность положения не только не сломила волю к борьбе, но, наоборот, усилила сплоченность широких масс армянского народа, объединила их. Борьба против турецких войск стала принимать все более острый и ожесточенный характер. Эти тяжелые дни, в условиях борьбы против общего врага, укрепились союз и дружба между армянами и грузинами. Одновременно были заложены основы союза армян и азербайджанцев, направленного против турецких захватчиков и поддерживавшихся ими отрядов Хаджи-Доуда и Сурхайя. Карабахские армяне и гянджинские азербайджанцы, выступая с оружием в руках против общего врага, заключили письменный договор — обязательство о союзе и совместной борьбе против турецких войск.

Вековая дружба армянского и грузинского народов — общеизвестный исторический факт; многочисленные сведения о ней имеются как в источниках, так и в исторической литературе. Менее исследована история союза армян и азербайджанцев и их совместной борьбы против иноземных поработителей в 20-х годах XVIII в.

Дружба и союз между армянами и азербайджанцами существовали и до вторжения турецких войск в Восточную Армению и Азербайджан, но в 20-х годах XVIII в. они отразились в исторических документах большого значения: руководители восставших армян и гянджинских азербайджанцев заключили договор — обязательство о союзе и помощи в совместной борьбе против турецких войск.

Еще в сентябре 1722 г. в письме к Петру I грузинский царь Вахтанг VI писал, что он едет в Гянджу, чтобы присоединить

¹ АВПР, ф. «Сношения России с Арменией», 1724, д. № 4, л. 12.

к своим войскам тамошних армян и «татар» (т. е. азербайджанцев) и начать «военные действия против лезгин»¹. Несомненно, что Вахтангу VI были отлично известны чаяния и стремления как армян, так и азербайджанцев. Участник освободительного движения в Капане, военачальник Давид-бека, Степанос Шаумян, говоря в своей книге об освободительной борьбе карабахских армян, упоминает также, что вместе с ними сражались «и те, которые жили недалеко от армян»², т. е. азербайджанцы. О том, что против турецких войск выступали не только армяне и грузины, но и азербайджанцы, свидетельствуют также данные, имеющиеся в записях Ильи Мусега. Он приводит письмо некоего Али-Наги (полученное 5 декабря 1723 г.), в котором говорится, что «между османцами, наступающими на Гянджу, и жителями Гянджи семь раз происходили бои: всякий раз османцы оказывались разбитыми». Далее автор письма сообщает, что в этих боях турки потеряли 5 тыс. человек³. Священник Алексан (Алексей) в своем письме дербентскому коменданту от 20 декабря 1723 г. также писал, что «... османцы [наступающие на Гянджу] бежали, [ибо] потеряли 2000 человек: [они] направились в Тифлис, а часть из них в Константинополь, чтобы известить Хондкара (султана) ...»⁴. Таким образом, как видно из сообщения современников, битва, разыгравшаяся между наступавшими турецкими войсками и населением Гянджи осенью 1723 г., кончилась полной победой последнего.

Весной 1724 г. турецкие войска готовились предпринять новое наступление, которое в одинаковой мере было направлено как против армян, так и против азербайджанцев. Поэтому зимой и весной 1724 г. между карабахскими армянами и гянджинскими азербайджанцами шли переговоры об объединении сил для совместной борьбы с врагом. В ходе переговоров между карабахскими и гянджинскими феодалами обнаружились противоречия, которые в известной мере замедляли успешное завершение этих переговоров.

Известно, что гянджинские феодалы, исповедовавшие ислам, находились в тесной связи с Сефевидами и пользовались рядом привилегий по сравнению с армянскими феодалами. Начиная

¹ Переписка на иностранных языках грузинских царей с русскими государями от 1639 г. по 1770 г. СПб., 1861, стр. 140.

² Степанос Шаумян. История Давид-бека (на армянском языке), 1871, стр. 2.

³ АВПР, ф. «Сношения России с Арменией», 1724, д. № 15-А, л. 22.

⁴ Там же, д. № 4, л. 2; см. также Г. Эзов. Указ. соч., стр. 364: «Еще доношу, что в Ганже побито 9 тысяч человек Турков, а достальные ушли в город Тефлис, и из оных ушедших половина осталась в Тефлисе, а половина пошла в Константинополь для учения своему султану известия. . .».

с первой половины XVI в. и вплоть до 1737 г. (с перерывами) наследственными бегларбегами Гянджи и Карабаха назначались члены феодального дома Зийяд-Оглы¹.

Ведя вооруженную борьбу против Сефевидов, армянские феодалы тем самым подрывали господствующее положение и привилегии крупных феодалов Гянджи. Из письма Ивана Карапета старшинам и ага Гянджи (от 22 февраля 1724 г.) мы узнаем, что гянджинские и армянские феодалы нередко нападали друг на друга и разоряли армянское и азербайджанское население. Эта феодальная междоусобица представляла собой серьезное препятствие на пути к заключению союза между карабахскими армянами и гянджинскими азербайджанцами.

Сами армянские феодалы также враждовали между собой и нападали друг на друга. Это видно из того же письма Ивана Карапета гянджинским старшинам, где говорится: «От меня, Ивана Карапета, привет всем гянджинским ага и кедхуда, большим и малым. Известно вам, что я прибыл в сгнахи этих армян [и] увидел, что некоторые [из старшин] в ссоре между собой. [Я] помирил их, больше никто из них не в ссоре. Их всех [я] объединил, и [вдруг] я слышу, что вы с этими армянами не в мире и нападаете друг на друга. Этим вы ничего хорошего не делаете. . . и если вы хотите получить покровительство нашего царя, то вы должны быть в дружбе с этими армянами, а если вы хотите служить османцам, то это уж ваше дело, лишь бы вы ответили на это письмо. . . »².

Гянджинские феодалы в своем ответном послании не только выразили готовность заключить союз с армянами, но и объявили, что они вступают «в протекцию русского государя». Но тут же они старались подчеркнуть свое привилегированное, господствующее положение. Они требовали, чтобы армянские феодалы «оставили непокорность и подчинились, как это было раньше» (т. е. при Сефевиде)³.

Однако приближение турецких войск отодвинуло на задний план эти противоречия; карабахские армяне, с одной стороны, и гянджинские азербайджанцы — с другой, поспешили

¹ И. П. Петрушевский. Очерки. . . , стр. 122—124; см. также «Сборник статей по истории Азербайджана», стр. 250.

² АВПР, ф. «Сношения России с Арменией», 1739, д. № 2, л. 37: «Իվան Կարապետէս բարե հասցէ Գանջոյ եղեալ աղալարի և քաթխողէքոնց մեծիդ և փոքրիդ. մալում լինի ձեզ, որ ես եկի էս խայերին սղաղանին՝ տեսի, որ քանի մարդ մինըմինոյ խեղ խռովին, բարբառացի, որ էլ մարդ չէ մնաց ոխջին զլուխն ամ արարի. և ես լսում ամ, որ զոր էս խայերին խեղ ընդունէք (?) մեկըմինոյ չափմիշ էք անում. էտ խով լեվ չէք անում. . . և զոր որ թէ կողէք մեր թագաւորին թարէ լինէք, էս խայերին խեղ պիտի դուռ լինէք. թէ կողէք որ օսմանլին զուլուլ ատէք, էն էլ զոր լեվ գիտէք, արաբար ոնէք էս գրին ջողարն մեկ գրէք. . . ».

³ Там же, л. 74.

заключить договор о союзе и совместной борьбе против турецких войск и дагестанских феодалов. По данным архивных документов, инициаторами заключения договора являлись руководители карабахских армян, которые решили выбрать своим посредником Ивана Карапета и через него вести переговоры о дружбе и союзе с гянджинцами. Армянские старшины сгнаха Шопш, собравшись вместе, решили: «Мы — юзбаши из Шопша: я Тархан, и я Баги, и я Пани, и я Саркис, и я Сатег, — вместе с нашими подданными — и нашими кевха-кедхуда и армянами из Гянджи, большими и малыми, просили Ивана Карапета, чтобы он от нашего имени написал письмо кедхуда гянджинского махала; чтобы [тем самым] он установил у нас мир, чтобы мы помирились с гянджинцами, пока наш царь («царем» или «нашим царем» армяне называли русского царя, так как считали себя под его покровительством и его подданными. — П. А.) не придет [на помощь]. Написано 22 февраля 1724 г.»¹.

За этой просьбой армянских старшин последовало цитированное уже выше письмо Ивана Карапета гянджинским ага и кедхуда. Получив положительный ответ гянджинцев, карабахские армянские старшины собрались и подписали обязательство о дружбе и союзе с гянджинскими азербайджанцами. Это обязательство содержало следующие условия: 1) в случае вторжения турецких войск или дагестанских феодалов на территорию Гянджи армяне должны всеми своими силами и средствами прийти на помощь гянджинцам; 2) если турецкие войска или дагестанские феодалы нападут на армян, то гянджинцы должны всеми своими силами и средствами прийти на помощь армянам; 3) если армяне обманут гянджинцев и не придут к ним на помощь или же если они в будущем схватят или убьют хотя бы одного гянджинца, а также будут грабить и разорять кого-нибудь из гянджинцев, тогда во всех этих случаях жизнь и имущество виновных армян будут полностью находиться в распоряжении царя.

Приведем текст этого первостепенно важного документа, который можно назвать своеобразным договором о дружбе, союзе и взаимной помощи между карабахскими армянами и гянджинскими азербайджанцами:

«Причина этого письма следующая: 24-го марта 1724 года, мы, армянский народ (азг) Карабахской страны, [вместе]

¹ АВВР, ф. «Сношения России с Арменией», 1939, д. № 2, л. 62: «Մեր, Շօշի եղեալ ուղղաշէրս. ես Թարխանս, և ես Բադիս, և ես Փանիս, և ես Սարգիսըս, և ես Սադեղս, մեր թմրուն Թախեղօլս և մեր քեվխայ քաղխողէքովս և Գանջոյ խայրօլս մեծօլ և փոքրօլ խնդրեցինք Իվան Կարապետէն, որ մեր կողմանէ ան գիր գրէ Գանջայ մայալին քաղխողէքոնց վերէն, որ մեր մէջումն բարըռթուն ձգէ, որ մինըզ մինոյ խեա բարըռացուցանի, որ մեր և Գանջեցիք բարիշ լինենք մինչի մեր Թագաւորն գայ մեզ հասնի. գրվեցաւ թվին ՌՃՀԳ. (—1173—1724) փետրվարի ամսին ԻԲ—ուսմն».

с патриархом, большими и малыми юзбаши, меликами, кевха и кедхуда, сделали нашим векилом и уполномоченным элчи (посланца) Ивана Карапета. Сообщив ему о ссоре, существовавшей между нами и гянджинцами, просили помирить нас с гянджинцами, так как элчи-бек (т. е. Иван Карапет) написал письмо гянджинским большим и малым и гянджинские большие и малые написали письмо элчи-беку и сообщили, что они также являются подданными [русского] царя. По этой причине, я патриарх Есаи, я патриарх Нерсес, я Аван юзбаши, и я Мирза юзбаши, и я Тархан юзбаши, и я Саркис юзбаши, и я Абраам юзбаши, и я мелик-Тамраз, и я мелик-Багыр, и я мелик-Григор, и я мелик-Даниэл, и я мелик-Еган — с нашими подданными, кевха и кедхуда большими и малыми дали следующее письмо элчи-беку, чтобы он помирил нас с гянджинцами, чтобы между нами и гянджинцами установилась дружба и любовь, и мы полагались друг на друга. При этом мы обязуемся, что впредь, если на гянджинцев нападут османские войска или лезгины, мы, весь армянский народ, и мы, вышеупомянутые, придем на помощь гянджинцам, так как гянджинцы также являются подданными нашего царя. И если на нас нападут османцы или лезгины, гянджинцы обязаны прийти к нам на помощь. И если, мы, армяне, впредь обманем гянджинцев или одного или многих гянджинцев схватим и убьем, или ограбим, то наша жизнь и имущество будут в распоряжении царя»¹.

¹ Там же, л. 43: «Պատճառ գրոյս այս է, որ թիվն փրկչին 1724 մարտի ամսին իԱ. ումն, մեր Ղարբալդ երկրի հայոց ազգքս, հա[յ]րապ[ետ]օվ, մեծօվ և փոքրօվ ուղղաշօվ, մէլիքօվ, քէվխօվ, և քաղխո[ւ]օվ, մեզ վաքիլ և ախտարարարին[ք] էլչի իվան Կարապետին [թ]է մեր մէջն և Գանջեցոց մէջն մինրդ մինոյ խեռ զոյմանութուն ունինք, չուն էլչի բէկին արզ արարինք, էլչի բէկն գիր էր գրել Գանջու մեծի և փոքրին վերէն և Գանջոյ եղեալ մեծ և փոքր գիր են գրել էլչի բէկին, թէ մեր էլ թաղաւորին ծառայ անք և թարէանք. էտ ջահան, ես Եսայի կթղկսս և ես Ներսէս կթղկսս, ես Ավան ուղղաշէս, և ես Միրզա ուղղաշէս, և ես թարխան ուղղաշէս, և ես Բաղի ուղղաշէս, և ես Սարգիս ուղղաշէս և ես Աբրահամ ուղղաշէս, և ես մէլիք թամրազս, և ես մէլիք Բաղէրբ, և ես մէլիք Բրիգորս, և ես մէլիք Դանիէլս, և ես մէլիք Նկանս, մեր թարուն թալեգօվօ, քեղիօվ և քաղխոգօվ մեծօվ և փոքրօվ էս գիրս ավինք էլչի բէկ իվան Կարապետին էս ջահան, որ, էլչի բէկն մեզ Գանջեցոց խեռ բարըշաքանի, որ մինրդ մինոյ խեռ սէր մօհրաթ առենք և մինրդ մինոյ քոմակ առենք: Եւ էս լիթղամս էլ ավինք էլչի բէկին, որ թէ գանջեցոց վերէն թէ Օսմանլուի և թէ լազկու շօղում գայ, մեր հայոց ազգս թամարի վերոյ գրեալքս գնանք գանջեցոց քոմակ, չուն Գանջալ էլ մեր թաղաւորին թարին. և թէ մեզ վերէն Օսմանլու կամ լազկի գայ, գանջեցիք գան մեզ քոմակ. և թէ մեր հայոց ազգս գանջեցոց խարենք գնանք ոչ քոմակ, և թէ գանջեցոց խաբենք կամ գանջեցոց ամ մարդի կամ շատ փոքր բունենք, կամ սպանենք, կամ թալանենք, մեր գլխն և մեր ապրանքն՝ թաղաւորին լինի». Текст этого договора опубликован также А. А б р а м я н о м: «Договоры 1724 года о взаимопомощи между армянами и азербайджанцами». «Известия Академии Наук Армянской ССР», 1951, № 12.

Указанный документ является копией подлинника, скрепленного печатями и подписями, который армяне послали гянджинским старшинам. На оборотной стороне приведенного документа имеется пометка Ивана Карапета о том, что он получил ответ гянджинских старшин и показал его армянам, чтобы они успокоились ¹.

Если бы не сохранились соответствующие ответы гянджинцев, то мы могли бы поставить под сомнение достоверность приведенного документа, ибо цитированный армянский текст, как уже было сказано, является не подлинником, а копией, хранившейся в личном архиве Ивана Карапета. Однако нет оснований сомневаться в исторической достоверности и значении этого документа, так как гянджинцы, получив подлинник договора, тотчас же написали и прислали соответствующее обязательство. Азербайджанский вариант договора, написанный гянджинцами на персидском языке, представляет собой подлинный документ, скрепленный печатями и подписями гянджинских старшин.

Обязательство или договор о дружбе и союзе, составленный гянджинскими азербайджанцами, не только убедительно подтверждает существование подлинника документа, составленного армянами, но и показывает, какое важное значение имеют эти документы для изучения прошлого двух соседних закавказских народов и, в частности, для изучения их истории в период освободительного движения первой четверти XVIII в. В этих документах отражены чаяния и стремления борющихся совместно армян и азербайджанцев.

Как было сказано выше, армянские старшины считали себя подданными русского царя и, подчеркивая этот момент в своих письмах, записях и обязательствах, называли русского царя «нашим царем». В своих посланиях, а также в указанном договоре армяне подчеркивают, что и гянджинцы искали покровительства русского царя. Гянджинцы также начинают свое обязательство—договор о дружбе и союзе—словами, адресованными русскому царю («Царю—покровителю христиан, покровителю мирян»), которого они извещают как о содержании этого обязательства, так и о своих претензиях по отношению к армянам, а именно:

1. Карабахские армяне должны быть покорными, послушными и не поднимать бунты «против населения и землевладельцев Гянджи и других шиитов».
2. Если на Гянджу нападут «мятежные лезгины или турки», то армяне обязаны оказать помощь Гяндже.
3. Если армяне «откажут (гянджинцам) в дружбе и долге

¹ АВПР, ф. «Сношения России с Арменией», 1739, д. № 2, л. 43.

соседства, не помогут Гяндже, то во всех этих случаях [они] будут считаться виновными и заслужат наказание».

4. Со своей стороны гянджинцы — «все каджарские предводители ополчения, старейшины, улемы и ага и городские хаджи, кедхуда, старейшины, юзбаши и воины» — обязуются, что: а) «если кто-либо из селян или горожан [Гянджи] вступит в драку с людьми сгнаха или с прочими христианами Карабаха», б) «если при их (армян) послушании и соблюдении обязательства на них нападут турки или лезгинские войска, а селяне или горожане [Гянджи] откажут в помощи христианам, то во всех этих случаях [гянджинцы] будут считаться виновными, заслуживающими наказания. . . , будут [считаться] изменниками, трусами и не верными своему обещанию»¹.

Из приведенных пунктов договора видно, что в нем нашли отражение как стремления широких народных масс, так и интересы крупных феодалов. В целом договор соответствовал интересам и чаяниям народных масс Азербайджана (Гянджи), их стремлению к союзу с армянами для совместной борьбы против общего врага. Что же касается первого пункта договора, то он, несомненно, был продиктован требованиями одной лишь феодальной верхушки, тесно связанной с Сефевидами не только в религиозном, но также и в политическом отношении.

Получив верховную власть в Гяндже и Карабахе и соответствующие привилегии от Сефевидов, гянджинские феодалы не могли примириться с «непокорностью» армян, как не мирились они с непокорностью азербайджанских крестьян. Тот факт, что гянджинские феодалы потребовали от армян покорности не только по отношению к себе, но и по отношению к «другим шиитам», напоминает об их связи с Сефевидами, ибо под «другими шиитами» следует понимать Сефевидов, против которых поднялись народы Армении, Грузии и Азербайджана.

Однако это требование феодалов Гянджи в значительной мере теряло свое значение; привилегированные гянджинцы, подобно «непокорным» армянам, искали покровительства русского государя и желали присоединиться к России. Таким образом, они сами встали на путь «непокорности» по отношению к «другим шиитам», т. е. к Сефевидам. Так было устранено препятствие для совместных действий армян и азербайджанцев в борьбе против общих врагов.

Ниже приводится русский перевод договора между Гянджой и карабахскими армянами, составленного гянджинскими азербайджанцами в форме обращения к русскому царю:

¹ Там же, л. 74.

«Царю — покровителю христиан, покровителю мирян».

«Так как до этого христианское население сгнаха и прочие христиане области Карабаха через посредство Авана и Карапета дали письменное обязательство с ведома посланника высочайшего двора Покровителя христиан, прибывшего к населению сгнаха для устранения имеющейся вражды между населением и землевладельцами (арбабан) Гянджи, с одной стороны, и населением сгнаха — с другой, в том, что если с сего числа, т. е. с середины марта месяца 1136 г. хиджры, население сгнаха впредь выразит непокорность, или поднимет бунт против населения и землевладельцев Гянджи и других шиитов или будет враждовать с ними, а также если мятежные лезгины или турки нападут на Гянджу, а они (армяне) откажут [гянджинцам] в дружбе и долге соседства, не помогут Гяндже, то во всех случаях будут считаться виновными и заслужат наказание. В этом случае правители будут вправе распоряжаться людьми и всем движимым и недвижимым их имуществом. Одновременно все каджарские предводители ополчения (сархейлан), старейшины, улемы и ага и городские хаджи, кедхуда, старейшины, юзбашы и воины обязались, что если [они] от сего числа впредь совершат набеги или же если кто-либо из селян или горожан [Гянджи] вступит в драку с людьми сгнаха или с прочими христианами Карабаха, когда они верны своему слову и не отказываются от послушания, а также если при их послушании и соблюдении обязательства на них нападут турки или лезгинские войска, а селяне или горожане [Гянджи] откажут в помощи христианам, то во всех этих случаях [они] будут считаться виновными, заслуживающими наказания, изменниками, не гази и не заслуживающими семейного очага: будут изменниками, трусами и неверными своему обещанию. Написано 12 раджаба 1136 г. хиджры...»¹.

Кроме этого документа, имеется письмо гянджинцев, адресованное армянским военачальникам:

№ 2

«После благодарения и приветствия.

Причиной того, что были нанесены на бумагу эти правдивые слова и строки, явилось собрание группы сеидов (тайфе-и-

¹ Далее следует свыше 60 печатей и подписей: Мухаммад-Али, Мир-Касим Алхусейн, Мухаммад-Садиг, Мухаммад-Али, Малек-Мухаммад, Баба-хан, Мухаммад-Салех, Ага-баба, Лотф-Али, Мухаммад-Реза, Мухаммад-Реза-Мухаммад, Мухаммад-Реза, Ага-баба, Абдулла и прочие (там же, 1739, д. № 2, л. 74); персидский текст, печати и подписи расшифровал и перевел Х. Г. Кероглу. Этот и последующие тексты, переведенные с персидского, любезно просмотрены М. Г. Аслановым.

садат), улемов, ученых, хаджи, старост (кедхудаян), старцев (баба), городских старейшин (калантар), предводителей (накиб), старейшин (ришсафидан), сотников (юзбашиян), воинов и прочего населения (джумхур-сакане) местности Аббас-абада Гянджи. Согласно нижеприведенному подробному перечислению, каждая из указанных улиц поклялась из миролюбивых побуждений всевышнему господу богу и постановила: впредь из поколения в поколение быть верными своему слову и если армяне оставят непокорность и подчинятся, как это было раньше, то всякого, кто с нашей стороны осмелится совершить нападение на упомянутое армянское население, поймают и накажут так, чтобы это послужило уроком для других. Пострадавшему — вернуть награбленное в двойном размере. Совершившего преступление — наказать, разорить его дом. В этом все единодушно дали клятву и скрепили свое обещание подписью, высеченной на скале подобно надписи»¹.

Далее следует 125 личных печатей и названий 81 улицы, население которых клялось:

«Население (джамаат), войска, молодежь (джаванан), старосты (кедхудаян) и знатные люди (айян) кварталов 81 улицы, приведенных в этом списке, дали обязательство и поклялись, что впредь не учинят вреда армянскому населению и прочим христианам, попавшим на путь нерадения, невежества (гафлат-у-джахалат), которые отныне прекратят нападения друг на друга, а также на мусульман и на караваны: повинуются и будут общаться с городом. А мы, со своей стороны, обязуемся следить за молодежью и прочими посетителями города, чтобы они не причинили зла и вреда армянам и оставили их в покое»².

Значение приведенных выше документов заключается в том, что они были созданы с ведома и согласия восставших народных масс, при непосредственном участии деревенских старшин и других представителей крестьян, которые в документах называются терминами «кевха» — «кедхуда» и т. д.

Выше уже было отмечено, что деревенская верхушка сохраняла тесные связи с широкими массами крестьянства и поль-

¹ Там же, лл. 69—70.

² Документ подписали и поставили свои печати: Шейх-ул-ислам, ахунд мулла Хади-Хусейн модаррес (учитель), ахунд мулла Салех, имам ахунд хаджи мулла Хусейн-Али модаррес, ахунд мулла Тахир модаррес, ахунд мулла Насир, мулла Ибрахим, мулла Мухаммад-Али гари (чтец корана), мулла Сафи му'аззен, мулла Аскер раис, мулла Аллах-кули, мулла Мухаммад-Хусейн, мулла хаджи Дарвиш Мухаммад, Абдулла модаррес, Мохсен модаррес, Мохсен мохтасеб (блеститель порядков и нравов), Исмаил Мухаммад ваиз, Солтан, Аббас, Хайдар, Мухаммад-Касим, Зейн-ал-абедин, Али, Карим, Ахмед, Хасан, Абдулла Садег, Мухаммад-Казим, Бахши, Вали.

зовалась большим влиянием в его среде. Во время освободительного движения 20-х годов XVIII в. деревенская верхушка вела за собой массы, руководила участвовавшими в движении крестьянами. Нельзя считать случайным, что в документах этого периода особо подчеркивается участие представителей деревенской верхушки. Так, например, руководители карабахских армян указывали, что они заключают союз с Гянджей не только от своего имени, но и от имени своих «кевха и кедхуда»¹.

Следует учитывать, что армянские мелики никогда не представляли собой крупной военно-политической силы, что в их распоряжении находились лишь сравнительно небольшие дружины (численностью от 100 до 300 человек у крупного мелика). Понятно поэтому, что они не могли в то время предпринимать серьезные шаги без участия деревенской верхушки, за которой шло крестьянство. В период освободительного движения мы впервые видим, что при составлении документов военного и политического характера активно вмешивается и высказывается крестьянство во главе со своими старшинами и прочими представителями деревенской верхушки.

Следует далее иметь в виду, что приведенные выше документы были созданы при отсутствии единого политического центра освободительного движения, в условиях острых разногласий между армянскими и азербайджанскими феодальными кругами, а также внутри самой армянской руководящей верхушки. Вот почему заключение тесного союза между армянами и азербайджанцами для борьбы против общего врага приобретает особенно важное историческое значение.

Необходимо отметить, что союз, заключенный между гянджинскими азербайджанцами и карабахскими армянами в марте 1724 г., выходил далеко за пределы Гянджи и Карабаха. Заключение этого союза необходимо рассматривать как часть общей борьбы армянского, азербайджанского и грузинского народов против турецкого нашествия.

Факты совместного выступления народов Закавказья против общего врага мы видим, например, в Тбилиси, армянское население которого вместе с грузинами сражалось против турок. Большой интерес представляют также события в Кабале, где азербайджанцы защищали местных армян от нападения дагестанских феодалов и турецких завоевателей.

В своем письме из Кабалы от 6 марта 1724 г. Мартиросвардапет сообщал дербентскому коменданту, что тамошний юзбаши — Сатаг (азербайджанец), сын Хаджи Ахмеда, «во многом нам (армянам) помогает, до сегодняшнего дня он за

¹ АВПр, ф. «Сношения России с Арменией», 1739, д. № 2, л. 62.

нас заступает, . . . он также является нашим сторонником . . . »¹.

Слова Мартироса-вардапета подтверждаются самим юзбаши Сатагом, который в письме к тому же дербентскому коменданту заявил, что «неприятели собираются истребить армян, [но] я не допущу этого . . . »².

Наконец, нельзя считать случайностью и тот факт, что среди приверженцев Авана-юзбаши (одного из руководителей армянских войск в Карабахе), с которыми он в дальнейшем переселился в Россию, были не только армяне, но и азербайджанцы. Как в Гяндже, так и в Карабахе азербайджанское население выступало совместно с местными армянами в борьбе против чужеземных завоевателей.

Союз и совместная борьба армян и азербайджанцев против общего врага нашли свое отражение в народных преданиях. В Ереванском Матенадаране хранится рукопись, содержащая рассказ о жене мелик-Хусейна — Анне (армянке) и ее векилах — Ул-баба и Али-Хумбате (азербайджанцах). В рукописи этой повествуется о том, что после смерти мелик-Хусейна Шахназаряна власть в его владениях перешла в руки его жены — Анны (по преданию Анна была сестрой мелик-Егана). «Давид-бек, Аван-юзбаши и другие мелики, собравшись, посоветовались [и решили], чтобы вместо мужа управляла Анна, и при ней назначили векилом Ул-баба, а из дживанширцев — Али-Хумбата, который был одним из участников совещания. Ему также назначили векила, чтобы он каждый месяц приезжал, слушал распоряжения Анны и выполнял их»³.

В предании рассказывается далее, что когда стало известно о приближении османских войск к Гяндже, Али-Хумбат, набрав 500 отборных ополченцев, явился к Анне на помощь. Выразив ему благодарность и признав его верность и храбрость, Анна советует ему не вступать в бой с противником одними своими силами: «нужно объединить всех меликов и действовать с ними в согласии»⁴.

Особенно интересна та часть рукописи, где говорится о заговоре и истреблении турецких войск, подготовленном Анной и ее дочерью Гаяне, и о той радости, которую выражали в связи с этим как армяне, так и азербайджанцы. После истребления турецких войск, «пришли шиитские народы со слезами

¹ Там же, 1724, № 4, л. 17: «... Ստաւաղ ուղարկին շատ ու շատ մեղ քովակ է, մինչի արար մեղ քահել է... սալ էլ մեր զորմն է...».

² Там же, л. 16: «... [Բշնամիք] հաղաբովմ են թէ հայեր կու կտորենը, եւ չեմ թողմ...» (Письмо написано на армянском языке, а внизу поставлена печать юзбаши Сатага).

³ Ереванский Матенадаран, рукопись № 7429, л. 33.

⁴ Там же.

[радости], с благоговением высказывая свою благодарность и благословение, благодаря бога, что он дал такое благоразумие нашей ханум для нашего освобождения от этих мучений и оскорблений (причиняемых турками) . . .»¹.

Повидимому, приведенные отрывки из народного предания в какой-то мере отражают историческую действительность в период освободительного движения 20-х годов XVIII в.

После заключения в 1724 г. договора между армянами и азербайджанцами борьба народов Закавказья против турецких захватчиков развернулась с особенной остротой.

Стремясь сосредоточить все свои силы для отпора турецким войскам, руководители освободительного движения в Карабахе заключили оборонительное соглашение с персидскими властями. С точки зрения перспектив освободительного движения армянского народа Турция представляла собой тогда гораздо более сильного и опасного врага, нежели развалившаяся Сефевидская держава. Что касается Персии, то для нее борьба закавказских народов против турецкого нашествия имела огромное значение, ибо персидские военные силы находились в таком состоянии, что не могли оказать сколько-нибудь значительного противодействия турецким войскам. На этой основе и было заключено оборонительное соглашение между восставшими армянами и персидскими властями, сведения о котором имеются в письме карабахских армян к Вахтангу VI от 10 марта 1725 г. и в донесении Ивана Карапета русскому правительству от 11 мая 1725 г.

Из этих документов вытекает, что после заключения союза с гянджинцами армянские войска в Карабахе нанесли туркам серьезное поражение, истребив 4700 турецких воинов. За этой победой армянских войск и последовало заключение соглашения с персами: армяне «пошли с кызылбашем мир: двасто голова послали до шаха, Калбалибеком мир пошли да вернули[сь] . . . , а ныне здешний народ почил з Кызылбашем мир, а шах послал подарки по [о]дному кафтану [каждому] узбашам, и ныне стал [посылать] по два, помирили[сь] . . .»². В письме же к Вахтангу VI указывается, что посланец карабахских армян «Пилип с бумагой нашей и гянджинцев отправился к шаху; теперь он вернулся с халатом и рагамом [шаха]: в связи с этим [мы] пригласили к нам Калб-Али-бека [и] примирились с кызылбашем»³.

¹ Ереванский Матенадаран, рукопись № 7429, л. 40.

² «Советакан Граканутюн», 1942, № 7, стр. 130—131; см. также АВПР, ф. «Сношения России с Арменией», 1725, д. № 2, л. 6.

³ Г. Э з о в. Указ. соч., стр. 420—421; АВПР, ф. «Сношения России с Арменией», 1725, д. № 2, л. 3.

Таким образом, в связи с вторжением турецких войск главные силы освободительного движения армянского народа были направлены против султанской Турции. В вооруженной борьбе против турецких захватчиков приняли активное участие народные массы Карабаха, крестьянство восточных округов, горожане Еревана и крестьяне окрестных деревень. В борьбе против турецких завоевателей армяне, азербайджанцы, грузины выступали общими силами и благодаря этому нанесли ряд серьезных ударов по врагу. Турецкие войска, пытавшиеся овладеть Гянджой, Карабахом и Капаном, были скованы на длительное время и понесли большие потери. В то же время борьба против турецкого нашествия усилила тяготение народов Закавказья к России, вызвала дальнейший рост движения армянского народа за присоединение к России.

Глава V

ДВИЖЕНИЕ ЗА ПРИСОЕДИНЕНИЕ К РОССИИ

В первой четверти XVIII в., в годы освободительной борьбы против персидских и турецких завоевателей, среди армян (а также среди грузин и азербайджанцев) с особой силой развивалось и углублялось движение за присоединение к России. Перспектива получения русской помощи и возможность присоединения к России были вопросами, которые живо интересовали самые широкие народные массы. Следует, однако, отметить, что история движения армянского народа за присоединение к России в первой четверти XVIII в. до сих пор почти никем не освещена. В существующей исторической литературе это движение затрагивается лишь попутно и к тому же толкуется неправильно. Серьезные ошибки имеются в работе Аш. Иоаннисяна «К вопросу о возникновении русской ориентации у армян». Отрицая существование в первой четверти XVIII в. движения за присоединение Армении к России, Аш. Иоаннисян пытается доказать, что до 20-х годов XVIII в. русская ориентация не только не определяла политические воззрения армянских народных масс, но и «не являлась путеводителем какого-либо из ведущих классов на пути его политических исканий . . .»¹. По словам Аш. Иоаннисяна, только в 20-х годах XVIII в. русская ориентация стала вызывать «брожение» в армянском народе, «когда одна значительная часть армянского духовенства и меликства, притесняемая восставшими против персов племенами, вынуждена была просить помощи у русских и ожидать от них спасения»².

Приведенные высказывания Аш. Иоаннисяна ясно показывают, что до 20-х годов XVIII в. он не только не видит движения армян за присоединение к России, но и освободительного движения армянского народа.

Согласно Аш. Иоаннисяну получается, что в 20-х гг.

¹ Аш. И о а н н и с я н. К вопросу о возникновении русской ориентации у армян, стр. VI.

² Там же, стр. 63.

XVIII в. не было освободительной борьбы народных масс Армении против персидских и турецких завоевателей, а существовали лишь противоречия между восставшими против персов племенами и частью армянских феодалов, притесняемых этими племенами.

Следует отметить также, что помимо Аш. Иоаннисяна некоторые буржуазные историки пытались также отрицать достоверность и значение архивных документов, освещающих историю движения за присоединение к России. Так, в 1899 г., через год после выхода в свет изданного Г. Эзовым сборника документов «Сношения Петра Великого с армянским народом», появилась статья Н. Карамяна, который, рассматривая документ, опубликованный Эзовым за № 6 (письмо, написанное армянскими меликами в 1699 г. русскому царю) и считая его подделкой, заявил, что этот документ будто бы был написан не армянскими меликами в 1699 г. в деревне Ангегакот, а составлен Минас-вардапетом в Москве. По мнению Н. Карамяна, на собрании в Ангегакоте Израил Ори ни слова не говорил о царе Петре Алексеевиче, которого он вряд ли мог знать. Исходя из этого предвзятого взгляда, Н. Карамян спрашивает — «каким образом армянские князья могли написать (письмо) Петру Первому?»¹.

Еще с первой половины XVII в. между русским государством и армянами установились тесные торговые связи, а в дальнейшем эти связи все больше и больше развивались. Армянские мелики и духовенство постоянно общались с армянскими торговыми деятелями и купцами, ежегодно бывавшими в России по своим торговым делам. Известно далее, что некоторые армянские мелики устраивали собрания политического характера, где обсуждался вопрос об освобождении Армении от персидского ига и где шла речь о римском папе и европейских государях, к которым они писали письма (в этом Н. Карамян не сомневается). Спрашивается, почему же эти мелики не могли говорить на своих собраниях о русском государе и писать ему письма? Тем более, что Россию, благодаря отмеченному выше развитию торговых связей, армяне знали, пожалуй, лучше, чем западноевропейские страны.

Следует сказать, что как Н. Карамян, так и Г. Эзов, Лео и другие, находясь под влиянием западноевропейских авторов и прежде всего миссионеров, придерживались взгляда, будто армяне на своих совещаниях связывали политическое освобождение от персидского ига с «руководством и поддержкой католической Европы». Аш. Иоаннисян сформулировал это

¹ Журнал «Лума», 1899, 1.

мнение таким образом: «Следует считать уже проверенным, что участвовавшие в Эчмиадзинском совещании мелики и действовавший по их указанию патриарх связывали политическое освобождение персидских армян прежде всего с армяно-грузинским восстанием и с поддержкой католической Европы, руководящей этим восстанием»¹. Придерживаясь подобной точки зрения, упомянутые историки приходят к следующим выводам: а) до 20-х годов XVIII в. русская ориентация не влияла на политические воззрения и на стремления армянских народных масс; б) ни один из ведущих классов не руководствовался этой ориентацией в своих политических исканиях до 20-х годов XVIII в.; в) в 20-х годах XVIII в. к русской ориентации, к идее русской помощи обращалась лишь часть армянского духовенства и меликства, интересы которой были ущемлены феодальной верхушкой племен, восставших против Персии.

Разумеется, при такой постановке вопроса не только отрицается наличие русской ориентации у армян, но игнорируется и самое главное, а именно — освободительное движение армянского народа в 20-х годах XVIII в. и развивающееся в неразрывной связи с ним движение за присоединение к России.

Движение за присоединение Армении к России представляет первостепенно важное явление в истории армянского народа. Оно возникло и развивалось вместе с освободительным движением армянского народа и имело глубокие экономические, политические и культурные основы, без изучения которых нельзя понять это движение и дать ему правильную оценку.

Рассматривая торговые связи армян с Россией, В. Восканян в своей интересной статье справедливо замечает, что они «должны были сочетаться с политическими связями и содействовать их развитию»².

Многие армяне, побывавшие в России по торговым и другим делам, возвращались оттуда на родину сторонниками русской ориентации.

В 1659 г. армянин Захария Сарадов привез драгоценное кресло для русского государя и встретил теплый прием в Москве. Заданные ему вопросы и его ответы в Посольском приказе свидетельствовали о наличии оживленных армяно-русских торговых отношений и о существовании взаимных интересов³. Прибывшие в Москву в 1667 г. армяне Степан Ромадам-

¹ Журнал «Арабат», 1915, стр. 777.

² В. В о с к а н я н. Русско-армянские сношения в XVII веке. «Известия Академии наук Армянской ССР», 1948, № 1, стр. 60.

³ В. В о с к а н я н. Указ. соч.; см. также «Историческое описание

ский и Григорий Лусиков с товарищами от имени «всей компании их учинили договор: привозить им шелк сырец в Великую Россию . . . с иными со многими товарами для продажи»¹. Они не скрывали своих политических настроений и, как замечает В. Восканян, «даже шах Сулейман не сомневался, что Лусиков является человеком русской ориентации»². Этому, конечно, во многом содействовала обеспеченность имущества и жизни купцов в России. Этот момент подчеркивался как в договоре, заключенном в 1667 г. между армянской компанией и русским правительством, так и в более поздних русских государственных грамотах и указах. Так, например, в грамоте 1667 г. указывалось, что проезд армянских купцов «из Персидския земли в Астрахань и к Москве, и с Москвы до порубежных городов, также и назад из порубежных городов до Москвы и до Астрахани, как в стругах водами, так и сухим путем возами, за имянованный провоз в судах и на подводах, по указу Великого Государя, Его Царского Величества, и ратных людей с провожаньем и за береженьем, за Божиею помощию, во всем от ратных людей и от разбойников в целости имеет быть. А если печальными, от чего Боже сохрани, какими мерами от бури великия на воде истощенье учиниться, и что волею Божиею утерается небережением провожатых служилых людей: и то по правде досмотрев и сыскав, из провозных счетов по достоинству споможено будет . . .»³.

Хозяйственное разорение Армении и жестокий гнет персидских и турецких завоевателей уже в XVII в. заставили многих армян переселиться в Москву и в другие города России. Со второй половины XVII в. наплыв армян в Россию, в частности в Москву, усиливается и приобретает массовый характер.

Эти переселенцы сыграли немалую роль в сближении с Россией, в развитии русско-армянских связей. Ряд данных показывает, что со второй половины XVII в. и в начале XVIII в. в Россию потянулись не только армянские купцы и представители духовенства, но также армянские ремесленники и первые мануфактуристы.

Выше уже говорилось, что социально-экономические условия и угнетение армян в Сефевидском государстве, равно как и в султанской Турции, вынуждали их развивать свое книго-

древнего русского музея», ч. I, М. 1807; Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа, 1833, ч. II, стр. 63—67.

¹ Полное собрание законов Российской империи с 1649 г., т. I, стр. 692.

² В. Восканян. Указ. соч., стр. 64.

³ Полное собрание законов Российской империи, т. I, стр. 694. Об обеспечении торговли говорится также в грамоте о привилегиях торговых армян в 1675 г. — см. там же, стр. 918.

печатание вне Армении, в таких городах Европы, как Амстердам, Марсель и т. д. Армяне вынуждены были основывать вне Армении не только свои типографии, но и промышленные мануфактуры. В России, куда стали переезжать армянские ремесленники и предприниматели, и возникли одни из первых армянских мануфактур. Правда, эти мануфактуры все еще были предприятиями крепостнического типа, но по тому времени их развитие являлось большим шагом вперед.

В 1659 г., когда Захария Сарадов привез в Москву царское кресло, в Посольском приказе ему был задан вопрос: «Может ли он промыслить для государя дорогих камней, всяких узорочных товаров, также — птиц и зверей индейских, а равно вызвать в Россию золотописцев, серебряных и золотых дел мастеров, гранильщиков и всяких художников». На этот вопрос он ответил, что «разных художников в Персии много, которых [он] постарается вызвать в Россию, и что к усердной службе побуждает его не корысть, а единоверие и покровительство российского монарха к христианам»¹. Переезд таких мастеров и художников в Россию, где они и обосновывались навсегда, мы можем наблюдать в XVII—XVIII вв. Из донесения московского фабриканта Алексея Милютина Петру I мы узнаем, что в 1714 г. в Москве он завел предприятие по обработке шелка, «а к тому заводу для чистки и пряжи и крашения шелков нанял я, — писал Алексей Милютин, — мастера армянина, которому дал платы 300 рублей, да сверх того поил и кормил, а за эту плату [он] учил на моем же харче учеников 6 человек, и из того числа годных обучилось 4 человека»².

В 1709 г., на обратном пути из Персии в Москву, Израел Ори взял с собой 60 армянских семейств, которые хотели переселиться в Россию. Об этом Ори писал: «. . . 60 дворов людей слово дали ехать со мною к Москве, и я о том чрез писма доносил, чтобы для тех людей 4 струга из Астрахани прислали. . . и мы, увидя, что четырех стругов не было, затем наше и дело остановилось, и я по нужде тем людям отказал. . . а у меня осталось только один человек с домом своим, да двенадцать человек мастеров с заводами своими со всеми. И я один струг нанял, и посадив их, хотел привест. . . к царскому величеству, чтоб они на Москве шелк сырец, который я привез, и парчи всякия делали»³.

В 1713 г. Минас-вардапет сообщил русскому правительству, что «из Шемахи хотели пятнадцать дымов Армян из Ниазовы приехать жить в страны царского величества,

¹ Историческое описание древнего русского музея, ч. I, стр. 123.

² Полное собрание законов Российской империи, т. V, стр. 548.

³ Г. Э о в. Указ. соч., стр. 267.

о чем услышав, Шемахинский хан велел возвратить их назад»¹.

Весьма примечательный факт, относящийся уже к концу 20-х годов XVIII в., выясняется из материалов Архива внешней политики России, где имеется протокол опроса 5 армян, прибывших в 1728 г. из Каменец-Подольска в Москву. В Коллегии иностранных дел эти армяне (дьякон Аввакум Минасов, родом из города Нахичевани, Балтазар Назарьев из города Тикрань, Артемий Балтазаров из города Театополь, Артемий Моисеев из Месира, Авакумов из города Арарат, т. е. из Эчмиадзина) сделали следующее заявление: «Когда стали замешения в Персии и турки начали армян утеснять, то вышеписанные пять человек выехали из Персии в Каменец-Подольск; уже тому шесть лет минуло и жили не всегда в Каменце, но ездили в разные города для торгового промыслу по арманкам, а жены и дети их одни в полон от турок взяты, другие побиты, а иные побежали в Сагнаки. Из Персии ж от нападения турок вышло в разные времена в Каменец ж армян человек с 500, между которыми три человека главных: Исаи, Мардирос и Манук. . .; вышеописанные начальники и прочие при них армяны все люди военные, но виду к тому не дают, но ходят по местам для промыслу торгового и убогим образом, и у некоторых из них имеются лошади и ружье, а у иных нет, но когда указом его императорского величества повелено будет им в Россию ехать, то все поедут, так как кто в состоянии будет себя вооружить, а которые мочи не имеют ружьем себя и лошадьми снабдить, те придут так просто и будут поступать во всем по высокому его величества указу . . .»².

В письме, адресованном Минасу-вардапету от имени тех же армян, говорится, что они (500 армян со своими начальниками) «ожидают его императорского величества милостивейшего указа и что между ими люди есть такие, которые желают жить тамо — где его императорское величество повелит, и которые места им понравятца, купцами быть или пахотными. . . и что есть такие между ими, которые желают по указу его императорского величества в армию армянскую на помощь ехать»³. В марте 1728 г. русское правительство разрешило въезд в Россию этим армянам.

В июле через Киев в Москву приехали 23 армянина, которые заявили, что они все «хотя небогатые, однакож военные, и вышли из Персии в разные времена во время замешения в Персии и бунта, чему уже минуло 6 лет, и были в турецкой

¹ Там же, стр. 305.

² АВПР, ф. «Сношения России с Арменией», 1727—1728, д. № 3, лл. 7—8.

³ Там же, лл. 9—10.

области и потом в волоской земле и в Польше, где переходя из места в место по арманкам для пропитания своего жили до приезде своего сюда. . .». Когда на допросе в Москве их спросили о «собрании 500 армян», то они (эти 23 армянина) подтвердили, что «прошедшей зимы немалое их было собрание, но когда зима рушилась, то оные все разбрелись розно, и где ныне сколько обретаются и будут ли сюды, о том не сведомы»¹.

В сентябре 1728 г. из Польши через Киев в Москву приехали армяне Иван и Григорий Ивановы, Петр Лазарев, Бабун Никитин и объявили, что «из главных начальников [они] знают одного Исайя, который по отъезде их сюда остался в Каменде Подольском, при котором осталось тамо их братьей армян с 60 человек. . .». Далее они сообщили, что упомянутый Исайя «намерен сюда ехать по отправлении оттуда после их оставшихся армян, которым из Польши вдруг ехать сюда невозможно, а выезжают человека по два и по три, однако ж в Польше и тем чинитца немалое задержание, а ежели бы в Польше задержания их армянскому народу не было, то их сюды было более 300 человек»².

Приведенные данные убедительно показывают, что тяготение армян к России и их переселение в Россию действительно носило массовый характер.

Развитие торговли и мануфактурной промышленности в России привлекало внимание армянских деловых кругов того времени. Красноречивым примером этого может служить судьба Луки Ширванова, имя которого непосредственно связано с освободительным движением.

Луки Ширванов и его брат Иван Карапет, переехав в Россию, установили тесные связи как с армянами, проживавшими в России, так и с русскими правительственными кругами. Иван Карапет в 20-х гг. XVIII в. был послан с царской грамотой в Карабах и Армению и там проявил себя как талантливый руководитель освободительного движения армянского народа. Его брат Луки Ширванов, отлично владевший русским языком и выступавший в роли переводчика документов, связанных с русско-армянскими отношениями, завоевал себе авторитет в правительственных кругах Москвы и Петербурга. Помощью Луки Ширванова не раз пользовались Минас-вардапет и другие армянские представители в своих переговорах с русским правительством. Но здесь нас интересует тот факт, что Луки Ширванов и его родственники являлись первыми армянскими предпринимателями-мануфактуристами, проживавшими в России. Это видно из цитируемого ниже

¹ АВВР, ф. «Сношения России с Арменией», 1727—1728, д. № 3, лл. 12—14.

² Там же, лл. 43, 44.

прошения Луки Ширванова и его родственников, датированного 1740 г.

В 1697 г. дед авторов прошения армянский купец Сафар Васильев приехал из Астрахани в Москву с 11 товарищами ¹. В 1710 г. он получил разрешение строить в России свои шелковые заводы и фабрики: «В прошлом 1710 году, — говорится в прошении, — по челобитью торгового иноземца Армянина, а нашего Васильева, Иванова Сафара деда родного, Сафара Васильева и по поданным при том его челобитье пунктам, дано ему Всемилоостивейшее соизволение, чтоб для делания шелка сырца, завести по его предложению и пунктам на Терке и в казацких городках заводы, и для того велено на Терке и в казацких городах отвести к тому шелковому заводу места, где и сколько ему потребно будет, и для работы к тем заводам дать ему деду нашему из тамошних вольных людей, или из казаков, сколько человек пристойно, и когда он дед наш привезет, или с кем выслать из Персии намерен того шелкового дела мастеров с челядью их тайным способом, чтоб им и работным людям никакого утеснения не чинить, и дела до них, кроме убийственного, никому тамо не иметь, но расправу меж ними чинить ему деду нашему самому, також в городах, где им жить, дать места под дворы и удобные и к сеянию сорочинского пшена и хлопчатой бумаги, и прочего к пропитанию потребного. . . ». Далее говорится, что в 1718 г. «по челобитью вышеозначенного деда нашего о размножении того шелкового завода близ Терек, ему и по нем наследникам его в вечныя времена дана ему, деду нашему, из Государственного Посольского Приказа Его Императорского Величества жалованная грамота» ².

Луки Ширванов и его родственники в своем прошении подчеркивали, что Сафар Васильев эти места «в такое состояние привел, что уже и шелк родиться стал». Но так как в 1722 г. население данной местности было переведено в крепость «Святого креста», а «мастеровые и работные люди» перешли жить в вышеупомянутую крепость, то производство на шелковом заводе приостановилось. В 1738 г. умер сын Сафара Васильева — мастер Сафаров; его жена, вдова Анна Богданова, вышла замуж за Луки Ширванова. И вот, Луки Ширванов вместе со своими пасынками Василием, Иваном, Сафаром и шурином Каспаром Богдановым в 1740 г. обратились к русскому правительству с просьбой издать указ о том, чтобы «в Астрахани и при Кизлярской крепости и в казацких городках. . . для размножения того шелкового завода и сеяния пшена сорочинского и хлопчатой бумаги, и прочего к пропитанию потребного,

¹ Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа, ч. I, стр. 349.

² Полное собрание законов Российской империи, т. XI, стр. 259.

отвести нам удобныя места, которыя мы изыщем, и когда оныя умножаться, то б из Астрахани и из Кизляра шелк, пшено сорочинское и хлопчатую бумагу повелено было внутри Российской Империи в города отпускать, и тамо продавать несколько лет беспоплинно, дабы мы наиболее оные заводы размножить в совершенном состоянии были»¹.

Далее они просят издать указ о том, чтобы «в Астрахани завести фабрику Персидских всяких разных парчей шелковую, полупшелковую и бумажную и прочие, на которую фабрику будем с крайним прилежанием иметь старание, чтоб шелк и бумагу с довольством получать». Наконец, они просили разрешения принимать на работу в заведенные ими фабрики и заводы людей «разных наций Армян, Грузинцов, Черкас, Персиян и Российских людей с паспортами и с покормежными письмами, кроме беглых рекрут, солдат и матросов, которые отнюдь на те заводы и фабрики приняты не будут. . .». В 13-м пункте прошения они просили разрешения строить морские и речные суда «для купецкого промысла, и в Астрахани, и в Кизляре, в Персии и внутри Российской Империи», а в 15-м пункте указали, что «вышеозначенные шелковые и прочие заводы и фабрику» они будут «заводить и содержать из собственного своего иждивения». На это прошение последовала следующая резолюция: «По сему прошению вышеозначенным Армянам, по желанию их о заведении им в Астрахани и при Кизлярской крепости шелкового завода, також для делания Персидских разных шелковых, полупшелковых, бумажных и прочих парчей, фабрики и в сеянии сорочинского пшена и хлопчатой бумаги позволение учинить, в том числе о шелковом заводе и о сеянии сорочинского пшена и хлопчатой бумаги, на таком основании, как по жалованной грамоте, данной в 1718 году. . .»².

В России армяне не только имели возможность заниматься хозяйственной деятельностью, но и могли строить себе церкви и, не опасаясь преследований, отправлять там «службу по своему закону». Так, например, в 1718 г. было разрешено вышеупомянутому Сафару «с прочими Армяны построить на Терке церковь Армянскую своим иждивением, в которой отправлять им службу по своему закону без всякого препятія и утеснения от тамошних жителей. . .»³.

Не только Луки Ширванов и его товарищи (а еще раньше — их дед Сафар Васильев), но и другие армянские предприниматели старались основать в России свои фабрики и заводы; так, например, джувльфинский уроженец армянин Авет

¹ Полное собрание законов Российской империи, т. XI, стр. 261.

² Там же, стр. 261—262.

³ Там же, стр. 609.

Карасов старался устроить в России собственную суконную фабрику, в связи с чем он вместе с петербургским купцом Яковом Молтрехом в 1736 г. обратился в сенат для получения разрешения¹. В 30-х же годах XVIII в. семья Лазаревых построила под Москвой шелковую фабрику².

Как уже было сказано выше, в конце XVII — начале XVIII в. в Россию, и главным образом в Москву, приезжало на постоянное жительство очень много армян. Эти армяне поддерживали тесную связь со своими соотечественниками, находившимися под игом персидских и турецких властей. Феодално-купеческая верхушка армянского общества устанавливала свои связи с Русским государством именно через армян, проживавших в России. Представители широких слоев населения Армении также поддерживали связи и постоянную переписку с армянами Москвы и других городов России. Примером может служить письмо армянских крестьян, отправленное ими в период нашествия турок (в 1725 г.) своим родственникам Геруму и Шагину, проживавшим в Москве. Сообщая о своем бедственном положении, крестьяне писали: «... Ради Христа, приезжайте скорее защищать семью: что за горе и страдания, которыми мы мучаемся. Бог свидетель, мы не люди [и] не скоты — у нас нет больше разума. Раньше [мы] уже писали, что рабочий скот увезли, [что мы] остались без скота, нет денег, нет рабочего скота, урожай созрел, наступило время собирать его, как нам быть, что нам делать, как содержать семью? ... Здесь детей увозят в плен; отец ребенка платит 10—15 туманов, чтобы освободить [его]. Мы тоже находимся в плену, в руках заимодавцев. Приезжайте, освободите нас. ... Что еще писать, наше положение безвыходно. ... Если вы хотите узнать, [сообщаем], что только наша деревня осталась, а все другие деревни находятся в плену. ...; в дни Преображения увезли половину дойного скота из верхнего околотка нашей деревни. Очень страшно, мы не можем выйти из дому. В деревне свирепствуют болезни, скончались. ... (следуют имена людей)»³.

Имеются и другие данные, которые показывают существование в этот период тесных связей между армянами, жившими на своей родине, и армянами, переехавшими в Россию. Эти связи регулярно поддерживались через купцов, представителей духовенства и прочих лиц, прибывавших в Россию и возвращавшихся оттуда в Армению. Так, священник Ованес Аюкян из Еревана (в документах он называется «армянский

¹ Там же, т. IX, стр. 903.

² Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа, ч. II, стр. 299.

³ АВПР, ф. «Сношения России с Арменией», 1724, д. № 4, л. 45.

поп Иван Яковлев Арарацкий») в 1705 г. выехал через Шемаху в Москву и вернулся оттуда на родину в 1706 г. В 1707 г. он опять отправился в Москву, оттуда в Амстердам, а потом по приказу патриарха Александра в 1709 г. вернулся в Москву, где остался в качестве священника, имевшего свой приход. Здесь он сблизился с Минасом-варданетом, который сделал его соучастником «тайного дела». Минас-варданет после своего прибытия в Москву сам установил тесные связи с тамошними армянами. Число находившихся в Москве армян, по данным Исаеила Ори, составляло в 1699 г. около 2 тыс. человек. Он считал, что в случае похода в Персию эти армяне смогут оказать серьезную помощь русскому командованию при перевозке провианта и войск водным путем ¹.

Образование в Москве уже во второй половине XVII в. армянской колонии имело большое значение для развития армяно-русских связей и, в частности, для культурного сближения этих народов. Грузинский советский историк Н. А. Бердзенишвили, рассматривая русско-грузинские отношения в первой четверти XVIII в. и затронув вопрос о грузинской колонии в Москве, замечает, что значение ее было велико: «она оказала большое содействие в культурном сближении Грузии с Россией. Важно еще и другое. Московская грузинская колония была живым выражением веры грузинского народа в то, что Россия является единственным христианским государством, имеющим в Закавказье непосредственные политические интересы, и что эти интересы совпадают с политическими стремлениями грузин» ².

Эти слова Н. А. Бердзенишвили могут быть отнесены также и к армянской колонии в Москве. Из армянской и из грузинской колоний вышел ряд видных деятелей, боровшихся за присоединение этих народов к России.

¹ С конца XVII в. многие армяне, проживавшие в Москве и вообще в России, непосредственно участвовали или косвенно содействовали развитию освободительного движения и движения за присоединение к России. Так, в 1702 г. из Москвы в Армению выехал армянин Мирон Васильев. Он прожил со своей семьей в России свыше 30 лет, дослужился до чина капитана русской армии. В Армению Мирон Васильев был направлен в качестве доверенного человека и вез с собою письма патриарху и другим лицам ³. Один из армянских купцов, Петрос ди Саргис Гиланенц, несколько раз ездил в Европу через Россию и, повидимому, был тесно связан с проживав-

¹ Г. Э з о в. Сношения Петра Великого с армянским народом, стр. 31, 32.

² История Грузии, ч. I. Тбилиси, 1946, стр. 398.

³ Г. Э з о в. Указ. соч., стр. 126—127.

шими в Москве армянами. Известно, что в 1716 г. он познакомился в Москве с Минасом-вардапетом и в дальнейшем стал активным участником освободительного движения. Наконец, в России жили упомянутые выше Луки Ширванов и его брат Иван Карапет. В 20-х годах XVIII в. они стали активными участниками освободительного движения и движения за присоединение Армении к России.

* * *

Рост движения армянского народа за присоединение к России в первой четверти XVIII в. неразрывно связан с общим усилением могущества и престижа Русского государства при Петре I. Особенно большое влияние на развитие освободительного движения и движения за присоединение к России оказал персидский поход Петра I.

Россия еще со второй половины XV в. установила торговые связи с Персией. Эти связи усилились при Иване Грозном. В их развитии нуждалось не только Русское государство, но и Персия, для которой «торговля с Россией становилась вопросом первостепенной важности»¹. Россия была одной из тех стран, куда Персия могла ввозить и откуда она могла получать нужные ей товары. Персы дорожили развитием своих связей с Россией также потому, что существовавшая между Турцией и Персией вражда порой закрывала для последней один из двух основных путей, связывавших ее с Европой. Однако если в первой половине XVII в. персы предоставляли русским купцам право беспешинной торговли в приморских городах Сефевидского государства, то в конце XVII и в начале XVIII в. положение русских купцов в персидских землях резко ухудшилось. По этому поводу посол Петра I А. Волынский сообщал: «Сколько я видел купечества в Персии, но никакой нации купцы так не утеснены, как российские, которые в великом гонении и зело обидимы от персиан, ибо, когда они прибыв в пристани их (обычно в Низовую), выгрузят свои товары, то обыкновенно осмолрщиком и протчим индукторам принуждены давать не малые дачи, чтоб напрасно их на таких пустых местах не задерживали. Ежели же нещастие случится и разобьет их судно при персидских берегах, хотя б в 10 верстах от той пристани, куда надлежало пристать, то обыватели приморских деревень нападают и грабят их как неприятелей»². Большой ущерб русской торговле с Персией наносили внутренние беспорядки в ханствах и набеги дагестанских феодалов,

¹ П. И. М е л ь г у н о в. Очерки по истории русской торговли IX—XVIII вв. М., 1905, стр. 223.

² Е. З е в а к и п. Указ. соч., стр. 9.

которых усердно вооружала Турция. Так, ущерб, нанесенный русским купцам в результате одного из набегов дагестанских феодалов в начале XVIII в., составил около 4 млн. рублей серебром¹.

Петр I, который «сделал много для возвышения класса помещиков и развития нарождавшегося купеческого класса»², не мог отнестись с безразличием к создавшемуся положению. Конец XVII — начало XVIII в. для России были временем хозяйственного развития, роста политического и военного могущества, а для Персии — временем глубокого упадка. Торговля между этими двумя соседними странами в создавшейся обстановке не могла развиваться успешно. Правительство Петра I настойчиво стремилось поддержать ее и еще до персидского похода предприняло ряд мер с целью улучшения торговли с Персией; одной из таких мер следует считать предоставление ряда привилегий армянским купеческим компаниям, в руках которых находилась в основном торговля Персии.

В то время как Россия стремилась обеспечить развитие своей торговли с Персией и подвластными ей странами, персидские власти ничего не делали в этом направлении и не принимали никаких мер для защиты купцов от грабежа и набегов горцев. В изданном в Астрахани манифесте Петр I объявил, что необходимо ликвидировать анархию в подвластных Персии областях и наказать убийц русских купцов. Укрепление южных границ Русского государства и обеспечение развития торговых отношений с Закавказьем и Прикаспийскими областями было, таким образом, одной из главных задач персидского похода Петра I.

Важное место в ряду причин, побудивших Петра I ускорить свой поход на юг, занимает освободительное движение народов Закавказья, обращавшихся к России с просьбами о помощи и в то же время обещавших свою поддержку русским войскам.

Патриарх Есаи, несомненно, выразил настроение широких слоев армянского общества, когда писал Петру I в августе 1716 г., что он вместе с «большими» и «малыми» людьми своей страны готов поступить под покровительство России. «Когда Ваше Величество таковыя свои воинския дела изволите начать, — говорилось в этом письме, — тогда прикажите нас наперед уведомить, чтоб я и с моими людьми верными по возможности и по требованию Вашего Величества служить могли и изготовилися»³. 24 сентября 1718 г. патриарх Есаи писал Минасу-вардапету: «О, дабы исполнилось оное дело по жела-

¹ См. П. Г. Бутков. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 г. по 1803 г. СПб., 1869, ч. I, стр. 17.

² И. В. Сталин. Соч., т. 13, стр. 105.

³ Г. Эзов. Указ. соч., стр. 316—317.

нию и намерению нашему, чтоб свободился бедный наш народ от рук тиранских! А вы, верноподданный, елико можете, по всей своей силе. . . старайтесь всячески в действо произвести, чтоб мы при животе нашем своими очами сподобились увидеть, ибо все, как малые, так и большие упавшего народа, христиане армянские желают свободы, о которых мы здесь попечение имеем, а оных, сколько есть силы, все в готовности обретаются и ожидают видеть тот день, в который бы новую издавна желаемую свободу от всего сердца получить»¹.

* * *

Персидский поход Петра I не может быть понят, если не учитывать угрозы вторжения Турции в закавказские земли, угрозы выхода турецких войск к берегам Каспийского моря и захвата ими всей западной Персии. Подготовлявшийся султанской Турцией захват всего Закавказья вплоть до Дербента не только ущемлял хозяйственные и политические интересы России, но и, в случае успеха этого предприятия, создал бы серьезную опасность юго-восточным рубежам Русского государства. Повидимому, в России было известно о захватнических планах султана, собиравшегося напасть на разлагающуюся заживо державу Сефевидов. Стремясь противодействовать намерениям Турции, Петр I предложил персидскому шаху военную помощь, указывая при этом, что если персы «в своей слабости останутся и сего предложения не примут, то турки не оставят всю Персию завладеть»².

В конце июля 1722 г. русские войска начали свой поход и 23 августа без боя заняли Дербент. В 1723 г., уже после отъезда Петра I в Москву, были заняты Баку, а также значительная территория вдоль юго-западного побережья Каспийского моря. Местное население не только не выступало против русских войск, но, наоборот, поддерживало их³. Коренные интересы народов Закавказья объективно совпадали с интересами России.

Однако ряд обстоятельств заставил русское командование прекратить продвижение вперед. Отчасти это объяснялось тяжелыми климатическими условиями и плохими коммуникациями, препятствовавшими продвижению русских войск, но главную роль играли затруднения международного характера. В начале 20-х годов резко обострились противоречия между Россией и Турцией, за спиной которой стояла Англия. Английская дипломатия не только толкала турок на захват всего

¹ Там же, стр. 326.

² С. М. Соловьев. История России, т. 18, стр. 47.

³ Ереванский Матенадаран, рукопись № 1786, стр. 109, 110.

Закавказья, но и добивалась, чтобы Турция объявила войну России. Провокационная политика Англии и начавшееся вторжение турецких войск в западные земли Сефевидского государства создали реальную угрозу русско-турецкой войны.

Русское государство, еще не успевшее залечить раны Северной войны, не могло рисковать новой войной с Турцией и ее западноевропейскими союзниками. В целях предотвращения войны русское правительство поручило своему представителю в Константинополе И. И. Неплюеву начать переговоры с турецким правительством. Неплюев настаивал, чтобы Турция признала Армению и Грузию нейтральными зонами и не вводила туда свои войска. В свою очередь русское правительство обязывалось соблюдать нейтралитет этих стран и не занимать их своими войсками¹. Однако вследствие противодействия английской дипломатии все усилия России помешать вторжению турок в Закавказье остались тщетными. Будучи поставлен перед фактом нашествия турецких войск на территорию Восточной Армении, Грузии и Азербайджана и стремясь избежать новой войны, русское правительство вынуждено было заключить в 1724 г. договор «о размежевании земель» с Турцией. Согласно этому договору, подписанному 12 июля в Константинополе, Грузия (с Тбилиси) и Армения (с Ереваном) должны были перейти под власть Турции.

Однако и после заключения договора 1724 г. русское правительство принимало меры к тому, чтобы оказать политическую поддержку борьбе народов Закавказья против турецких завоевателей. Еще до Константинопольского договора Петр I обещал армянам и грузинам поддержать их борьбу с турецкими захватчиками и советовал им действовать совместно против общего врага². Еще более ясно намерение России оказать возможную помощь освободительному движению народов Закавказья было изложено в грамоте («мемории») Петра I от 3 июля 1723 г. ко всем армянам. В этой грамоте, в ответ на просьбы армян о помощи, говорится: «Из-под ига тех неверных высвободить весьма склонны и готовы». И здесь же Петр излагал политические и военные планы русского правительства, проведение в жизнь которых должно было предшествовать отправке русских войск на помощь армянам. Армяне «сами рассудить могут, — говорится в грамоте, — что для того весьма необходимо потребно, дабы Мы прежде на Каспийском море утвердились и лежащими на оном море местами овладели и тамо для походу к ним Армяном и для случений с ними всякия предуготовления учинили, того ради и

¹ С. М. Соловьев. История России, т. 18, стр. 72.

² Г. Эзов. Указ. соч., стр. 346.

действительно в том старание имеем, и войска Наши в Гиляне уже обретаются и еще в добавку туды отправлены, також и к Баке другия Наши войска пошли ж, и надеемся, что в оной город уже вошли и [им] овладели, и все протчия предуготовления чинятца. . . дабы всеконечно с Божью помощью впредь, как скоро возможно, в тамошних местах сильно действовать и оных Армян сильным Нашим вспоможением из-под ига тех неверных выручить и освободить»¹.

Уже после подписания Константинопольского договора, когда Ал. Румянцеву было поручено установление, на основании этого договора, новых границ, Петр I дал ему одновременно следующие указания: 2) Смотреть накрепко местоположение, а именно от Баки до Грузии какая дорога, сколь долго мочно с войском иттить и мочно-ль фураж иметь и на сколько лошадей, и путь каков для войска. 3) Мочно-ль провианту сыскать. 4) Армяне далеко-ль от Грузии и от того пути. . . 7) Состояние и силу Грузинцев и Армян»².

Одновременно русское правительство старалось укрепить связи с армянами, сражавшимися против турецких захватчиков. Астраханскому губернатору, комендантам гарнизонов Дербента, Баку и др. посылались указы и инструкции о том, чтобы они принимали армянских представителей, немедленно оказывали им соответствующую помощь и без задержки отправляли в столицу. Так, 17 августа 1724 г. русское правительство послало указ астраханскому губернатору «об отпуске в Санкт-Петербург трех Армян, прибывших с письмами из Персии»³. 11 ноября 1724 г. от генерал-лейтенанта Матюшкина было затребовано объяснение «о причинах задержания в Астрахани посланных от Армян и со строгим подтверждением, чтоб немедленно отправлять прибывших из христианских народов, ежели объявят, что имеют доношения чинить при дворе». В этом же документе указывалось, что задержание армянских представителей в Астрахани (что имело место в период с 20 апреля по 16 сентября 1724 г.) «весьма Нам противно, ибо они присланы от всего собрания армянского с письмами, с важными и интересам Нашим потребными. . . ежели впредь кто из Персии из христианских народов в Астрахань с письмами или без писем прибудет, он объявит, что имеет он какие доношения чинить при дворе Нашем, то оных велено ему (астраханскому губернатору). . . отправлять их без всякого удержания ко двору Нашему. . .»⁴.

¹ Г. Эзов. Указ. соч., стр. 355.

² С. М. Соловьев. История России, т. 18, стр. 77—78.

³ Г. Эзов. Указ. соч., стр. 373.

⁴ Там же, стр. 399—400.

Русские военачальники, действовавшие на Кавказе и в прикаспийских провинциях, установили тесные связи с армянами и старались оказывать им помощь. Генерал В. В. Долгоруков в 1725—1727 гг. не только поддерживал армян, но и пришел к убеждению, что необходимо воспользоваться слабостью турок и «предпринять наступательное движение». Но правительство не решалось начать предложенное Долгоруковым «наступательное движение», так как в Константинополе, кроме Англии, против России выступала в это время также и Франция¹. Тем не менее освободительное движение армянского народа получило от России весьма серьезную политическую поддержку, выразившуюся, в частности, в действиях посланца русского правительства Ивана Карапета, который был направлен в Карабах и Восточную Армению еще в 1723 г. и оставался там до 1728 г. О существовании связи между русским правительством и армянами и о пребывании Ивана Карапета среди армян было известно туркам. Турецкое правительство и его военачальники серьезно считались с этим обстоятельством и не рисковали наступать на Карабах. Об этом свидетельствует сообщение Ивана Карапета, который утверждал в своем письме, что когда карабахские армяне узнали, что он собирается выехать обратно в Россию, они не только не согласились на его отъезд, но и говорили ему: «Если ты уедешь, то наша страна опустошится, так как османцы, кызылбаш и лезгины знают, что у нас находится посланец русского царя; если ты уедешь, все они станут нашими смертельными врагами»².

* * *

В ходе вооруженной освободительной борьбы армянского народа в 20-х годах XVIII в., а также под влиянием персидского похода Петра I большой размах приобрело движение за присоединение к России. В это движение были вовлечены теперь самые широкие народные массы. Однако среди светской и духовной верхушки армянского общества не было единства как по вопросу о борьбе против персидских и турецких завоевателей, так и по вопросу о присоединении к России.

Противоречия и раздоры в среде армянской феодально-купеческой верхушки, связанные с указанными выше вопросами, существовали еще до Ангегакотского собрания и развивались в последующие годы. Изданный Г. Эзовым документ за № 95 (письмо армянских меликов, датированное 1702 г.), независимо от того, кто был его автором и где он был написан — в Армении или в Москве, отражает вражду и разногла-

¹ С. М. Соловьев. История России, т. 19, стр. 16, 19.

² Г. Эзов. Указ. соч., стр. 425.

сия, существовавшие среди армянской феодальной верхушки в начальном периоде освободительного движения. В этом документе от имени армянских меликов говорится: «...В нынешнем времени и меж нами великое есть подозрение и опасение, чтоб сие дело делать и к вам посылать и друг от друга подзираемся — такое время достигло в наших краях, понеже хотя слово какое, не толь что дело, слышется (=услышится?) от кого, тогда мы все пропадем здесь и не доверяемся и меж нами хотя все доброхотии суть и христиане, и сие дело возжелают делать, однакожде и от слова доброго и от друга опасны есмы зело, чтоб не погибли, потому что иногда и от друга доброго слово неводержное проходит и причиняет многим погибель. . .

Мы, — пишут авторы письма, — ныне ббльшую помощь от вас ожидаем, нежели от крайнего нашего духовного чина, начальника и патриарха (эчмиадзинского. — П. А.). Чаяли прежде от него какое добро, а ныне не чаем..., так он превращен учинился и дает одному шаху от себе подарки на год 20 т. рублей, которые прежде сего не было; он учинил ту дачу в первых, кроме иным ханам и ближним людям подарки великие, и того ради мы впредь ему сие дело наше не поверим и не откроемся»¹.

[Не менее показательно и письмо патриарха гандзасарского Есаи от 12 августа 1716 г. В этом письме он сообщал в Россию, что «из нашей нации» некоторые вардапеты, купцы и прочие лица, приезжая в Россию по торговым и разным делам, занимаются шпионством и, возвращаясь на места, причиняют «большой вред и беспокойство».

В 1718 г. тот же патриарх Есаи, описывая положение в стране, писал Минас-вардапету: «Мы между змиями живём и Армянского народа друг на друга некоторые соклеветуют неприятельски, а наипаче мы неколико неприятелей имеем, и ежели о сих письмах также и о том. . . которое с собою вы взяли, из нашего народу или какой злой человек, или шпион приметит или услышит, то знайте, что уже нам конец будет, а сей дом от основания разорится». Далее патриарх Есаи сообщал, что влиятельные круги Джульфы и Эчмиадзина настроены враждебно по отношению «к делу»². Возвращаясь в 1717 г. из Армении в Москву, Минас-вардапет, говоря о том, что патриарх Есаи и его приверженцы настроены в пользу выступления против сефевидского владычества, в то же время сообщал, что эчмиадзинский патриарх «хотя и объявлял на словах в том деле свою склонность, но не таков в том деле надежен как Исаия, понеже он шаха больше опасается»³.

¹ Г. Э з о в. Указ. соч., стр. 149—151.

² Там же, стр. 327.

³ Там же, стр. 325.

Прибывший в декабре 1723 г. в Карабах Иван Карапет в письме, адресованном П. А. Толстому, сообщил, что «три сгнаха подчинились царю, а два сгнаха не подчинились. Глава армян одного сгнаха является сторонником османцев, а глава другого сгнаха (который является меликом) — сторонником шаха. Тот, который является сторонником шаха, причиняет этим армянам много вреда...»¹. «В этой стране, — писал Иван Карапет, — нет главных начальников; каждый из них, собрав вокруг себя 10—20 человек, пожирает деревни»².

В письме от 2 февраля 1724 г. Иван Карапет сообщил русскому правительству более подробно о внутренних раздорах среди армян. Он писал, что «христиане этой страны желают патриарха Есаи и не желают Нерсеса. Так как патриарх Нерсес и его брат Саргис-юзбаши, Абраам и другой Есаи [юзбаши] желают османцев [и], пользуясь удобным случаем, делают набеги на армянские деревни..., три сгнаха единогласно желают нашего государя и подчиняются [ему], а есть один мелик, имя его Багыр, [он] с небольшим числом людей удерживает крепость, не признает нашего государя, желает Кызылбаша. Он укрепился в крепости [и] при удобном случае совершает набеги на деревни армян и сжигает дома...; на днях армяне [трех сгнахов] собираются наступать на [его] крепость..., когда схватим мелика [и] разрушим крепость, то сколько есть в стране армян — все будут признавать нашего государя...»³.

Из приведенных сообщений Ивана Карапета видно, что в начале 1724 г. трое из пяти сгнахов Карабаха были на стороне России, а остальные — на стороне персов и турок.

Однако усилившаяся весной 1724 г. угроза со стороны турецких войск заставила руководящую верхушку карабахских сгнахов примириться друг с другом и общими силами выступить за присоединение к России. «Тот сгнах, который желал шаха, — писал Иван Карапет, — приходил ко мне с заявлением, что он также подчиняется великому царю»⁴. Что касается другого сгнаха (старшины которого «желали турок»), то он еще в 1722 и 1723 гг. в ходе борьбы против Сефевидов и дагестанских феодалов выступал за присоединение к России. Но в период нашествия турецких войск, не веря в возможность сопротивления, феодальная верхушка этого сгнаха намеревалась подчиниться туркам. Однако развитие

¹ АВПР, ф. «Сношения России с Арменией», 1724, д. № 4, л. 31.

² Там же, л. 33.

³ Там же, л. 14.

⁴ Там же, 1739, д. № 2, л. 38: «*մի սղխաղըն որ շահի[ն] ան ուզամ, էն էլ արեկ իմ կողան ասաց թէ ես էլ մեծին արքային հնազանդ եմ*».

движения за присоединение к России среди самых широких народных масс, а также прибытие в Карабах русского представителя Ивана Карапета побудило старшин этого сгнаха примириться с остальными сгнахами и общими силами выступить против турок.

В 1724—1725 гг. руководители сгнахов неоднократно обращались к русскому царю с просьбами о помощи от имени «патриархов, больших и малых владетелей, начальников и рамиков», от имени «конных и пеших войск и всего простого народа»¹. В одном из этих посланий, где представители верхушки карабахских сгнахов объявляют себя подданными Русского государства, имеются подписи всех главных руководителей и военачальников пяти сгнахов. Список этих руководителей и военачальников — патриархов, юзбаши, меликов, танутеров и прочих — показывает, что действительно все сгнахи, примирившись друг с другом, общими силами выступали за присоединение к России. Так, указанное послание подписали:

Патриарх Есаи (из Гандзасара),
 Патриарх Нерсес (из монастыря «Трех младенцев»),
 Мелик-Еган (из округа Дизак),
 Аван-юзбаши (военачальник большого сгнаха),
 Тархан-юзбаши (брат Авана-юзбаши),
 Ован-юзбаши (из округа Хачен),
 Мелик-Багыр (из округа Варанды),
 Апов-юзбаши,
 Мелик-Тамраз,
 Мелик-Овсеп (из Гянджи),
 Есаи-юзбаши (из округов Партав и Гюлистан),
 Саркис-юзбаши (из округа Хачен),
 Шахназар,
 Авак,
 Паги-юзбаши,
 Саркис-юзбаши } (из округов Гюлистан и Чараберд)².
 Абраам-юзбаши }

Многие из этих имен упоминаются и в письме посланца карабахских армян в Россию Христофора от 25 ноября 1726 г., адресованном следующим лицам:

Патриарху Есаи,	Тархану-юзбаши,
Патриарху Нерсесу,	Баги,
Авану-юзбаши (главному вое-	Саркису (юзбаши)
начальнику армян),	Абрааму (юзбаши)
Овану-юзбаши,	Саркису-юзбаши,
Тер-Мовсесу,	Есаи (юзбаши),

¹ «Է և ըրամիկը, ձիւսորք և հետեակը, և ան ըրամիկ Ժողովուրդը» — Г. Э з о в. Указ. соч., стр. 418; АВПР, ф. «Сношения России с Арменией», 1725, д. № 2, л. 1.

² АВПР, ф. «Сношения России с Арменией», 1725—1726, д. № 5, л. 8.

Мелик-Маджлуму,
Апову (юзбаши),
Мелик-Егану,
Мелик-Багыру,

Мелик-Саркисджану,
Мелик-Григору,
Мелик-Тамразу и т. д.¹

Здесь перечислен, повидимому, почти весь состав руководящей верхушки карабахских сгнахов: патриархи, мелики, военачальники. Примирившись друг с другом и выступая общими силами против турецких захватчиков, они, вместе со своими танутарами и рамиками (крестьянами), объявляли себя подданными русского государя и просили у него военной помощи для борьбы против турецких войск. Объединение сил сгнахов дало также возможность заключить союз с гянджинскими азербайджанцами и совместно выступить против турок. Иван Карапет в своем письме, адресованном гянджинским «ага, кедхуда большим и малым», сообщает, что, прибыв в Карабах, он примирил друг с другом тамошних армян и всех объединил: «Приехал я в сгнахи этих армян, — писал Иван Карапет, — и увидел, что некоторые находятся в ссоре и раздоре друг с другом, а я их помирил, больше никто не остался [в ссоре], объединил всех...»².

10 марта 1725 г. карабахские мелики и старшины в своем письме Вахтангу VI не только сообщали о заключении союза и дружбы с Гянджой, но и писали: «Среди нас, сколько было поссорившихся, как меликов, так и юзбаши, — все объединились, помирились — больше нет разногласия»³.

Приведенные данные показывают, что в самом разгаре освободительного движения внутренние противоречия и раздоры карабахских сгнахов отступили на задний план перед общими интересами, которые проявились в движении за присоединение к России и в заключении союза с азербайджанцами против наступавших турецких войск.

* * *

Движение за присоединение к России развертывалось не только среди карабахских армян, но и в Ереванской, Капанской и других областях.

О связях между Ереваном и Карабахом, о живом интересе ереванского населения к возможности русской помощи говорит, в частности, письмо эчмиадзинского местоблюстителя Овасапа-вардапета, адресованное карабахским армянам и их руководителям: Авану-юзбаши, Тархану-юзбаши, Мирзе-юзбаши и др. Овасап-вардапет писал: «Если вы спрашиваете

¹ АВПР, ф. «Сношения России с Арменией», 1739, д. № 2, л. 44.

² Там же, л. 37.

³ Г. Э з о в. Указ. соч., стр. 420—421; АВПР, ф. 100/1, 1725, д. № 2, л. 3.

о здешнем положении, то [скажу] — мы в сильном притеснении. Испытываемые нами притеснения неслыханны, неопи-суемы». Указывая, что как эчмиадзинцы, так и ереванцы воз-лагают все свои надежды на «северного» (русского) государя, Овасап-вардапет писал: «[Мы] ожидаем прибытия северных (т. е. русских): их прибытие и помощь совершились бы скорее, пока мы не попали в руки неприятеля, пока нас не разорили и не увезли в плен. Пришли бы [русские] скорее, чтобы насту-пила для нас свобода. И если вы спрашиваете о мнении здеш-них мецамецков-ага, [то скажу, что] их мнение, настроение и намерение — [направлены в сторону] северных, все время ожидают их прибытия..., скорее отправить это письмо се-верным, чтобы они скорее пришли к нам на помощь. Напи-сано 13-го марта 1173 (1724) года»¹.

Это письмо эчмиадзинского местоблюстителя Овасапа-варда-пета не только свидетельствует о том, что между Ереваном — Эчмиадзином и Карабахом существовала связь, но и ясно пока-зывает, что «мецамецки и ага» Еревана и Эчмиадзина также надеялись на русскую помощь, также ожидали русских. Несом-ненно, что Овасап-вардапет написал это письмо с ведома «мецамецков и ага» Еревана и Эчмиадзина. Не случайно посла-нец эрзерумского пашы — Дервиш-паша, прибыв в Эчмиадзин 2 апреля 1723 г., предъявил эчмиадзинскому патриарху обви-нение в участии в вооружении 60 тыс. армян и в намерении присоединиться к русским². Карсский паша в это же время запретил армянам ездить в Эчмиадзин на богомолье, мотивируя свое распоряжение следующим: «Католикос ваш, — говорил он армянам, — соединился с русскими. Он призывал их в пер-сидские владения, чтобы вести их на нас»³.

Узнав о стремлениях и чаяниях населения ереванского ханства, карабахские сгнахи старались оказать ему помощь, добиваясь присоединения Еревана к общему движению. Между Ереваном и Карабахом находились курдские племена, которые в это время враждебно относились к освободительному дви-жению. Карабахские сгнахи решили предпринять поход против

¹ Письмо Овасапа-вардапета Авану-юзбашы и другим военачальни-кам Карабаха: «...*թէ տեղոյ զորպիսութիւնն հարցանէք, շատ նեղութեան մէջ եմք, անպատմելի և անասելի է նեղութիւնն մեր...* Ի հիւսիսայնոցն կու սպասին, զոցա օգնականութիւն և զալուստն շուտով լինի, քանի որ թշնամեաց ձեռն չեմք մատրնելի, գերի և աւար չեն հարկանէր, շուտով գայցեն մեզ մի այցելութիւն և ազատութիւն լիցի. և դարձեալ թէ տեղոյ մեծամեծ աղայնոց խորհուրդն հարցանէք, [մի]տքն և խորուրդն և դիտաւրութիւն առ հիւսի-սայինքն են՝ միշտ կու սպասեն զոցա գալուստեանն... այս գիրս շուտով ուղարկէք հիւսիսայնոցն, շուտ օգնութիւն հասանին մեզ: Գրեցաւ Ի ՌՃՀԳ Թուրս, մարտի ԺԴ-ին»։ АВІР, ф. «Сношения России с Арменией», 1724, д. № 4, л. 8.

² «Дневник осады Исфагани», стр. 39.

³ Там же, стр. 36.

них с целью оказать помощь ереванским, а также капанским армянам ¹.

В самом Ереване шла подготовка сил для выступления против Турции. Если в ходе дальнейших событий ереванская знать оказалась оторванной от движения за присоединение к России, если эта феодальная верхушка не сумела организовать силы населения и выступить против турецких завоевателей, то народные массы открыто поднялись на освободительную борьбу.

Не исключена возможность, что руководители ереванских ополченцев, в течение двух месяцев героически отражавших натиск превосходящих турецких сил, имели связи с Карабахом, а через него — с Россией. Ведь сам Овасап-вардапет писал, что местные «мецамецки и ага» ожидают помощи от русских и от имени этих «мецамецков и ага» просил отправить свое письмо русским, чтобы получить помощь, пока армяне «не попали в руки неприятеля». Несомненно, что среди руководителей ереванских ополченцев также были представители этих «мецамецков и ага»; таковыми следует считать Григора-вардапета, парон-Ованеса и других ². Таким образом, в движении за присоединение к России участвовало не только карабахское население, но и население Ереванской области.

В этом движении приняло участие и население Капана и близлежащих районов, где им руководили Давид-бек, Мхитар-бек (Мхитар-спарапет) и другие военачальники. Иван Карапет, приехав в 1724 г. в Капан и описывая в своем письме происходившие там события, сообщал в Россию, что когда он показал капанским армянам указ русского государя, то «все единогласно говорят: мы подданные царя» ³. 24 марта 1726 г. Мхитар-бек и другие военачальники от имени капанских армян отправили русскому правительству письмо с просьбой о помощи; там же они заявляли о своем желании поступить под покровительство Русского государства ⁴.

Однако приведенные выше данные, за исключением последнего документа, который относится к капанскому движению, в основном касаются имущих слоев, той их части, которая выступала за присоединение к России. Правда, в этих документах неоднократно упоминается армянское крестьянство под названием «рамик» или «аменайн рамик жоговурд» (т. е.

¹ АВПР, ф. «Сношения России с Арменией», 1793, д. № 2, л. 30; 1724, д. № 4, л. 3.

² Абраам Ереванци. История войн 1721—1736 гг. (русский перевод), стр. 21, 22.

³ Письмо Ивана Карапета от 18 июня 1724 г. АВПР, ф. «Сношения России с Арменией», 1739, д. № 2, л. 64.

⁴ Там же, 1726, д. № 4, лл. 2—3.

весь простой народ, население), но в них все же не отражены достаточно конкретно политические стремления и чаяния армянского крестьянства, не показано, что оно приняло активное участие в движении за присоединение к России. Между тем вопросы о присоединении к России, о русской помощи обсуждались не только среди верхушки, но и среди самых широких слоев армянского общества; армянское крестьянство не только участвовало в обсуждении этих вопросов, но и сказало свое слово, выразило свои чаяния и стремления.

Архивные документы и данные опубликованных источников показывают, что армянское крестьянство активно выступало в движении с требованием принятия русской помощи и руководства.

Описывая притеснения крестьян со стороны армянских феодалов¹, Иван Карапет в своем сообщении русскому правительству от 10 марта 1724 г. передает слова разоренных крестьян: «Райя вместе со своими старшинами денно и ночью молятся богу, [говоря]: оказал бы милосердие наш государь (ага), приехал бы к нам начальник с войсками, чтобы [он] осудил несправедливого среди нас»². То же самое говорится и в письме Ивана Карапета от 4 марта, где он подчеркивает, что армяне (имеется в виду феодальная верхушка) дерутся между собой вследствие того, что у них нет главы: «каждый из них, захватив одну-две деревни, пожирает их вместе с некоторыми своими преданными людьми, а райя со своими старшинами денно и ночью молятся богу, чтобы от нашего государя поступил бы к нам начальник с войсками и осудил несправедливого среди нас»³.

Сообщения Ивана Карапета могли бы вызвать сомнения, если бы мы не имели более веских данных о том, что крестьяне («райя» — как написано у Ивана Карапета) не только «денно и ночью» ожидали русской помощи и руководства, но и посылали в Россию своих представителей.

Так, крестьяне из Кабалы, во главе со своими деревенскими старшинами — кевха, 28 октября 1725 г. послали письмо священнику Мартиросу-вардапету, направленному ими в Россию и находившемуся в это время в Дербенте; в письме

¹ АВВР, ф. «Сношения России с Арменией», 1739, д. № 2, л. 38, л. 47; 1724, д. № 4, л. 22.

² Там же, 1724, д. № 4, л. 22: «բռեր ցերեկ ըռայաթն քանի զլիալվորով ան ան աղաջում որ մեր աղէն մեզ ան շաղալաթ խասանի, որ մեր մէջն ան մեծալոր գայ արեօվ, որր ծոռ լինենք, մեր դատաստանըն անի».

³ Там же, 1739, д. № 2, л. 47: «...ուրենց միջումն կռիվան անում, չուն զլիալվոր չունեն. մարթն մին բ. դեղ ան զաֆթէլ, քանի մարդով ուտում ան, բռեր ցերեկ ըռայաթն քանի զլիալվորով ան ան աղաջում թէ մեր թաղալորէն մեզ ան շաղալաթ խասանի, որ մեր մէջն ան մեծալոր գայ ղօշնիօվ որ որր ծոռ լինենք, մեր դատաստանըն անի».

говорилося: «Наш отец Мартирос-вардапет, прими привет от Барсеха и Аствацатура из [деревни] Ниж, от кевха Тосика-Вардана, от священника Минаса и кевха Пайрама из [деревни] Бум, от Насипа из Мелхлугаваха, от Алахверди из Джуруля, от Тороса из Сеиджлу...; святой вардапет, сколько времени [прошло с тех пор, как] ты уехал от нас в Дербент и спокойно сидишь там, и не думаешь: «как живет мой народ»; ведь нас превратили в турок (т. е. обратили в ислам. — П. А.), а ты не беспокоишься, не едешь к царю [русскому], не думаешь рассказать ему о нас. Ведь ты являешься нашим послом, нашим епископом и духовным лицом, какой ответ ты будешь держать перед страшным судом? Царю мы тоже написали бумагу и положили в этот конверт, и когда ты получишь это письмо, поезжай к царю и расскажи ему о нашем положении. Если [хочешь] узнать, мы бываем среди османских войск в Гяндже: так как нас считают турками, то от нас ничего не скрывают; они еще не покорили сгнахи, боятся наступать на Шемаху и говорят: «если нападём на Шемаху, [то] окажемся между двумя силами гяуров, тогда они смогут истребить наше войско». Когда турки покорят сгнахи, они ни одного дня не останутся в Гяндже и будут беспокоить Дербент и Баку; турки говорят: «когда возьмем Шемаху, Мскур будет в наших руках, все деревни, нефть и соль Баку будут в наших руках». Знай, что мы, опасаясь [врагов], написали коротко: ведь тебе известно, ты слышишь все. Не оставайся на месте, поезжай к царю. Написано в году армянского летосчисления 1174 (1725 г.) 28 октября»¹. Письмо это написано народным, разговорным языком и замечательно тем, что оно показывает нам стремление крестьян получить русскую помощь и освободиться от персидского и турецкого гнета; непримиримо враждебное отношение крестьян к турецким грабителям, которые насильно обращали их в ислам; живой интерес, проявлявшийся крестьянами к военно-политическим событиям.

Не менее важным и интересным является другое письмо крестьян из Кабалы, адресованное Петру I. В нем говорится: турки нас «насильно превратили в турок (обратили в ислам), все население наших деревень и страны Шаки; наши рукописи, книги и церкви сожгли, наших священников истребили. Многие люди были истреблены мечом из-за их веры. Теперь [мы] днем являемся турками, а ночью становимся армянами, другого выхода не имеем. Наш выход — это ты сам, наша просьба заключается в следующем: ради Христа. . . отправить войска, чтобы они взяли Шемаху, освободили как нас, так и сгнах, [после чего] мы все будем среди твоих войск, станем

¹ АВПР, ф. «Сношения России с Арменией», 1725—1726, д. № 7, л. 1.

райя вашей милости: какие подати и налоги имеем, уплатим вашей милости...»¹. В этих письмах и посланиях упомянутые деревенские старшины — кевха — выражали сокровенные мысли крестьян — райя, которые ждали от России своего освобождения. Эти письма и послания еще раз подтверждают высказанное выше положение о том, что крестьянство во главе со своими старшинами (танутерами — кевха) и вообще деревенской верхушкой (мецамецками — кедхуда) очень остро реагировало на происходившие события и активно участвовало в движении за присоединение к России. Поэтому и следует считать далеко не случайным, что в письмах армянских меликов, военачальников, патриархов и т. д. к русскому правительству постоянно подчеркивается участие крестьянства, обозначавшегося терминами «рамик», «райя» или «рамик жоговурд».

Так, в письме армянских юзбаши от 4 января 1724 г. говорится: «Причина этого письма следующая: в 1724 году, 4-го января, мы, юзбаши из армян, из стран (округов) Дизак и Варанда, вместе со всеми своими большими и малыми, вардапетами и священниками, меликами и кедхуда, кевха и всеми райя и вместе с нашими войсками, нижеподписавшиеся по своей доброй воле и желанию сделались слугами (подданными) вышеупомянутого великого царя (Петра I); с этого дня и до пришествия Христа останемся под его повелением; [обязуемся] исполнить все приказания нашего великого царя, какими бы они ни были. И если мы не исполним его приказы, отступим, или же обманем, то во всех этих случаях — наша голова и наше имущество будут [в распоряжении] царя. Перед богом царь будет невиновным, а мы виновны. Написана сия бумага в сгнахе Шош, 4 января 1173 (1724) года...»².

В этом письме, как и в других приведенных выше документах, отмечены роль и участие армянского крестьянства и его старшин в движении за присоединение к России. Однако, кроме этих сведений, имеются еще более веские, как нам кажется, данные об участии крестьян во главе со своими стар-

¹ Там же, 1725—1726, д. № 7, л. 4; см. также Г. Э з о в. Указ. соч., стр. 427—428.

² АВПР, ф. «Сношения России с Арменией», 1724, д. № 4, л. 19: «պատճառ դրոյս այսէ. որ թիւն փրկչին 1724, յունվարի ամսին Դ-ումն, մեք հայոց երկրին, որ է դիզաղոյ և Վարանդոյ երկրին ուղղաշէրքս և մեք մեր թամամի մեծով և փոքրով, վարդապետով և քահանայիւք, մէլիքով և բողոքողէրօվ, քէվխով և բոռայաթով թամամի մեր ասկարովս, ներքոյ գրեալքս մեր կամօքն և մեր յօժարութեամբն, ծառայ դարձանք վերոյ գրեալ մեծին արքային, որ էս թարեղէն մինչի գալուստն քի կամք ի ներքոյ հրամանին, որ ինչ որ մեր մեծ թաղաւորն մեզ հրաման առի, որ հրամանին կատարեմք, և եթէ ինչ որ հրաման առի, հրամանըն կատարեմք ոչ, դառնանք, և թէ խաբեմք՝ մեր գլուխն և մեր ապրանքըն թաղաւորին լինի, առաջ այ թագաւորն անպարտ լինի և մեք պարտական լինենք: Գրվեցաւ գիրս Շօշայ սղնաղումն, թվն հայոց ԱՌՃՀԳ, յունվար ամսուն...».

пинами в движении за присоединение к России. Мы имеем в виду списки крестьян и их старшин, сохранившиеся в архивных документах. Так, мелик Саркисджан и представители 30 деревень округа Гегаркуни составили следующий документ: «Причина этого письма следующая: 16 марта 1724 года мы из страны Гегаркуни, я, мелик Саркисджан, и я, кевха Мирзаджан, и я, кевха Бекназар, и я, кевха Шахнаваз, и я, кевха Яври, и я, кевха Дурсун, и я, кевха Нарин, и я, тер Хачатур, и я, кевха Овсен, — мы с нашими кедхуда большими и малыми и со всеми райя нашей страны, [с которыми] вместе живем в 30 деревнях, по нашей доброй воле и желанию сделались слугами вышеупомянутого царя. С этого времени до пришествия Христа будем оставаться под его властью; что будет приказывать наш царь, будем исполнять, а если не исполним его приказа, отступим, или обманем, то наша голова и наше имущество будут [в распоряжении] царя. Перед богом царь будет прав, а мы — виновны..., со всем написанным выше мы согласны...»¹.

Приведенный текст свидетельствует о том, что окружной мелик и старшины (кевха) — представители 30 деревень от имени своих крестьян («райя») — написали о своем согласии быть подданными («слугами») русского царя. Цитированные выше документы полностью подтверждают сообщения Ивана Карашета о том, что «райя со своими старшинами денно и нощно молят бога», чтобы к ним были присланы русские войска.

Кроме указанных документов, имеются еще и списки из округов Чараберд и Гюлистан.

В документе, составленном старшинами из округа Чараберд, говорится:

«...պաղճառ գրուս ա[յ]ս է, որ 1) Ես Սարքիս ուղղաշէս, մէլիք Շահնազարի որդի Մէլիք Սարքիս-ճանս	«Причина [составления] этого письма следующая: 1) Я, юзбаши-Саркис, Я, мелик-Саркисджан, сын мелик-Шахназара,

¹ АВВР, ф. «Сношения России с Арменией», 1724, д. № 24, л. 19: Там же: «Պատճառ գրոյս այս է, որ Թիվն փրկչին 1724, մարտի ամսին ԺԶ-ումն, մեր Գեղաբունոյ երկրէս, ես մէլիք Սարգիս-Ջանրս, և ես Միրզայան քէվիխէս, և ես Բեկնազար քէվիխէս, և ես Շահնազար քէվիխէս, և ես Նավրոյ քէվիխէս, և ես Դուրսուն քէվիխէս, և ես Նարին քէվիխէս, և ես ար Սաչատուրս, և Յովսէփ քէվիխէս և մեր քաղխոզով, մեծով և փոքրով և մեր երկրին բոայաթով թէ թամամիս որ 1 (30) գեղում անք, մեք մեր կամօքն և մեր յոմարութեամբն ծառայ դառցանք վերոյ գրեալ արքային, որ էս թարեղեն մինչի դառուսն քի կամք ի ներքոյ հրամանին, որ ինչ որ մեր թագաւորն մեզ հրաման առի որ հրամանն կատարեմք, և թէ ինչ որ հրաման առի, հրամանն կատարեմք ոչ, դառնամք, և թէ խաբեմք, մեր զլուսն և մեր ապրանքն թագաւորին լինի. առաջի աջ թագաւորն անպարտ լինի և մեք պարտական լինեմք: Դրվեցաւ դիրս քաղաքայ տեղին բերթումն: Էս վերոյգրեալն մեզ դաբուլայ...».

- Մեհասարս
 Մելիքների որդի Ալահվերդիս
 5) ճապէս, Պաղասասարս
 Դավիթի որդի Ավարս
 Սարքսի որդի հաճի Դավութս
 Նէրսէսի որդի Սասաղս
 Պաղի որդի Մէժլմս
- 10) Պանդի որդի Զալումս
 Նէրսէսի որդի Պայաղքս
 Պէկնաղարես որդի Շահնաղարս
 Աթի (?) որդի Հասանս
 Պաղի որդի Ավանս
- 15) Սղապէկի որդի Ղալապկս
 Դօդճէս
 Ովանէսի որդի Միրզիանս
 Պաղումի որդի Սայես (?)
 Գրիգորի որդի Սայամս
- 20) Ակոպճանի որդի Ամերպկս
 Նեհաղի որդի Թասալես
 Ովանէսի որդի Ալահվերդիս
 Թաթոսի որդի Միսթարս
 Սարքսի որդի Արութնս
- 25) Ուլուխի որդի Նէրսէս
 Մուսէսի որդի Ղուլիս
 Սարքիսի որդի Սղամս
 Աղասի որդի Նվասարս
 Ովանիսի որդի Սարքս
- 30) Սարքսի որդի փերէս (?)
 Ուղաղի որդի Ճաղնայիս (?)
 Ավարի որդի Սարքես
 Մուքելի որդի Պարիս
- 34) Գրիգորի որդի Ճանիս մեր վերայ
 գրեալ ուղաղանց մէլիք Սարքիս-
 ճանի Թապուն Թաղաղանցովս.
 քուլու Զարապերթու քաթխուդէ-
 քս, Ղայամի որդի տր Նէրսէսս,
 Մէլիքների որդի Մարդիրոս քով-
 խէս, Պալի որդի Ուլխանս, հաթը-
 քի տր Նսայի Գամալի որդի Մեր-
 ումս, գիր դիինք. ով որ էլիպէկի
 խոսկէն մասխաթէ[ն] դուս դայ
 դուշմանի ականճ անի խայիւն ելի
 սաղեվարս (?) էլի դուսն ապրանքն
 Թաղավորական էլի. գրեցվ թվ.
 Ռճճն. մայիսի ին-ումն. ես մէլիք
 Սարքիսճանս էս ուղ[պ]աշոնց
 քաթխուդոնց իրդարովն գրեցի».

- Я, Меясар,
 Я, Алахверди, сын Меликсета
 5) Я, Пагдасар, [я?] Есаи,
 Я, Авак, сын Давида,
 Я, хаджи-Давид, сын Саргиса
 Я, Садуг, сын Нерсеса,
 Я, Межлум, сын Пата,
- 10) Я, Залум, сын Пагда,
 Я, Пайандур, сын Нерсеса,
 Я, Шахназар, сын Бекназара,
 Я, Хасан, сын Ата (?),
 Я, Аван, сын Паги,
- 15) Я, Калабек, сын Агабека,
 Я, Гокчи,
 Я, Мирзахан, сын Ованеса,
 Я, Сан, сын Хаэума,
 Я, Саям, сын Григора,
- 20) Я, Амбрек, сын Акопджана,
 Я, Тасалу, сын Нейза,
 Я, Алахверди, сын Ованеса,
 Я, Мхитар, сын Татоса,
 Я, Арутюн, сын Саргиса,
- 25) Я, Нерсес, сын Улухана,
 Я, Кули, сын Мусеса,
 Я, Агам, сын Саргиса,
 Я, Навасард, сын Агаси,
 Я, Саргис, сын Ованеса,
- 30) Я, Пере, сын Саргиса,
 Я, Чазнаи (?), сын Удага,
 Я, Саргис, сын Авака,
 Я, Бари, сын Мукела,
- 34) Я, Джани, сын Григора, —
 мы, вышеуказанные поддан-
 ные — подчиненные (табуи-
 талаг) юзбаши-мелик Саркис-
 джана, мы все (куллу) кедхуда
 Чараберда, я, тер (священник)
 Нерсес, сын Гаяма, я, кевха
 Мартирос, сын Меликсета, я,
 Улухан, сын Паги, я, Мерум,
 сын тер-Есаи Камала из [де-
 ревни] Хатерк, — мы [подпи-
 сались] в том, что тот из нас,
 кто не будет слушаться слова
 посланца (т. е. Ивана Карапе-
 та), будет слушаться врага или
 будет содействовать ему, его
 имущество будет [в распоряже-
 нии] царя; написано сие в 1175
 (1726) году, 25-го мая. Я, мелик
 Саркисджан, написал с согла-
 сия этих юзбаши [и] кедхуда»¹.

¹ АВІР, ф. «Сношения России с Арменией», 1739, д. № 2, л. 22.

Этот документ подписали 38 человек, из которых у шести были свои печати (Саркис-юзбаши, Алахверди, Саркисджан и др.), а остальные 32 человека вместо подписи и печати приложили отпечатки своих пальцев. В приведенном документе следует обратить внимание на то, что окружной мелик Саркисджан составил «эту бумагу» «с согласия юзбаши и кедхуда». Это обстоятельство следует расценивать как признание мелика в том, что он не мог решать важные политические вопросы без участия и согласия деревенской верхушки — кедхуда и старшин.

В другом списке (список представителей Гюлистанского округа) говорится:

- «առաջի պի՛ն է էլլի ի վան կարապետին. պատճառ զրոյս այս է, որ
- 1) ես Գեւորգի որդի Ասրահամ ուզ պաշխա Գուլստանայ գեղոյս ես Ղուկասի որդի Գրիգորս ես ար Մէլիքսէթի որդի թամրազս ես Սարգսի որդի Նավասարթս
 - 5) ես Մոսէսի որդի Միրզախանս ես Հաննազարի որդի Արահմէրդիս ես Աղասի որդի Ղազարս ես Ակորի որդի Մուսղուլիս
 - 10) ես Կոկչի որդի Մէլքումս ես Մանուչարի որդի Գրիգորս ես Աւաթի որդի Պապս ես Աւարի որդի Աթամս ես Սարգիսի որդի Նէրսէս
 - 15) ես Վանէսի որդի Նիլէս ես Ասատակի որդի Նէրսէս ես ար Ղազարի որդի Ակորս ես Վանէսի որդի Միթիթարս և Պապս
 - 20) ես Մէհրապի որդի Զայս ես Վանէսի որդի Սարգիսս ես Պայանուրի որդի Նէրսէսս ես Աղապէկի որդի Ղաաիպս ես Ղազարի որդի Պաշապուրս
 - 25) ես Արքանի որդի Նավասարտս ես Սարգիսի որդի Պաղտատարս Պարզամի որդի Այտինս Վանէսի որդի Մարտիրոսս Աղապէկի որդի Պետրոսս
 - 30) ես Աթապէկի որդի ար Հովհաննէսս
 - 31) ես ար Մէլիքսէթի որդի Մարկոսս մեր մեծ և փոքր թապառն թալա դովս այս գիրս դուինք վերոյ գրեալ էլլի պէկին հրամանէն, խօսկէն թէ և մաւաթէն դուս կանք, թագաւորին խալին լինէնք, և մեր ապրանքն, սունկ, ինչ
- «Причина составления этого письма следующая:
- 1) Я, Абраам-юзбаши, сын Геворга из деревни Гюлистана, Я, Григор, сын Гукаса, Я, Тамраз, сын тер-Меликсета, Я, Навасард, сын Саргиса,
 - 5) Я, Мирзахан, сын Мосеса, Я, Алахверди, сын Ахназара Я, Казар, сын Агаси, Я, Мкртич, сын Акопа, Я, Мрав-Кули, сын Паги,
 - 10) Я, Мелькум, сын Кокчи, Я, Григор, сын Манучара, Я, Пап, сын Авка, Я, Атам, сын Авака, Я, Нерсес, сын Саргиса,
 - 15) Я, Егия, сын Ванеса, Я, Нерсес, сын Аристакуса, Я, Акоп, сын тер-Казара, Я, Мхитар, } сыновья Ванеса, Я, Пап, }
 - 20) Я, Зал, сын Мехрапа, Я, Саргис, сын Ванеса, Я, Нерсес, сын Пайандура, Я, Гатиб, сын Агабека, Я, Хачатур, сын Казара,
 - 25) Я, Навасард, сын Алексана, Я, Пагдасар, сын Саргиса, Я, Айтин, сын Парегамы, Я, Мартирос, сын Ванеса, Я, Петрос, сын Агабека,
 - 30) Я, тер-Ованнес, сын Атабека,
 - 31) Я, Маркос, сын тер-Меликсета, — мы с нашими большими и малыми подчиненными дали сие обязательство посланцу (Ивану Каранету) в том, что если впредь мы не станем слушать его советов, ослушаемся его

Թանպէյ ջէզայդ անի մեզ դա-
պուլ և արժան է. գրեցաւ թուին
ՌՃՀԵ. մայիսի ԻԴ էր»:

приказа. если изменим царю,
[то] пусть [он] отберет у нас
все наше имущество, состоя-
ние, скот. Мы согласны с напи-
санным. Написано в 1175
(1726) году, 24-го мая»¹.

В конце списка и на краях его приложены 6 печатей и имеются 25 отпечатков пальцев. Приведенные документы и данные поясняют, почему в письмах и в сообщениях армянских военачальников-юзбаши и старшин, наряду с меликами и прочими лицами, особо упоминаются деревенские кевха-кедхуда и райя. В период освободительного движения из рядов этих кевха-кедхуда (и вообще из среды крестьян) нередко выделялись способные воины, которые, руководя вооруженными отрядами крестьян, стали называться терминами «юзбаши» и даже «беками» (как, например, Мхитар-бек и др.).

Приведенные списки особенно ясно показывают общенародный характер движения за присоединение к России. Они подтверждают сообщения Ивана Карапетя, согласно которым «райя» ожидали, что русские принесут им спасение; они свидетельствуют о том, что в движении за присоединение к России активно участвовало армянское крестьянство во главе со своими деревенскими старшинами. Выступая с оружием в руках против персидских и турецких поработителей, крестьяне видели спасительный выход в присоединении к России.

Таким образом, в 20-х годах XVIII в., в период вооруженной освободительной борьбы армянского народа, движение за присоединение к России получило общенародный характер. Для 20-х годов XVIII в. нельзя уже говорить только о русской ориентации среди армян; к этому периоду относится активное и открытое выступление армянского народа за присоединение к России, т. е. явление новое, качественно отличное от прежнего, хотя и связанное с ним исторически.

* * *

В 20-х годах XVIII в. развитие русско-армянских связей нашло свое выражение также и в образовании армянского эскадрона. Армянский эскадрон образовался и выступил против персов в самом разгаре освободительного движения армянского народа. Создание этого эскадрона неразрывно связано с движением армян за присоединение к России и с персидским походом Петра I. Эскадрон сыграл немалую роль в деле про-

¹ АВПР, ф. «Сношения России с Арменией», 1739, д. № 2, л. 34.

движения и укрепления русских войск в Гиляне-Мазандаране. В создании этого эскадрона принял известное участие Минас-вардапет. В 1722 г., накануне отъезда в Москву из Астрахани, где он находился при русской армии, Минас-вардапет отправил в Гилян небольшую группу армян (всего 15 человек) для организации помощи русским войскам в военных действиях против персов¹. Во главе этой группы, сделавшейся ядром армянского эскадрона, стоял Петрос ди Саргис Гиланенц², который с 1716 г. поддерживал знакомство с Минасом-вардапетом. Успехи Петроса ди Саргис Гиланенца и его товарищей, быстрая организация эскадрона и рост его численности показывают размах движения армян в самой Персии.

Прибыв в Гилян, Петрос ди Саргис Гиланенц быстро увеличил число своих воинов с 15 до 80 человек. Этих воинов он содержал на свои собственные средства. В дальнейшем отряд, действовавший под командой Петроса ди Саргиса, стал известен под названием армянского эскадрона.

Персидские власти неоднократно пытались уговорить Петроса ди Саргиса порвать с русскими и перейти на их сторону, обещая ему за это большие чины и земли. Однако Петрос ди Саргис Гиланенц решительно отклонил все предложения персов.

К 1724 г. численность бойцов армянского эскадрона увеличилась до 300 человек. По некоторым данным Петрос Гиланенц был намерен довести количество бойцов в эскадроне до 3000 человек³. Намерение Петроса Гиланенца создать из своего эскадрона крупную военную единицу подтверждается тем, что он просил Минаса-вардапета прислать ему 100 преданных людей, искусных и опытных в военном деле, а также собирался лично отправиться в Россию к Петру I и сообщить ему о положении вещей. Однако Петросу ди Саргис Гиланенцу не удалось исполнить свое намерение. В 1724 г., в одном из боев против персов, он был убит⁴.

После гибели Петроса ди Саргиса Гиланенца руководство эскадроном взял на себя его верный товарищ Лазар ди Хачик (Агазар ди Хачик), известный впоследствии под именем Лазаря Христафорова.

¹ Г. Э з о в. Указ. соч., стр. 458.

² Петрос ди Саргис Гиланенц в Гиляне вел дневник, который является первостепенно важным источником для изучения событий, развивавшихся в Персии в 1722—1723 гг. Дневник этот издан на армянском языке в журнале «Крунк» в 1863 г. Переведен на русский язык К. Паткановым в 1870 г. под заглавием «Дневник осады Исфагана афганцами», введенный Петросом ди Саргис Гиланенцем. СПб., 1870.

³ Журнал «Арабат», 1916, стр. 122, 123.

⁴ АВПр, ф. «Сношения России с Арменией», 1736, д. № 1, л. 35.

При Лазаре Христафорове в эскадроне насчитывалось более 600 человек. Связывая все свои надежды на освобождение от персидского ига с успехами русских войск, армяне из различных областей Сефевидского государства направлялись в Гилян, чтобы вступить в ряды бойцов эскадрона.

Основываясь на полученных из Решта сведениях, Минасвардапет в 1725 г. сообщал в Коллегию иностранных дел, что «кто бы ни был из нашего народа, когда слышит светлое имя великого царя, отправляется в Гилян и, оставляя там свое состояние — имущество, с именем великого царя, идет в бой...»¹.

В эскадрон вступали не только персидские армяне, но и армяне из восточных округов Армении и Грузии. Примером этого может служить семья тбилисского жителя Кузаненца Парсадан-бека, сыновья которого вступили в ряды эскадрона, а один из них, Абдалмасае, в качестве военачальника Давид-бека, отправился в Капан. Остальные сыновья Кузаненца Парсадан-бека, Кузаненц-Таги и Рафаил, после ухода русских войск из Персии, переехали в Россию². Таги сообщает, что после ухода русских войск из Гиляна его брат Рафаил устроился в Москве и поступил на службу в гусарский полк в чине полковника³. Этот полковник Кузаненц-Рафаил⁴ («Рафаил Кузанов, сын Парсадан-бека», как он называется в документах) с 1725 г. выступает в Гиляне в качестве руководителя грузинского эскадрона⁵.

Армянский и грузинский эскадроны в Гиляне поддерживали постоянную связь друг с другом и действовали совместно. Тесное боевое содружество этих эскадронов между собой и с русскими войсками является одним из примеров многовековой дружбы русского, грузинского и армянского народов.

В дальнейшем русское правительство не только присвоило воинские звания командному составу армянского и грузинского эскадронов, но и определило жалование всему составу эскадронов, «и жалованье им производилось из тамошних

¹ АВПР, ф. «Сношения России с Арменией», 1725, д. № 1, л. 26.

² Памятная запись Кузаненца-Таги, журнал «Банбер», 1921—1922, стр. 136, 137.

³ Там же.

⁴ Кузаненц-Рафаил умер в Петербурге в 1750 г. и был похоронен на кладбище на Васильевском острове. Повидимому, Кузаненц Парсадан-бек и его сыновья имели тесные связи с деловыми кругами. На это указывают записи купца армянина Ильи Мушега, который в одной из своих записей отмечает, что он (Илья Мушег) послал письмо в Гилян к Парсадан-беку; см. АВПР, ф. «Сношения России с Арменией», 1724, д. № 15-А, л. 49.

⁵ АВПР, ф. «Сношения России с Арменией», 1742, д. № 3, л. 13.

Персидских доходов»¹. Из окладной книги, составленной 12 августа 1733 г., выясняется состав «армянского шквадрона». По данным этой книги, в армянском эскадроне были: один полковник — Лазарь Христафоров (его оклад был установлен в размере 1800 руб.); «обретающимися в команде его»: два майора (оклад — по 300 руб. каждому), два поручика (оклад по 200 руб. каждому), два прапорщика (оклад по 84 руб. каждому), четыре вахмистра (оклад по 17 руб. каждому), шесть капралов (оклад по 16 руб. каждому), сто пятьдесят рядовых (оклад по 15 руб. каждому)².

Руководитель армянского эскадрона Лазарь Христафоров за «свою верную службу» в дальнейшем был произведен в чин генерал-майора. Многие воины эскадрона получили чины полковника, подполковника, майора и т. д. Примером может служить подполковник Петр (Петрос) Каспаров, который в 1736 г. писал царице Анне Ивановне: «Выехал я из отечества своего из большой Армении во всероссийское империе в 1716 году, а в 1722 году Блаженные и вечно-достойные памяти его императорское величество соизволил меня взять при себе в Низовой и Персидский поход, в котором я был при его императорском величестве, возвратился в Астрахань, откуда был отправлен в завоеванные персидские провинции к генералу Василию Яковлевичу Левашову, при котором был в военной службе до 1735 года, грузинской и армянской нации при собранном там шквадронском полку, в котором показал многие службы, и был во многих партиях и тайных пересылках, за которые свои верные службы произведен я... в 1734 году в подполковники...; во время той же моей службы послан был я от одного генерала в Каспер..., где меня содержали [персы] под жестоким арестом многое время и трижды выводили на базар, на котором хотели мне отсечь голову, но божескою милостию от того я побегом спасся и вывел с собою пять человек пленных российских людей, и потом бывал я во многих посылках против противных персиян, на которых и ранен в руку, о чем о всем известен помянутой генерал Василий Яковлевич Левашов... В отечество мое возвратитца никак мне невозможно, для того что персияне за то, что я против их бился, без всякой милости меня умертвят...»³. Петр Каспаров просил разрешения остаться на русской службе⁴.

¹ Полное собрание законов Российской империи с 1649 г., т. IX, стр. 895.

² АВПр, ф. «Сношения России с Арменией», 1733—1734, д. № 4, л. 44.

³ Там же, 1736, д. № 1, л. 8.

⁴ Там же, л. 9.

При Екатерине II в Дунайском походе против Турции участвовали полковник Иван Петрович Каспаров и подполковник князь Степан Сумбатов; впоследствии полковник И. П. Каспаров «ревностным служением России и оказанною храбростью достиг чина генерал-лейтенанта и знака отличий, был также некоторое время комендантом в Таганроге»¹.

Повидимому, этот генерал-лейтенант Иван Петрович Каспаров был сыном вышеупомянутого подполковника армянского эскадрона Петра (Петроса) Каспарова, который в документах 1727 г. упоминается в чине поручика², а в 1736 г. просил у Анны Ивановны разрешения остаться на русской службе.

Значение образования армянского эскадрона заключается не только в том, что армяне выступали вместе с русскими в борьбе против общего врага, но и в том, что они учились у русских военному искусству. Первым армянским генералом был командир эскадрона Агазар ди Хачик, который, как было сказано, в дальнейшем стал называться Лазарем Христафоровым.

В своем обращении к Анне Ивановне в 1736 г. Лазарь Христафоров писал о себе следующее: «В прошедшем 1723 году, пришел я низайший из отечества своего для показания мою дружбу предкам вашего императорского величества во всероссийскую империю..., за которые мои многие и верные службы в низовом корпусе в шквادرоне армянском сперва употреблен ротмистром, а потом был во оном маеором, подполковником и произведен в полковники, а в 1734 году в бытность мою здесь... пожалован я в генерал-маеоры, в котором чине и доныне я...». Лазарь Христафоров в этом же обращении просил разрешения остаться в России и устроиться в Астрахани или в Кизляре. В конце прошения имеется его подпись на армянском языке: «Агазар ди Хачик»³.

Еще ранее, в прошении, датированном 1734 г., Лазарь Христафоров писал, что с 1723 по 1725 г. «содержал себя и протчих при мне собранных армян на собственном моем иждивении. Во время службы моей собрал я в службу ее императорского величества с начала вступления моего на войну до ныне армян более шестьсот человек, ис которых ныне налицо сто пятьдесят человек. В 1725 году пожалованы как я, так и протчие собранные мною армяня... высоким жалованьем и чинами каждому по достоинству. Лошадей, на которых я и собранные при мне армяня служат, содержал я на моем иждивении до 1728 года...». Так же, как и в 1736 г., Христа-

¹ Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа, ч. III, стр. 301.

² АВВР, ф. «Сношения России с Арменией», 1736, д. № 1, л. 35.

³ Там же, л. 6: «աղաքաւոր զի խաչիկ».

форов просил разрешения остаться на русской службе до конца своей жизни, отказываясь вернуться в Персию, где «в Гиспанской жульфи» имеет семью, дом, имение и т. д.¹ Причину его отказа возвратиться в Персию объяснил генерал Левашов, который 29 октября 1735 г. писал: «Армяне Лазарь Жулфинец пожалован генералом-маеором, а Рафаил из Тифлиса был в службе российской при армянах подполковником, и оные в разведывании персичких и турецких обстоятельств усердно служили...; они просят, чтоб их на персичкую сторону не отдавать для того, что персияном натолковано, что они и против их досады чинили, за что не токмо их ограбят, но и удавить велят»².

В своем стремлении остаться в России Лазарь Христафоров был не одинок. Об этом свидетельствует, в частности, его письмо к Луки Ширванову из Астрахани от 29 ноября 1736 г., где говорится, что 20 августа он получил письмо из Гиляна от разных армянских людей, которые сообщали ему, что «если он (Лазарь Христафоров) принят на службу ее императорского величества, то они из Гиляна намерены в команду его ехать: числом четыреста человек»³.

Таким образом, создание и боевые действия армянского эскадрона нельзя рассматривать иначе как результат освободительной борьбы армянского народа, его движения за присоединение к России. Это движение в дальнейшем неуклонно разрасталось, охватывая все более и более широкие слои армянского общества.

* * *

В рассматриваемый период движение за присоединение к России происходило не только среди армян, но и среди других народов Закавказья. Тесные связи между Россией и Грузией и стремление грузинского народа присоединиться к России — достаточно известные факты. Грузинские и армянские войска под руководством Вахтанга VI выступали в 1722 г. против общего врага и стремились примкнуть к русским вооруженным силам. Движением за присоединение к России был охвачен и азербайджанский народ. Выше уже говорилось о вооруженном выступлении азербайджанцев, об их дружбе и союзе с армянами, в связи с наступлением турецких войск.

Гянджинские азербайджанцы, заключив союз с армянами, совместно с ними боролись против турок и не пропустили турецкие войска к Гяндже. Так же, как и армяне, азербай-

¹ АВПР, ф. «Сношения России с Арменией», 1733—1734, д. № 4, л. 61.

² Там же, 1736, д. № 1, л. 38.

³ Там же, 1737, д. № 1, л. 1.

джанцы в это время обращались с просьбами о помощи к русским. Кроме приведенных выше документов, относящихся к установлению союза между армянами и азербайджанцами, где указано, что гянджинские азербайджанцы обратились к России с просьбой о помощи, имеются еще и другие документы, адресованные гянджинцами непосредственно русскому правительству. В них совершенно отчетливо выражено стремление азербайджанцев присоединиться к России.

Некоторые историки, затрагивая вопрос о русской ориентации в Азербайджане в начале XVIII в., либо пытаются умалить значение этого факта, либо говорят о нем лишь мимоходом, поверхностно и самыми общими словами, не приводя конкретных документальных данных, без всякого анализа происходивших событий. Типичным примером этого могут служить «Очерки по истории Азербайджана», где говорится: «часть местных правителей Закавказья, недовольная грабительской политикой чужеземных захватчиков, начала обращаться к русскому императору с просьбой оказать им военное и политическое содействие в борьбе против иранских шахов и турецких султанов. Закавказские местные правители стремились с помощью России облегчить свое положение...»¹. Между тем сам автор цитируемой работы дальше сообщает следующее: «Когда русские купцы в Шемахе, вследствие притеснений, испытываемых ими, грозили шемахинцам гневом русского правительства, то шемахинцы отвечали, что «молят бога, чтобы русские взяли Ширван и избавили их от туземных правителей». Купцы хотели напугать азербайджанцев тем, чему последние симпатизировали»². Как видно из приведенных цитат, автор «Очерков» сам себе противоречит. С одной стороны, он, говоря о русской ориентации, связывает ее с ожиданием русской помощи только со стороны «части местных правителей Закавказья», т. е. он не видит движения широких народных масс за присоединение к России; с другой стороны, он же приводит факт, показывающий, что симпатии к России существовали среди населения Шемахи.

Нельзя согласиться и с И. П. Петрушевским, считавшим, что «Россия еще до завоевания Азербайджана располагала известной опорой в среде некоторых групп феодалов, облегчавших ей дело завоевания ханств... Это были группы средних феодалов, местных аррьер-вассалов, боровшихся за феодальную децентрализацию с усилившимися в половине XVIII века (после распада державы Надир-шаха) ханами и их централизаторскими тенденциями. Такими «русофилами» были

¹ Очерки по истории Азербайджана, «Известия Академии наук Азербайджанской ССР», 1946, № 5 стр. 89.

² Там же, стр. 92.

мелики Карабаха, притесняемые своим ханом»¹. И. П. Петрушевский, судя по приведенной цитате, не видит в первой четверти XVIII в. движения за присоединение к России; кроме того, «русофилами» он считает в основном карабахских меликов, полагая при этом, что эти «русофилы» появились лишь после распада державы Надир-шаха. Серьезные недостатки имеются также в работе В. П. Лыцова, в которой отмечается лишь «протурецкая ориентация» отдельных феодалов, но не показано движение за присоединение к России в Азербайджане². Архивные документы и исторические данные достаточно убедительно показывают, что народные массы Армении, Грузии и Азербайджана, поднимаясь на борьбу против Турции и Персии, в то же время выступали за присоединение к России. При этом следует подчеркнуть, что за присоединение к России выступала не часть феодалов или местных правителей Закавказья (как это утверждается в «Очерках по истории Азербайджана»), а широкие народные массы.

Как уже было отмечено выше, Мартирос-вардапет из Кабалы (Шаки) 6 марта 1724 г. сообщал коменданту русского гарнизона в Дербенте, что юзбаши-Сатаг не только защищает местных армян от нападения неприятелей, но что и сам он — Сатаг — «также находится на нашей стороне» (т. е. является сторонником присоединения к России). Сам юзбаши-Сатаг писал дербентскому коменданту следующее: «и долго глядя на вашу дорогу, наши глаза потускнели (т. е. «мы истомились в ожидании вашего прихода»), не знаем, чем вы заняты, медлить нехорошо, приезжайте скорее...»³. Не только азербайджанцы из Кабалы (Шаки) выступали за присоединение к России; прихода русских ожидали также азербайджанцы из других областей. Этим прежде всего объясняется отсутствие сопротивления русским войскам в Баку и в других городах и деревнях Азербайджана.

После заключения союза с армянами гянджинские азербайджанцы установили и поддерживали оживленные связи с русскими, посылая к ним своих представителей и письма. 18 марта 1724 г. Иван Карапет сообщал в Россию, что представители Гянджи — Исай-бек и Кай-Хосров-бек — прибыли к армянам для переговоров. Одновременно гянджинцы выделили представителей и приготовили письма для отправки в Россию. Гянджинцы прислали также письмо Ивану Карапету с просьбой, чтобы он со своей стороны написал в Россию и попросил военной помощи: «... Если 1000 русских воинов

¹ Колониальная политика российского царизма в Азербайджане, ч. I, 1936, стр. 16 и др.

² В. П. Лыцов. Персидский поход Петра I. 1722—1723. М., 1951, стр. 106—108.

³ АВПР. ф. «Сношения России с Арменией», 1724, д. № 4, л. 16.

вступят в наш город то как грузины, так и азербайджанцы и армяне окрепнут духом, и, вступив в бой против османцев, [мы] дадим им отпор, пока придет на помощь [со своими основными силами] наш государь (т. е. русский царь)». Эти слова гянджинцев приводит Иван Карапет в своем письме. Далее он сообщает, что гянджинцы говорят так: «Если войска государя не придут к нам на помощь, неприятель раздавит как нас, так и грузинский и армянский народы»¹. Достоверность этих важных сведений, исходящих от Ивана Карапета, не может быть поставлена под сомнение, так как имеются еще более веские данные и документы о том, что действительно азербайджанцы, вооружаясь и выступая против турецких захватчиков, одновременно обращались к русскому правительству с письмами, в которых просили оказать им помощь. Гянджинские азербайджанцы в своих прошениях и письмах просили Петра I «укоротить захватнические руки турок, протянутые к нашей земле, и охранять эту землю».

Учитывая большое историческое значение этих документов, приводим полностью их текст:

№ 1

«Прощение покорнейших слуг твоих!

Да будет позволено заявить высочайшему трону, что высокий бегларбег этой провинции, а также мы, несчастные, до этого послали прошение его величеству царю христиан с просьбой о том, чтобы безграничной милостью его величества, мы, может быть, удостоились помощи твоей с тем, чтобы укоротить захватнические руки турок, протянутые к нашей земле, и охранять эту землю, но до сих пор не удостоились никакого ответа, которого мы ждали и ждем. Однако за это время турки, пронохав [о нашем] положении и узнав о том, что мы, несчастные, послали прошение высочайшему венценосцу и просили его помощи, пуще прежнего усилили свою вражду, нарочно вызывают столкновения и ежедневно лишают нас покоя и намерены до прихода твоей помощи захватить провинцию и подчинить ее себе. Потому мы осмеливаемся послать тебе это прошение, которое мы согласовали с Мехди-беком Каджаром, с высоким наместником (вали) его в Картвелии и с Шахнаваз-ханом.

Высокопоставленные представители приложат упомянутое прошение к своему и пришлют к трону царя, носителя венца, с тем, чтобы высочайший двор его величества благоизволил оказать нам помощь, но так как ответ на прошение со стороны двора его величества может задержаться, а время не ждет,

¹ АВПр, ф. «Сношения России с Арменией», 1724, д. № 4, л. 26.

то его величество будет милостив, если изволит приказать, чтобы срочно прислали нам в помощь победоносное русское войско.

Милостью бога и твоей помощью разгромим турок, как громили их раньше, и охраним эту провинцию, пока подойдет основательная помощь к нам от двора покровителя христиан и мы освободимся окончательно от вражды турок, основанной на разнице в верованиях, о чем неоднократно докладывал [тебе] господин посланник. Осмелимся просить тебя, чтобы [ты] не отказал нам, несчастным, в своей помощи и милости». Далее следует 40 печатей и подписей ¹.

№ 2

«Прощение покорнейших слуг — каджарских воителей, старейшин, старост, юзбаши и всего населения провинции Гянджи. Покорнейшие рабы твоего двора доводят до высочайшего сведения, что нами до сих пор не получен ответ на прошение, посланное его величеству бегларбегом Карабаха и нами, несчастными, но мы попрежнему надеемся и ждем твоего ответа.

Турки теперь узнали о том, что покорнейшие слуги твои осмелились просить твоей помощи, и они пуще прежнего стали враждебны к нам и готовятся покорить себе Карабах и жителей этой провинции и хотят сделать это, пока победоносные войска его высочайшего двора не успели вступить на эту землю.

Поэтому мы, рабы твои, с волнением осмелились послать твоему августейшему величеству свое второе прошение и покорнейше просим проявить благородное снисхождение и любовь к своим подданным и послать войска высочайшего двора в помощь нам, несчастным, с тем, чтобы мы могли спокойно продолжать молиться за прочное правление августейшего.

Мы сочли необходимым и потому осмелились выступить с прошением. Остальное зависит от твоего высочайшего повеления». Далее следует 66 личных печатей и подписей ².

Приведенные документы показывают, что русская ориентация и движение за присоединение к России отнюдь не являлись делом «части правителей Закавказья» или отдельных

¹ АВНР, ф. «Сношения России с Арменией», 1739, д. № 2, л. 71. Прощение подписали: Нур-Мухаммад, Мухаммад-Али, Хак-верди, Алла-верди, Худа-верди, Шукрулла, Мухаммедяр, Мухаммад-Риза и еще 32 представителя Гянджи (перевод и расшифровка текста сделаны Х. Г. Кероглу).

² Там же, л. 68. Послание подписали: Лотф-Али, Муххамад-Али, Мухаммад-Хусейн, Муса-Кязим, Парвине Нади, Мухаммад-Али, Абдул-Хаджи, Мухаммад-хан, Мухаммад-мехти и еще 57 гянджинских азербайджанцев (перевод Х. Г. Кероглу).

феодалов, а были делом широких слоев общества, о чем свидетельствует большое количество стоящих под этими документами подписей представителей населения Гянджи и Гянджинской области.

Кроме гянджинцев, также и удины из Азербайджана, отправляя своих представителей и письма к Петру I, сообщали ему о том, как беспощадно турки истребляли, разоряли и насильно обращали в ислам местное население: «Сперва турки сожгли наши церкви, — писали удины, — и заставили священников отречься [от своей веры], а некоторых из них убили, и увели в плен женщин с детьми..., монастыри и пустыни разорили и разрушили, превратив их в безлюдные места. Мы в отчаянии, мы не живые и не мертвые; мы агваны (агванцы) и по нации удины..., наши предки построили для нас небольшую церковь..., теперь нечестивые сожгли ее и насильно заставляют нас отречься от нашей веры, но мы тайно придерживаемся ее. Как большие, так и малые силой меча превращены в турок. Из-за страха мы не можем написать подробнее об этом: о нашем тяжелом положении [вы] все узнаете от приехавшего к вам священника и других...»¹. Удины, так же как и гянджинцы, просили русские власти прислать войска и спасти их от врагов².

Приведенные документы доказывают, что в движении за присоединение к России принимали участие не только армяне и грузины, но также и азербайджанцы. Выступая за присоединение к России, народы Закавказья еще в 20-х годах XVIII в. решили связать свою судьбу с судьбой великого русского народа.

¹ АВПР, ф. «Сношения России с Арменией», 1724, д. № 4, л. 27.

² Там же.

Глава VI

СГНАХИ В КАРАБАХЕ И КАПАНЕ

I

Общие вопросы освободительного движения в Карабахе и Капани — вопрос о совместной борьбе армянского, грузинского и азербайджанского народов против чужеземных завоевателей, о движении за присоединение к России и другие — рассмотрены в IV и V главах настоящей работы. В предлагаемом разделе считаем необходимым вкратце охарактеризовать сгнахи — «армянские собрания», являвшиеся военно-политическими организациями восставших армян. В исторической литературе имеется много неточностей и спорных положений по этому вопросу. В настоящее время архивные и другие материалы дают возможность по-новому и, как нам представляется, правильное осветить роль сгнахов и их руководителей в освободительной борьбе.

В своем донесении «О сгнацких армянах и выехавших отсюда в Россию юзбашах» генерал В. В. Долгоруков 30 ноября 1726 г. писал из Решта, что армяне «с великою просьбою требуют с российскими войсками соединитца и слезно просят хотя б некоторую часть к ним прислать... и, сколько могут, с великою отвагою против Турок мужественно поступают...»¹. Сопротивление, оказанное армянами в борьбе против превосходящих сил турок и достигнутые ими успехи удивили князя В. В. Долгорукова. 11 мая 1727 г. он писал из Дербента: «только как сам Бог их (армян) хранит, свыше ума человеческого, как от такого сильного неприятеля могут еще себя содержать?»². Как князь В. В. Долгоруков, так и многие другие очевидцы развивавшихся событий не видели тех основных источников, откуда черпали свои силы армяне в борьбе против превосходящих вражеских сил. Поэтому они и считали, что сопротивление армян «свыше ума человеческого».

¹ Г. Эзов. Указ. соч., стр. 435; АВПР, ф. «Сношения России с Арменией», 1733—1734, д. № 4, л. 36.

² Г. Эзов. Указ. соч., стр. 437.

В борьбе против персидских и турецких завоевателей, как уже говорилось выше, армяне не были одиноки. Освободительное движение армянского народа опиралось на поддержку России и на союз с грузинским и азербайджанским народами. В этом заключался один из главных источников силы сопротивления армянского народа в борьбе против такого опасного врага, как персидские и турецкие захватчики. Другой важный источник силы освободительного движения армян следует искать в общенародном характере их борьбы против своих врагов. В борьбе против персидских и турецких агрессоров, как было показано выше, принимали участие самые широкие народные массы и прежде всего крестьянство — «райя». Именно «райя», о которых В. В. Долгоруков, генерал Румянцев и некоторые другие нередко отзывались в презрительном тоне¹, были главной боевой силой освободительного движения. Поэтому руководители движения и военачальники армянских войск в Карабахе, принадлежавшие к феодальной верхушке, вынуждены были согласовывать свои послания, письма и переговоры с крестьянскими старшинами и представителями.

Наконец, большую роль в развитии освободительного движения сыграли армянские военно-политические организации — сгнахи. В Карабахе вокруг сгнахов собралось как армянское, так и азербайджанское население, общими силами выступившее на борьбу против персидских и турецких войск.

В период ослабления и развала Сефевидского государства некоторые мелики начали создавать и увеличивать свои военные силы. В 1721—1722 г., когда часть дагестанских феодалов стала совершать набеги на Карабах, армянские мелики и старшины из округов Чараберд, Гюлистан и др., выступая против них, образовали сгнахи, о чем руководители упомянутых округов (Саркис-Ширван из Чараберда, Есаи из Гюлистана, мелик Овсеп из Гянджи) сообщали в своем письме русскому правительству. В письме этом указывалось, что, «протянув руку друг другу» и собрав 10—12 тыс. человек, они вели борьбу «то против лезгин, то против турок и образовали сгнахи в неприступных местах»².

Пока еще трудно объяснить буквально, а также этимологическое значение и происхождение слова «сгнах». В исторической литературе термин «сгнах» объясняется как «убежище»³.

¹ АВИР, ф. «Сношения России с Арменией», 1736, д. № 1, лл. 118—119.

² Г. Э з о в. Указ. соч., стр. 341.

³ И. М. Д ж а ф а р з а д е, говоря о естественных пещерах в Азербайджане, пишет, что «местное население их (эти пещеры) называет «пенах», т. е. убежище. Называют их также «зага», «магара», или «куйул». Имеются районы, где их называют «сыгнах», т. е. убежище.» См. Сборник статей по истории Азербайджана. Баку, 1949, стр. 19.

Один из участников освободительного движения, священник Антон, в своем показании в Коллегии иностранных дел в Москве говорил, что «Армянского войска (много имеется) ныне в собрании в горе, именуемой Согнаге..., расстоянием от города Генжи один день»¹. Не исключена возможность, что название горы Согнах («Согнаг») перешло на армянские «собрания», искавшие себе убежища на этой горе. Возможно, что и само явление ухода населения в горы при набегах неприятеля также стало называться «сognaх» и это слово, таким образом, приобрело значение «убежища» или «занятия удобной позиции для защиты или нападения». Во всяком случае в 20-х годах XVIII в. термин «сгнах» или «сognaх» имел более широкое и важное значение, нежели только «убежище».

В 20-х годах XVIII в. «сognaх» или «сгнах» означал прежде всего укрепление, военную организацию, собрание людей, жителей. Не случайно в русских документах, почти без исключения вместо слова «сognaх» употребляется слово «собрание» — «армянское собрание» и т. д. Слово «сгнах» в значении «военной организации», «собрания людей», «укрепления» встречается в документах первой половины XVIII в.

Во время освободительного движения сгнахи как военные организации образовались не только в Карабахе, но и в Капане. Эти сгнахи создавались прежде всего в естественно-защищенных местах страны. Описание таких местностей в Карабахе и Капане дает Иван Карапет в письме от 18 июня 1724 г.: «...каждая деревня представляет собою крепость, а дороги — непроходимые, кругом горы, леса. Дороги закрыты, есть места, где 5 мушкетеров могут устоять против 5000 человек...»². Именно в таких неприступных местах и создавались военные организации, обозначавшиеся тогда словом «сгнах» или «собрание» (в русских документах).

Историк патриарх Есаи сообщает, что в 1722 г., когда армянские войска вернулись из-под Гянджи, они не рассеялись, а укрепились в естественно-защищенных, неприступных местах. «Возвращаясь, — пишет Есаи, — каждый из нас укрепился в горах там, где [они] были неприступны»³. Здесь эти войска совместно с населением отражали нападения персид-

¹ Г. Эзов. Указ. соч., стр. 362.

² АВПР, ф. «Сношения России с Арменией», 1739, д. № 2, л. 64: «Եւան Գեղ ա բերժայ ե ճանապարհէն շատ դժարայ, ինչ սարայ, մեշայ. ճանապարհէն կապերայ. տեղաբերք կայ, որ ե (5) մարդ թվանկի, եւ (5000) մարդի ջողար կոտայ...».

³ Есаи Хасан-Джалалян. История страны Агванов, стр. 51; см. также АВПР, ф. «Сношения России с Арменией», 1725—1726, д. № 5, л. 8.

ских и турецких войск. Отсюда, в удобном случае, армяне сами нападали на неприятелей.

В период освободительного движения 20-х годов XVIII в. в Карабахе образовались в качестве военно-политических организаций пять сгнахов — в округах Дизак, Варанда, Хачен, Чараберд, Гюлистан (Парта). Проф. Лео, рассматривая вопрос об образовании сгнахов в этот период, полагает, что два сгнаха были образованы в Карабахе, а третий — в Капане. По мнению Лео, первый или «большой сгнах», был расположен в округах Чараберд и Гюлистан, второй сгнах находился в горах Кирс, недалеко от Шуши, а третий, якобы не носивший название сгнах, — в Капане¹. Это мнение Лео разделяют и некоторые другие историки². Однако такая точка зрения противоречит историческим данным, согласно которым в Карабахе было образовано не два, а пять сгнахов; что же касается Капана, то здесь были созданы свои военные организации, которые тоже назывались сгнахами. Об этом прямо говорится в послании Мхитар-бека (Мхитар-спарапета) и его военачальников, которые писали в 1726 г. русскому правительству, что они образовали в Капане сгнахи для защиты страны и населения от нападения врагов. В письме армянских меликов и старшин, обратившихся в 1725 г. к Петру I с просьбой о помощи, говорится: «...В землях Гянджа-Карабах, где живем [мы], подданные твои, имеется шесть махалов...; разместив население в укрепленных местах страны, мы образовали сгнахи и каждый из нас удерживает один сгнах»³. Об этих 6 махалах, где были образованы сгнахи, более ясно говорит участник освободительного движения мелик-Еган из Дизака. В своей надписи он сообщает, что в период нашествия турок население пяти-шести махалов укрепились: «одни — в Талыше, другие — в Чараберде, одни — в Хачене, другие в Варанде, одни — в Кочизе, другие — в Тузахе (Дизаке)»⁴. Здесь мелик-Еган прямо указал те места, где были образованы сгнахи — военные организации или «собрания» армян. Наконец, о существовании пяти сгнахов в Карабахе имеются, как уже указывалось, прямые свидетельства в письмах Ивана Карапета⁵.

¹ См. Лео. История Армении, т. III, стр. 608, 609, 627.

² См. С. Погосян. История Армении, т. V, стр. 112; см. также «Историю армянского народа» (учебник), 1944, стр. 228; 1951, стр. 247.

³ АВНР, ф. «Сношения России с Арменией», 1725—1726, д. № 5, л. 8.

⁴ В надписи мелик-Егана (см. М. Бархударян. Арцах, стр. 77) написано: «Եղանիկի Զախերը», что следует читать, как «б — 2 Զախերը», т. е. «армяне 5—6 махалов».

⁵ АВНР, ф. «Сношения России с Арменией», 1724, д. № 4, лл. 31—33 и др.

Основываясь на данных некоторых источников, можно полагать, что в период освободительного движения одни округа, объединяясь с другими, протянув «руки друг другу» (как писали армянские старшины из Чараберда и Гюлистана), образовывали более сильный сгнах или же, напротив, отделяясь друг от друга, образовывали самостоятельные сгнахи; повидимому, по этой причине в документах упоминаются то пять, то четыре, то четыре-пять сгнахов ¹.

* * *

Округи Гюлистан и Чараберд, упоминавшиеся в надписи мелик-Егана, повидимому, постоянно выступали вместе и образовывали один сгнах. Старшины и военачальники этих округов (Саркис из Чараберда, Есан из Гюлистана) в документах упоминаются как представители одного сгнаха ².

Если округа Чараберд и Гюлистан, объединившись, образовали один сгнах, то округ Варанда в этот период, повидимому, был разделен на две, враждебно настроенные по отношению друг к другу части, которые образовали два самостоятельных сгнаха. Один из этих сгнахов, объединившись с Хачен-Гандзасаром, образовал вместе с ними более крупный сгнах (повидимому, этот сгнах и следует считать «большим сгнахом», который у Ивана Карапета нередко называется также «большой Гандзасар»).

Имеется ряд данных, которые показывают, что округ Варанда в 20-х годах XVIII в., а также еще раньше был разделен на две части с двумя центрами. В одной части Варанды распоряжались Аван-юзбаши и Тархан-юзбаши, и центром этой части являлась укрепленная деревня Шош, а другая часть, с центрами Кочиз и Аветараноц, находилась в руках мелик-Багыра из рода Мелик-Шахназарянов.

Надписи из Кочиза показывают, что округ Варанда со второй половины XVII в. действительно был разделен на две части, между которыми существовали противоречия и враждебные отношения. Так, гандзасарский католикос Петрос во второй половине XVII в. оставил в Кочизе надпись, в которой говорится, что он восстановил престол архиепископа в Амарасе «для всей страны Варанды и Кочиза, так как епархию разделяли и раздирали [владельцы], поступая [каждый] по своему усмотрению». В целях объединения в одну епархию Варанды

¹ АВИР, ф. «Сношения России с Арменией», 1724, д. № 4, л. 31: «... и армяне этих 4—5 сгнахов, когда отправляются в набег, [то] отправляются 20 000 человек» — «... և էս Գ — Ե (4—5) սղնաղի խայերըն յեփ չափղուն ան դնում ան ԻՌ (20 000) ժարթայ գուս գնում ան չափղուն».

² Г. Э о в. Указ. соч., стр. 340—341.

и Кочиза католикос Петрос приказал своему ученику Барсеху восстановить церковь и перенести туда мощи св. Григориса: «перенеся мощи св. Григориса, [их] поместили в страну Варанду и в Кочиз, чтобы объединить эти два престола»¹. Как видно из приведенных данных, взятых из надписей, во второй половине XVII в. округ Варанда фактически был разделен на две части с отдельными епархиями и приходами. Патриарх Петрос старался объединить эти части в одну епархию, для чего он принял меры к восстановлению архиепископства Амарас.

Однако за церковным (епархиальным) разделением Варанды вскоре, повидимому, последовало полное разделение этой области на две части. Это было обусловлено появлением в Варанде переселенцев из Ширвана, прибывших во главе со своими старшинами, с чем никак не хотел примириться местный меликский дом Мелик-Шахназарянов.

Вражда между Мелик-Шахназарянами и старшинами, переселившимися в Варанду из Ширвана, особенно усилилась и приняла острый характер в период освободительного движения. В той части Варанды, где находились Кочиз и Аветараноц, укрепился потомственный феодал мелик-Багыр, сын мелик-Шахназара, внук мелик-Баги, а в другой части Варанды, где находилась неприступная деревня Шош, укрепились переселившиеся ширванцы во главе со своими старшинами — Аваном-юзбаши, Тарханом-юзбаши и другими. В результате этого в Варанде в период освободительного движения появилось два сгнаха с двумя центрами: Кочиз-Аветараноц был центром сгнаха мелик-Багыра, а Шош — центром сгнаха Авана-юзбаши. Поэтому мелик-Еган в своей надписи отделяет Кочиз от Варанды и упоминает их отдельно («одни в Варанде — другие в Кочизе...»).

Таким образом, если округа Гюлистан и Чараберд, объединившись, образовали один сгнах, то в округе Варанда были образованы два сгнаха, один из которых находился под властью мелик-Багыра — сторонника персидских властей, а другой, объединившись со сгнахом Хачен-Гандзасар, упоминался то как часть «большого сгнаха» (у Ивана Карапета «большой Гандзасар»), то как отдельный сгнах с центром в Шоше.

¹ М. Бархударян. Арцах, стр. 104 (надпись Петроса-патриарха). По данным надписей, восстановление церкви в Кочизе было начато в 1667 г. и закончено в 1676 г. («Арцах», стр. 106). В надписи в Кочизе говорится, что «церковь была построена в тяжелые и горькие дни... во время царствования шах-Сулеймана, паронства Мирза-Кули-бека и начальства над страной Варанда мелик-Баги, сына мелик-Шахназара» («Арцах», стр. 105).

Указанный выше Тархан-юзбаши упоминается в документах то как представитель Хачена, то как представитель сгнаха Шош¹.

Наконец, самостоятельный сгнах был образован в Дизаке, где управление находилось в руках мелик-Егана.

Итак, в Карабахе были образованы следующие сгнахи со своими центрами: 1) Чарабердский сгнах (округи Чараберд, Гюлистан), центром которого являлись Чараберд и монастырь «Трех младенцев»; 2) Варандский сгнах (часть Варанды) с центром Кочиз-Аветараноц; 3) сгнах Шош (часть Варанды) с центром в деревне Шош; 4) сгнах в Хачене, центр — Гандзасар; 5) сгнах в Дизаке (или Дизакский сгнах), центром которого была укрепленная деревня Дог.

Руководящая верхушка сгнахов состояла из местных феодалов и старшин; из их числа выделялись военачальники каждого сгнаха. Каждый сгнах имел войско численностью от 5 до 6 тыс. человек. Общая численность войск в пяти сгнахах составляла, как уже указывалось, около 20—25 тыс. человек. Однако эти войска долгое время не объединялись и не выступали общими силами, так как между руководителями сгнахов существовали острые противоречия.

Уже в первые дни освободительного движения обострилась вражда между монастырем «Трех младенцев» (патриарх Нерсес) и Гандзасаром (патриарх Есаи). Если патриарх Есаи и военачальники трех сгнахов (Хачен, Шош, Дизак) ожидали помощи от России, то «патриарх Нерсес и его брат Саркис-юзбаши и Абраам-юзбаши и другой Есаи» (Гюлистан-Чараберд) намеревались подчиниться туркам, а мелик-Багыр (Кочиз-Аветараноц) заявил о своей преданности Сефевидам². В конце 1723 г. Иван Карапет, прибыв в Карабах с грамотой Петра I, обнаружил, что «в здешних местах христиане Исаяя патриарха желают, а Нерсеса не желают того ради, что Нерсес патриарх и его брат Серкес и юзбаши Абрам и Есаи юзбаши Турок желают, а коли они время излучат, и ездят в армянския деревни и разоряют...»³.

Вражда, существовавшая между патриархами Нерсесом и Есаи, имела свою предисторию и связана со столкновениями из-за епархиальных податей и доходов, которые начались с того времени, когда в Чараберде, в монастыре «Трех мла-

¹ АВПР, ф. «Сношения России с Арменией», 1724, д. № 4, л. 21; 1739, д. № 2, лл. 60, 62.

² Там же, л. 14; 1739, д. № 2, л. 59.

³ Г. Э в о в. Указ. соч., стр. 365; АВПР, ф. «Сношения России с Арменией», 1724, д. № 4, л. 14.

денцев» (что на левом берегу р. Тертер), появилось новое патриаршество.

Что касается варандского мелика, то в основе его конфликта с остальными военачальниками и старшинами лежали раздоры из-за земельных владений и господства в Варанде. Иван Карапет писал: «...один мелик есть, имя ему Багыр, с малыми людьми город сделал и не покоряется нашему вышнему, а желает кызылбашей и живет в городе, а коли время излучит, ездит в армянския деревни и разоряет, и дворы зжет и убегаёт в город..., а что делается, все к шахову сыну пишет... 55 человек наибольших армянских юзбашей, которые военные были, [мелик-Багыр] обманом привел в свой дом на банкет и головы отрубил и послал к шаху»¹. Этот варандский владетель — мелик-Багыр, происходивший из рода Мелик-Шахназарянов, чья власть с появлением в Варанде ширванцев была ограничена, рассчитывал с помощью Сефевидских властей установить свое господство над всей Варандой. Переселившиеся в Варанду ширванцы и их военачальники — Аван, Тархан и другие юзбаши старались поддерживать тесную связь с другими округами, в частности с Хаченом и Дизаком.

В одном из своих писем Иван Карапет передает следующие подробности: «...Прибыв в эту страну, [мы] увидели, что мелик-Багыр сторонник кызылбашей, обманым путем пригласил к себе в гости 45 главных ширванцев [и] всех их перебил... гюлистанский Есаи и его братья Абраам и Саркис — сторонники Османцев, и Есаи был среди османских войск. Когда мы отправились в Капан, Есаи вернулся от османцев в свою крепость и договорился с меликом-Багыром о том, что сколько есть в нашей стране ширванских армян следует перебить и изгнать из нашей страны, чтобы могли одни пожирать страну..., и, возвратившись из Капана, мы увидели, что Абраам, брат Есаи, и Саркис со своими войсками совершили ночное нападение на большой сгнах и, [пытаясь] схватить Тархана-юзбаши, разгромили дома ширванцев... Брат Есаи (Абраам) собирает войска и нападает на Тархана. При каждом нападении, как только из его людей оказываются убитыми 2—3 человека, [он] обращается в бегство и по дороге грабит армянские деревни, которые принадлежат Тархану, и забирает скот, и все что попадает ему в руки.

¹ Г. Э з о в. Указ. соч., стр. 366; АВПР, ф. «Сношения России с Арменией», 1724, д. № 4, л. 14. Об этом событии упоминается также в «Дневнике» Петроса ди Саргис Гилашенца, у которого вместо «мелик-Багыра» написано «сын мелик-баши [из] села Аветаранон» (стр. 51). Под упомянутым здесь «сыном мелик-баши», повидимому, подразумевается «сын мелик-Баги»; в качестве имени собственного употреблялось слово «Баги», но не «баши».

И мелик-Багыр собрал свои войска и ведет борьбу против Авана-юзбаши, он также совершает набеги на деревни Авана. Ежедневно среди этих [армян] происходят стычки. Эту страну освободили из рук курдов ширванцы; и ширванские старшины не хотят драться и убивать людей... Тархан-юзбаши говорит Есаи, Саркису и Абрааму, чтобы каждый из них согласился оставаться в своем владении, пока не придет начальник [из России], но Есаи и Саркис не согласны на это..., половина райя этой страны желают ширванцев, говорят, что от руки иноверцев (Сефевидов) их освободили они (ширванцы)... Если ширванцы сегодня уйдут из этой страны, то иноверцы на завтра же захватят страну эту и угонят в плен [население]»¹.

Данные об этих междоусобных феодальных распрях имеются также в письмах и записях старшин и военачальников сгнахов. Так, в письме, адресованном Тархану-юзбаши, Абраам, Алаверди и другие военачальники из сгнаха Чараберд выражали недовольство по поводу того, что Тархан, вопреки своим обещаниям, угрожал им нападением: «вдруг ты пишешь: «наступаю на вас»... — все это пустые угрозы, говори о хорошем, иначе мы можем сделать зла больше, чем вы»².

Сведения о феодальных распрях среди руководителей сгнахов имеются также в письмах мелик-Багыра, Авана-юзбаши, патриарха Есаи. Последний в своем письме Ивану Карапету сообщал: «...Я приехал в Дизак, рана Авана небольшая, с богом скоро вылечится; между ними (Аваном и другими старшинами) пока продолжаются раздоры...»³.

Однако наступление турецких войск показало, что противоречия и столкновения между старшинами и военачальниками сгнахов не представляли собой непреодолимого препятствия к объединению. Перед лицом опасности, угрожавшей им со стороны турецких войск, сгнахи объединились.

* * *

В самых главных и существенных вопросах этого периода, а именно — о союзе и дружбе с азербайджанцами, о присоединении к России и об организации вооруженного отпора туркам — сгнахи выступили вместе. Если до 1724 г. мелик-Багыр находился на стороне Сефевидов и выступал против остальных

¹ АВНР, ф. «Сношения России с Арменией», 1739, д. № 2, л. 59.

² Там же, л. 36. Это письмо Тархану подписали Алаверди, Саркис, Абраам-юзбаши.

³ Там же, л. 26; см. также лл. 24, 46, 49, 55.

сгнахов, а чарабердские старшины намеревались подчиниться туркам, то в 1724—1725 гг. они совместно с остальными сгнахами выступали против турок.

В этот период выдвинулся ряд руководителей освободительного движения. Нам представляется целесообразным дать краткую характеристику некоторых из них.

Есаи Хасан-Джалалян был образованным и культурным человеком своего времени и получил известность не только как деятель освободительного движения, но и как историк современных ему событий. Он принадлежал к роду владетелей Хачена, Хасан-Джалалянов, сосредоточивших в своих руках также церковную власть. В 1702 г. Есаи был помазан патриархом Гандзасара. С этого времени он примкнул к тем кругам, которые были настроены против Сефевидов. После возвращения Исаеэла Ори из России в 1707 г. патриарх Есаи Хасан-Джалалян пришел к убеждению, что помощь в освобождении от персидского ига можно ожидать только от России. Его политические убеждения побудили его в 1709 г. вместе с Исаеэлом Ори отправиться в Россию, чтобы «увидеть царя и припасть к его стопам»¹. Однако ряд обстоятельств вынудил его с полдороги (из Астрахани) вернуться обратно. В 1715—1716 гг., когда в Армению и Карабах приехал Минас-вардапет, патриарх Есаи Хасан-Джалалян много сделал для усиления среди верхушки армянского общества настроений в пользу присоединения к России. Одновременно он вступил в оживленную переписку с представителями правительственных кругов России и направил ряд писем Петру I с просьбой оказать помощь армянам в деле освобождения от персидского ига.

Патриарх Есаи Хасан-Джалалян много сделал также для армяно-грузинского сближения. Весною 1722 г., прибыв в столицу Грузии — Тбилиси, Есаи Хасан-Джалалян вместе с Вахтангом VI и другими деятелями обсуждал вопрос о совместном выступлении грузинских и армянских войск, об их присоединении к русским войскам и т. д.

В своей книге патриарх Есаи в ярких красках описывает соединение армянских и грузинских войск под Гянджой в 1722 г. Сам он вместе с четырьмя другими военачальниками стоял в это время во главе армянских войск.

Однако, несмотря на отмеченные выше заслуги Есаи Хасан-Джалаляна в развитии освободительного движения, нельзя согласиться с мнением Лео о том, что патриарх Есаи был верховным руководителем карабахского движения и что эти

¹ Г. Э з о в. Указ. соч., стр. 316.

свои обязанности он «выполнял с непоколебимой верностью и преданностью...»¹.

К такому мнению о патриархе Есаи Лео пришел, повидимому, под влиянием сообщений Минаса-вардапета и генерала Румянцева, которые, действительно, высоко ценили деятельность патриарха Есаи и все успехи карабахских армян приписывали лично ему. По словам Минаса-вардапета, когда «патриарх (Есаи Хасан-Джалалян) умер, тамошние обыватели, [оставшись] без начальника и доброго предводителя», выехали из Карабаха в Россию². Генерал Румянцев, говоря о событиях в Карабахе, организатором и руководителем карабахского движения армян считал одного патриарха Есаи. Однако ряд документальных данных приводит к выводу, что как сообщения Минаса-вардапета и генерала Румянцева, так и характеристика, данная патриарху Есаи проф. Лео, не соответствуют исторической действительности, так как ни Минас-вардапет, ни Румянцев в период освободительного движения в Карабахе не были и не знали истинного положения вещей; следовательно, их мнение нельзя рассматривать как абсолютно правильное и достоверное. Имеются гораздо более достоверные источники для характеристики патриарха Есаи — его собственные письма, дающие достаточно ясное представление об его отношении к развивавшимся событиям.

Данные этих писем, а также сообщения карабахских старшин позволяют выделить в деятельности патриарха Есаи два периода: первый — с 1709 до 1724 г., и второй — с 1724 по 1727 г. В течение первого периода своей деятельности патриарх Есаи действительно много сделал для освобождения страны, для развития движения за присоединение к России, для объединения армянских и грузинских войск и т. д.

Во второй период своей деятельности, совпавший с нашествием турок, т. е. с 1724 г., патриарх Есаи стал постепенно отходить от общего движения. 5 марта 1724 г. в письме к Ивану Карашету по поводу раздоров между старшинами сгнахов он писал: «Поговоришь с одним, встревожится другой... Ведь я не равный ни тем, ни другим. Если меня по какому-либо делу вызывают, то иду, если нет, то не иду. Кто меня слушает, — что [вы] упрекаете [меня]...?». В этом же письме Есаи заявлял: «какое мне дело до них (старшин сгнахов. — П. А.); ведь их споры не из-за меня: никто из них не причинил мне какого-

¹ Лео. История Армении, т. III, стр. 661. Здесь же Лео пишет, что турки всячески старались уговорить патриарха Есаи и предлагали ему взятки с тем, чтобы он перешел на их сторону, но «патриарх Есаи открыто отказался от этих предложений, желая сохранить в чистоте свою преданность по отношению к русским».

² Г. Эзов. Указ. соч., стр. 460.

либо вреда и я никому ничем не обязан, дай бог им удачи...»¹.

Из приведенного письма видно, что патриарх Есаи не стремился к тому, чтобы уладить внутренние противоречия и раздоры между армянскими старшинами, с него было достаточно и того, что никто из этих старшин не причинил вреда ему лично.

Развернувшиеся в 1725 г. события заставили патриарха Есаи пойти за остальными старшинами и руководителями карабахского движения, которые, объединившись и заключив союз с азербайджанцами, вместе с ними выступили против турок. В это время патриарх Есаи уже не стоял во главе движения.

В последние годы своей жизни он не только не занимался организацией общих сил карабахского движения, но и встал на путь измены, и вместе с некоторыми меликами и старшинами решил перейти на сторону турок. В письме Авана-юзбаши от 15 ноября 1726 г. по этому поводу говорится: «...Когда Сараскер (турецкий военачальник) прибыл из Шемахи в Парта, патриарх Есаи со всеми карабахскими меликами и кедхуда отправился в Парта к Сараскеру, совместно с ним они стали наступать на крепость Авана-юзбаши и Огана-юзбаши — Шош. [В течение] 8 дней [они] вели бой с помощью пушек и ружей: часть укреплений взяли, [но] дальше продвинуться не могли... Патриарх Есаи, собрав всех меликов Карабаха, а также кедхуда, создал войска, которые, действительно, воюют против нас...»². В этом же сообщении говорится, что патриарх Есаи и поддерживавшие его мелики решили подчиниться туркам и больше не ждать помощи от России. Это сообщение Авана-юзбаши показывает, что патриарх Есаи не сохранил до конца преданности делу освободительного движения и движения за присоединение к России.

¹ АВПР, ф. «Сношения России с Арменией», 1739 л. № 2, л. 35: «մէկին հետ խօսուում ես, մէկն է խոսովում... ես խօսնց և կամ զցյ ընկեր չեմ. թէ որ մեկ բանի զմեզ ուզում են, գնում եմք, թէ որ չէ, խօսչէ. մեր խօսքով օվ է, որ մեկ թօհմաթէք գրում... ես ինչ բան ունեմ գոցա մէջն. գոցա առու առւրն ինձ համար խօսմ չէ, կամ թէ ոչ մէկն էլ ինձ մէկ վնաս չէ ավել և ես էլ ոչ մէկին մովափախ չեմ, ամ իւրեանց բանն աշոյ է...».

² Там же, л. 49: «որ սարսակարէն Շամախու եկաւ Պարտայ, Եսայի հոգևոր արք, քուլ Ղարապաղի մէլիքներովն և քաղխուղովն գնացին Պարպայ սարսակարին զանշար. սարսակարն վեր կալան եկին Շօշու Ավան ուզալաշին և Ոյան ուզալաշին զալէն վրէյ, Ը (8) օր կուի արին թօփով և զօրարով, քարին մինչի կան կալան, էլ աւել չի կարացին գնալ... Եսայի հոգևոր արք քանի որ Ղարապաղումն մէլիք կայ, ևս քաթխուղայ կայ ժողովէց զօշուն կապեցին որ ըստուգու մեկ յետ կուի են անում, թէ մեք օսամնցուց զուղուղկան ենք. ձեզ ուզիլ չենք...». Письмо подписали и приложили свои печати Аван и Оган. Судя по содержанию и стилю этого письма, оно, повидимому, было написано Иваном Карапетом от имени Авана и Огана — юзбашей.

Враждебное отношение к патриарху Есаи его современников, обвинявших его в опустошении страны, Лео старается объяснить «психологией войск, потерпевших неудачу»¹.

Приведенные данные показывают, что дело было не в «психологии войск», а в измене патриарха Есаи общему делу. На наш взгляд, поведение патриарха Есаи было типично для человека его класса, для представителя церковно-феодальной верхушки. Не лучше патриарха Есаи поступил другой представитель духовенства, Тер-Аветис, который в начальном периоде освободительного движения в Капане проявил немалую отвагу и энергию, а впоследствии, почти одновременно с патриархом Есаи, изменил движению и перешел на сторону турок².

Одним из видных руководителей освободительного движения в Карабахе был Аван-юзбаши. Его деятельность нашла отражение не только в документах, но и в народных преданиях.

По данным народных преданий, предки Авана-юзбаши из Сисиана (Сюник) переехали в Лори. Отец Авана-юзбаши, Саркис-бек, поссорившись с местными правителями, переселился из Лори в округ Нуха, в деревню «Аван» или «Авандам», где родился его сын, названный по имени деревни — Аваном³. Враги Саркис-бека, обнаружив его местопребывание, снова начали его преследовать; спасаясь от преследований, Саркис-бек бежал в Ширван, где у него родился второй сын, которого он назвал Ширваном. После смерти Саркис-бека остались три сына: Аван, Ширван и Ерам. Они вынуждены были бежать из Ширвана в Карабах и укрылись в ущелье Унота⁴.

Однако в документах, вместо Ширвана и Ерама, в качестве брата Авана-юзбаши упоминается Тархан-юзбаши⁵. Подписи Тархана-юзбаши в документах указывают на то, что отцом его был некий Иса[й]хан⁶. В документах братьями Тархана называются юзбаши Ягун, Гулясар и Саргис. Сын Иса[й]хана, юзбаши Ягун, прибыв в Россию, сообщил о себе, что «он, Ягун, и еще брат его Гулясар взяты в персическую сторону, где брату его Гулясару отсекли голову за то, что они были при войске

¹ Лео. История Армении, т. III, стр. 661.

² Степанос III аумян. История Давид-бека, стр. 68—69.

³ Матенадаран, рукопись № 7429, л. 26. Автор рукописи жил во второй половине XIX в.; по его сообщению, деревня «Аван» или «Авандам» в XIX в. называлась также «Вандам».

⁴ Там же, л. 27.

⁵ АВПР, ф. «Сношения России с Арменией», 1729—1731, д. № 1, л. 4: «Аван-юзбаши и брат его Тархан-юзбаши прибыли в Баку».

⁶ «Ես, Դաւիթանի որդի թաղաւորս զիւր չի գիտայեա. ես Գրիգորս նմի բերանէն ձեռնս գրայ...». «Я, Тархан, сын Иса[й]хана, не умею писать: Я, Григор, подписал за него...» (АВПР, ф. «Сношения России с Арменией», 1729—1731, д. № 1 лл. 90, 91).

ее императорского величества и против персиян в баталии, а потом он, Ягуп, выкупя себя, с великою пуждою выехал в Астрахань к брату своему Тархану»¹.

Если допустить, что Тархан-юзбаши действительно был родным братом Авана-юзбаши (а не его родственником), то тогда отцом Авана-юзбаши нужно будет считать не Саркис-бека, как говорилось в народном предании, а Иса[й]хана, отца Тархана.

Во всяком случае, независимо от того, кто был отцом Авана, можно с уверенностью сказать, что Аван-юзбаши переехал в Карабах из Ширвана.

Утвердившись вместе со своими братьями и другими переселенцами из Ширвана в округе Варанда, Аван-юзбаши приступил к созданию укреплений в недоступных горных местах и ущельях, которые сыграли определенную роль не только в его борьбе против местного мелика, но и приобрели особое значение в период освободительного движения, когда в этих местах был образован сгнах с центром Шош.

17 декабря 1725 г. во время «допроса» в Москве армянский посланец кевха Челеби говорил, что «... они (кевха Челеби и другие) поехали к первому армянскому собранию, которое было с юзбашею Аваном при деревне Шоше..., и явились помянутому юзбаше, которой немедленно послал к патриархам и ко всем юзбашам о их приезде с объявлением, которые в два дни собрались из ближних мест, и туда ж и Карапет приехал... Оная деревня Шоша окружена каменными горами»². Из этого показания кевха Челеби видно, что деревня Шош являлась центром сгнаха Авана-юзбаши, где в случае необходимости собирались также другие руководители сгнахов.

Укрепив сгнах Шош и в первую очередь деревню Шош, ущелье Унота, ущелье Авана, население и войска сгнаха под руководством Авана-юзбаши успешно отражали нападения врагов и обращали их в бегство. Описывая эти местности, М. Бархударян об ущелье Унота говорит так: «По обеим сторонам узкой, глубокой и страшной расщелины выступают нерукотворные, но вечные стены...; по обеим сторонам ущелья имеется много пещер, из коих первая находится вблизи Унота..., одна узкая и чрезвычайно опасная, каменистая тропа ведет к пещере..., достаточно споткнуться, чтобы провалиться в бездну. Входное помещение пещеры, которая состоит из

¹ АВІР, ф. «Сношения России с Арменией», 1739—1745, д. № 3, лл. 109, 117, 118. В списке армянских юзбаши написано: «Тархана-юзбаши брату Саркису в год 60 руб...», «юзбаши Тархана брату Ягупу жалованья в год денег — 600 руб...». (Там же, 1733—1734, д. № 4, лл. 44—46.)

² Г. Э з о в. Указ. соч., стр. 429.

известкового камня, представляет из себя жилище привратника: второе — помещение для слуг, а третье — это просторная и красивая пещера, которая является жилищем владельца. В пещере имеется ключевая вода»¹. В этом ущелье долгое время жило и защищалось от врагов местное население. Недалеко от этого ущелья находилось другое, носившее имя Авана. М. Бархударян, описывая местонахождение и расположение крепости «Внеса Кала», замечает, что «эта крепость называется также крепостью Авана-юзбаши»².

Будучи выходцем из феодальных кругов, Аван-юзбаши был поставлен местными меликами и старшинами во главе части армянских войск в Карабахе и стал называться «юзбаши» (сотником). Благодаря своим способностям и энергии Аван быстро выделился среди остальных юзбаши и стал одним из главных организаторов и руководителей карабахского движения.

Повидимому, в связи с этим современники Авана стали называть его «превосходнейшим из всех ишханов армян», «великим ишханом армян» и т. д.³ В письме эчмиадзинского местоблюстителя вардапета Овасапа Аван-юзбаши назван «главным начальником юзбаши, парон Аван-бек юзбаши»⁴.

По сообщению армянского посланца в Москве священника Антона, Аван-юзбаши не только руководил карабахскими войсками, но и поддерживал связь с движением в Капане: «...Из Капанского уезду приходили от Армян же к юзбаше Авану, чтоб он со своим войском шел и соединился с ними»⁵.

Аван-юзбаши называется «главным руководителем армянских войск» также и в русских документах. В них упоминается, что «от прежнего персидского шаха пожалован он (Аван-юзбаши) был ханом и спасаларом»⁶. Повидимому, этим «прежним персидским шахом», пожаловавшим Авану-юзбаши титул «хана» и «спасалара», был последний Сефевид — шах Тахмасп, который в период наступления турецких войск старался привлечь армянских военачальников на свою сторону и в связи с этим посылал им подарки и присваивал титулы. Не исключена возможность, что именно в этот период шах Тахмасп пожаловал главному юзбаши армян Авану титул хана. Русское правитель-

¹ М. Бархударян. Арцах, стр. 133.

² Там же, стр. 83 (прим. 1), 134, 421 (прим. 11), 423 (прим. 16).

³ АВПР, ф. «Сношения России с Арменией», 1739, д. № 2, л. 44.

⁴ Там же, 1724, д. № 4, л. 8.

⁵ Г. Эзов. Указ. соч., стр. 362; см. также: История Давид-бека, стр. 10—11: «Յոսփանէն լինին զազարացոց». Лео вместо «զազարացոց» предлагает читать «գարգարացոց» (см. его «Историю Армении», т. III, стр. 627, прим. 4).

⁶ Г. Эзов. Указ. соч., стр. 453.

ство также решило «для его первенства между другими юзбаши... дать [Авану] чин при Армянах, выпедших из Сагнак, ханской титул»¹.

Следует сказать, однако, что Аван-юзбаши произвел неблагоприятное впечатление на генерала Румянцева, который характеризовал его как «человека весьма слабого ума». Генералу Румянцеву, повидимому, не понравилась настойчивость Авана, который беспрерывно беспокоил Румянцева своими просьбами о помощи. Сам генерал Румянцев писал, что он от армян «покою не имеет, беспрестанно докучают, что Сурхай трактат нарушил, в границы российский наши вступил, чтоб войски российские ныне отправить к ним в Сагнаки»². В то время как Румянцев не придавал особого значения набегам Сурхайя, Аван и другие юзбаши, сгнахи которых находились в тисках между турецкими войсками и войсками дагестанских феодалов, не только усматривали в действиях последних угрозу для существования сгнахов, но и расценивали их как нарушение договора 1724 г., полагая, что это дает им основание просить помощи у России. Следует отметить, что другой русский генерал — В. В. Долгоруков — иначе, чем Румянцев, относился к вопросу о помощи сгнахам. Он писал: «... Ежели б в нынешнее благополучное время соединитца было мочно Россейским войскам с Армяны, видя слабость турецкую, мочно б надеяться, что действа сильныя могли быть...»³. Из приведенных слов Долгорукова в известной мере выясняется, почему Аван-юзбаши и другие руководители карабахского движения беспрестанно беспокоили Румянцева просьбами ускорить помощь сгнахам.

Турецкие наши старались привлечь Авана-юзбаши на свою сторону. Однако они получили от него решительный отказ. Армянский посланец в Москве Антон сообщил в Коллегию иностранных дел, что «от Оттоманской Порты к армянскому юзбаше Авану присланы были письма..., в которых писано, чтоб он, юзбаша Аван, соединился с турецким войском...»

¹ Там же, стр. 454; см. также АВПР, ф. «Сношения России с Арменией», 1736, д. № 1: «умершего главного юзбаши [Авана], который был ханом» (л. 71); «...главного юзбаши Авана, который был ханом» (лл. 81, 104).

² Г. Э з о в. Указ. соч., стр. 441. Сурхай — это тот казыкумынский владетель, который вместе с Хаджи-Доудом (Доуд-ханом) возглавлял войска дагестанских феодалов. Под словом «трактат», очевидно, подразумевается русско-турецкий договор 1724 г. Выступая на стороне турок, Сурхай и Хаджи-Доуд нередко совершали внезапные набеги на те местности, которые по договору находились под контролем русских войск. Повидимому, это обстоятельство и имел в виду Аван-юзбаши, когда говорил: «Сурхай трактат нарушил».

³ Г. Э з о в. Указ. соч., стр. 435; АВПР, ф. «Сношения России с Арменией», 1733—1734, д. № 4, л. 36.

те письма присланы были от турецкого Ибраим-паши с Турченином. И на оное Армяня ответствовали, что де им с ними, Турками, в соединении быть не возможно...»¹.

В самые критические для сгнахов дни (конец 1726 г.), когда многие местные мелики и сам патриарх Есаи решили подчиниться турецким завоевателям, Аван-юзбаши был одним из тех руководителей движения, которые не только не пали духом, но проявили твердую решимость до конца защищать свой сгнах от наступавших на него турок. В приведенном выше письме, в котором Аван-юзбаши писал об измене патриарха Есаи и меликов, он выражал свою преданность освободительному движению и делу борьбы за присоединение к России: «... Будем биться до тех пор, — писал Аван-юзбаши, — пока не поступим на службу царя, и все до последнего погибнем, [но] не оставим христиан [в руках иноверцев], будем биться за нашу веру»².

Говоря о деятельности Авана-юзбаши, как руководителя освободительного движения, следует особо отметить его взаимоотношения с азербайджанцами. Аван-юзбаши, наряду с Иваном Карапетом, был одним из главных организаторов союза между карабахскими армянами и гянджинскими азербайджанцами. Он возглавлял в борьбе против персидских и турецких завоевателей не только армянское, но и азербайджанское население. В дальнейшем, после упадка освободительного движения, Аван-юзбаши, переселился в Россию со своими приверженцами, среди которых были также преданные ему азербайджанцы, которые, как писал генерал Румянцев, «жили там близко от сагнаков, и люди же бедные и безоружные»³.

В Россию Аван-юзбаши выехал в начале 1728 г. Его сопровождали 232 человека, среди которых были и крестьяне — армяне и азербайджанцы. Вместе с Аваном-юзбаши в Россию отправились также Тархан-юзбаши, его братья Саргис и Ягуп, Есаи-юзбаши (который имел при себе еще 8 человек), Алаверди-юзбаши (с ним еще 16 человек), Багыр (с ним были 5 человек), «армянин-полковник Григорий Степанов» (имел при себе 5 человек), Симон-юзбаши (имел при себе 26 человек), Абраам-юзбаши, его сын Егор Абрамов с матерью, Чалаган-юзбаши с братьями, женой и детьми и т. д.⁴

В России Аван-юзбаши оставался до конца своей жизни. Он умер в Астрахани в 1735 г.

¹ Г. Э з о в. Указ. соч., стр. 362. Показание священника Антона подтверждает также письмо турецкого военачальника Умар (Омар)-паши (АВПР, ф. «Сношения России с Арменией», 1739, д. № 2, л. 63).

² АВПР, ф. «Сношения России с Арменией», 1739, д. № 2, л. 49.

³ Там же, 1736, д. № 1, л. 120.

⁴ Там же, 1733—1734, д. № 4, лл. 45—46.

Мужество, проявленное Аваном-юзбаши в борьбе против турецких завоевателей, его преданность освободительному движению нашли свое отражение в народных преданиях: после его отъезда из страны население Карабаха долгое время хранило о нем память и назвало ряд укрепленных мест его именем.

Интересно отметить, что как в народных преданиях, так и в исторической литературе многие дела, а также само имя Авана-юзбаши часто приписывались его современнику мелик-Егану, чему, как нам кажется, способствовал отъезд Авана-юзбаши из Карабаха, с одной стороны, и возвышение мелик-Егана — с другой.

Мелик-Еган (дизакский мелик) принимал активное участие в освободительном движении в Карабахе.

Борьба мелик-Егана против османских войск и защита им населения Дизака от нападений дагестанских феодалов нашли отражение как в документах, так и в народных преданиях.

Более или менее подробные данные о мелик-Егане имеются в его надписях. По данным этих надписей, он являлся сыном некоего вардапета, имевшего два имени: Мовсес и Гукас. В одной из своих надписей мелик-Еган сообщает, что сначала население назначило его своим кевха, а в дальнейшем он возвысился до мелика. В своей надписи он говорит, что он вел «борьбу против лезгин, турок и не дал туркам увести в плен армян»¹.

Борьба мелик-Егана против турок и наличие в его распоряжении хорошо организованных и вооруженных войск побуждали Надира признать его в 30-х годах XVIII в. главным меликом Карабаха. Дж. Дживаншир следующим образом характеризует мелик-Егана: «... Человек богатый, пользовавшийся особенным влиянием при Надир-шахе, при котором ему подчинялись все Челяби-юрдское племя, армяне и худапарэ-дизакские мусульмане этого округа. Надир-шах, поставив его выше всех прочих меликов пяти армянских округов в Карабахе, иногда ему поручал управлять ими...»².

Еще ранее, в середине 20-х годов, мелик-Еган принимал активное участие в заключении союза с азербайджанцами, в движении за присоединение к России и т. д., о чем свидетельствует его подпись в ряде документов³. Однако в период развития освободительного движения, вплоть до 1728 г., он ничем особенно не выделялся среди остальных меликов и юзбаши и не проявлял какой-либо самостоятельности при разрешении

¹ М. Бархударян. Арцах, стр. 74—76.

² Газета «Кавказ», 1855, № 63.

³ См., например, Г. Эзов, указ. соч., стр. 423.

тех или других важных вопросов. В указанный период (до 1728 г.) он действовал в согласии с Аваном-юзбаши, а после отъезда Авана-юзбаши из Карабаха мелик-Еган возглавил дальнейшую борьбу против турецких войск. Повидимому, это обстоятельство способствовало тому, что в дальнейшем в народных преданиях как само имя, так и многие дела Авана-юзбаши были приписаны мелик-Егану.

В народных преданиях и в исторической литературе мелик-Еган, наряду со своим собственным именем (Еган), называется также именем Аван. Можно было бы допустить, что мелик-Еган имел два имени — Еган и Аван, если бы об этом имелись сколько-нибудь веские данные в источниках. М. Бархударян убежден в том, что проживавший в Лори прадед мелик-Егана назывался Аваном. Этим именем был назван также один из его потомков, сын священника Гукаса, мелик-Еган, который в 1716 г. переехал из Лори в Дизак. Здесь в Дизаке «не то один из персидских шахов, не то один из турецких пашей, вместо имени Аван, дал ему имя Еган, после чего он стал называться мелик-Еганом»¹, — пишет М. Бархударян. Если допустить, что настоящее имя мелик-Егана было Аван, а Еган было его прозвищем или же именем, данным ему персидским шахом или турецким пашой, то вряд ли мелик-Еган не упомянул бы об этом в своих надписях, тем более что он не забыл упомянуть в надгробной надписи своего отца, что последний имел два имени: Мо[в]сес и Гукас. Между тем во всех известных нам надписях он упоминается только под одним именем — Еган². Эти надписи показывают, что он никогда не назывался именем Аван и что это имя ему приписали в более поздний период, когда он, после отъезда Авана-юзбаши из Карабаха, возглавил борьбу против турок и при Надир-шахе был признан главным меликом Карабаха. Повидимому, сложившееся в это время народное предание приписало ему как имя, так и многие дела Авана-юзбаши. Этим следует объяснить ошибку известного армянского писателя Раффи, который в своей книге «Меликства хамсаи» отождествил Авана-юзбаши с мелик-Еганом.

Еще задолго до Раффи такое же отождествление допустил армянский архиепископ (впоследствии патриарх) Иосиф Аргутинский; в своей записке об армянских меликах он назвал Авана-юзбаши меликом и тем самым дал повод последующим историкам приписывать действия Авана-юзбаши Егану.

¹ М. Бархударян. История Агвана (на армянском языке), т. II. Тифлис, 1907, стр. 38.

² Надписи мелик-Егана 1736, 1738, 1744 гг. (М. Бархударян. Арпах, стр. 74—77, 82 и др.).

По данным документов, в 1725 г. армянские старшины во главе с Аваном-юзбаши, впустив в Карабах турецкие войска численностью в 4700 человек, во главе с тремя пашами, за одну ночь перебили их всех¹. Эти события Аргутинский в указанной выше записке передал так: «Упомянутый из армян мелик Аван-хан, глава всех других, пользуясь расположением паши (Сараскер Сару Мустафы-паша) и изъявив видимую покорность, сделал заговор. Войско турецкое было истреблено..., сие достопамятное происшествие случилось в 1733 году по заговору мелика Аван-хана, переселившегося потом со всею своею фамилией и чиновниками в Россию...»².

Сообщение Иосифа Аргутинского о том, что организатором истребления турецких войск был «мелик-Аван-хан», который в дальнейшем переехал в Россию, целиком относится к Авану-юзбаши, который действительно после 1728 г. переехал в Россию и уже не возвращался в Армению. Однако в том же сообщении титул «мелик», а также указанная дата заговора — 1733 год относятся уже к мелик-Егану, так как Аван-юзбаши никогда не был и не назывался меликом, а в 1733 г. в Карабахе против турок совместно с персами выступал мелик-Еган, который никогда не был в России. Ошибочные сообщения Иосифа Аргутинского и народных преданий о мелик-Егане и нашли свое отражение в работах Раффи, Лео и Бархударяна, которые приписывали имя Авана-юзбаши и его дела мелик-Егану. На основании этих же ошибочных сведений Л. Тер-Мкртчян пишет о том, что «при Петре I мелик-Еган прибыл в Россию в 1724 г. и приобрел важными заслугами благоволение императора. Следует отметить, — продолжает автор, — что мелик-Еган и в 1734 г. приехал в Россию и был принят императрицей Анной Иоанновной, которая наградила его чином генерал-майора и назначила жалованье»³. Здесь уже все то, что относится непосредственно к личности Авана-юзбаши, целиком и полностью приписано мелик-Егану. Подобные ошибки — отождествление двух исторических личностей — являются результатом, прежде всего, отсутствия критического подхода к данным источников и народных преданий.

В исторической литературе встречается также отождествление варандского мелика — мелик-Багыра с татевским ме-

¹ Г. Э з о в. Указ. соч., стр. 419.

² «Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа», ч. II, стр. 57. Этот «мелик-Аван-хан», «глава» остальных армян и организатор истребления турецких войск, в народном предании называется меликом Дизака, мелик-Еганом.

³ Л. Т е р - М к р т ч я н. Надир-шах и Армения (кандидатская диссертация), рукопись, стр. 145.

ликом, который также известен был под именем мелик-Багыра.

Как было сказано выше, мелик-Багыр варандский из рода Шахназарянов вначале враждовал с Аваном и другими «шпирвандами» и вел против них борьбу, являясь сторонником Сефевидов; но в 1725 г. он примирился с Аваном и остальными старшинами Карабаха и впоследствии вместе с ними выступил против турок.

В своих письмах этого периода, адресованных «бывшему врагу» Тархану и другим, он настойчиво просил сообщить ему новости из России, а также ускорить отправку письма (с просьбой о помощи) в Россию¹. Некоторые данные документов дают основания полагать, что когда Аван-юзбаши и другие старшины переехали в Россию, то вместе с ними покинул Карабах также и мелик-Багыр. На это указывает тот факт, что в списке старшин и юзбаши, переехавших в Россию, упоминается также его имя — Багыр². Возможно, что под этим именем подразумевается вовсе не мелик-Багыр, а кто-либо другой, но дело в том, что среди карабахских старшин, юзбаши и меликов, кроме мелик-Багыра, пока не обнаружен другой человек, который носил бы имя Багыр.

Рассматривая борьбу Давид-бека против татевского мелик-Багыра, Лео полагает, что этим татевским меликом был тот мелик-Багыр, который, отрубив головы 55 старшинам, отослал их к шаху³. В другом месте Лео замечает, что сведения о мелик-Багыре имеются в двух источниках: в письме Ивана Карапета (написанном 1 февраля 1724 г.) и в «Истории Давид-бека», написанной Степаносом Шаумяном. «...Мы склонны думать, — пишет Лео, — что упомянутый в этих двух источниках мелик-Багыр — это один и тот же человек...»⁴.

На самом деле мелик-Багыр из Татева (Капан), казненный в 1722 г. Давид-беком, не имел ничего общего с владельцем Варанды (Карабаха) мелик-Багыром, который в 1725 г. заключил союз с Аваном-юзбаши и принял участие в освободительном движении. Кроме случайного совпадения имен, нет больше никаких данных для отождествления этих лиц.

¹ АВПР, ф. «Сношения России с Арменией», 1739, д. № 2, л. 24.

² В списке армянских юзбаши, получавших жалованье, указывается: «Багыру жалованья в год деньгами (давать) — 360 руб...» (там же, 1733—1734, д. № 4, л. 44).

³ Лео. История армянского книгопечатания, т. II, стр. 365, прим. 1.

⁴ Лео. История Армении, т. III, стр. 633, прим. 2. Вслед за Лео эту ошибку повторяет А. Мирзоян в своей работе «Армянские освободительные движения в Сюнике (1722—1730)». «Труды государственного исторического музея Армении», т. II. Ереван, 1950, стр. 151—152.

Одним из видных руководителей освободительного движения был Иван Карапет. Он и его брат Луки Ширванов в начале XVIII в. переселились в Россию¹. Здесь они установили тесные связи с влиятельными русскими кругами. В 20-х годах XVIII в., т. е. в момент подъема освободительного движения армянского народа, Иван Карапет, а также его брат Луки Ширванов были призваны русским правительством на службу для установления более тесных связей между Россией и армянскими сгнахами.

После возвращения Петра I из Дербента в Астрахань, а затем в Москву, Иван Карапет был отправлен русским правительством к армянам. В Армении и Карабахе Иван Карапет действовал решительно и энергично, проявив блестящие организаторские способности.

На пути в Карабах, куда Ивану Карапету было поручено доставить армянам царскую грамоту (или «меморию», как ее тогда называли), Иван Карапет испытал немало трудностей и не раз подвергал свою жизнь опасности. Это путешествие заняло у него примерно полгода: выехав из Москвы в июле 1723 г., он прибыл в Карабах только в конце декабря.

Иван Карапет, прибыв в Карабах, установил, что между сгнахами существуют внутренние противоречия и происходят раздоры. Между тем, для успешной борьбы против персидских и турецких завоевателей сгнахи должны были объединиться и выступать совместно.

Царская грамота, которую привез с собой Иван Карапет, была адресована патриарху монастыря «Трех младенцев» Нерсесу. Однако, побывав в сгнахе Шоп и в «большом сгнахе», Иван Карапет обнаружил, что большинство населения и значительная часть руководящей верхушки Карабаха были враждебно настроены по отношению к Нерсесу и признавали главным патриархом только Есаи Хасан-Джалаляна из Гандзасара. Узнав, что патриарх Нерсес и его братья Абраам и Саркис юзбаши действительно находятся во вражде с остальными сгнахами и что в силу этого они потеряли свой авторитет среди населения Карабаха, Иван Карапет взял на себя ответственность исправить царскую «меморию». Он зачеркнул в грамоте имя Нерсеса и вписал вместо него имя патриарха Есаи. В оправдание этого своего поступка Иван Карапет в своем письме в Москву приводил следующие причины:

¹ Повидимому, Иван Карапет был выходцем из Ширвана (в связи с чем и его брат именуется по месту рождения — «Луки Ширванов», т. е. Гукас Ширванов). Характерно, что Иван Карапет питал особые симпатии к ширванцам, переселившимся в Карабах (Авану, Тархану-юзбаши и др.).

«В здешних местах христиане Исаяя патриарха желают, а Нерсеса не желают, того ради, что Нерсес патриарх и его брат Серкес и юзбаши Абрам и есаи (?) юзбаши Турок желают, а коли они время излучат, и ездят в армянския деревни и разоряют. И как мы увидели, что так делают, и в указе Нерсеса патриарха имя не упомянули, а Исаяя патриарха имя упомянули того ради, что три Сагнага заодно, которые нашего вышняго желают и покорны»¹.

Уже из приведенных слов Ивана Карапета видно, что он действовал не только как представитель русского правительства, но и как один из руководителей освободительного движения.

При содействии Авана и Тархана-юзбаши Иван Карапет собрал представителей других округов в сгнахе Шош и, отправившись оттуда в «большой сгнах», не только обнародовал царскую грамоту, но и «в разные монастыри и собрания ходил для склонения армян к России, на российскую сторону: нарядясь в скороходское платье для безопасности от неприятеля, пешком и все собрания и монастыри на российскую сторону склонил...»².

Однако некоторые военачальники из округов Чараберд и Варанда были враждебно настроены по отношению к представителю русского правительства. Они стремились подчиниться турецким войскам и требовали от Ивана Карапета, чтобы он уехал из Карабаха. В письме от 18 июля 1724 г. Иван Карапет рассказывает, что некоторые враждебные освободительному движению местные старшины собирались убить его: «два-три раза [мы] слышали, — пишет Иван Карапет, — что хотели было нас убить...»³. В другом письме он сообщает, что один из этих старшин, Есаи-юзбаши из Чараберда написал ему письмо, содержащее угрозы и требование покинуть пределы Карабаха⁴. Угрозы были пущены в ход также и мелик-Багыром варандским. Однако Иван Карапет не только не покинул Карабах, но решительно и настойчиво продолжал свою деятельность, направленную на примирение всех старшин и меликов, на объединение их против общего врага.

Стремясь помирить между собой и объединить сгнахи, Иван Карапет потребовал от Авана и других юзбаши сгнаха Шош письменного обещания не покушаться на жизнь мелик-Багыра,

¹ Г. Э з о в. Указ. соч., стр. 365; АВПР, ф. «Сношения России с Арменией», 1724, д. № 4, л. 14.

² АВПР, ф. «Сношения России с Арменией», 1730—1739, д. № 1, л. 25.

³ Там же, 1739, д. № 2, л. 64.

⁴ Там же, л. 59.

если Иван Карапет приведет его в их сгнах для установления мира между ними¹. По настоянию Ивана Карапета, мелик-Багыр также согласился помириться с остальными старшинами и дал письменное обязательство слушаться советов русского посланца и подчиняться его приказам. Ивану Карапету удалось также помирить между собой и вовлечь в общее движение и других старшин (Есаи, Абраама и др.) из округов Чараберд-Гюлистан. Помирившись и объединившись друг с другом, армянские старшины и военачальники признали Ивана Карапета своим главным руководителем. Такие деятели освободительного движения, как, например, Аван-юзбаша, неоднократно выражали свою преданность Ивану Карапету и готовность подчиняться ему. Конечно, здесь решающую роль играло то обстоятельство, что Иван Карапет был представителем России. Большое значение имела деятельность Ивана Карапета для укрепления русско-армянских связей. Не только карабахские армяне, но и жители других округов и областей, узнав о прибытии Ивана Карапета в Карабах, спешили послать к нему своих представителей с письмами, где говорилось об их преданности России, а также о том, что они ожидают прибытия русских войск. Так поступило население Ереванской области, Капана и других округов. Сам Иван Карапет весной 1724 г. совершил поездку в Капан, чтобы установить связь между силами освободительного движения в Капане и Карабахе².

Деятельность Ивана Карапета способствовала также заключению союза между карабахскими армянами и гянджинскими азербайджанцами для совместной борьбы против турецких захватчиков. Из текста договоров, заключенных в марте 1724 г., а также из других документов видно, какую активную роль сыграл Иван Карапет в заключении союза между армянами и азербайджанцами. В письме Ивана Карапета от 4 марта 1724 г. говорится, что, находясь в крепости Гюлистан, он увидел там одного гянджинца, который был взят в плен местными армянскими феодалами. Вызвав к себе этого гянджинца, Иван Карапет сказал ему, что гянджинцы и армяне должны положить конец взаимным раздорам и поддерживать друг друга в борьбе против турок. По сообщению Ивана Карапета, после этого разговора гянджинец попросил его дать ему соответствующее письмо. Иван Карапет написал это письмо, а гянджинец обещал прислать на него ответ через 7 дней. «Гянджинец просил у меня письмо, — пишет Иван Карапет, — я написал письмо о том, чтобы они (армяне и

¹ АВПР, ф. «Сношения России с Арменией», 1732, д. № 2, л. 46.

² Там же, 1739, д. № 2, л. 64.

гянджинские азербайджанцы) помирились и установили дружбу. И настроение людей гянджинской страны такое, что они желают подчиняться нашему государю, а не османскому. Для ответа гянджинцы просили срок в 7 дней...»¹.

В письме, которое Иван Карапет послал гянджинцам, говорилось, что он помирил между собой и объединил всех армянских старшин; упомянув далее о том, что после взятия Баку русские войска не убили ни одного человека, Иван Карапет призывал гянджинских азербайджанцев заключить союз и дружбу с армянами и вместе с ними выступить за присоединение к России: «...если вы хотите быть в подданстве нашего государя, то вы должны быть в дружбе с этими армянами», — писал Иван Карапет гянджинцам². Вскоре были заключены договоры о дружбе и союзе между армянами и азербайджанцами. «...Он, Карапет, армян с гянджинцами помирил и гянджинцы желали российской протекции и просили о присылке российских воинов в Шемаху»³.

Иван Карапет завоевал авторитет также и среди азербайджанцев. Они не только прислали к нему своих представителей и письма, но и просили, чтобы он приехал к ним в Гянджу⁴. Узнав об этом, армянские юзбаши изъявили готовность сопровождать Ивана Карапета в Гянджу во главе 300—400 воинов с тем, чтобы оказать помощь военачальникам и кедхуда Гянджи и защищать город до тех пор, пока в него не вступят русские войска⁵.

В отличие от Исраела Ори и Минаса-вардапета Иван Карапет не ограничивал свою деятельность узким кругом феодально-купеческой верхушки армянского общества. Среди своих современников он был одним из первых, кто обратил внимание на тяжелое положение «райя». В своих письмах Иван Карапет неоднократно подчеркивал безвыходное положение «райя», которые «дневно и ночью молились богу», чтобы к ним пришли русские войска и избавили их от невыносимых бедствий. В присоединении Закавказья к России Иван Карапет видел путь к облегчению положения «райя».

¹ АВПр, ф. «Сношения России с Арменией», 1739, д. № 2, л. 47.

² Там же, л. 37.

³ Там же, 1730—1739, д. № 1, л. 25.

⁴ Там же, 1724, д. № 4, л. 26: «Ինչ գրել ան և մարթան ողարկել. թէ եկ Գանձայ նաւիր...» «... [гянджинцы] написали мне и послали за мной человека [предлагая мне] посехать в Гянджу», — сообщал Иван Карапет.

⁵ Там же: «Հայոց ուղղաշիրքն ասացին... մեր բեզ կանանք Գ — Դձ (—3—400) մարդով գէ գնանք Գանձոյ տեղն խանին և երկրին քաղաքէրոնց խեղ ղով իւր զնենք, որ մեր գեղանք Գանձայ բոմալ քաղաքն կէ պահենք մինչի թագաւորին ղոշումն շատ կամ փոքր կանուխ զայ քաղաքն...». (Письмо Ивана Карапета).

Таким образом, в 20-х годах XVIII в. дотоле неизвестный «Иван Ефремов, сын Карапета» являлся одним из главных руководителей освободительного движения. Деятельность Ивана Карапета за сравнительно короткий промежуток времени — с 1723 по 1728 г. (т. е. до его возвращения в Россию) выделила его среди современников и превратила из простого посланца в организатора освободительного движения. Однако его деятельности не уделено должного внимания историками, которые, используя письма и сообщения Ивана Карапета в качестве источника, не замечали его собственной роли как руководителя освободительного движения и движения за присоединение к России.

В 1728 г. Иван Карапет возвратился в Россию. Он умер в Москве 31 августа 1739 года.

* * *

Как уже было отмечено выше, карабахским сгнахам пришлось вести неравную борьбу с многочисленными войсками захватчиков. Осенью 1723 г. сгнахам одновременно угрожали турецкие войска, захватившие Грузию и дошедшие до Гянджи, остатки персидских войск и отряды дагестанских феодалов. Но и в этих тяжелых условиях сгнахи сумели нанести ряд сильных ударов своим врагам. По сообщению армянского посланца в Москве, священника Антона, 20 октября 1723 г. произошло столкновение между сгнахами и шахскими войсками, расположившимися в деревне Хадруд (Дизакский округ): «... От шахова войска убито 200 человек, а от армянского войска один юзбаша ранен»¹. После этого столкновения персидские войска ночью отступили к реке Аракс, ближе к мосту Худаферин, очевидно, для переправки в более безопасное место².

Серьезную помощь оказало сгнахам освободительное движение азербайджанского и грузинского народов. Турки были остановлены на подступах к Гяндже азербайджанскими войсками и местным населением. После многократных безуспешных попыток овладеть Гянджой, турецкие войска, понесшие большие потери, вынуждены были отступить к Тбилиси, где большая часть их была уничтожена грузинами³. Без поддержки со стороны грузин и азербайджанцев, без участия этих народов

¹ Г. Эзов. Указ. соч., стр. 362.

² Там же.

³ АВПР, ф. «Сношения России с Арменией», 1724, д. № 2, л. 12; 1723, д. № 15-А, л. 24.

в борьбе против завоевателей, армяне не могли бы длительное время отражать натиск превосходящих турецких сил.

В 1724—1727 гг. происходили непрерывные столкновения между сгнахами и турецкими войсками. Весною 1725 г. турецкие войска снова предприняли наступление на Карабах, двигаясь в сторону Варанды. Армяне, видя превосходство сил наступавших турок, решили не оказывать сопротивления и пропустить их вглубь страны, делая при этом вид, что они прекратили сопротивление. Однако, когда турецкие войска в количестве 4700 человек, во главе с тремя пашами, разместились по отдельным деревням, сгнахи взялись за оружие и за одну ночь истребили их всех (лишь 150 человекам удалось спастись бегством); из трех пашей двое были убиты, а третий взят в плен. Армяне освободили около 200 пленных¹.

Некоторое время спустя турецкие войска предприняли новое наступление на Карабах. В письме армянских юзбаши Вахтангу VI от 15 июня 1726 г. говорится, что турки, наступая на Хачен, 10 июня заняли деревни Казанчи, Капарту, Чавкатаг и другие. Турецкие войска разорили эти местности, истребили население, а оставшихся в живых угнали в плен, но мы, писали армянские юзбаши, «перейдя в наступление, истребили [их], а пленных и имущество освободили, вернули обратно. Однако они скоро снова будут наступать на нас...»². В 1726 г. происходили столкновения между турецкими и армянскими войсками в округах Гюлистан и Чараберд. В Партаве армяне убили одного турецкого пашу. В ответ на это войска Сару-Мустафы-паши и отряды Хаджи-Доуда объединенными силами напали на сгнах Шош. После ожесточенных боев турецкие войска заняли часть этого сгнаха и «сколько было скота и лошадей, всех угнали. Два дня палили из пушек, много людей было убито». В этих боях турецким войскам был нанесен большой урон. После тяжелых потерь Сару-Мустафа-паша «ночью повернул обратно, двухдневный путь [турки] пробежали в один день»³.

¹ Г. Э з о в. Указ. соч., стр. 419; АВПР, ф. «Сношения России с Арменией», 1725, д. № 2, л. 3; д. 1, л. 26.

² АВПР, ф. «Сношения России с Арменией», 1739, д. № 2, л. 61.

³ Там же, л. 41: «Դ(4) օրնէն յետ Ավան ուզալալին ուր սղնաղէն դուռ ելալ եկալ իմ սղնաղն, որ է Թարրանն և Պաղին և Սարգիս ուզալալունց սղնաղէն Ավան ուզալալու դուռ դալէն յետ Ոհանն և Սիմօն ուզալալուն խետ Դ(4) օր էլ կռիվ ալին, որ է դառցալ Ը (8) օրն. մինչի սղնաղին կեսէն առին, խիզան ողջ բոլորեցին վերին սղնաղ ներքի սղնաղեն որչան որ ձի, [տա]վար կէր, տարան. Բ (2) օր թոխով և դապարօքն կռիվ ալին, շատ մարդ կոտորվեց, զախ չաղմախ աղաւթն և յեզիշար աղաւթն էս կռիւուն սպանեցին. էտ Բ (2) մարդէն օր սպանեցին, Սարու Մուստաֆա փաղէն բռնով վերկացալ Բ (2) օրէն ճանապն Ա (1) օր գնաց. . . ».

Турецкие паши предпочитали нападать то на один сгнах, то на другой, надеясь таким путем сломить сопротивление сгнахов и завоевать Карабах. Однако сгнахи взаимно поддерживали друг друга и действия турок не имели ожидаемого успеха.

II

В годы развала Сефевидского государства крестьяне восточных округов, поднявшись на борьбу во главе со своими старшинами-танутерами, обратились через них с просьбой о помощи к грузинскому царю Вахтангу VI и к его сыну Шахнаваз-хану, которые руководили в то время грузинскими и армянскими войсками. В ответ на эту просьбу 50 капанских танутеров Шахнаваз-хан отправил в Армению Давид-бека с отрядом численностью в 300—400 человек¹.

Степанос Шаумян, автор «Истории Давид-бека», очевидец и участник описываемых им событий, повествуя о развитии освободительного движения в Капане и об обращении армян за помощью к Шахнаваз-хану, в ряде вопросов искажил действительность. Основываясь только на этом источнике, чрезвычайно трудно установить действительный характер и направление движения в Капане и составить себе конкретное представление о его руководителях. Так, например, по сообщению Степаноса Шаумяна, «некий Степанос» из деревни Ванк в местности Калер, подделав печати 50 капанских танутеров и скрепив этими подделанными печатями послание, написанное якобы им самим от имени танутеров Капана, явился к Шахнаваз-хану и просил его оказать помощь капанскому движению². Исходя только из этих данных автора «Истории Давид-бека» (которая является основным источником по истории капанского движения), можно прийти к неправильному выводу, что инициатором освободительного движения в Капане являлся «некий Степанос»; будто он путем подделки печатей, без ведома и участия старшин Капана, изготовил подложное послание к Шахнаваз-хану с просьбой о помощи и тем самым вызвал движение в Капане. Выдавая подлинное послание капанских танутеров Шахнаваз-хану за подделку некоего Степаноса, автор «Истории Давид-бека» затушевывает народный, крестьянский характер капанского движения. В его описании события приобретают несвой-

¹ См. Степанос Шаумян. История Давид-бека, стр. 5.

² Там же, стр. 3—4; см. также Ереванский Матенадаран, рукопись № 4598, стр. 2.

ственную им в действительности авантюристическую окраску. Однако имеется ряд данных, показывающих, что никаких подделок послания танутеров на самом деле не было и что еще в самом начале движения капанские старшины-танутеры действительно решили обратиться к грузинскому царю и к его сыну с просьбой о помощи. Следует отметить, что автор «Истории Давид-бека» был выходцем из купеческой среды и свои воспоминания о капанском движении составил в Венеции при участии мхитаристов, спустя много лет после окончания движения. Повидимому, этим обстоятельством и следует объяснить его версию о подделке печатей и послания 50 капанских танутеров.

Данные, опровергающие версию о «предприятии» некоего Степаноса, якобы совершившего подделку печатей и составившего подложное послание танутеров, имеются, прежде всего, у самого Степаноса Шаумяна. Так, по его словам, еще до возвращения Давид-бека в Армению страна переживала период смут и волнений, и посланец Капана — Степанос, явившись в Мцхет к Шахнаваз-хану, «поведал ему о ... смятении, страхе и беспокойстве капанского населения»¹. По сообщению Степаноса Шаумяна, когда Давид-бек прибыл в Капан, к нему стали стекаться местные крестьяне во главе со своими танутерами. Это обстоятельство говорит о том, что послание Шахнаваз-хану действительно было составлено танутерами, и они с нетерпением ждали просимой помощи (в противном случае эти танутеры вряд ли могли бы сразу принять участие в движении и тотчас же присоединиться к войскам Давид-бека). Представляется возможным установить имена многих танутеров-старшин, принимавших участие в составлении послания к Шахнаваз-хану. В «Истории Давид-бека» говорится, что когда Давид-бек прибыл в Армению, к нему поспешили примкнуть, вместе с другими преданными ему людьми, старшина Торос из Чавидура, сыновья Мага-мелика (из Старой Джуги), сыновья Тиленчи (прозвище) и другие². В этом же источнике имеется список 45 военачальников Давид-бека (с указанием расположения их войск), и мы полагаем, что в этом списке упоминаются в основном имена тех танутеров, которые приняли участие в составлении послания в Грузию. В 5-й главе настоящей работы были приведены списки деревенских представителей, которые в своих посланиях и письмах выражали преданность России и просили русской помощи для освобождения от персидского и турецкого ига. Эти списки

¹ Степанос Шаумян. История Давид-бека, стр. 5.

² Там же, стр. 8.

дают основание полагать, что аналогичные послания и письма с подлинными печатами и подписями танутеров были отправлены также и в Грузию. Автор «Истории Давид-бека» не упоминает о послании Мхитар-бека и его военачальников в Россию. Это послание, скрепленное 8 печатами и подписями военачальников и старшин Капана, также опровергает выдумку о подделке печатей 50 танутеров.

Основываясь на всех этих данных, можно считать, что и послание 50 танутеров в Грузию не было подделано посланцем Степаносом, тем более, что вместе с этим Степаносом в Грузию был, повидимому, направлен также ряд других людей¹.

Послание капанских танутеров-старшин в Грузию, видимо, было известно и карабахским старшинам. На это указывает письмо Есаи-юзбаши. Он сообщал в Карабах мелик-Тамразу, что «Шахнаваз-хан дал Давиду-юзбаши 300—400 отборных людей, вместе приедем»².

Подлинность послания 50 капанских танутеров косвенно подтверждается и особенностями капанского движения по сравнению с карабахским. Если в Карабахе руководство движением находилось в руках феодальной верхушки (меликов и духовенства), то в Капанае и в других восточных округах крестьянское движение развивалось самостоятельно. Деревенские старшины и выходцы из народных масс, возглавившие освободительную борьбу в Капанае, повидимому, испытывали необходимость в опытных военачальниках и решили обратиться за помощью к Грузии.

Данные источников ясно показывают крестьянский характер капанского движения. Если в Карабахе крестьяне не выступали активно против местных армянских феодалов, усматривая спасение от их произвола только в присоединении к России, то в восточных округах крестьянство боролось как против персидских и турецких, так и против «собственных» феодалов. Далее, если в составе руководящей верхушки Карабаха находились патриархи (Есаи, Нерсес), мелики (Еган, Багыр, Тамраз и др.), а также преданные им и состоящие с ними в родственных отношениях юзбаши (Саркис, Абраам и др.), то среди руководителей капанского движения не было ни патриархов, ни крупных потомственных меликов. Правда, уже после того, как в восточных округах крестьянство поднялось на борьбу против Сефевидов, к движению начали примыкать и некоторые местные феодалы-мелики, но они не играли в нем руководящей роли.

¹ См. «Азгагракан Андэс», 1904, XII, стр. 181.

² АВПР, ф. «Сношения России с Арменией», 1724, д. № 4, л. 23.

Крестьянство восточных округов Армении (Сисиан, Капан, Мегри) веками вело борьбу против чужеземных порабитителей и местных феодалов. Уже в XVII в. крестьянские волнения в этих районах приняли очень острый характер, а в начале 20-х годов XVIII в. они переросли в открытые вооруженные выступления.

Не видя крестьянского характера этого движения, буржуазный историк Лео рассматривает его как борьбу между армянами и всем тюркоязычным населением, совершенно не принимая во внимание классовых различий. В изображении Лео все армяне были угнетенными, а все тюркоязычное и персидское население — угнетателем; поэтому он характеризует капанское движение, как «столкновение племен, религий» и т. д. По мнению Лео, в этом столкновении друг другу противостояли, с одной стороны, владетель, «господствовавший долгое время с помощью меча и крови», а с другой стороны — «истерзанное, угнетенное коренное население» — армяне, которые для освобождения от мусульманского ига «должны были бороться, прежде всего, против тюркоязычного народонаселения, сохранявшего и укреплявшего это иго»¹.

Между тем данные источников решительно опровергают подобные взгляды. Так, например, примкнувшие к движению крестьяне из деревни Татев рассказали Давид-беку, что когда они восстали против татевского мелика, тот убежал в Тавриз, где принял ислам, и, вернувшись оттуда, показал себя столь жестоким угнетателем крестьян, что они предпочли бы сжечь свои дома и сами сгореть заживо, нежели оставаться под его властью². Отсюда становится ясным, что переход мелик-Багыра из Татева и многих других армянских феодалов из восточных округов на сторону сефевидских властей связан именно с крестьянским характером капанского движения.

* * *

Автор «Истории Давид-бека» Степанос Шаумян сообщает, что, получив послание из Капана, Шахнаваз-хан вызвал к себе армянина Давид-бека Сюнеци «и, снарядив его, отправил на родину — в страну Сюник, которая ныне называется Капаном»³. Из этого сообщения мы узнаем только, что

¹ Лео. История Армении, т. III, стр. 670, 671.

² «Азгагракан Андэс», 1904, XII, стр. 181—182.

³ Степанос Шаумян. История Давид-бека, стр. 5.

Давид-бек был родом из Капана и находился в Грузии, на службе у Шахнаваз-хана; но о том, каково было его сословное происхождение, так же как и о том, когда он уехал из Кавказа в Грузию, автор «Истории Давид-бека» умалчивает. Не дают сведений об этом и другие источники. В некоторых народных преданиях говорится, что Давид-бек был уроженцем деревни Шенуайр, куда он и прибыл после возвращения из Грузии¹.

Согласно другой версии, также встречающейся в народных преданиях, Давид-бек был родственником капанского мелика Парсадана из Алидзора². По этим данным, родоначальником капанских Мелик-Парсаданянов был мелик-Парсадан I, у которого был сын Пали. У Пали были три сына: Парсадан, Аствацатур и Шаум; у первого из них — Парсадана — также были два сына — Сафраз и Пали. Этот Пали после смерти своего отца, мелик-Парсадана, стал меликом Капана³. Так как имя «Пали» (скорее «Баги», «Бали») является одной из форм имени Паласан⁴, то полным именем как отца, так и сына второго мелик-Парсадана следует считать имя «Паласан», которое упоминается в надгробной надписи мелик-Парсадана⁵. Имя Паласан упоминается также в послании Мхитар-бека и его военачальников русскому правительству. Среди печатей, которыми скрещено послание Мхитар-бека, имеется круглая печать с надписью «Паласан, сын Саркиса»; в середине ее можно прочесть: $\frac{\text{ԱԶ}}{\text{ԻՐ}}$, что, повидимому, означает, согласно армянскому летоисчислению, — 1132 (1683) г.⁶ В числе других послание подписал «капанский мелик Паласан», который, как было сказано, в «Истории Давид-бека» называется «Пали, сын мелик-Парсадана». Эти сведения дают основание полагать, что отцом последнего Парсадана действительно был Паласан, печать которого в 1724 г. перешла в руки сына умершего Парсадана, мелик-Паласана.

¹ Ереванский Матенадаран, рукопись № 7429, л. 30.

² Во второй половине XIX в. Е. Лалаян, во время своих путешествий в восточных районах Армении, собрал предания и рассказы, распространенные среди потомков Мелик-Парсаданянов; см. «Азгагракан Андэс», 1904, XII, стр. 175—176, прим. 1; стр. 174, прим. 1 и др.

³ Степанос Шаумян. История Давид-бека, стр. 40.

⁴ Первоначальной формой, повидимому, было «Баги» — «Бали». Она употреблялась как в XVII—XVIII вв., так и в более ранний период в Карабахе и Капване. От первоначальных форм «Баги» — «Бали» в дальнейшем были образованы «Багасан» — «Баласан», «Паласан», «Пали» и т. д.

⁵ «Азгагракан Андэс», 1904, XII, стр. 188: «Здесь покоится Алидзорский мелик Парсадан, сын Паласана 1173 (1724) г.»

⁶ АВІР, ф. «Сношения России с Арменией», 1726, д. № 4, л. 2.

По сведениям из народных преданий, отцом Давид-бека был Аствацатур, брат мелик-Парсадана¹.

Согласно данным источникам и сведениям из народных преданий генеалогия капанских Мелик-Парсаданянов выглядит следующим образом (табл. 7):

Таблица 7

По данным источников	По народным преданиям
Саркис (упоминается в личной печати 1683 г.)	Парсадан I
Паласан (упоминается в печати 1683 г. и надгробной надписи 1724 г.)	Пали
Парсадан (упоминается в «Истории Давид-бека» и в надгробной надписи 1724 г.)	Парсадан
Паласан (упоминается в послании Мхитар-бека, 1726 г.)	Аствацатур
	Пали
	Давид-бек

В противоположность сведениям, содержащимся в народных преданиях, согласно которым Давид-бек был сыном Аствацатура, в памятной записи родственника Давид-бека — Кузаненца Таги из Тбилиси — говорится, что отцом Давид-бека был некий Алихан. Кузаненц Таги в этой записи сообщает, что он и его брат Рафаил — «сыновья Парсадан-бека из Тифлиса» — поступили на русскую службу в Гиляне. Другой брат Кузаненца Таги — Абдалмаса, в качестве «военачальника Давид-бека, сына Алихана», был отправлен в Армению — в Капан². Из памятной записи Кузаненца Таги вытекает, что отцом Давид-бека был тбилисский армянин Алихан; что Давид-бек был родственником Кузаненца Парсадан-бека и его сыновей (мужем сестры Таги) и что брат Кузаненца Таги — Абдалмаса и Давид-бек, сражаясь против персов и турок, погибли в одном из боев³. Наконец, из сообщения Кузаненца Таги видно, что Давид-бек был тбилиским армянином. Об этом говорится также в письме Ивана Карапета, который называл Давид-бека в своем письме «неким грузином», т. е. грузинским

¹ «Азгагракан Андэс», 1904, XII, стр. 179.

² Памятная запись Кузаненца Таги издана епископом Месропом в журнале «Банбер»; см. «Банбер», 1921—1922, стр. 127—137.

³ «Банбер», стр. 137: «... բազում պատերազմն ետուն, և ի վախճանի անկան ի մարտին».

армянином¹. Эти данные показывают, что Давид-бек был выходцем из грузинских (тбилисских) армян, но о том, когда он или его семья уехали в Грузию, так же как и о том, существовали непосредственные родственные связи между ним и капанскими Мелик-Парсаданянами или не существовали, — в источниках (если не считать народных преданий) нет прямых сведений.

В документах XVIII—XIX вв. упоминается, что «Давид-бек был из Тбилиси, [из семьи], члены которой теперь называются гасап² Аствацатуренк, гасап Амирханенк...»³. Не исключена возможность, что Аствацатур, который в народном предании называется отцом Давид-бека, принадлежал к семье капанских Мелик-Парсаданянов и, переселившись в Грузию, в Тбилиси, стал там родоначальником семейств, названных в приведенном документе «гасап Аствацатуренк» и «гасап Амирханенк». Возможно также, что по этой причине Аствацатур назван родным братом мелик-Парсадана (умершего в 1724 г.) и отцом Давид-бека. Если допустить, что упомянутый Аствацатур действительно был предком Давид-бека, то тем не менее остается неясным, когда же Аствацатур и его потомки появились в Грузии и поступили на службу к грузинскому царю. Нам кажется, что сведения об этом сохранились в народном предании, в котором говорится, что Ован-юзбаши (Аван-юзбаши) состоял в родстве с мелик-Парсаданом⁴. В народном предании говорится также, что отец Ована (Авана)-юзбаши — Саркис-бек и его родственники во второй половине XVII в. переехали из Сюника (Капан) в Лори, откуда поддерживали оживленную связь с Тбилиси⁵. Если пока не представляется возможным отождествлять этого Саркис-бека с Саркисом, упоминавшимся в 1683 г. в печати капанского Паласана, то не исключена возможность, что переселение Аствацатура в Грузию происходило одновременно с переселением Саркис-бека, о котором идет речь в народном предании.

¹ АВПР, ф. «Сношения России с Арменией», 1739, д. № 2, л. 64. Армян, проживавших в Грузии или находившихся на службе у грузинских князей и царей, современники называли «грузинами», т. е. армянами из Грузии; вот почему и Иван Карапет в своем письме говорит о Давид-беке: «один грузин — Давид-бек». Степанос Шаумян, говоря о Давид-беке и о прибывших вместе с ним в Армению военачальниках, пишет, что «их всех называли грузинами, так как они были из страны Грузии, но не из народа их, ибо Давид-бек и все его военачальники принадлежали к народу армянского вероисповедания»; см. его «Историю Давид-бека», стр. 76.

² Гасап (*gashap*) буквально означает «мясник».

³ Ереванский Матенадаран, папка № 6, док. № 45.

⁴ «Азгагракан Андэс», 1904, XII, стр. 182 и примечание.

⁵ Ереванский Матенадаран, рукопись № 7429, стр. 26.

Возможно также, что Саркис-бек (согласно народному преданию — отец Авана-юзбаши) и Аствадатур (согласно народному преданию — отец Давид-бека) были родственниками капанских Мелик-Парсаданянов; быть может, поэтому в народных преданиях как Аван-юзбаши, так и Давид-бек названы родственниками мелик-Парсадана.

Из источников видно, что в конце XVII в. в восточных округах Армении многие семейства подвергались преследованиям со стороны персидских властей и ханов. Очевидно, этими преследованиями и было вызвано переселение в Лори Саркис-бека и Аствадатура. Во всяком случае памятная запись Кузаненца Таги, где указывается точное имя отца Давид-бека — Алихан, не опровергает сообщения народного предания о родственных связях Давид-бека с Мелик-Парсаданянами, а только уточняет имя его отца.

Во второй половине или в конце XVII в. в результате преследований со стороны персидских властей многие армяне из восточных округов и Капана переехали в Грузию, где сын Алихана — Давид-бек — поступил на службу к грузинскому царю и до прибытия в Армению, повидимому, занимал должность юзбаши, о чем говорится в вышеуказанном письме Есаи-юзбаши¹.

Следует отметить, что проф. А. Абрамян в своих последних работах², правильно освещая русско-армянские отношения в первой четверти XVIII в., допустил серьезную ошибку при характеристике личности и деятельности Давид-бека. В статье «Новые документы о Давид-беке и возглавляемом им освободительном движении» А. Абрамян пытается доказать, что Давид-бек происходил из княжеского рода и что его потомки служили армянской церкви, Эчмиадзину. В этом вопросе указанная выше статья А. Абрамяна, в известной мере, напоминает работы Г. Эзова, Г. Овсепяна, М. Бархударяна, которые историю армянского народа рассматривают как историю армянских царей и князей. Деятельность и роль отдельных исторических личностей XVII—XVIII вв. они объясняют не социально-политическими условиями данного

¹ АВПР, ф. «Сношения России с Арменией», 1724, д. № 4, л. 23: «...Շահնաշահ Խանի ք — դէ (3—400) լուս Ժարդ է տվել Քախթի մարզերն յետ զալին էնք...» — «Шахнаваз-хан дал Давиду-юзбаши 300—400 отборных людей, вместе придем...».

² См. А. - А б р а м я н. Новые документы об армяно-русских дружественных отношениях в эпоху Петра Великого. — Журнал «Эчмиадзин», 1946, февраль—март; Новые документы о Давид-беке и возглавляемом им освободительном движении — «Известия Академии наук Армянской ССР», 1951, № 8; Договоры 1724 года о взаимной помощи между армянами и азербайджанцами. — «Известия Академии наук Армянской ССР», 1951, № 12.

периода, не ходом развития истории общества, а царским или княжеским происхождением. Так объясняют они личность и деятельность Исраела Ори, Давид-бека и других деятелей XVIII в.

В народном предании о руководителе капанского освободительного движения, как было отмечено выше, говорится, что он был родом из Сюника (Капана) и происходил из семьи Мелик-Парсаданянов. Но так как эти Мелик-Парсаданяны не были крупными феодалами и ничем не отличались в истории, то М. Бархударян решил считать Давид-бека происходящим из рода князей Орбелянов¹. Однако, вопреки мнению М. Бархударяна и других историков, источники показывают, что Давид-бек был тифлисским армянином, сыном некоего Алихана. В архивных документах, как было отмечено выше, Давид-бек назван «неким грузином» или «неким грузинским армянином»². Эти данные свидетельствуют о том, что руководитель движения капанских армян Давид-бек не был князем, не принадлежал к княжескому роду.

Нельзя согласиться и с мнением проф. А. Абрамяна относительно происхождения Давид-бека. Основой его статьи является справка подполковника Степаноса Давыдова³, который в 1797 г., пытаясь добиться у русского правительства дворянского звания, называл себя внуком Давид-бека. А. Абрамян считает правильным бездоказательное утверждение Степаноса Давыдова, будто Давид-бек был сыном Ахназар-бека и происходил из рода владетелей области, «называвшейся Цмак»⁴. Сопоставляя это сообщение со «свидетельством» Ованеса Эмюрнаци, который писал, что Давид-бек происходил из «рода великого князя Аллахверди Сепуха», А. Абрамян причисляет Давид-бека к потомкам князя Аллахверди.⁵ Еще

¹ «Давид-бек Орбелян», — писал М. Бархударян во втором томе «Истории Агвана» (стр. 86).

² АВПР, ф. «Сношения России с Арменией», 1739, д. № 2, л. 64.

³ См. «Известия Академии наук Армянской ССР», 1951, № 8, стр. 61—73.

⁴ Там же, стр. 70.

⁵ Там же. В этой статье А. Абрамян пишет: «Аствацатур упоминается как Атабек, его сын был Ахназар-бек, брат упоминавшегося у Аракела Даврижеци Шахназар-бека, который получил привилегии от шаха Аббаса. Сыном Ахназар-бека был Давид-бек». По этим данным А. Абрамяна получается, что Давид-бек был Мелик-Шахназаряном. Аракел Даврижеци, говоря о пребывании шаха Аббаса I в 1606 г. в Гегаркуни, пишет, что он пожаловал Мелик-Шахназару власть меликства и отдал ему и его братьям имения и деревни. См. Аракел Даврижеци. История, стр. 96. Если А. Абрамян имеет ввиду этого Мелик-Шахназара, то следует сказать, что в источниках Ахназар-бек упоминается в качестве его сына (а не брата, как полагает А. Абрамян). См. «Материалы по истории армянских меликств», ч. II, стр. 137, 138, 188, 190, 194.

более существенную ошибку допускает А. Мирзоян, который считает, что не только сам Давид-бек происходил из княжеского рода («из рода князя Аллахверди»), но и движение, возглавляемое им, было делом армянских меликов и князей¹.

Автор «Истории Давид-бека» очень скупо рассказывает о своем главном герое. Более того, многие его сообщения вызывают серьезные сомнения. Так, нам кажется, что нельзя признать достоверным сообщение Степаноса Шаумяна о том, что Давид-бек умер от болезни в 1728 г.²

Содержащиеся в ряде документов данные позволяют полагать, что Давид-бек умер до марта 1726 г., а после его смерти руководство капанским движением перешло к Мхитар-беку, известному в исторической литературе под именем «Мхитар-спарапета».

Данные источников показывают также, что Мхитар-бек (спарапет) погиб не в 1730 г., как утверждает автор «Истории Давид-бека», а в 1727 г.

Мы считаем необходимым прежде всего обратить внимание на указанные выше свидетельства Кузаненца Таги, родственника Давид-бека. Кузаненц Таги, говоря в составленной им памятной записи о смерти своего брата Абдалмаса и своего родственника Давид-бека, писал: «И наш другой брат, Абдалмаса, который по приказу грузинского парона отправился в расположение [армянских] войск, был военачальником [в войсках], руководителем которых был сын Алихана Давид-бек, мой зять; они много сражались против персов и осман-

¹ Не видя народного характера освободительного движения в Капане, А. Мирзоян пишет, что в 20-х годах XVIII в. в Сюнике (т. е. в Капане) происходил «процесс объединения меликских войск» (см. «Труды Гос. исторического музея Армении», т. II, 1950 г., стр. 142). Говоря о пребывании Давид-бека в деревне Шнер, А. Мирзоян пишет: «Услышав весть о пребывании Давид-бека, со всех сторон страны большие и малые мелики, князья и военачальники поспешили в Шнер, чтобы объявить о своем подчинении руководителю восстания...» (разрядка моя.—П. А.). Для того чтобы подкрепить все это, А. Мирзоян приводит далее сообщения историка Степаноса Шаумяна о том, что «когда стало известно всем жителям Капана и Чавидура, что Давид-бек прибыл на помощь армянам, к нему поспешили со всех сторон воины (зораворк)». Следует отметить, что в этом сообщении Шаумяна нет ни единого слова «о больших и малых меликах и князьях», о которых пишет А. Мирзоян. В то же время, Степанос Шаумян прямо пишет, что армянские мелики из Татевы и Алидзора заняли враждебную позицию по отношению к Давид-беку и освободительному движению (см. «История Давид-бека», стр. 8—9).

² Степанос Шаумян. История Давид-бека, стр. 68; эту же дату приводят Чамчян, Лео и некоторые другие авторы.

цев и пали в бою»¹. В этом сообщении Кузаненца Таги прямо говорится, что его брат Абдалмаса и, повидимому, также Давид-бек не умерли естественной смертью, как сообщает Степанос Шаумян, а погибли в бою. Брат Кузаненца Таги Абдалмаса, павший в бою в Капане, был похоронен в деревне Хотанан (Хот). По сообщению Степаноса Шаумяна, в 1725 г. под деревней Хотанан произошло столкновение между войсками Давид-бека и баргушатским султаном. Около 300—400 армян нашли свою смерть в этом бою, многие попали в плен и многие были ранены. В числе убитых под Хотананом был военачальник Давид-бека Абдалмаса; среди тяжело раненных упоминается капанский мелик Пали, который в дальнейшем выздоравел; в числе попавших в плен упоминается Степанос Шаумян². Впоследствии Степанос Шаумян не то за выкуп, не то путем бегства освободился из плена и выехал в Венецию, где он в 1737 г. диктовал мхитаристу Гукасу Степаняну Себастици свои воспоминания о капанских событиях. Последний записал его воспоминания на древнеармянском языке (грабар). Разумеется, что при изложении событий, которые произошли 12—15 лет назад, автор «Истории Давид-бека» не всегда мог точно и последовательно описать развитие этих событий. То, что Степанос Шаумян не знал о смерти военачальника Абдалмаса, о послании Мхитар-бека русскому правительству от 24 марта 1726 г., повидимому, следует объяснить тем, что он в это время либо находился в плену, либо уже выехал из Армении.

Еще большее значение для выяснения даты гибели Давид-бека имеет послание Мхитар-бека и его военачальников русскому правительству; в этом послании Мхитар-бек как главный руководитель капанских армян просил у русских помощи и покровительства, а одновременно, в порядке военного рапорта, сообщал о напряженной борьбе армян против «лезгин», «персов» и турецких войск. Послание датировано 24 марта 1726 г. и написано от имени «Мхитар-бека и его подчиненных военачальников-юзбаша...»³. Оно составлено в Капане в монастыре Аствацацин, т. е. там, где, по сообщению историка,

¹ «Банбер», 1921—1922, стр. 136—137.

² См. Степанос Шаумян. История Давид-бека, стр. 40.

³ АВПР, ф. «Сношения России с Арменией», 1726, д. № 4, л. 2: «Մի-
թար պէկէ, և սորին մատակ արար ուղղաշիր՝ Եղիազար, և Նաղիր Նդիազարէ,
և այլ ուղղաշորհ՝ Աւթանտիլ պէկէ, Պապանէ, Պայրնդուրէ, Զօհրապէ...
Ովանէս ուղղաշէ, Հախանտ մէլիք Պալանտէ...»; см. также л. 8 (русск.
перевод): «п е р в а г о н а ч а л ь н и к а армянского Мхитар бека, а при
нем юзбаша Елизара, да Назир-Елизара, прочих армян, Автандилия,
Папаса, Бандура, Зурапа, Мартироса...»

Давид-бек остался один с 17 вооруженными людьми¹. Разумеется, если бы Давид-бек в это время был жив и находился в том же месте, где было составлено послание, то Мхитар-бек не только бы не выступал в качестве «первого военачальника» и руководителя армян, но и не мог бы составить и отослать в Россию указанное послание без непосредственного участия Давид-бека. Мхитар-бек был любимым помощником Давид-бека и до конца оставался преданным освободительному движению; поэтому он мог написать подобное послание, а также считать себя первым военачальником армян лишь после смерти Давид-бека. Указанное послание Мхитар-бека от 24 марта 1726 г. дает все основания полагать, что Давид-бек умер до 24 марта 1726 г.

Таким образом, рассмотренные данные источников показывают, что до 1726 г. освободительное движение в Капане возглавлял Давид-бек, который в 1725 г., по сообщению Ивана Карапета (от 11 мая 1725 г.), изгнал турецкие войска из Капана, а начиная с весны 1726 г. руководителем движения стал Мхитар-бек. Мы склонны думать, что смерть Давид-бека последовала в конце 1725 или в начале 1726 г. Наконец, послание Мхитар-бека показывает, что события, развивавшиеся в Капане весной 1726 г., уже не следует связывать с именем Давид-бека, как это сделал Степанос Шаумян. Давид-бек руководил капанским движением с 1722 по 1725 г., и в этих хронологических пределах и следует рассматривать его деятельность как руководителя движения.

Черты характера и личные качества Давид-бека историк Степанос Шаумян определяет следующим образом: «Давид-бек был благородным, благочестивым, правосудным, знатоком грамоты, мужественным, предусмотрительным, могучим речью и делами и мстительным по отношению к врагам нашего народа...»².

Прибыв в 1722 г. из Грузии в Армению, Давид-бек встал во главе освободительного движения в восточных округах (Сисиан — Капан — Мегри). Восставшие крестьяне восточных округов быстро сплотились вокруг Давид-бека, который проявил себя как настоящий руководитель народных масс. Отовсюду к нему стекались «угнетенные и изнывающие под бесконечно тяжким игом иноземцев люди, которые

¹ Послание было написано: «Երկիրն Դափնան, Ի դռննսս սբ Թճաճին», т. е. «в стране Капан, у дверей (монастыря) св. Аствацапина». «Св. Аствацапин» — монастырь или пустынь в Алиндзоре, где находилась «неприступная крепость» Алиндзор (см. Степанос Шаумян. История Давид-бека, стр. 45).

² Степанос Шаумян. История Давид-бека, стр. 6.

решили освободиться от порабощения со стороны иноплеменных»¹. В большинстве своем это были крестьяне, еще до прибытия Давид-бека поднявшиеся на борьбу во главе со своими старшинами, а теперь спешившие присоединиться к отряду Давид-бека². Многих из числа местных старшин-танутеров Давид-бек назначил своими военачальниками и поручил им организовать местные силы, поднять на борьбу все крестьянство и другие слои населения восточных округов.

Намеченный Давид-беком план стал быстро претворяться в жизнь. Так, например, старшина Торос из Чавндур, сделавшись военачальником и отправившись обратно в Чавндур, «собрал у себя местных людей, организовал из них отряды и назначил над ними сотников и пятидесятников»³. Так же, повидимому, поступали и многие другие старшины-военачальники. Сразу же после прибытия Давид-бека в восточные округа Армении численность его войска увеличилась с 400 до 2000 человек⁴.

Учитывая горные условия страны, Давид-бек с успехом проводил внезапные нападения небольшими подвижными отрядами на персидских феодалов и их союзников из числа армянской феодальной верхушки. Эти внезапные нападения причиняли большие потери противнику и обеспечивали Давид-беку постоянный успех.

Приводимый ниже перечень персидских хапов и прочих феодалов убедительно показывает, против кого было направлено движение, возглавлявшееся Давид-беком. Давид-бек вел борьбу против кананского хана (Асламаз-Кули-хана), баргушатского хана (Батали-хана, или Батали-султана)⁵, ордубад-

¹ Степанос Шаумян. История Давид-бека, стр. 6.

² Там же, стр. 8.

³ Там же, стр. 15.

⁴ Там же, стр. 8.

⁵ Преследования армян со стороны Батали-султана и совершавшиеся им насилия отражены в народных преданиях. По данным рукописи № 7429, этот Батали-султан, прибыв с войском численностью в 1000 человек в деревню Харснашен, потребовал от населения, чтобы оно приняло ислам. Жители одного околотка этой деревни приняли ислам, а жители другого околотка сопротивлялись этому. Вызвав к себе 80-летнего священника, Батали-султан стал принуждать его вместе с сыновьями и внуками принять ислам. Получив отказ, Батали приказал на глазах у старика убить трех его сыновей. Младшему сыну Вардану удалось бежать в Карабах, где он сообщил местным руководителям о действиях Батали (Ереванский Матенадаран, рукопись № 7429, л. 27, 28 и др.).

Приведенные данные перекликаются с фактами, о которых говорится в письмах Ивана Карапета. Возвратившись из Капана, Иван Карапет 18 июня 1724 г. сообщал: «...15-го апреля мы отправились с армянскими войсками в Капан, так как из Капана (в Карабах) пришло письмо

ского, нахичеванского, карадагского ханов (имена их в источнике не упоминаются), Агаси-хана (брата Батали-хана), владельца Леваса (Сефи-Кули), татевского мелика (мелик-Багыра), акулиссского мелика (мелик-Мусе), владельца деревни Арцеваник (мелик-Франгула), а также против многих других персидских и армянских феодалов восточных округов¹.

Войска Давид-бека истребляли крупных феодалов, захватывали их земельные владения и другие богатства. Еще в 1722 г., прибыв в Сисиан («Сисакан»), Давид-бек заявил представителям деревень Татев и Шенуайр, что явился туда с целью «истребить и изгнать из страны иноплеменных», т. е. персидских феодалов. Собрав вокруг себя крестьян, Давид-бек «истребил тамошних князей» и захватил их имущество². Впоследствии, очистив Мегри от турецких войск, военачальники Давид-бека сожгли все обнаруженные там податные (налоговые) документы и списки³.

Несмотря на то, что в источниках имеются только отрывочные данные, позволяющие судить о социальной направленности капанского движения, факты истребления феодалов-князей, захвата их земель, уничтожения податных списков и т. д. показывают его крестьянский характер.

Войскам Давид-бека пришлось также вести борьбу с кочевыми племенами, которых персидские феодалы натравливали на восставших армян, разжигая рознь между кочевниками-мусульманами и христианским населением Армении. Восставшие армяне стремились изгнать кочевые племена из пределов Капана и других восточных округов⁴. Так, узнав, что некоторые жители деревни Кюртлар притесняют крестьян деревни Татев и оказывают помощь персидским феодалам, Давид-бек приказал своим военачальникам наказать виновников, а остальных переселить в Персию⁵. Заняв крепость Зева, Давид-бек дал трехдневный срок «иноплеменным», чтобы переселиться в Персию⁶. В тех случаях, когда кочевое население той или другой деревни не выступало про-

отом, что нахичеванский хан и баргушатский султан напали на капанских армян [и] из армян перебили много — 4—5 тыс. воинов, увели в плен женщин и детей...» (АВНР, ф. «Сношения России с Арменией», 1739, д. № 2, л. 64).

¹ Степанос Шаумян. История Давид-бека, стр. 10, 13, 14; Ереванский Матенадаран, рукопись № 4598, стр. 6, 9—11.

² Степанос Шаумян. История Давид-бека, стр. 7, 13, 77, 78; Ереванский Матенадаран, рукопись № 4598, стр. 4.

³ Степанос Шаумян. История Давид-бека, стр. 56.

⁴ Там же, стр. 3, 39, 67 и др.

⁵ «Азгагракан Андэс», 1904, XII, стр. 182.

⁶ Там же, стр. 184.

тив восставших, они оставляли кочевников в покое. Но к врагам освободительного движения Давид-бек был беспощаден, истребляя не только персидских, но и армянских феодалов, если последние оказывались на стороне чужеземных завоевателей. Так, например, поступил Давид-бек с татевским мелик-Багыром, который, укрепившись в Татеве, собирался нанести удар в спину восставшим. Отправившись в Татев, Давид-бек после двухдневных боев схватил и казнил этого мелика, овладев всем его имуществом, а спустя некоторое время переехал из деревни Шенуайр в Татев и обосновался там¹. Из Татева Давид-бек послал своих представителей в Алидзор к местным владельцам мелик-Парсадану (по народному преданию — родственнику Давид-бека) и Тер-Аветису с предложением присоединиться к нему для совместной борьбы против персидских властей. Натолкнувшись на отказ и узнав об их враждебном отношении к восстанию, Давид-бек схватил мелик-Парсадана и Тер-Аветиса и посадил в темницу в Шенуайре, а сам отправился в Алидзор². Впоследствии они были отпущены, но только после того, как дали согласие примкнуть к движению³.

Среди армянских феодалов, с которыми пришлось бороться войскам Давид-бека, был и мелик-Франгул из Ерицванка, подобно мелик-Багыру татевскому принявший ислам и поддерживавший персидских феодалов. Этот мелик-Франгул организовал заговор против одного из наиболее способных военачальников Давид-бека — Тороса, прикинувшись его другом и предложив ему совместно выступить против баргушатского хана Батали (Фатали-султана). Однако в разгар боя мелик-Франгул, поддерживавший тайные связи с Батали-ханом, ударил в тыл войскам Тороса. В результате этого предательства Торос был убит, и восставшие армяне понесли большие потери. В дальнейшем мелик-Франгул был схвачен восставшими и казнен.

В ходе освободительной борьбы в Капане под руководством Давид-бека организовались, наподобие карабахских сгнахов, свои сгнахи — «собрания». «...Мы, разоренные христиане, — говорится в послании Мхитар-бека, — тогда малопомалу от них персиян отошли и в крепких гористых местах собрание (в армянском тексте — сгнах) своих людей немалое число возымали и в тех местах засели и укрепились»⁴.

¹ Степанос Шаумян. История Давид-бека, стр. 9; см. также Ереванский Матенадаран, рукопись № 4598, стр. 6.

² Ереванский Матенадаран, рукопись № 4598, стр. 6—7.

³ Степанос Шаумян. История Давид-бека, стр. 11.

⁴ АВПР, ф. «Сношения России с Арменией», 1726, д. № 4, л. 3.

Войска повстанцев в Капане были размещены в следующих укрепленных местах: в «укрепленной [деревне] Шенуайр», в «неприступной крепости Воротн», в крепости Зева (ее Давид-бек отвоевал у Асламаз-Кули-хана), в Мегри, в крепости Хндзореск, а также в Алидзоре, где Давид-бек соорудил новые укрепления¹. По данным Степаноса Шаумяна, капанские войска были размещены следующим образом: в Шенуайре — 550 человек во главе с военачальниками Паиндуром, Пали, Минасом и Степаносом; в Татеве — 400 человек во главе с военачальниками Гичи, Айтином, Есаи и тирацу (дьяконом) Симеоном; в Алидзоре — 250 человек во главе с мелик-Парсаданом и 486 человек во главе с Тер-Аветисом; в Чавидуре — 2000 человек во главе с военачальниками Торосом, Паиндуром, Нубаром, Варданом, Парсаданом, Товмасом, Туринджем и Ованесом; в местечке Калер — 700 человек, во главе которых находились Пали и сам Степанос Шаумян; в Мегри — 400 человек с военачальниками Костандином, Ованесом, Саринном и Аракелом. Кроме того, в книге Степаноса Шаумяна упоминается ряд других военачальников Давид-бека с их отрядами: «сыновья Магарджуги и Тиленчи» — из Старой Джуги с 400 воинами, военачальник Сисиана с 500 воинами, мелик Гучи с 200 воинами, Ерец Авшар (Тер-Гаспар) с 250 воинами, Адам из Пагаберда со 150 воинами, Казар из Кульберда со 110 воинами, Саргис из Шиванадзора с 250 воинами². Все эти отряды поддерживали самую тесную связь друг с другом и выступали общими силами против врага.

Согласно приведенным данным, общая численность армянских войск в Капане составила уже 6600 человек, которыми руководили 45 старшин и военачальников³. Часть военачальников прибыла в Капан вместе с Давид-беком (Мхитар-бек, Георгий, Ованес, Паиндур, Автандил и другие), а другая часть состояла из местных деревенских старшин (Торос, Нубар, Вардан, Пац, Адам из Пагаберда, Саргис из Шиванадзора и другие).

Судя по изложению Степаноса Шаумяна, армянские войска в Капане имели свои знамена. Так, говоря о событиях в Мегри, он пишет, что турки, увидя армянские войска, поспешившие прийти на помощь населению Мегри, говорили друг другу: «Мегрийцы одели своих жещин в мужскую одежду и военное

¹ Степанос Шаумян. История Давид-бека, стр. 11, 12, 20, 29, 71.

² Там же, стр. 76—78.

³ Приведенные данные не включают в себя население, активно поддерживавшее войска Давид-бека. Поэтому трудно установить действительную численность активных участников освободительного движения в Капане. Во всяком случае их в несколько раз больше тех 6600 вооруженных бойцов, о которых говорит Степанос Шаумян.

снаряжение, дали им в руки поддельные знамена и показываю нам»¹.

Для снабжения армянских войск использовалось захваченное у врага имущество. По сообщению Степаноса Шаумяна, военачальник Торос отнял у султана одного кочевого племени все принадлежавшее ему стадо². Военачальник Мхитар-бек захватил у вождя другого племени 6300 овец и 430 голов крупного скота, а у одного феодала захватил до 900 голов скота. Взяв в плен двух турецких военачальников, армянские юзбаши захватили все их имущество и увезли в Чавидур³. Так как добыча являлась одним из главных источников снабжения войск, то Давид-бек следил за тем, чтобы при ее разделе не создавалось вражды и разлада. Так, когда между военачальником Папом и подчиненными ему старшинами произошел конфликт из-за раздела добычи, Давид-бек послал на место происшествия военачальника Георгия, который, примирив старшин с Папом, «добычу, захваченную в Левазе, разделил между ними»⁴.

Давид-бек, как руководитель движения, зорко следил за действиями своих военачальников. Обнаружив поползновение к измене или трусость со стороны того или другого военачальника, он жестоко наказывал виновного. Когда левазский владетель Сефи-Кули (Сафи-Кули), «сын Шхислама», с крупными силами совершил нападение на армянские деревни, на место происшествия был отправлен военачальник Пап с двухтысячным войском. Однако Пап, испугавшись противника, отступил без боя и тем самым дал возможность Сефи-Кули захватить и опустошить Даштун и другие деревни: все мужчины были истреблены, а женщины и дети уведены в плен. Создавшееся положение заставило Давид-бека лично выступить против неприятеля, который обратился в бегство. Что касается Папа, то он был арестован по приказу Давид-бека и казнен за трусость⁵. Давид-бек чуть было не казнил и другого любимого им военачальника — Мхитар-бека (спарапета), который, по словам Степаноса Шаумяна, в разгар боя при местечке Хотанан допустил ошибку, приказав своим войскам отступать. В результате ошибки Мхитар-бека несколько сот армянских воинов погибли, а многие попали в плен. Разгневанный Давид-бек приказал казнить Мхитар-бека и лишь в результате вмешательства и просьб других военачальников он отменил этот

¹ Степанос Шаумян. История Давид-бека, стр. 31.

² Ереванский Матенадаран, рукопись № 4598, стр. 10.

³ Степанос Шаумян. История Давид-бека, стр. 38, 39, 67.

⁴ Там же, стр. 26; см. также стр. 20, 21 и др.

⁵ Там же, стр. 27, 28; см. также Ереванский Матенадаран, рукопись № 4598, стр. 17, 18.

приказ¹. Выше уже указывалось, что Степанос Шаумян, сам попавший в плен при Хотанане, вряд ли мог иметь точные сведения о последующих событиях. Но независимо от того, достоверно или нет приведенное выше его сообщение, оно все же показывает, что Давид-бек не щадил даже близких друзей, когда речь шла о нарушении боевого долга.

Под руководством Давид-бека повстанцы разгромили объединенные силы капанского хана, баргусатского хана и других персидских феодалов, освободили Капан и соседние восточные округа.

Народные массы Капана вели успешную борьбу и против турецкого нашествия, угроза которого нависла над восточными округами уже в 1724 г.

Летом 1724 г. турецкие войска захватили Ереван; в этом же году были заняты Нахичевань и Ордубат. Ханвей, говоря о походе турок на Тавриз, сообщает, что «в 1724 году турецкие войска заняли зимние квартиры в Ереване, Нахичевани и Ордубате»². Таким образом, во второй половине 1724 г. турецкие войска находились недалеко от Капана и Мегри.

6 ноября 1724 г. Абдулла-паша, занявший Ереван, получил приказ от султана приготовить войска к походу на Тавриз: «Стал паша снаряжать войско и заготовлять для него все необходимое. Когда все приготовления были закончены, он в феврале месяце 1174 года (1725 г.) выступил на Тавриз, а еще до того он прибыл в область Хоя»³. Весной 1725 г. турецкие войска начали наступление также в направлении Гянджи и Карабаха⁴. В феврале-марте 1725 г. части турецких войск вторглись в Капан, но были разбиты и изгнаны из страны войсками Давид-бека. В своем письме П. А. Толстому 11 мая 1725 г. Иван Карапет писал: «А ныне пришли гонцы из Иревана (т. е. Еревана), спрашивали, что ведом, сказали: семсот люди пришли с послом не знаю из нашев или из... Шахнаваз-хана человек, имя его Давуд-бек, он же живет [в] капанцкой земле, тамошний арманин собрал [к] себе, турк пришел, батали давал, от них многу побил. Ныне сказывают и там турки нет».

Следует отметить, что в понимании этого места из письма Ивана Карапета имеются существенные разногласия. Так, А. Мирзоян в своей работе «Армянское освободительное движение в Сюнике (1722—1730)» произвольно заменил слово «турки»

¹ Степанос Шаумян. История Давид-бека, стр. 40, 41.

² Н а п а у. Указ. соч., т. II, стр. 154.

³ Абраам Ереванци. История войн 1721—1736 гг. (русский перевод), стр. 30.

⁴ Г. Э з о в. Указ. соч., стр. 418—421; см. также: Н а п а у. Указ. соч., т. II, стр. 177.

словом «персы». Он пишет: «...Находившийся в сгнахах «элчи» Иван Карапет 11 мая 1725 г. написал Петру Андреевичу Толстому (!): Давид-бек ныне живет в Капане. Тамошних армян он собрал вокруг себе и вступил в бой против персов и многих перебил. Ныне говорят, что там персов нет»¹ (разрядка моя. — П. А.). В другой своей статье «К вопросу о послании Мхитар-бека русскому правительству» А. Мирзоян заявляет, что указанное письмо Ивана Карапета не относится к туркам, что там речь идет о борьбе Давид-бека «против местных ханов и беков»². Между тем в письме Ивана Карапета говорится не о персах и не о «местных ханах и беках»: там прямо речь идет о наступлении турецких войск. В этом письме Иван Карапет рассказывает: 1) о намерении турецких войск захватить города и местности, находящиеся на берегах Куры; 2) об истреблении турецких войск карабахскими армянами (о чем подробнее писали армянские военачальники в своих письмах от 10 марта 1725 г. Петру I и Вахтангу VI); 3) о заключении мира между персами и карабахскими армянами с целью совместной борьбы против турецких войск; 4) о борьбе восставших армян под руководством Давид-бека против турецких войск, вступивших в Капан весной 1725 г.

Для выяснения вопроса считаем необходимым привести письмо Ивана Карапета П. А. Толстому от 11 мая 1725 г.: «Ежели поз[в]олишь спрашивать здешные ведома, им же (т. е. карабахским военачальникам. — П. А.) написано [в] печатанной бумаг[е]: десять печать есть, здешни главнишаны печатали. А эти турки, которые пришли около Куры у Ахназар-бека, он их завел; а эти три паша, [о] которых им написано³, там советовали, что как мы поедим [в] арманцки земля (т. е. армянские земли. — П. А.) из всяки[х] сгнах[ов] узбаши звать к себе, всему кафтан подарки ладан им давать, покамести войдем [во] всех город[ах], которые есть на Курах, станим главниш рубить, а землями мы будем владеть. На тридцать три деревни по котор[ым] повели, [армяне] два дня [их] кормили. Они почали сильно многие дела делать, а здешний народ советовали, что мы ежели ни урубим, ни будем жив: которых по частям рубили, малое числа ушли. Нынче думает народ: будет ли от велик[ово] царя нам милость или нет. Коли скоро милость до нас не будет, наш Арманцки народ вес проподем. Как это дело сделали, пошли с Кызылбашем мир: двасто голова

¹ «Труды Государственного исторического музея Армении», т. II, 1950, стр. 167.

² «Известия Академии наук Армянской ССР», 1952, № 8, стр. 94.

³ См. письма армянских военачальников Петру I и Вахтангу VI. — Г. Э з о в. Указ. соч., стр. 418—421.

послали до шаха, Калбалибеком мир пошли да вернули[сь]. А ныне пришли гонцы из Иревана, спрашивали, что ведом, сказали: семсот люди пришли с послом не знаю из нашев или из... Шахнаваз хана человек, имя его Давуд-бек, он же живет [в] капанцкой земле, тамошний арманин собрал [к] себе, турк пришел, батали давал, от них многу побил. Ныне сказывают и там турки нет.

Ежели изволишь спрашивать у каво я живу, — я живу [у] Тархан-юзбаши, он мене кормит, сколько время [что] не жив, не мертвый от печала: ни один ведом. Три-четыре раз[а] просил д[а]й[т]е мене один письма, я пойду назад, [они] сказали ты пойдешь, наш народ вес проойдет, мы не можем тебе отказать (т. е. тебя отпустить)»¹.

Приведенное письмо Ивана Карапета важно тем, что в нем не только говорится о борьбе капанских армян против вторгнувшихся в Капан турок, но и рассказывается об истреблении турецких войск в Карабахе. Из сообщений Ивана Карапета, Абраама Ереванци и Ханвея выясняется, что турецкие войска, действовавшие в Закавказье, получили приказ весной 1725 г. начать общее наступление по двум направлениям: по направлению Тбилиси—Гянджа—Карабах и по направлению Ереван — Хой — Тавриз. Чтобы обезопасить тыл войск, наступающих на Тавриз, турецкое командование стремилось уничтожить вооруженные силы армян как в Карабахе, так и в Капане. С этой целью турецкие войска в начале марта 1725 г. вступили со стороны Гянджи в Карабах и со стороны Нахичевани — Ордубата в Капан, но они были истреблены азербайджанскими и армянскими войсками в Гяндже и Карабахе и войсками Давид-бека в Капане.

Турецкие войска, как было отмечено выше, из Еревана выступили в поход на Тавриз в феврале 1725 г. Тавриз находится от Еревана «на расстоянии двенадцатидневного пути»². Но на этот двенадцатидневный путь туркам потребовалось около 4 месяцев. В течение 40 дней турецкие войска стояли на подступах к Хою, а после взятия этой крепости «османский папа пробыл там 28 дней и затем, выделив часть войска на охрану взятой крепости, двинулся в поход на Тавриз»³. Таким образом, турецкие войска задержались у крепости Хой более двух месяцев. Причиной задержки турецких войск под Хоем было, повидимому, не только вооруженное сопротивление местных жителей, но и истребление турецких войск под Гянджой,

¹ АВПР, ф. «Сношения России с Арменией», 1725, д. № 2, л. 6; 1739, д. № 2, л. 50; см. также «Советакан Гракануотюн», 1942, № 7, стр. 130.

² Абраам Ереванци. История войн 1721—1736 гг. (русский перевод), стр. 55.

³ Там же, стр. 30.

в Карабахе и Капане. После взятия крепости Хой дорога в Тавриз была открыта для турецких войск, не встречавших более серьезного сопротивления, а между тем они подошли к Тавризу лишь в июне 1725 г.¹

Успешные действия армянских войск в Капане и в Карабахе не только вымотали силы турок и задержали их продвижение к Тавризу, но и явились причиной того, что шах Тахмасп признал права армянских военачальников и послал им подарки и грамоты. В указанном выше письме от 11 мая 1725 г. Иван Карапет, рассказывая об истреблении турецких войск в Карабахе, сообщает, что «ныне здешни народ почили з Кызылбашем мир, а шах послал подарки по [о]дному кафтану [каждому] узбашам, и ныне стал [посылать] по два, помирили[сь]»². Степанос Шаумян пишет, что в 1727 г. шах Тахмасп, удивляясь храбрости Давид-бека и его воинов, послал ему подарки и грамоту, в которой он признал власть Давид-бека и предоставил ему право чеканить монету³. Указанную Степаносом Шаумяном дату (1727) следует считать недостоверной. С августа 1725 г. Тавриз был взят турецкими войсками и связь между Тахмаспом и армянскими военачальниками была прервана. Мы склонны думать, что армянские военачальники, в том числе и Давид-бек, шахские подарки и грамоту получили весной 1725 г., о чем свидетельствует не только письмо Ивана Карапета, но и тот факт, что до августа 1725 г. Тавриз находился все еще в руках шаха Тахмаспа, который с целью совместной борьбы против наступающих турецких войск послал армянским военачальникам подарки и грамоты.

После 60-дневной осады и ожесточенных боев, ценою больших потерь, турецким войскам удалось в августе 1725 г. захватить Тавриз. «Когда перестали резать и город умиротворился, Абдулла-паша устроил парадный смотр войскам и увидел, что от ста пятидесяти восьми тысяч войска осталось у него всего лишь 42 тысячи»⁴. Часть турецких войск погибла при взятии Тавриза, часть была оставлена в Хое и других городах, а третья часть, двинувшаяся в Капан, была разгромлена армянскими отрядами, возглавляемыми Давид-беком.

Освободительное движение в Капане, так же как и в Карабахе, развивалось под знаменем присоединения к России. Об этом свидетельствует письмо Ивана Карапета, который,

¹ Н а н в а у. Указ. соч., т. II, стр. 176.

² АВПР, ф. «Сношения России с Арменией», 1725, д. № 2, л. 6; см. также «Советакан Граканутюн», 1942, № 7, стр. 131.

³ См. Степанос Шаумян. История Давид-бека, стр. 58—59.

⁴ Абраам Е р е в а н ц и. История войн 1721—1736 гг. (русский перевод), стр. 31.

возвращаясь из Капана в Карабах, писал в Россию 18 июня 1724 г., что когда он показал капанским армянам грамоту Петра I, то они «все единогласно говорят: мы подданные царя»¹. В последующие годы движение за присоединение к России приобрело в Капане еще большую силу, подтверждением чему является послание Мхитар-бека и его военачальников к русскому правительству.

После смерти Давид-бека во главе капанского движения встал военачальник Мхитар-бек. В надписи на могиле Мхитар-бека сообщается, что он был родом из Гянджи. Подобно Давид-беку он носил титул «бека» не по праву родового происхождения, а как военный организатор и руководитель капанских армян. Как Давид-бека, так и Мхитар-бека мы считаем представителями интересов и руководителями движения народных масс.

Выше уже говорилось, что Давид-бек погиб, повидимому, в конце 1725 или в начале 1726 г. (до 24 марта 1726 г.). С этого времени во главе капанского движения находился Мхитар-бек, о чем свидетельствует его послание русскому правительству от 24 марта 1726 г. Мхитар-бек, как прямо говорится в его надгробной надписи, трагически погиб в 1727 г.

В исторической литературе обычно принято считать, что смерть Давид-бека последовала в 1728 г., в связи с чем Мхитар-бек признается руководителем движения с 1728 до 1730 г. Выше уже указывалось, что эти данные неверны; но, поскольку подобные ошибки в исторической литературе повторяются до последнего времени², следует более подробно рассмотреть данные источников, связанные с деятельностью и трагической гибелью Мхитар-бека.

В исторической литературе смерть Мхитар-бека датируется 1730 г. в соответствии с сообщением Степаноса Шаумяна. Однако эта дата, как и некоторые другие даты, называемые Степаносом Шаумяном, не соответствует действительности. Так, например, повествуя о событиях, развернувшихся после освобождения Мегри от турок, историк сообщает, что в 1727 г. мелик-Мусе из Акулиса восстал против Давид-бека и во время столкновения с ним убил мелик-Парсадана, военачальника Давид-бека³. Между тем в надгробной надписи мелик-Парсадана говорится, что он умер в 1724 г.⁴ Следовательно, мятеж

¹ АВПР, ф. «Сношения России с Арменией», 1739, д. № 2, л. 64: «*որոշ արարերն ասով ան, թէ իւր կաշառքին ծառայանք...*» (из письма Ивана Карапета от 18 июня 1724 г.).

² См. И. П. Петрушевский. Очерки..., стр. 301, 333, 334; учебник «История армянского народа», 1951, стр. 255.

³ Степанос Шаумян. История Давид-бека, стр. 62, 63.

⁴ «Азгагракан Авдэс», 1904; XII, стр. 188.

в Акулисе против Давид-бека происходил не в 1727 г., как утверждает Степанос Шаумян, а в 1724 г., т. е. еще до вторжения турецких войск, когда «...акулиские ишханы (владельцы, правители. — П. А.) тайно были в союзе с османцами»¹. Хотя Степанос Шаумян относит этот «тайный союз» к 1727 г., все же не приходится сомневаться в том, что он имел место в 1724 г.; в 1727 г. турки уже не нуждались в «тайном союзе» с акулискими феодалами, ибо в это время Акулис находился в их руках. Следует предположить, что именно этих акулиских правителей и их переговоры с находившимися в то время в Ереване турками имеет в виду Ханвей, когда пишет, что «в начале августа (1724) армяне из Нахичевани послали к нему (т. е. к турецкому паше. — П. А.) своих представителей. Жители отчаялись получить помощь от персов и боялись жестокости турок. Через своих посланцев они предложили паше занять их страну. После этого он приказал курдским военачальникам отправиться туда с двенадцатью тысячами человек. К ним он присоединил еще тысячу турок под предводительством Ибрагима Ага. Как только эти войска появились в провинции, армяне взяли за оружие. Персы были изгнаны из Нахичевани и Ордубата. Это обстоятельство и захват Еревана привели к тому, что большая часть Великой Армении оказалась под турецким игом»². После этого, как было отмечено выше, Ханвей рассказывает о том, что в 1724 г. турецкие войска зимовали в Ереване, Нахичевани и Ордубате.

Повествуя о событиях, развивавшихся в 1725 г., Степанос Шаумян неожиданно сообщает, что брат ереванского хана с крупными силами прибыл в Ордубат, чтобы отправиться в Ереван на помощь находившимся там персам. В связи с этим историк упоминает о столкновении, происшедшем между мегрийскими армянами и ордубатскими владельцами во главе с Сефи-Кули³. В этом сообщении Степаноса Шаумяна хронологическая ошибка очевидна, ибо Ереван был взят турецкими войсками летом 1724 г. Следовательно, персидские войска, отправившиеся на помощь ереванскому хану, прибыли в Ордубат не в 1725 г., а в 1724 г. Отсюда ясно, что столкновение между мегрийцами и войсками Сефи-Кули происходило не в 1725 г., а летом 1724 г.⁴

¹ Степанос Шаумян. История Давид-бека, стр. 63.

² Н а п в а у. Указ. соч., т. II, стр. 152.

³ Степанос Шаумян. История Давид-бека, стр. 33—36.

⁴ Лео, заметив эту хронологическую ошибку Степаноса Шаумяна, не считает нужным исправить ее; он не находит также нужным узнать, почему персидские войска прибыли в это время в Ордубат, ибо все это, по его убеждению, «не имеет непосредственной связи с восстанием в Ка-

Спутав даты гибели мелик-Парсадана, мятежа акулисских меликов и столкновения в Мегри, Степанос Шаумян соответственно искажил даты смерти Давид-бека и Мхитар-бека. Ему последовали Чамчян, Лео, И. П. Петрушевский и другие историки. Однако, вопреки сообщению Степаноса Шаумяна и мнению указанных историков, надгробная надпись Мхитар-бека показывает, что он трагически погиб в 1727 г. В надгробной надписи говорится: «Здесь покоится прах Мхитара, имевшего власть и великую славу. Он ушел [из этого мира] в цвете молодости, не достигнув заветной цели; он был родом из страны Гянджи, погиб мученической смертью в 1176 (1727) году»¹.

* * *

Потерпев поражение в боях с войсками Давид-бека весной 1725 г., турки не отказались, однако, от своих планов завоевания Капана. Ровно через год, весной 1726 г., крупные силы турецких войск во второй раз вступили в Капан, о чем говорится как в «Истории Давид-бека» Степаноса Шаумяна, так и в послании Мхитар-бека.

Когда многочисленные турецкие войска под предводительством Пекир-паши и Арап-Али-паши вступили в пределы Капана, к ним присоединились со своими войсками баргушатский султан Батали-хан, кочевые племена Карачерлу, «обитатели Черной горы», а также некоторые армяне (повидимому, представители феодальной верхушки) из Мегри, Чавндур, Капана, Акулиса и т. д.²

Степанос Шаумян искажает дату смерти Давид-бека, но он правильно указывает, что после смерти Давид-бека его «воины, объединившись, назначили своим главным начальником Мхи-

пане» (см. Лео. История Армении, т. III, стр. 684). Однако, если бы Лео обратил на эти сообщения внимание, то он не повторил бы ошибки Степаноса Шаумяна, считая, что признание власти Давид-бека шахом Тахмаспом, а также мятеж мелик-Мусе в Акулисе относятся к 1727 г. (там же, стр. 692—694).

¹ Надгробная надпись, имеющаяся на могиле Мхитар-бека, издана Е. Лалаяном («Азгагракан Андэс», 1899, стр. 35). Доверчиво отнесясь к сообщениям Степаноса Шаумяна, Лео считает указанную в надписи дату неправильной и предлагает вместо 1176—1727 г. считать 1179—1730 г. — см. Лео. История Армении, т. III, стр. 698, прим. 3. Следует отметить, что при повторном издании этой надписи Е. Лалаян под влиянием традиционной армянской историографии изменил дату смерти Мхитар-бека на 1179, т. е. 1730 г. (см. «Азгагракан Андэс», 1905, XII, стр. 197).

² Общую численность наступающих сил врагов Степанос Шаумян указывает в количестве 60—70 тыс. «конных и пехотинцев», которым якобы противостоял «Давид-бек с 17 вооруженными людьми» (см. его «Историю Давид-бека», стр. 44—45).

тар-спарапета», который 24 марта 1726 г., во время вторжения турецких войск в Капан, от имени капанских армян обратился к русскому правительству со специальным посланием, содержащим просьбу о помощи. В послании Мхитар-бека русскому правительству отражены основные исторические события, развернувшиеся в Капани в период освободительного движения: набеги дагестанских феодалов, разорение населения персами, нашествие турецких войск и напряженная борьба армян против завоевателей. Ниже мы приводим русский перевод (датированный 14 июня 1726 г.) послания Мхитар-бека и его военачальников.

«Божиею милостию царю царствующему императору великому, христианскому и боголюбивому.

И императорского величества государственным министрам, генералам фельт маршалом, и прочим воинского чина высоким людям.

Мы, нижеименованные, по всеподданнейшем нашем коленопреклоненном поклонении рабски доносим первое: что проклятые лезгинцы пришед к нашим христианским местам, многое разорение людям причинили, а наипаче монастыри, церкви наши благочестивые совсем безостатку разорили, многих людей побили, прочих же христиан немалое число в полон побрали, отчего мы оставшие пришли в превеликую нашу гибель, второе: к тому ж нашему несчастию приходили к тем же нашим местам персияне с собранною своею конною и пехотною великою силою и на наши места нападали и некоторое нашим людям разорение починили. Чего ради мы разоренные христиане тогда мало помалу от них персиян отошли и в крепких гористых местах собрание своих людей немалое число возымели и в тех местах засели и укрепились, и не имея ни откуды себе помощи сидели одни без всякой нам от них обиды, також на помощь божию надеемся будучи в таких крепких местах и впредь быть от них свободным: однакож по некотором минувшем времени, оные персияне с нами христианы учинили баталию, на которой наши люди и викторию над ними персияны одержали; где многое число оных персиян побили, нашим же людям тогда малой урон учинили, а потом видя оные персияне, что от наших людей побеждены, возвратись назад многие наши монастыри и церкви також и жилище разорили и многих людей побили и в полон побрали при вышереченной же баталии наших полонных христиан (прежде побранных лезгинцами) некоторое число наши назад возвратили, третье: потом в скором времени пришли к нашим местам турки как конные, так и пехотные множественное число, где оные турки, в наших христианских местах многие монастыри и церкви села и деревни весьма без остатку разорили, також многих

христиан побили (малых и больших) и в полон побрали, а над женским полом, как сведским, так и монахиням, великое ругательство по своему варварскому обыкновению починили. После же того спустя несколько времени оные ж турки, поворачаясь от тех мест, пришли к нашему ж собранию под крепкие места, и хотят нас всех от сих мест выгнать, и без остатку разорить. Но мы, надеясь на помощь божескую, на них безбожных турков пошли, и за счастьем нашего императорского величества, с ними турками учинили баталию, на которой их турков от наших крепких мест прогнали, и многих их побили, и при той же баталии прежних полонных христиан несколько от них турков возвратили; а понеже ныне оные ж турки еще собрався великим многолюдством, со всех четырех сторон наши крепкие места обступили так, что нашим людям ни в которую сторону за безсилием нашим против их турков противиться невозможно, того ради мы нижайшая и всеподданнейшая рабы вашего императорского величества со всею нашею покорою рабски просим дабы ваше императорское величество для всемогущего бога и его богоматери ради нашего христианства в том нашем бедстве и ином пребывании повелели нам вспомошествовать и нас сирых христиан от тех всех безбожных варваров, высоко милосердым своим призрением освободить, чтобы нам всем не попасть в их варварские руки з женами и з детьми в вековую работу, и у них бы бедственно нам не пострадать, ибо уже о четыре года есть каким образом мы все здесь от всех варваров, терпим всякия бедственные гонения и несносные разорения. Сего ради всеподданнейше и всепокорнейше мы сырые повторне просим, чтоб российские министры и протчие главные генералы вашему императорскому величеству о нас бедственных и весьма разоренных, ясно могли донести, дабы для пользы всего христианства от всех безбожных варваров, через вашего императорского величества милосердно милостивую помощь нам всем здешним христианам избавленным быть: и как возможно, чтоб то вспомошествование учинено было вскорости. Впрочем рекомендуем мы себя, в высокомилосердную вашего императорского величества протекцию»¹.

¹ АВПР, ф. «Сношения России с Арменией», 1726, д. № 4, лл. 3—8 (русский перевод послания). Этот документ опубликован нами в третьем номере «Известий Академии наук Армянской ССР» за 1952 г. Следует отметить, что в нашей статье «Послание Мхитар-бека русскому правительству» совершенно не достаточно освещены события в Капане и допущен ряд неточных и ошибочных формулировок, подвергшихся справедливой критике в статье А. Мирзояна «К вопросу о послании Мхитар-бека русскому правительству».

Послание руководителей капанского движения было составлено и послано в Россию без участия Давид-бека. Это обстоятельство

Послание написано от имени руководителя капанского движения — «перваго начальника армянского Мхитар-бека, а при нем юзбаша Елиазара, да Назир-Елиазара, и прочих юзбаша Автандил-бека, Папаса, Паиндура, Зохрана», юзбаша Ованеса и капанского мелика Паласана¹.

Как видно из приведенного послания Мхитар-бека, турецкие войска дважды вступали в пределы Капана: первый раз — в 1725 г., когда армяне под руководством Давид-бека «их турков» — от крепких мест Капана прогнали, а второй раз — в 1726 г., о чем говорится как у Степаноса Шаумяна, так и в послании. Однако, если в сообщении Степаноса Шаумяна правильно указана дата вторичного вторжения турок, то его сообщение о том, что в 1726 г. армянскими войсками в бою против турок предводительствовал Давид-бек, не соответствует действительности, ибо, как видно из послания, в 1726 г. армянами руководил не Давид-бек, а Мхитар-бек. Это косвенно подтверждается и некоторыми сообщениями самого Степаноса Шаумяна.

Описывая события 1726 г., Степанос Шаумян по существу передает подробности, относящиеся к Мхитар-беку. Так, описывая осаду Алидзора турецкими войсками и бои, происходившие между осаждавшими и осажденными, Степанос Шаумян сообщает, что на седьмой день осады «Мхитар-

в указанной нашей статье объясняется тем, что Давид-бек умер до отправления послания в Россию. А. Мирзоян, выступая против этой точки зрения, заявляет, что Давид-бек в это время был жив, но не принял участия в составлении послания, так как был в ссоре с Мхитар-беком, и что это послание является делом Мхитар-бека, который якобы в начале весны 1726 г., в момент составления и отправления послания, «был недоволен Давид-беком» и в эти «тяжелые дни мстительно (!) отвернулся от него (т. е. от Давида-бека. — И. А.)» и «втайне» написал послание русскому правительству с просьбой о помощи (см. «Известия Академии наук Армянской ССР», 1952, № 8, стр. 92). А. Мирзоян, считая обращение Мхитар-бека к русскому правительству с просьбой о помощи результатом «временного отхода» Мхитар-бека от Давид-бека, этот «отход» называет «неоправимой ошибкой с его стороны» (там же, стр. 97).

Таким образом, А. Мирзоян, повидимому, считает послание Мхитар-бека русскому правительству делом узкого круга людей, которые, отойдя от освободительного движения, «втайне» (!) написали и отправили это послание в Россию. Повидимому, А. Мирзоян не замечает, что этим объяснением он умаляет историческую важность и значение этого документа как свидетельства о движении армянского народа за присоединение к России.

¹ АВПР, ф. «Сношения России с Арменией», 1726, д. № 4, л. 8. В конце русского перевода послания написано: «У подлинного армянского письма назади восемь печатей чернильные с именами. А имянно перваго начальника армянского Мхитар-бека, а при нем юзбаша Елизара, да Назир-Елизара и прочих армян — Автандиля, Папаса, Бандура, Зурапа, Мартироса». Армянский текст послания см. там же, л. 2.

спарапет и Тер-Аветис ободрили [осажденных] и призвали к оружию и борьбе. Тогда войска собрались вокруг них (кроме тех, которые охраняли стены крепости), они вооружили [их] и подготовили [к бою], надели оружие и возбудили [у осажденных] гнев против неприятеля»¹. Тут же Степанос Шаумян пишет, что Мхитар-бек и Тер-Аветис во главе 300 преданных им воинов вышли из крепости через потайной ход². Из этого сообщения Степаноса Шаумяна видно, что организатором прорыва осады крепости Алидзор был Мхитар-бек³.

Прорвав осаду Алидзора, армяне своим внезапным нападением на противника вызвали сильную панику среди осаждавших; потерпев большой урон, турки обратились в бегство. По сообщению Степаноса Шаумяна, в числе трофеев, захваченных у турецких войск, было 148 знамен⁴.

После освобождения крепости Алидзор и всего Капана от турецких войск восставшие армяне под руководством Мхитар-бека и других военачальников решили изгнать турок также из Мегри. Они собрали мегрийцев, которые, спасаясь от турок, разбежались и укрылись в горах, организовали их и устроили засаду на подступах к Мегри. «Мхитар-спарапет и Тер-Аветис и те, которые были с ними, обнажив свои мечи, напали на крепость (Мегри) и убили османского сборщика податей, а остальных заставили обратиться в бегство и самого османского пашу загнали в малый околоток Мегри». Одновременно турок атаковали армянские войска, которые находились в засаде на подступах к Мегри. Турецкие войска вынуждены были бежать из Мегри. Они отступали по ущелью «Узун-банд» к Араксу. Но и там их ожидали армянские воины, которые преградили выходы из ущелья. В этом столкновении турки понесли большие потери; армянским войскам удалось захватить много трофеев, а также податные списки. Списки были сожжены⁵.

Однако эти успехи оказались непродолжительными, так как вскоре начались раздоры среди армянских военачальников и руководителей, один из которых, священник Тер-Аветис.

¹ Степанос Шаумян. История Давид-бека, стр. 49. Спрашивается: если Давид-бек был в крепости, то почему подготовкой войск к прорыву осады и самим прорывом непосредственно руководил Мхитар-бек?

² Там же, стр. 50.

³ Нам кажется, что имя Тер-Аветиса упоминается здесь неправильно, так как из послания не видно, что он в это время находился в крепости. Если бы этот священник действительно был одним из руководителей армянского войска в этот период, то вряд ли он не подписал бы послания или не упоминался бы в нем.

⁴ Степанос Шаумян. История Давид-бека, стр. 52.

⁵ Там же, стр. 53—56.

оказался предателем и перешел на сторону турок. Последние, получив подкрепление, вновь приступили к осаде крепости Алидзор, откуда Мхитар-бек вынужден был бежать в деревню Хидзореск. В 1727 г. он был убит в деревне Хидзореск предателями.

По сообщению Степаноса Шаумяна, старшины Хидзореска убили Мхитар-бека, а его отрубленную голову послали турецкому паше в Тавриз, чтобы показать свою покорность туркам¹.

В том же 1727 г. на сторону турок перешли старшины Чавидура. Степанос Шаумян, повествуя об их измене, утверждает, что это был мятеж против Давид-бека, который якобы «смирил их»². На самом деле мятеж был направлен против Мхитар-бека и, возможно, был связан с изменой Тер-Аветиса.

В результате нового наступления турецких войск, а также измены Тер-Аветиса и чавидурских старшин в Капане создавалась чрезвычайно тяжелая обстановка. После 1727 г. организованное движение в Капане пошло на убыль, что сказалось и на развитии событий в Карабахе. Как было отмечено выше, Карабах имел тесные связи с Капаном, и они взаимно поддерживали друг друга. Капан представлял собой источник силы для Карабаха. Когда же капанское движение ослабело, армянские сгнaхи в Карабахе оказались в чрезвычайно тяжелом положении, ибо открылась возможность проникновения турецких войск в Карабах через Капан — Зангезур. Упадок карабахского движения и отъезд в Россию в начале 1728 г. Ивана Карапета, а также 25 карабахских военачальников и старшин во главе с Аваном-юзбаши и Тарханом-юзбаши³, непосредственно связан с упадком освободительного движения в Капане.

Освободительное движение в Капане выдвинуло таких руководителей, как Давид-бек и Мхитар-бек, отдавших свою жизнь делу освобождения своего народа от персидского и турецкого ига. Деятельность Давид-бека охватывает первый период капанского движения (с 1722 по 1725—1726 гг.). После смерти Давид-бека (с весны 1726 по 1727 г.) движение возглавил Мхитар-бек. Его послание к русскому правительству, а также факты сожжения податных документов не только отражают социальную и политическую направленность капанского движения в тот период, но и характеризуют Мхитар-бека как руководителя этого движения.

¹ Степанос Шаумян. История Давид-бека, стр. 72.

² Там же, стр. 77.

³ В сообщении Тархана-юзбаши говорится: «В 1728 г. выехали мы нижеименованные из отчества своего из армянского собрания, называемого Сагнак в Россию...» (АВПР, ф. «Сношения России с Арменией», 1736, д. № 1, л. 11—12; см. также Г. Эзов. Указ. соч., стр. 460).

Как Давид-бек, так и Мхитар-бек до 1722 г., т. е. до начала освободительного движения, не имели ни власти, ни каких-либо владений в Капане. Если народное предание связывает происхождение Давид-бека с семейством Мелик-Парсаданянов (что, однако, весьма сомнительно, ибо прямых данных об этом в источниках нет), то происхождение Мхитар-бека нигде не связывается с капанскими влиятельными семействами, а в его надгробной надписи ясно указано, что Мхитар-бек был родом из Гянджи (т. е. был гянджинским армянином).

А. Мирзоян, считая наше мнение о дате смерти Мхитар-бека ошибочным, пишет, что оно «приводит к тому, что героическая трехлетняя (1727—1730) борьба армянского народа против турецких захватчиков фактически отрицается»¹.

В указанной выше статье А. Мирзоян пишет, что армянский народ в Сюнике боролся против персидских и турецких захватчиков не 5 (1722—1727), а 8 лет (1722—1730)².

В связи с этим следует отметить, что уточнение даты смерти Мхитар-бека (1727) не означает отрицания борьбы армянского народа против турецких войск после 1727 г. Эта борьба ослабела, но тем не менее она не прекращалась и в дальнейшем, о чем сохранились данные в народном предании. Согласно этим данным, после смерти Мхитар-бека некоторые капанские старшины (Айваз-бек, мелик-Гукас и другие) продолжали вести борьбу против турок и поддерживавших их местных феодалов. По данным народного предания, Айваз-бек, мелик-Гукас и другие старшины подняли на борьбу против турецких завоевателей население деревень Каджаранц, Пухрут, Пир-Мазра, Крдиканц, Ханд и др. Жители этих деревень — «женщины, юноши, девушки, вооружившись, чем могли: лопатами, топорами..., собрались на равнине Геолчука, недалеко от деревни Калер». После кровопролитного столкновения турки обратились в бегство³. Борьба крестьян под руководством деревенских старшин против персидских и турецких завоевателей отражена в рассказе о танутере Баба из деревни Карчеван. Согласно преданию, танутер деревни Карчеван по имени Баба требовал от турок, чтобы они убрались из деревни. Отклонив его требование, турки стали угрожать населению деревни. В ответ на это Баба истребил всех этих турок. Некий ходжа-Саркис из деревни Манлев сообщил о поступке старшины Баба владельцу этой местности Дюзалухану, который заставил Баба принять ислам. После этого хан назначил Баба окружным минбаши в Мегри. Танутер Баба,

¹ См. «Известия Академии наук Армянской ССР», 1952, № 8, стр. 87.

² Там же, стр. 98.

³ «Азггагран Андэс», 1904, XII, стр. 197—198.

воспользовавшись своей должностью и доверием хана, схватил в ущелье Леваз 12 персидских знатных людей и перебил их всех, обвинив их в измене и в намерении перейти на сторону турок¹. В этом рассказе о поступке танутера Баба отражена продолжавшаяся борьба армянских крестьян против персидских и турецких завоевателей. Опасность самому существованию армянского народа со стороны турок побуждала некоторых армянских старшин переходить на сторону персов и с ними вместе вести борьбу против турецких войск. В частности, в 30-х годах XVIII в. пять армянских сотников со своими отрядами вступили в ряды войск Надира, чтобы изгнать турок из страны².

Героическая борьба армянского народа в первой трети XVIII в. не привела тогда к освобождению страны, но она пролагала путь к избавлению от гнета персидских и турецких ассимиляторов, к присоединению Восточной Армении к России, которое и было осуществлено в 20-х годах XIX в.

¹ «Азгагракан Андэс», 1904, XII, стр. 199.

² См. Абраам Ереванци. История войн 1721—1736 гг. (армянское изд.), стр. 76.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В XVI—XVIII вв. Армения была разделена между сефевидской Персией и султанской Турцией. Народные массы Армении подвергались жестокому гонению. Армянское крестьянство беспощадно эксплуатировалось персидскими и турецкими ханами, пашами и чиновниками, а также «собственными» армянскими феодалами. В течение всего XVII в. в восточных округах Армении происходили крестьянские волнения, направленные как против персидских завоевателей, так и против армянских феодалов — светских и духовных. Активные выступления крестьянства сыграли решающую роль в подготовке почвы для массового освободительного движения армянского народа в 20-х годах XVIII в.

В борьбе против «непокорных» крестьян персидские и армянские феодалы выступали общими силами. Однако между ними существовали и серьезные противоречия, особенно обострившиеся в период кризиса и развала Сефевидской державы.

Конец XVII — начало XVIII в. характеризуется глубоким экономическим упадком; резким усилением налогового гнета сефевидских властей; расширением турецкой агрессии в Закавказье; особенно жестоким преследованием культуры, языка, быта и нравов армянского народа со стороны персидских и турецких ассимиляторов.

В этих условиях возникло и стало быстро развиваться освободительное движение армянского народа, неразрывно связанное с его борьбой за присоединение к России. Данные источников показывают, что уже в конце XVII — начале XVIII в. армяне, как и другие народы Закавказья, связывали свои надежды на избавление от гнета персидских и турецких захватчиков с возможностью присоединения к России. Само освободительное движение народов Закавказья с момента своего возникновения опиралось на все возрастающую поддержку России. Персидский поход Петра I, деятельность русского представителя в сгнахах Ивана Карапетя сыграли важную роль в развитии освободительного движения как армянского, так и других народов Закавказья. Значение этой поддержки было тем более велико, что она оказывалась в момент

подъема освободительного движения, вылившегося в вооруженную борьбу против персидских и турецких завоевателей.

В 20-х годах XVIII в. Сефевидское государство, давно уже вступившее в полосу глубочайшего кризиса, оказалось в состоянии полного развала. В ослаблении Сефевидского государства определенную роль сыграла борьба народов Закавказья против персидского владычества. В обстановке развала государства Сефевидов, последний удар которому нанесло афганское нашествие, эта борьба приобрела характер массового вооруженного выступления.

В 1722 г. восставшие армяне и грузины объединили свои войска для совместной борьбы против персидских и дагестанских феодалов и ожидали под Гянджой прибытия русских войск, чтобы присоединиться к ним.

Главную силу армянского войска составляло крестьянство во главе со своими старшинами-танутерами. Без участия в движении крестьянства феодально-купеческая верхушка армянского общества не смогла бы начать открытую борьбу против персидских властей.

Данные документов показывают, что армянское крестьянство во главе со своими старшинами-танутерами принимало самое активное участие в разрешении важнейших вопросов освободительного движения (армяно-азербайджанский союз, обращение к России с просьбами о помощи и т. д.). В письмах и посланиях, направлявшихся армянскими меликами и военачальниками в Россию, постоянно подчеркивается активное участие в движении рамиков, «райя», «рамик жоговурд».

Наиболее отчетливо народный характер освободительного движения проявился в восточных округах Армении (Капан, Сисиан, Мегри). Народные массы восточных округов начали вооруженную борьбу еще раньше, чем представители армянской феодальной верхушки Карабаха. Если в Карабахе народные массы не выступали активно против «собственных» эксплуататоров, то в Капани и в других восточных округах крестьяне с оружием в руках боролись как против чужеземных поработителей, так и против поддерживавших их армянских феодалов.

Развалом Сефевидского государства пыталась воспользоваться султанская Турция. Султанское правительство, подстрекаемое Англией и другими западноевропейскими державами, стремилось захватить все Закавказье вплоть до Дербента и заставить здесь освободительное движение. Господство Турции с ее военно-феодальным, отсталым, реакционным режимом несло народам Закавказья разорение и истребление.

Вторжение турецких войск подняло на борьбу самые широкие народные массы армян, грузин, азербайджанцев. Армянский народ, как и другие народы Закавказья, выступавшие

с оружием в руках против Сефевидов и дагестанских феодалов, обратил свое оружие против турецких войск.

Заключив между собой союз и дружбу, народы Закавказья общими силами выступили против турецких войск. Приведенные выше данные источников показывают, что договоры между армянами и азербайджанцами о союзе и совместной борьбе против турок и дагестанских феодалов были заключены при непосредственном и активном участии народных масс. Эти договоры составлены не отдельными правителями или феодальной верхушкой армян и азербайджанцев, а представителями самых широких народных масс — «райя», рамиков.

Договоры о совместной борьбе армян и азербайджанцев против персидских и турецких захватчиков являются результатом освободительного движения и движения обоих народов за присоединение к России. Эти документы показывают, что освободительное движение армянского народа в первой четверти XVIII в. нельзя рассматривать или изучать изолированно, оторванно от истории освободительного движения грузин и азербайджанцев. Одним из основных источников силы и размаха освободительного движения армянского народа была его дружба и союз с грузинским и азербайджанским народами.

В период освободительного движения 20-х годов XVIII в. были созданы армянские военно-политические организации, которые назывались сгнахами в армянских и азербайджанских документах и «армянскими собраниями» — в русских документах. Организуя свои сгнахи («армянские собрания») в неприступных, укрепленных горных районах, армянские войска и население защищались там от набегов персидских и дагестанских феодалов, от нападений турецких войск. Со сгнахами вынуждены были считаться даже враги армянского народа — шахская Персия и султанская Турция. Если «странствующий шах» Тахмасп должен был признать самостоятельность сгнахов и просить их помощи против турок, то Турция не рисковала двинуть свои войска в Шемаху и Баку, боясь очутиться в тисках между сгнахами и русскими войсками.

В период освободительного движения выдвинулся ряд армянских военных и политических деятелей, возглавлявших борьбу против персидских и турецких войск, а также являвшихся организаторами союза с другими народами Закавказья и движения за присоединение к России. Особенно выделялись в 20-х годах Давид-бек, Мхитар-бек («спарпет»), Иван Карапет, Аван-юзбаши.

Ведя борьбу против персидского и турецкого владычества, армянский народ одновременно выступал за присоединение к России. Движение за присоединение к России

развивалось на базе существовавших экономических и культурных связей между Россией и армянским народом. Если в конце XVII в. движение за присоединение к России развивалось лишь в узком кругу верхушки армянского общества, то в 20-х годах XVIII в. этим движением были охвачены самые широкие народные массы, и прежде всего крестьянство, которое усматривало в присоединении к России путь к избавлению от турецко-персидского ига. Обращения армянских крестьян к России с просьбами о помощи показывают массовый, народный характер движения за присоединение к России, и этот момент следует считать одной из характерных черт истории армянского народа в первой четверти XVIII в.

Движением за присоединение к России в первой четверти XVIII в. были охвачены не только армянский и грузинский народы, но и народные массы Азербайджана. Установив в 20-х годах XVIII в. союз и дружбу с армянами и грузинами и выступая вместе с ними против персидских и турецких завоевателей, азербайджанцы обратились к Петру I с просьбой «укоротить захватнические руки турков, протянутые к нашей земле, и охранять эту землю». Послания гянджинских азербайджанцев к русскому правительству, а также договоры о дружбе и союзе с армянами, как и тот факт, что азербайджанцы ожидали прибытия русских войск в Гянджу, рассматривая их как своих избавителей, приводят к заключению, что движение за присоединение к России в первой четверти XVIII в. следует считать важным моментом в истории не только армянского и грузинского народов, но и азербайджанского народа.

Присоединение Закавказья к России произошло лишь в первой четверти XIX в. Однако это присоединение следует рассматривать как дальнейшее развитие тех тенденций, которые явственно обозначились еще в начале XVIII в. События 20-х годов XVIII в., когда армяне, грузины, азербайджанцы, поднявшиеся на вооруженную борьбу против персидских и турецких захватчиков, решили связать свою судьбу с судьбой великого русского народа, создавали известные предпосылки для присоединения Закавказья к России. Народы Закавказья видели в русском народе своего избавителя от невыносимого персидского и турецкого гнета.

В результате присоединения Восточной Армении к России армянский народ был не только спасен от опасности физического уничтожения, но одновременно получил условия для развития своей экономической и культурной жизни под благотворным влиянием великого русского народа. Присоединение Восточной Армении к России не принесло еще армянскому народу полного освобождения. Колониальная политика царизма,

грубый произвол царских чиновников около ста лет подавляли армянский народ, как и другие народы царской России. Однако благодаря присоединению Армении к России, армянский народ связал свою судьбу с судьбой русского народа и под его руководством поднялся на борьбу против царизма: «Немало голов сложено в освободительной борьбе трудящихся Армении против царских опричников»¹. Борьба армянского народа против царизма слилась с борьбой русского рабочего класса, высоко поднявшего знамя социалистической революции, знамя освобождения всех народов России от эксплуатации и гнета помещиков и капиталистов. Под руководством Коммунистической партии народы России одержали в октябре 1917 г. великую историческую победу, создали первое в мире социалистическое государство. Благодаря братской помощи Советской России армянский народ, веками терпевший невыразимые страдания и очутившийся при дашнаках на краю гибели, был спасен от истребления и империалистической кабалы.

29 ноября 1920 г. в Армении была установлена Советская власть: «Только идея Советской власти принесла Армении мир и возможность национального обновления»².

¹ Речь В. М. Молотова 30 декабря 1935 г. на приеме делегации трудящихся Армении. «Правда» от 31 декабря 1935 г.

² И. В. Сталин. Соч., т. 4, стр. 413.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Произведения классиков марксизма-ленинизма

- К. Маркс. Капитал, т. I, 1952.
К. Маркс. Капитал, т. III, 1953.
К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология. Соч., т. IV.
К. Маркс и Ф. Энгельс. Переписка 1844—1853. Соч., т. XXI.
Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. Госполитиздат, 1953.
В. И. Ленин. Развитие капитализма в России. Соч., т. 3.
В. И. Ленин. Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов. Соч., т. 13.
В. И. Ленин. О праве наций на самоопределение. Соч., т. 20.
И. В. Сталин. Да здравствует Советская Армения! Соч., т. 4.
И. Сталин. Вопросы ленинизма. Изд. 11.
И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1950.
И. В. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР. Госполитиздат, 1952.
История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс.

2. Источники

а) Архивные фонды

- Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА), фонд «Сношения России с Арменией», дела с 1670 до 1720 г.
Архив внешней политики России (АВПР), фонд «Сношения России с Арменией», дела с 1720 по 1740 г.
Ереванское государственное хранилище древних рукописей — Матенадаран, папки I—VI, архив эчмиадзинских армянских патриархов (диван армянских католиковосов).
Գիրք որ կոչի պատմութիւնԴաւիթ բէգին, և պատերազմաց հայոցն թափանու որք եղեն ընդդէմ թուրքաց Կ ընդուն ժամանակի. Մատենադարան, ձեռագիր № 6835, 4598, 3297 («Книга, именуемая История Давид-бека и войны капанских армян против турок...». Матенадаран, рукописи № 6835, 4598, 3297).
Որպէստե՞սիւնը խանաց Գանձակայ. Մատենադարան, ձեռագիր № 4463 («О положении ханов Гандзака». Матенадаран, рукопись № 4463).
Միջաշխիւ-բեկ Լալաբեկեան Մէլիք-Շահնաշարեան. «Վան ծագման Մելիք-Շահնաշարեան տոհմին». Մատենադարան, ձեռագիր № 7429 (Микаел-бек Лалабекян Мелик-Шахназарян, О происхождении рода Мелик-Шахназарянов. Матенадаран, рукопись № 7429).
«Բոթուկ». Մատենադարան, ձեռագիր № 3031 (Котук. Матенадаран, рукопись № 3031).

Համառոտ պատմութիւն թագաւորաց Օսմանցոց Մասննադարան, ձեռագիր № 1786 («Краткая история османских царей». Матенадаран, рукопись № 1786).

Կարգ և թիւ թագաւորաց Պարսից. Մասննադարան, ձեռագիր № 1786 («Хронология персидских царей». Матенадаран, рукопись № 1786).

б) Изданные источники

На русском языке

Абраам Ереванци. История войн 1721—1736 гг. Ереван, 1939. Акты Кавказской археографической комиссии (АКАК), т. I—VIII. Тифлис, 1866.

Ахмед-бек Джеваншир. О политическом существовании Карабахского ханства с 1747 по 1805 г. Шуша, 1901.

Волынский Арт. Журнал посла Волынского (Е. Зевакин. Азербайджан в начале XVIII века. Баку, 1929).

Закария Акулисский. Дневник. Ереван, 1939.

Краткое историческое и географическое описание царства армянского.... собранное на армянском языке в Индии, изданное Яковым Шамировым, а ныне с армянского на русский язык переведенное подпоручиком Варламом Вагановым. СПб., 1786.

Мирза-Ади-Гозал. Карабаг-Намэ. Баку, 1950.

Нахичеванские рукописные документы XVIII—XIX вв. Тбилиси, 1936 (1937).

Олеарий Адам. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906.

Описание Шекинской провинции, сост. ген. Ф. Ахвердовым и ст. сов. Могилевским в 1819 г. Тифлис, 1866.

Описание Ширванской провинции, сост. полковником Мадатовым и ст. сов. Могилевским в 1820 г. Тифлис, 1866.

Описание Карабахской провинции, сост. полк. Ермоловым и ст. сов. Могилевским в 1823 г. Тифлис, 1866.

Переписка на иностранных языках грузинских царей с российскими государями от 1639 по 1770 г. СПб., 1861.

Петрос ди Саргис Гиланенц. Дневник осады Исфагана афганцами, веденный Петросом ди Саргис Гиланенцем в 1722 и 1723 гг. СПб., 1870.

Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII века. М., 1904.

Полное собрание законов Российской империи с 1649 г., т. I—X. СПб., 1830.

Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа, ч. I, II, III. М., 1833—1938.

Соймонов Ф. И. Описание Каспийского моря и чиненных на оном российских завоеваний. СПб., 1763.

Указы Кубинских ханств. Тбилиси, 1937.

Шарден. Путешествие Шардена по Закавказью в 1672—1673 гг. Тифлис, 1902.

Шопен И. Исторический памятник состояния армянской области в эпоху ее присоединения к Российской империи. СПб., 1852.

Юзефович Т. Договоры России с Востоком. СПб., 1869.

Эзов Г. Сношения Петра Великого с армянским народом. СПб., 1898.

На армянском языке

Աբրահամ Երեվանցի. Պատմութիւն պատերազմաց 1721—1736 թ. Երեվան, 1938 թ. (Абраам Ереванци. История войн 1721—1736 гг. Ереван, 1938).

- Աբրահամ Կաթողիկոս Կրեատացի. Պատմութիւն անցիցն իւրոց և Նատիր շահին պարզից. Վաղարշապատ, 1870 (Абраам католикос Кретацци. История Абраама Кретацци о современных ему событиях и о Надир-шахе Персидском. Вагаршапат, 1870).
- Ալեքսանդր Ա. Կաթողիկոսի նամակը Հռոմի Գլեմենդոս (Կղեմէո) ԺԱ. պապին. «Փարոս», տետր երկրորդ, Մոսկվա, 1873 (Письмо католикоса Александра римскому папе Клименту XI. Сборник «Парос», 1873, кн. 2).
- Առաքել վարդապետ Դավրիժեցի. Պատմութիւն, Վաղարշապատ, 1896: (Араке́л вардапет Даври́жеци. История. Вагаршапат, 1896).
- Բաղրամեան Մ. Նոր տետրակ որ կոչի յորդորակ. Մադրաս, 1772 (Баграмян М. Новая книга, именуемая увещевание. Мадрас, 1772).
- Գրիգոր Դարանաղեցի. «Ժամանակագրութիւն Գրիգոր վարդապետի Կամախեցոյ կամ Դարանաղեցոյ, Նուսահեմ, 1915 (Григор Даранакегеци. Хроника. Иерусалим, 1915).
- Դավիթ-բեգ. Ընտիր պատմութիւն Դաւիթ բեգին և պատերազմացն հայոց իսլամիւ, որք եղեն ընդդէմ թուրքացի մերում ժամանակի, այնէ յամի տեառն 1722 և հայոց 1171...». Վաղարշապատ, 1871 (История Давид-бека и войны капанских армян против турок. Вагаршапат, 1871).
- Դիվան հայոց պատմութեան. գիրք Ը. Ժ. ԺԱ. Թիֆլիս, 1908—1913 (Архив армянской истории, кн. 8, 10, 11. Тифлис, 1908—1913).
- Ծսայր Կաթողիկոս Հասան Ջալալեան. Պատմութիւն համառոտ աղուանից երկրի. Նուսահեմ, 1868 թ. (Есаи католикос Хасан-Джалалян. Краткая история страны агванов. Иерусалим, 1868).
- Ջաքարիա Կարկավազ. Պատմագրութիւն. Վաղարշապատ, 1873 (Закария Саркаваг. История. Вагаршапат, 1873).
- Ջաքարիա Աղուեցի. Ջաքարիա Աղուեցոյ օրագրութիւնը. Նրեվան, 1938 (Дневник Закарии Акулисского. Ереван, 1938).
- Ժամանակագրակներ. հրատ. Գ. Սրվանձալանի. «Մանանայ», Կ. պոլիս. 1876 («Летописная хроника», опублик. Г. Срвандзтяном. «Мананай», Константинополь, 1876).
- Ժամանակագրութիւն Պետրոս դի Սարգիս Դիլանենցի. «Պոռնիկ հայոց աշխարհի», ամսագիր, Թիֆլիս, 1863 թ. (Дневник Петроса ди Саргиса Гилянеица. Журнал «Крунк», Тифлис, 1863).
- Խաչատուր արեղա Ջուղայեցի. Պատմութիւն պարսից. Վաղարշապատ, 1905 թ. (Хачатур абега Джугаеди. История Персии. Вагаршапат, 1905).
- Կալվաձագրեր և տնտեսական այլ գործարքների վերաբերյալ արխիվային վավերագրեր. Նրեվան, 1941 թ. (Купчие и разные другие архивные документы по хозяйственным сделкам. Ереван, 1941).
- Հակոբ Ջուղայեցոյ մի գրութիւնը ուստ արքունիքին. «Արարատ», ամսագիր, 1915 թ. (Послание Аюпа Джугаеци русскому двору, опублик. А. Иоаннисяном. Журнал «Арарат», 1915).
- Հայոց նոր վկաներ. հրատ. Ն. Մանանդյանի և Հ. Աճառյանի. Վաղարշապատ, 1903 թ. (Армянские новые мученики. Вагаршапат, 1903, опублик. А. Манандяном и Р. Ачаряном).
- Նյութեր հայ ժողովրդի պատմութիւն. գիրք երկրորդ, ԺԳ. դարի ձեռագրերի-հիշատակարանները. կազմեց Լ. Ս. Խաչիկյան, Նրեվան, 1950 թ. (Материалы по истории армянского народа, книга вторая. Памятные записи армянских рукописей XIV века; составил Л. С. Хачикян. Ереван, 1950).
- Նյութեր հայ ժողովրդի պատմութիւն. գիրք երրորդ. Մանր ժամանակագրութիւն ներ XIII—XVIII դդ., կազմեց Վ. Հակոբյան, Նրեվան, 1951 թ. (Материалы по истории армянского народа, книга третья. Мелкие хроники XIII—XVIII веков; составил В. А. Акопян. Ереван, 1951).

- Նյութեր հայ մելիքությունի մասին. Պրակ Ա. «Դիզակի մելիքությունը». Վաղարշապատ, 1913. Պրակ Բ. «Դոփեանք և մելիք Շահնազարեանք»՝ էջմիածին, 1914 (Материалы по истории армянских меликств, ч. I. Меликство Дизака. Вагаршапат, 1913; ч. II. Допяны и Мелик-Шахназаряны. 1914).
- Նյութեր Դավիթ-բեկի պատմությունի վերաբերյալ. «Արարատ». ամսագիր, 1905 (Материалы по истории Давид-бека. Журнал «Арагат», 1905).
- Նոր նյութեր հայ ունիթորական պատմագրությունից. «Արարատ», ամսագիր, 1915 (Новые материалы по истории армянского униатства. Журнал «Арагат», 1915).
- Ներ փաստաթղթեր Դավթ-բեկի մասին. հրատ. Ա. Արաճաճյանի և Դ. Գաբրիելյանի, «Սովետական Գրականություն». Ամսագիր. Երևան. 1942, № 7 (Новые документы о Давид-беке, опублик. А. Абрамяном и Д. Габриеляном. Журнал «Советакан Граканутюн», Ереван, 1942, № 7).
- Ջալալեան Ս. «Ճանապարհորդությունի մեծն Հայաստան». Տիֆլիս, 1842 թ. (Джалалян С. Путешествие по Великой Армении. Тифлис, 1842).
- Սամուէլ Անեցի. «Սամուէլի քահանայի Անեցոյ, հաւաքմունք ի գրոց պատմագրաց». Վաղարշապատ. 1893 թ. (Самуел Анеци. История. Вагаршапат, 1893).
- Սիմեոն կաթողիկոս Երեվանցի. «Ջամբռ». Վաղարշապատ, 1873 թ. (Симеон католикос Ереванци. Джембр. Вагаршапат, 1873).
- Ստեփանոս Օրբելյան. «Պատմություն նահանգին Սիսական, արարեալ Սահփաննուի Օրբէլեան արքայականուի Սիւնեաց». Թիֆլիս, 1910 թ. (Степанос Орбелян. История области Сисакан, Тифлис, 1910).
- Վազիրաբեր հայ-պարսկական հարաբերության մասին. հրատ. Հ. Աճառյանի. Երևան, 1927 թ. (Документы, касающиеся армяно-персидских отношений, опублик. Р. Ачаряном. Ереван, 1927).
- Վիմական տարեգիր. կազմեց Կ. Կոստանյան. Ս. Պետերբուրգ, 1913 թ. (Вимахан Тарегир. Летопись на камнях; сост. К. Костанян. СПб., 1913).
- Վրաց արդյունքներ Հայաստանի և հայերի մասին. հրատ. Լ. Մելիքետ-Բեկի. Երևան, հ. II, 1936 թ. (Грузинские источники об Армении и армянах, опублик. Л. М. Меликсет-Бекком. Ереван, 1936, т. II).
- Ցուցակ հայերէն ձեռագրաց Վասպուրականի. կազմեց Երվանդ Լալան. արակ առջին, Թիֆլիս, 1915 թ. (Список армянских рукописей Васпуракана; сост. Ерванд Лалаян. Тифлис, 1915).
- Ցուցակ ժողովածուաց Դաղեան Սաչիկ վարդապետի. մասն բ. (1878—1898). կազմեց Յ. Թովմեան. Վաղարշապատ, 1900 թ. [Список рукописей, собранных Дадян-Хачик-вардапетом, ч. I, II (1878—1898); сост. А. Топчян. Вагаршапат, 1898—1900].
- Ցուցակ հայերէն ձեռագրաց Մատենադարանին Մխիթարեանց ի Վիեննա կազմեց Հակոբոս Տաշեան Վիեննա, 1895 թ. (Список армянских рукописей Матенадарана мхитаристов в Вене; сост. Акон Ташян. Вена, 1895).

На иностранных языках

- Collection d'historiens Arméniens traduits par M. Brosset. St.-Petersbourg, 1874—1876.
- Raphael du Mans. Etat de la Perse en 1660. Paris, 1890.
- Krusinski. The history of the late revolutions of Persia: Taken from the memoirs of father Krusinski, Procurator of the Jesuits of Ispahan. Paris, 1742.

- Н а н в а у I. Zuverlässige Beschreibung seiner Reisen von London durch Russland und Persien und wieder zurück durch Russland, Deutschland und Holland. Hamburg und Leipzig, 1754.
- С h a r d i n. Voyages du chevalier Chardin en Perse et autres lieux, t. I—V. Paris, 1830.

3. Литература

На русском языке

- А д о н ц Н. Армения в эпоху Юстиниана. СПб., 1908.
- А р у т ю н я н Б. Крупное монастырское хозяйство в Армении в XVII—XVIII вв. Ереван, 1940.
- А р у т ю н я н П. Т. Борьба армянского и азербайджанского народов за присоединение к России в 20-х годах XVIII века. «Ученые записки Института востоковедения АН СССР», т. III, 1951.
- А х о в М. Очерки из истории армянского государства. Россия и Армения. СПб., 1902.
- А ш р а ф я н К. Падение державы Сефевидов (1502—1722). Сборн. «Очерки по новой истории стран Среднего Востока». М., 1951.
- Б а р т о л ь д В. В. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Баку, 1925.
- Б а р т о л ь д В. В. К вопросу о феодализме в Иране. «Новый Восток», 1930, № 28.
- Б а х т а д з е И. Л. Податное обложение государственных крестьян Закавказского края (Свод материалов по изучению экономического быта государственных крестьян Закавказского края, т. I. ч. III). Тифлис, 1887.
- Б е л о к у р о в С. А. Сношения России с Кавказом, т. I. М., 1889.
- Б е р ж е А. Дополнение к статье Г. Дюлорье об армянах (из записок русского путешественника по Персии). Газета «Кавказ», 1854, № 91.
- Б о г д а н о в А. Жизнь Артемия Араратского уроженца селения Вагаршапат близ горы Арабата. СПб., 1813.
- Б о г д а н о в Л. Ф. Персия в географическом, религиозном, бытовом, торгово-промышленном и административном отношениях. СПб., 1909.
- Б у т к о в П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г., ч. I—III. СПб., 1869.
- В о с к а н я н В. Армяно-русские экономические отношения в XVII в. Ереван, 1948 (рукопись кандидатской диссертации).
- В о с к а н я н В. Ново-торговый устав и договор с армянской кампанией в 1667 г. «Известия АН Армянской ССР», 1947, № 6.
- Г а к с т г а у з е н А. Закавказский край, ч. I—II (перевод с немецкого) СПб., 1857.
- Г и р г а с В. Права христиан на Востоке по мусульманским законам, М., 1865.
- Г л и н к а С. Обзорение истории армянского народа, ч. II. М., 1833.
- Г л и н к а С. Описание переселения армян азербайджанских в пределы России. М., 1831.
- Г р е к о в Б. Д. Крестьяне на Руси. М., 1946.
- Д у б р о в и н Н. История войн и владычества русских на Кавказе, т. I—II, СПб., 1871, 1886.
- Е г и а з а р о в С. А. Исследования по истории учреждений в Закавказье, ч. I. Сельская община. Казань, 1889.
- Е р и ц о в А. Д. Исторический очерк политических сношений России с Кавказскими провинциями. Газета «Кавказ», 1875, № 88, 90, 97.

- Е с а я н А. М. Мулькадарское право в Армении. Ереван, 1948.
- З а х о д е р Б. Н. История восточного средневековья (Халифат и Ближний Восток). М., 1944.
- З а х о д е р Б. Н. Хорасан и образование государства сельджуков. «Вопросы истории», 1945, № 5—6.
- З е в а к и н Е. Персидский вопрос в русско-европейских отношениях XVII в. «Исторические записки», 1940, № 8.
- З е л и н с к и й С. П. Объяснительный словарь татарских, грузинских и армянских слов, вошедших в Свод материалов по изучению экономического быта государственных крестьян Закавказья. Тифлис, 1889.
- И в а н е н к о П. Гражданское управление Закавказьем. Тифлис, 1901.
- И в а н о в М. С. Очерк истории Ирана. М., 1952.
- И о н и с и а н А. З. История армянского народа. «Советская книга», 1946, № 6—7.
- И о н и с и а н А. З. Кавказ во внешней политике России в начале XIX в. «Ученые записки» МГПИ им. В. И. Ленина, т. XXXVII. М., 1946.
- И о а н н и с я н А. Р. Армянское национально-освободительное движение в 60-х годах XVIII столетия. «Известия АН СССР» (серия истории и философии), 1946, № 2.
- И о а н н и с я н А. Р. Иосиф Эмин. Ереван, 1945.
- И о с е л и а н П. Исторический взгляд на состояние Грузии под властью царей-магометан, Тифлис, 1849.
- История армянского народа (учебник), ч. I. Ереван, 1944 (1-е изд.) и 1951 (2-е изд.).
- Колониальная политика российского царизма в Азербайджане. М., 1936.
- Л ы с ц о в В. Персидский поход Петра I. М., 1951.
- М а р к о в Ф. Г. Экономический быт государственных крестьян Ереванского уезда (Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказья, т. III, ч. I—II. Тифлис, 1888).
- М е л ь г у н о в П. И. Очерки по истории русской торговли IX—XVII вв. М., 1905.
- М е л и к с е т - Б е к Л. М. К биографии сподвижника Ибраэля Ори — Минаса вардапета. «Известия АН Армянской ССР», 1946, № 1.
- Новая история стран зарубежного Востока, под ред. И. М. Рейснера и Б. К. Рубцова, т. 1—2. М., 1952.
- Обозрение Российских владений за Кавказом, т. I—IV. СПб., 1936.
- Описание древнего российского музея, ч. I. М., 1807.
- О р б е л и И. А. Гасан-Джалалян — князь Хаченский. «Известия имп. Академии Наук», 1909, № 6.
- Очерки по истории Азербайджана. «Известия АН Азербайджанской ССР», 1946, № 5.
- П а х о м о в Е. А. О сословно-поземельном вопросе в Азербайджане. Баку, 1926.
- П е т р у ш е в с к и й И. П. К вопросу об иммунитете в Азербайджане в XVII—XVIII вв. «Исторический сборник», т. 4, изд. Института истории АН СССР, М.—Л., 1935.
- П е т р у ш е в с к и й И. П. К вопросу о прикреплении крестьян к земле в Иране в эпоху монгольского владычества. «Вопросы истории», 1947, № 4.
- П е т р у ш е в с к и й И. П. Персидские официальные документы XVI—начала XIX вв., как источник для истории феодальных отношений Азербайджана и Армении. «Проблемы источниковедения», т. III, 1940.
- П е т р у ш е в с к и й И. П. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI—начале XIX вв. Л., 1949.

- Полиевктов М. Экономические и политические разведки Московского государства XVII в. на Кавказе. Тбилиси, 1932.
- Полиевктов М. Европейские путешественники XIII—XVIII вв. по Кавказу. Тбилиси, 1935.
- Сборник статей по истории Азербайджана, вып. I. Баку, 1949.
- Смирнов Н. А. Россия и Турция в XVI—XVII вв., т. I—II. М., 1946.
- Соловьев С. История России, т. 18, 19. М., 1878.
- Соловьев С. Петр Великий на Каспийском море. «Вестник Европы», 1868, март—апрель.
- Статистическое описание Нахичеванской провинции. СПб., 1833.
- Сургуладзе И. Государственный строй Картлийского царства на рубеже XVII—XVIII вв. 1945 (рукопись докторской диссертации).
- Тверитинова А. С. Восстание Кара-Языджи — Дели-Хасана в Турции. М.—Л., 1946.
- Тер-Аветисян С. В. Город Джуга. Материалы по истории торговых сношений джудьфинских купцов XV—XVII вв. Тбилиси, 1937.

На армянском языке

- Աբրահամյան Ա. «Նոր վավերագրեր Պետրոս մեծի ժամանակաշրջանի հայ-ուսմական բարեկամական հարաբերությունների». «Էջմիածին», ամսագիր, փետրվար—մարտ, 1946 թ. (Абрамян А. Новые документы об армяно-русских дружественных отношениях в эпоху Петра Великого. Журнал «Эчмиадзин», 1946, февраль—март).
- Աբրահամյան Ա. «Հայ ժողովրդի պատմության պերիոդիզացիայի հարցի շուրջը», Հայկական ՍՍՌ գիտությունների Ազգայնության «Տեղեկագիր» 1947 թ., № 2 (Абрамян А. К вопросу о периодизации истории армянского народа. «Известия АН Арм. ССР», 1947, № 2).
- Աբրահամյան Ա. «Նոր վավերագրեր Դավիթ-բեկի ու նրա զինավորած ազատագրական շարժման մասին». Հայկ. Ազգայնության «Տեղեկագիր», 1951 թ., № 8 (Абрамян А. Новые документы о Давид-беке и возглавлявшемся им освободительном движении. «Известия АН Арм. ССР», 1951, № 8).
- Աբրահամյան Ա. «1724 թվի հայ-ադրբեջանական փոխզնաթյան պայմանագիրը». Հայկական ՍՍՌ Գիտությունների Ազգայնության «Տեղեկագիր», 1951 թ., № 12 (Абрамян А. Договоры 1724 года о взаимопомощи между армянами и азербайджанцами. «Известия АН Арм. ССР», 1951, № 12).
- Ալիշան Դ. «Սրենիբե կամ Սրահան». Վենետիկ, 1893 թ. (Алишан Г. Сюник или Сисакан. Венеция, 1893).
- Ալիշան Դ. «Արարատ». Վենետիկ, 1880 թ. (Алишан Г. Айрарат. Венеция, 1880).
- Այվազовский Գ. Վ. «Պատմութիւն Օսմանեան պետութեան». Վենետիկ, 1841 թ. (Айвазовский Г. В. История Османского государства. Венеция, 1841).
- Бархударян М. «Արցախ». Բազու, 1895 թ. (Бархударян М. Арцах. Баку, 1895).
- Бархударян М. «Պատմութիւն Աղուանից». հատոր Բ. Թիֆլիս, 1907 (Бархударян М. История Агвана, т. II. Тифлис, 1907).
- Գեղամյան Ե. «Հայերի ազատագրական շարժումները XVIII—XIX դդ.». Բազու, 1915 թ. (Гегамян Е. Освободительное движение армян в XVIII—XIX вв. Баку, 1915).
- Հալաлян Ե. «Հայեկեղուրի վավա». «Ազգագրական Հանդես», 1904 թ., գիրք XII (Հалалян Е. Зангезурский уезд. Журнал «Азгагракан Андэс», 1904, кн. 12).

- Լ ա լ ա յ ա ն Ե. «Սիւխի»». «Ազգագրական հանդէս», 1898 թ., № 1 (Л а л а я н Е. Сисиан. «Азгагракан Андэс», 1898, № 1).
- Լ ա լ ա յ ա ն Ե. «Գանձակի. Գալառ». «Ազգագրական հանդէս», 1898 թ., № 2 (Л а л а я н Е. Гандзакский уезд. «Азгагракан Андэс», 1898, № 2).
- Լ ա լ ա յ ա ն Ե. «Վարանդա». Թիֆլիս, 1898 (Л а л а я н Е. Варанда. Тифлис, 1898).
- Լ ե ո «Հայկական տպագրութիւն». Թիֆլիս, 1902 թ. (Л е о. Армянское книгопечатание. Тифлис, 1902).
- Լ ի ո «Հայոց պատմութիւն», հ. III. Երեւան, 1946 թ. (Л и о. История Армении, т. III. Ереван, 1946).
- Հ ա կ ո ղ յ ա ն Ս. «Փաստեր ճորտերի և նրանց վաճառքի մասին Հայաստանում», հայկական ՍՍՏՔ. գիտութիւնների Ակադեմիայի «Տեղեկագիր», 1947 թ., № 5 (А ко п я н С. Факты о крепостных крестьянах и их продаже в Армении. «Известия АН Арм. ССР», 1947, № 5).
- Հ ա ր ու թ յ ու ն յ ա ն Հ. Հ. «Իսրայել Օրի». Երեւան, 1945 թ. (А р у т ю н я н А. Израел Ори. Ереван, 1945).
- Հ ա ր ու թ յ ու ն յ ա ն Հ. «Պյուղացիական շարժումները Հայաստանում XVII դարի առաջին քառորդում». Երեւան, 1939 թ. (А р у т ю н я н А. Крестьянские движения в Армении в первой четверти XVII века. Ереван, 1939).
- Հ ա վ ո ն ի յ ա ն Գ. «Սաղաքականք կամ Պոռոյանք հայոց պատմութեան մէջ». Երեւան, 1928 թ. (О в с е н я н Г. Хахбакяны или Прошяны в истории Армении. Ереван, 1928).
- Հ ու ս յ ա ն Մ. «Դավիթ-բեկ». Երեւան, 1943 թ. (Г у с я н М. Давид-бек. Ереван, 1943).
- Մ ա ն ա ն ղ յ ա ն Հ. «Ֆեոդալիզմը հին Հայաստանում». Երեւան, 1934 թ. (М а н а н д я н А. Феодализм в древней Армении. Ереван, 1934).
- Մ ա ն ու կ յ ա ն Ռ. «Հայ-ռուսական հարաբերութիւնները Պետրոս Մեծի ժամանակ». Երեւան, 1947 թ., ձեռագիր. [М а н у к я н Р. Армяно-русские отношения при Петре Великом. Ереван, 1947 (рукопись кандидатской диссертации)].
- Մ ի Ր զ յ ա ն Ա. «Հայ ազատագրական շարժումները Սյունիքում (1722—1730 թթ.)». «Աշխատութիւնները Հայաստանի պետական պատմական թանգարանի», հատոր II, 1950 թ. [М и р з о я н А. Армянские освободительные движения в Сюнике (1722—1730 гг.). «Труды государственного исторического музея Армении», т. II, 1950].
- Մ ի Ր զ յ ա ն Ա. «Միւրթար-բեկի կողմից ռուսական կառավարութեան ուղղված ուղերձի հարցի շուրջը». Հայկական ՍՍՏՔ. գիտութիւնների Ակադեմիայի «Տեղեկագիր», 1952 թ., № 8 (М и р з о я н А. К вопросу о послании Мхитар-бека русскому правительству. «Известия АН Арм. ССР», 1952, № 8).
- Ն ե ր ո յ ա ն Մ. «Դավիթ-բեկի շարժման արձագանքները Վասպուրականում և հարեան գավառներում». ՍՍՏՔ. գիտութիւնների Ակադեմիայի Հայկական ֆիլիալի «Տեղեկագիր», 1941 թ., № 5—6 (10—11) [Н е р с и с я н М. Отклики движения Давид-бека в Васпуракане и в соседних областях. «Известия АН Арм. ССР», 1941, № 5—6 (10—11)].
- Շ ա հ ա ղ ի զ Ե. «Հին Երեւանը», 1931 թ. (Ш а х а з и з Е. Старый Ереван. Ереван, 1931).
- Շ ա հ ն ա ղ ա ղ յ ա ն Ա. «Դավիթ-բեկ», «Սովետական գրականութիւն», ամսագիր, Երեւան, 1942 թ., № 7, 8, 9—10 (Ш а х н а з а р я н А. Давид-бек. Журнал «Советакан Граканутюн», Ереван, 1942, № 7, 8, 9—10).
- Շ ե ր ե ղ ե ր Հ. «Գանձ Արամեան լեզուի. Thesaurus linduae Armenicae. Ամստերդամ, 1711 թ. (Ш р е д е р М. Клад армянского языка. Амстердам, 1711).
- Ո ս կ ա ն յ ա ն Վ. «Հայ-ռուսական հարաբերութիւնները 17-րդ դարում». Հայկ. ՍՍՏՔ. գիտութիւնների Ակադեմիայի «Տեղեկագիր», 1948 թ., № 1. (В о

- сканиян В. Армяно-русские сношения в XVII веке. «Известия АН Арм. ССР», 1948, № 1).
- Չամչյան Մ. «Պատմութիւն հայոց». հատոր Գ. Վենետիկ, 1786 թ. (Чамчян М. История Армении, т. III. Венеция, 1786).
- Պարսեյան Վ. «Յարիգմի գաղութային քաղաքականութիւնը Հայաստանում». Երեվան, 1940 թ. (Парсемян В. Колониальная политика царизма в Армении. Ереван, 1940).
- Պողոսյան Ս. «Հայոց պատմութիւն». Երեվան, 1941 թ. (Погосян С. История Армении, ч. V, Ереван, 1941).
- Պողոսյան Ս. «Եկեղեցական հոգատիրութիւնը Երեվանի խանութիւնում XVII—XVIII դդ. և Եմբիսիքի որպէս խոշոր հոգատիր». Վ. Մ. Մարտիրոսյան. Երեվանի պետական համալսարանի գիտական տղխատութիւններ, հ. XIII, 1940 թ. (Погосян С. Церковное землевладение в Ереванском ханстве в XVII—XVIII вв. и Эчмиадзин как крупный помещик. «Научные труды Ереванского государственного университета им. В. М. Молотова», т. XIII, 1940).
- Սամուելյան Խ. «Հին հայ իրավունքի պատմութիւն», հատոր I. Երեվան, 1939 թ. (Самвелян Х. История древнего армянского права. т. I. Ереван, 1939).
- Սմբատյանց Մեսրոպ եպ. «Տեղեկագիր Գեղարքունի ծովագարդ գաւառի». Վաղարշապատ, 1895 թ. (Смбатянц Месроп, еп. Гегаркуни. Вагаршапат, 1895).
- Սմբատյանց Մեսրոպ եպ. «Զաքարիա նկարչի ձեռագիրը և Դավիթ-բեկի մասին հիշատակարան». «Բանբեր» Հայաստանի գիտական ինստիտուտի, 1921—1922 թ. (Смбатянц Месроп, еп. Рукопись Закарии живописца и памятная записка о Давид-беке. «Банбер» — Вестник научного института Армении, 1921—1922).
- Տեր-Հովհաննիսյան Գ. «Բաղդասար միտրոպոլիտ Հասան Ջալալյանի համառոտ կենսագրութիւնը». «Փորձ», ամսագիր, Թիֆլիս, 1880 թ., № 5 (Тер-Ованнисян Г. Краткая биография митрополита Багдасара Хасан-Джалаляна. Журнал «Пордз», Тифлис, 1880, № 5).
- Տեր-Հովհաննեսյանց Յարսեթիւն. «Պատմութիւն նոր Զուղայուն». Ե. Զուղա, 1880 թ. (Тер-Ованянц Арутюн. История новой Джуги. Н. Джуга, 1880).

На иностранных языках

- Dorn B. A. Beiträge zur Geschichte der kaukasischen Länder und Völker, aus morgenländischen Quellen. «Mémoires de l'Académie Impériale des sciences de St.-Petersbourg», VII Série t. VI, livre 4—5, 1844.
- Hammer J. Geschichte des Osmanischen Reiches, 2-te verbesserte Ausgabe. Pesth, 1834—1836.
- Heigel H. Über den Plan des Kurfürsten Johann Wilhelm von der Pfalz die armenische Königskrone zu gewinnen (1698—1705). «Sitzungsberichte der philosophisch-philologischen und der historischen Classe der K. b. Akademie der Wissenschaften zu München, 1893, Bd. II, H. III. München, 1894.
- Joanisian A. Irsael Ory und die armenische Befreiungsidee. München, 1913.
- Klaproth J. Reise in den Kaukasus und nach Georgien, unternommen in den Jahren 1807 und 1808. Bd. II. Halle und Berlin, 1812.
- Müller A. Der Islam im Morgen- und Abendland, Bd. II. Berlin, 1887.

УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ

- Ага 12, 51, 52, 171, 172, 175, 176,
202—205
Агалар 51
Азг 173
Айян 68, 177
Аллод 15, 19, 21
Аменайн рамик жоговурд 204, 207
Ареан гин 18, 20
Ардатагин 19
«Ардатагин-хайреник» 18
Ассархане 30
Аташ хараджи 108
Ахсахкал (аксакал) 82
Ахгаз 102, 103, 109
- Багпули 105
Базкав тапеал 18
Байрамлык 109
Басмаджи 95
Бахра (бахрэ) 39, 40, 103, 105—107
Башпули 107, 108
Бегар 102, 108
Бегларбег 87, 88, 90, 171, 219, 220
Бек 11, 12, 29, 48—52, 59, 69, 78,
91, 211, 267
- Вакуф 87
Вакфная грамота 42
Вали 219
Ванк 42
Вардапет 10, 59, 77, 85, 119—120,
123, 199, 206, 207, 239
Вахм (вакф) 13, 17, 20, 25, 30—32,
36, 42—44, 71, 77, 95, 96
Вахмнамай 43
Везир 34, 87, 88
Векил 173, 179
Вилает 87
Вотчина 15, 88, 95
- Гаварапет(к) 52, 91
Гандзагин 15, 18—19, 22
Гандзагин-хайреник 18
Гасап 255
Гегаканк 72
Глух 33
- Глахахарк 107
Гяур 206
- Даллак 96
Даллакенец 96
Данк 16, 23, 24, 69, 70
Дарбин 96
Дарбинтенк 96
Даруга 37, 91, 101
Даругеги 109
Джамаат (джумиат) 72, 84, 177
Джариме 101
Джизие (джизья) 102, 107, 108
Джинс 102—105
Диан 23, 89, 93, 106, 122
Динар 16, 23, 31—33, 40, 69, 79,
92, 99—101, 103, 104, 110—
112, 122
Дин-ипеки 102
Динк 24, 103
Довлат-доулат 74
Довлатавор(ы) 74, 78, 145, 146
Драмагин 15, 18, 19
Драмагин-хайреник 18
Духан 95, 96, 106
- Епархия 121, 226, 227
- Жоговурд 72
- Зораворк 258
- Ислам 113—115, 170, 206, 221,
252, 261, 263, 278
Иттимад-доуле 135
Ишхан 48—50, 59, 66, 77, 236, 271
Ишханутюн 49
- Калантар 34, 68, 89, 155, 177
Карас 90, 91
Карахарджи 109
Католикос 89, 137, 203, 226, 227
Кевха 77, 80—82, 85, 146, 153,
172, 173, 177, 178, 206—209,
211, 235, 239

Кедхуда 68, 74—79, 81, 84, 142,
145, 146, 171—173, 175—178,
202, 207—211, 233, 246

Коналга 109

Кондак 81

Кор, кор-бегар см. Бегар

Куллу 209

Куллух (куллук) 92, 93, 103

Куруш 125

Курфюрст 140, 141

Кяриз 33

Литр 39, 91, 92

Лусарар 120

Магаф (мааф, муаф) 78, 104

Магафство 106

Мал 81

Малджахат (малджихат, малва-
джахат, малиджихат, мал-у-
джихат) 38, 43, 44, 83, 84, 93,
105—107, 111

Малпули 105

Майреник 17

Майреник-мульк 17

Марчил 89

Махал 26, 62, 70, 88, 172, 225

Мелик 12, 13, 25—27, 29, 37,
48—52, 59, 60, 62, 64, 65—68,
74—78, 81—83, 84, 85, 87, 88,
111, 136—147, 149, 152, 155—
158, 160, 166, 173, 178, 179,
183, 184, 198—202, 207—208,
210, 218, 223, 229, 233, 236,
238—242, 244, 251—253, 258,
262—263, 272

Меликство 49, 59—63, 64, 162,
164, 182, 240, 257

Мецамецк 74—79, 81, 83, 84, 145,
146, 203, 204, 207

Мецатун 81, 145—147

«Мец-парон» 49

Минбаши 87, 156, 278

Мир-боллоки 87

Мираа 68

Мирро 121

Мирсофи 68

Млканачи 110

Млкел 27

Мор артасук 46

Мугада 118

Мулла 68, 114, 129

Муллабаши 68

Мульк 14, 16, 19—25, 28—30, 32,
37, 39—44, 47, 66, 69—70, 82,
109, 110

Мулькадар 14, 21—25, 29, 34, 37,
40, 69, 70, 80, 97

Мульк-п-хайреник 14

Мулькатер (мюлькатер, млкатер) 20

Мухада 120

Мшак (мшаки) 26

Нававар 96

Нагд 102—105

Наиб 87

Нахапет 12

Нахарар 12

Нвирак 97, 121

Неркараенц 96

Нотар 78

Нукар 92

Папеник-мульк 17

Паргеваканк 20

Парон 19, 29, 36, 48—51, 59, 145,
236

Паронство 48

Парон-ага 48

Парона-хог 49

Парон-бек 48

Парон-мелик 48

Парон-тер 48, 52, 59

Паронутюн 49

Патрон 53

Паша 99, 121, 122, 125, 163, 164,
166, 168, 203, 237, 240, 248,
266—268, 271, 277, 280

Пенах 223

Пешкеш 22, 70, 71, 92

Путук 90, 91

Рагам 45, 70, 71, 90, 103, 104,
120, 180

Раис (рес, рэс) 74, 80, 81, 84,
125,

Рамик 123, 152, 153, 201, 202, 204,
207, 281, 282

Рамик жоговурд 207, 282

Райя 128, 205, 207, 208, 211, 220,
246, 281, 282

Ришсафидан 177

Сараскер 168, 233

Сардар 87, 165

Саркиар (саркар) 93, 94

Сеньер 20, 53

Сгнах 156, 160—162, 171, 172,
175, 176, 200—203, 206—207,
223—230, 232, 235, 237, 238,
243, 244, 247, 248, 263, 267,
280, 282

Сомар 25, 31, 32, 65, 112

Спарпет 258, 282

Спасалар 236

Стак (данк) 16

Султан (салтан) 91, 259, 262, 265
Султан (турецкий) 195, 166, 168,
170, 195, 266
Сургун («великий сургун») 118

Табун-талаг 209
Таңутер 12, 39, 72, 74—86, 91,
124, 146, 153, 157, 158, 201,
202, 207, 249, 250, 251, 261,
278, 279, 281

Тер 48, 59

Тирел 27

Товджи 81

Туман 16, 23, 24, 30, 33, 34, 40,
69, 71, 76, 79, 83, 88, 89, 90,
91—93, 104, 106, 107, 109,
110, 111, 118, 120

Тусту-пули 108

Улемы 175—177

Феод 14, 15, 21

Хаджи 175, 176, 177

Хайренагер 14, 20, 26

Хайреник 13—17, 19, 21, 26, 29, 36

Хайреник-мульк 111

Халисе 70

Хамсаи 240

Хан 12, 13, 16, 21, 25, 28, 29, 37,
38, 41, 45, 47, 52, 63, 65, 67,
68, 71, 78, 80—82, 87—89,
91, 101, 109, 113, 115, 122—
124, 130—132, 135, 148, 155,
166, 167, 187, 199, 217, 218,
236, 256, 261—263, 266, 267,
271, 279, 280

Ханство 37, 62, 63, 66, 74, 87—90,

92, 102, 105, 107, 108, 121,
130—132, 167, 217

Харадж 43, 105, 106

Хардж 43, 44

Хасарат 109

Хишатакараны 9, 19

Ходжа 142

Хондкар (султан) 170

Чоппули 105

Чрах 77

Шах 10, 16, 28, 29, 38, 45, 68, 70,
80, 87—90, 93, 113—114, 118,
127, 130—132, 141, 151, 155,
157, 166, 180, 195, 199, 200,
217, 229, 236, 240, 257, 268,
269

Шахи (шаи) 23, 84

Шахмали 102

Шахсеван 155

Шейх 114

Шейх-ал-ислам 68, 87, 177

Шинакан 36

Элчи 173, 267

Эмир 12, 19, 131, 134

Юзбаши 135, 156, 157, 161, 172,
173, 200—202, 207, 209, 210,
211, 220, 222, 228, 229, 233,
234—237, 239, 242, 246—248,
251, 256, 259, 269

öv puli 108

tshampah 45

bek 48

meliq 48

paron 48

sulphur 97

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- К. Маркс 3, 7, 10, 38, 39, 99
 Ф. Энгельс 3, 7, 10, 99
 В. И. Ленин 3, 38, 44
 И. В. Сталин 3, 35, 164, 194, 284
 В. М. Молотов 284
- Аббас I, шах 10, 11, 28, 29, 45,
 52, 67, 73, 90, 94, 98, 113—
 115, 118, 120, 124, 130, 131,
 257
 Аббас II, шах 45, 70
 Аббас-Кули 70
 Аббас-Мирза 135
 Абдалмасе 213, 254, 259
 Абдулла-паша 266, 269
 Абовян, Хачатур 63, 93, 144
 Абраам Ереванци 159, 167, 168,
 204, 266, 268, 269, 279
 Абраам Кретацц 51, 68, 73, 91,
 106, 108
 Абраам Мшеци 40
 Абраам-юзбаши 173, 200, 201, 210,
 228—230, 238, 243, 245, 251
 Абрамов, Егор 238
 Абрамян, А. 4, 6, 173, 256, 257
 Аван-юзбаши (Аван, хан; Аван,
 бек) 157, 159, 161, 173, 176,
 179, 201—203, 226, 227, 229,
 230, 233—245, 255, 256, 282
 Аветик, мелик 76
 Аветик-вардапет, патриарх 116
 Авет Карасов 191
 Автандил 259, 264, 275
 Ага-баба 176
 Ага-бек 64
 Агаджан 144, 145
 Агазар ди Хачик 213, 215
 Ага Мумин 100
 Агаси, мелик 82
 Агаси, хан 261
 Агафангел 127
 Адам, мелик 58, 80
 Адам Олеарий 155
 Адонц, Н. 14, 15, 21, 75
 Айваз, кузнец 96
 Айваз-бек 278
- Айваз, парон 78, 79, 84, 146, 148
 Айрапет 76
 Акоп, протопоп 76
 Акоп, сын Нубарши из Тавриза 27
 Акоп, сын Тер-Казара 210
 Акопджан 78
 Акопджан 110
 Акопджан, парон 70
 Акоп Джугаеци, патриарх 23, 36,
 40, 43, 52, 69, 70, 71, 76, 88,
 89, 97, 136—138, 140, 141
 Акопян, Ованес, священник («ар-
 мянский поп Иван Яковлев
 Арапацкий») 191, 192
 Алаверди-юзбаши 238
 Алахверди (из Джурлуя) 206
 Алексан (Алексей), священник 170
 Алексан, парон-тер 52
 Александр-вардапет Джугаеци, па-
 триарх 34, 69, 115, 116, 126,
 152, 192
 Алексей Михайлович, царь 142
 Алигули-хан 93
 Алихан 254, 256, 257, 258
 Али-Хумбат, векил 179
 Алишан, Г. 19, 20, 62, 98
 Алла-кули-Султан 61, 80
 Амиргуне-хан 52, 70, 108, 120,
 124
 Амиркямал Абдинбек 59
 Амир-Рустем, мульткадар 13, 68
 Амирханенк 255
 Ана-Хатун 79, 111
 Андреас (кузнец) 96
 Андреас (священник) 114
 Анеци, С. 10, 27
 Анна, жена мелик Хусейна Шах-
 назаряна 179
 Анна Ивановна, императрица 214,
 215, 241
 Антон, священник (посланец кара-
 бахских армян) 161, 224, 236,
 237, 247
 Антониос, сын Мариамы 168
 Апов-юзбаши 201, 202
 Аракел-вардапет 153

- Аракел Даврижеци 11, 28, 52, 56,
 58, 90, 113—114, 118—120,
 125, 127, 137, 164, 257
 Аракел, ходжа 142
 Арам, мелик 57
 Арап-Али-паша 272
 Аргут, парон 58
 Аргутинский-Долгорукий 144
 Аргутинский, Иосиф 4, 144, 145,
 240, 241
 Ариф-Ахмет-паша 167
 Арсен-султан-Гегамян 63
 Артемий Араратский 39, 73
 Арутюнян, Б. 21, 42, 43
 Арчил 139
 Аршакиды 64, 144
 Арцруни 15
 Асатур-ага 54
 Асламаз-Кули-хан 261, 264
 Аслан-бек 57
 Аслан Нойон 19
 Асланов, М. Г. 176
 Аствацатур (из дер. Ниж) 206
 Аствацатур, сын Пали 253, 254—257
 Аствацатур, патриарх 40, 45, 91
 Аствацатуренк 255
 Атабек, парон 54
 Атабек Шаханшах 53
 Атибек, парон 36
 Ахиджан, мелик 153
 Ахмет, султан 165
 Ахназар 85
 Ахназар-бек 257, 267
 Ахназар, парон 36, 57
 Ачарян, Р. 20
 Ашот Багратид 19

 Баба, танутар 279, 280
 Баба-хан 176
 Бабура-ага Саутлинский 69
 Бабуненц Айрапет 110
 Багасан 253
 Багдасар, сын Григора 77
 Баги, ходжа 142
 Баги, юзбаши 172, 201
 Баги, мелик 227, 229
 Баграм-бек 93
 Багратиды 64
 Багратуни 15
 Багыр, мелик варандский 169,
 173, 200—202, 226—230, 242,
 244, 251
 Багыр 238
 Багыр, мелик татевский 242, 252,
 262, 263
 Базаз-Даркеах 23
 Баласан 253
 Баласан-бек 56
 Бали 253
 Балтазар Назарьев 187
 Барсех (из дер. Ниж) 206
 Барсех, парон-тер 25, 36, 52
 Барсех Пареци 85
 Бархударян, М. 11, 34, 50—53,
 61, 62, 66, 67, 80, 85, 113,
 133, 225—227, 235, 239—241,
 256, 257
 Бархудар, ходжа 85
 Батали-хан или Батали-султан
 261, 263, 272
 Беклар, мелик 62
 Бекларяны 61
 Бекназар, кевха 208
 Бердзенишвили, Н. А. 192
 Богданов, Каспар 189
 Богданов, Л. Ф. 102
 Богданова, Анна 189
 Бутик, сын Хатуны 168
 Бутков, П. Г. 194

 Ваграм, сын ишхана Хасана 53
 Вардан 36, 76
 Вардан, военачальник 264
 Вардан, ходжа 142
 Васак, князь сюникский 18
 Васильев, Мирон 192
 Васильев, Сафар 189, 190
 Вахтанг VI (Вахтанг-хан) 154, 156,
 157, 159, 160, 161, 169, 170,
 180, 202, 216, 231, 248, 249,
 267
 Волынский, Артемий 109, 127,
 130—132, 135, 154, 155, 193
 Воскан-вардапет 16, 137
 Восканян, В. 6, 184, 185

 Гайдар-хан 96
 Гайтмаз Хачатур 35
 Гакстгаузен 63, 94
 Галуст, парон 76, 84, 111
 Галуст, кедхуда 75
 Галуст, вардапет 80
 Галуст, ходжа 142
 Гаспар сын Зал-бека 36
 Гаяне, дочь Анны 179
 Гезалбек (из дер. Карпи) 62
 Георгин, хан 133
 Герум 191
 Гичи 264
 Головин, Федор Алексеевич 151
 Горхмаз-бек, парон-мелик 35, 57
 Греков, Б. Д. 95
 Григор 77
 Григор-ага 55
 Григор, вардапет 204

Григор, епископ 64
 Григор, ишхан, внук Доны 53
 Григор, кедхуда, танутер 77
 Григор, магистр Пахлавун 59
 Григор Макведи, патриарх 13, 22, 68, 117
 Григор, мелик 173, 202
 Григор, парон-тер 58, 64
 Григор Просветитель 113, 139
 Григор, хайренатер 26
 Григор, ходжа 142
 Григор, юноша 115
 Гукас, мелик 278
 Гукас (Мовсес) 61, 239, 240
 Гукас Степанян Себастаци 259
 Гулвели, мелик 79, 111
 Гул-Исмаил-ага 69
 Гул-Фахрат-ага 69
 Гулясар 234
 Гункчабек, сын Мелик-Барека 54

Давид 209
 Давид-бек 6, 12, 125, 158, 159, 170, 179, 204, 213, 234, 242, 249, 250—278, 282

Давид-бек, парон 55
 Давид, парон 55
 Давид, парон-тер 52
 Давид, мелик 62, 63
 Давлат-бек 56
 Давуд-бек 51
 Давут хан 124
 Давыдов, Степанос 257
 Даниэль, мелик 173

Дараф-шах 133
 Дауд-хан 237
 Дервиш-паша 203
 Джаваир 30, 44
 Джалал бек 22, 68, 117
 Джалалянц, С. 19, 36, 62
 Жангул, ходжа 125

Джани-хан 135
 Джафарзаде, И. М. 223
 Джахан-ага, парон 51
 Джаханбаши-Шахназарян 37
 Джаханкир-бек 56
 Живаншир, Дж. 239
 Долгоруков, В. В. 198, 222, 237

Доп, дочь Саргиса 17, 19, 59
 Дубровин, Н. 51
 Дурмиш-хан 36
 Дурсун, кевха 208
 Дæмон (мелик Бамбакадзорского округа) 37

Еган, мелик 57, 59, 62, 66, 77,

173, 179, 201, 202, 225—227, 239—241, 251
 Егиазар, патриарх 25
 Егиазаров, С. 46, 87, 93, 104, 108
 Егия, парон-тер 58
 Екатерина II 215
 Елиазар (Елизар), юзбаши 259, 275

Ерец Авшар (Тер-Гаспар) 264
 Есаи, мелик 58, 61
 Есаи Хасан-Джалалян, патриарх 49, 60, 66, 73, 91, 104, 115, 133, 151—153, 155—157, 159—161, 173, 194, 199, 200, 201, 224, 228, 230—233, 238, 243, 251
 Есаи из Гюлистана 223, 226, 229
 Есаи, тер 77

Закария Акулиский 18, 79, 81, 82, 85, 88, 89, 91—93, 99, 102, 103, 106, 109, 122, 124, 137, 160
 Закария Саркаваг 24, 47, 51, 52, 58, 62, 73, 78, 79, 83, 87, 89—91, 94, 95, 99, 102, 108, 114, 115, 121, 123, 124, 146, 155, 165

Закария, князь 20
 Закарий, внук Гамрикелн, сын парон-Азиз-бека 24, 51
 Закарий, священник 11
 Закарий, парон, внук Авака 53
 Закарий Сарадов 184, 186
 Закариды 17, 28, 49, 51, 59, 64, 144

Закарэ 19
 Заходер, Б. Н. 6, 80
 Зевакин, Е. 109, 128, 130, 131, 135, 136, 155, 193
 Зелинский, С. П. 16, 43, 92, 93, 104
 Зурап 259, 275

Ибрагим-Ага 271
 Ибрагим-паша 166, 238
 Иван Грозный 193
 Иван Карапет (Иван Ефремов, сын Карапета) 97, 160, 161, 171—174, 176, 180, 188, 193, 198, 200—202, 204, 205, 208, 209, 211, 218, 219, 224—230, 232, 233, 235, 238, 242—247, 254, 255, 260, 262, 266—270, 277, 280, 282

Иванэ, атабек 15, 53
 Илья Мушер 99, 100, 101, 134, 135, 157, 170, 213
 Имам Джафар 113

- Иоанн фон Лазарев 144
 Иоаннисян, Аб. Р. 128, 144
 Иоганн-Вильгельм 140, 141, 142, 146, 148
 Иосиф Эмин 128, 144
 Исай, хан 234
 Исмаил-Ага 100
 Исмаил, шах 51
 Израел 58, 61
 Израел Ори 5, 7, 60, 127, 131, 132, 138—152, 154, 155, 166, 183, 186, 192, 231, 246, 257
 Ишхан Вахтанг 53
 Ишхан Курд 53
 Казар, тер 210
 Казар, парон 134
 Казар из Кульберда 264
 Кай-Кайуз-бек 89
 Кай-Хосров-бек 218
 Камал, мелик 29
 Карахан, мелик 144
 Карахан, парон 36, 57
 Кара-юзбаши-Абов 61, 62
 Кара-Юсуф 27
 Карчха-хан 120, 124
 Каспаров, Иван Петрович 215
 Кафуренц-Назар 111
 Кепрюлю Абдуллах-паша 167, 168
 Кероглу, Х. Г. 176, 220
 Киракос, патриарх 117
 Костанянц, К. 18, 20, 62
 Кртенц Степан 79
 Кузаненц Парсадан-бек 213, 254
 Кузаненц Рафаил 213, 216
 Кузаненц-Таги 213, 254, 256, 258, 259
 Кулар-Агаси 134
 Лазарь Христафоров (Лазарь Жулфинец, Лазар ди Хачик, Агзар ди Хачик) 213—216
 Лала-паша 10, 164
 Лалаян, Е. 10, 26, 51, 55, 63—66, 80, 253, 272
 Левашов, Василий Яковлевич 214, 216
 Лео (Аракел Бабахаян) 5, 6, 47, 60, 61, 91, 96, 115, 122, 127, 129, 136, 137, 138, 140, 143, 144, 150, 151, 183, 225, 231—232, 234, 241, 242, 252, 258, 272
 Липарит, сын Эликума 15
 Луки Ширванов (Ширванов Гукас) 188—190, 193, 216, 243
 Лусиков, Григорий 185
 Лысцов, В. П. 218
 Маджлум, мелик 202
 Максудян, М. 9
 Малхасян, С. 20
 Мамад, хан 61
 Мамиконян 15
 Манандян, Я. 14, 15, 21, 75, 114
 Манучар, мелик 57, 66, 67
 Мартирос-вардапет 169, 178, 179, 206, 218
 Мартирос, мелик 144
 Мартирос, парон 145
 Мартирос, парон-тер 52, 58
 Мартирос, кевха 209
 Матевос, 77
 Матеос Иоаннисский 107
 Матеос Цареци 137
 Матюшкин, ген.-лейт. 197
 Махмад-ага 90
 Махмад-Кули-бек 71
 Махмад-Кули, хан 157
 Межлум-бек 23
 Мелик-Аван 55
 Мелик-ага 55
 Мелик-Агамалыны 63
 Мелик Адам 55
 Мелик-Айказ 56
 Мелик-Барек 56
 Мелик-Бархударяны 63
 Мелик-Гегамяны 63
 Мелик-Қарапет 56
 Мелик-Нубарян 63
 Мелик-Пап 55
 Мелик-Парсаданяны 63, 253—257, 278
 Мелик-Сафразяны 63
 Меликсет-Бек, Л. 155
 Меликсет, патриарх 118—120
 Мелик-Степанян 63
 Мелик-Суджум 56
 Мелик-Тангяны 63
 Мелик-Хусейняны 63
 Мелик-Шахназаряны 28, 29, 64, 66, 226, 229, 257
 Мельгунов, П. И. 193
 Месроп, епископ 254
 Мехди-бек Каджар 219
 Мехлу-баба (Мехлу-вардапет) 122, 123, 124
 Мехти Кули, хан 37
 Микаел, архимандрит 122
 Микаел, патриарх 117
 Микаел, ходжа 142
 Милютин, Алексей 186
 Минас-вардапет Тигранян 5, 133, 138, 143, 146—148, 150—153, 155, 159, 161, 166, 183, 186—

188, 192—194, 199, 212, 213,
231, 232, 246
Минас, священник 206
Минас Первизян, архиепископ 156
Мирза-Ибрагим 88, 91—93, 103
Мирза Кули-бек 227
Мирза Мохаммад-бек Саутлинский
34
Мирза-Мумин 100, 101, 135
Мирзахан-мелик 28, 57
Мирза-юзбаши 159, 161, 173, 203
Мирзоян, А. 242, 258, 267, 274—
275, 278
Мкртич, парон-тер 52, 58
Мовсес, патриарх 70
Мовсес Сюнеци 119, 120
Мовсес, ходжа 142
Мовсес Хоренапи 127
Мугдуси-Авак 111
Мурад-бек 70
Мурад III, султан 165
Мурад IV, султан 165
Муртаза-Кули 100
Муртаза-Кули-хан 90, 91, 134
Мусабек 88
Мусе, мелик 262, 272
Мустафа-бек 101
Мухаммад-Али 176, 220
Мхитар-бек (Мхитар-спаранет) 73,
204, 211, 225, 251, 253, 254,
258—260, 263—267, 270—279,
284
Мхитар, монах 158
Мхитар (сельск. священник) 83
Мхитар, сын Татоса 209
Мхитар, сын Ванеса 210
Мхитар Гош 35
Надир-шах 66, 103, 104, 106, 108,
217, 218, 239—241, 279
Назир-Елиазар (Назир Елиазар,
Назир-Елизар) 259, 275
Нарин, кевха 208
Насип (из Мелхлугаваха) 206
Насип, ходжа 142
Наханет, патриарх 25, 69, 71, 79,
82, 97
Неплюев, И. И. 196
Нерсес, кедхуда 77
Нерсес, мелик 26
Нерсес, патриарх 73, 169, 173,
200, 201, 228, 243, 251
Нерсес, сын Аристакеса 210
Нерсес, сын Гаяма 209
Нерсес, сын Паиндура 210
Нерсес, сын Саргиса 210
Нерсес, сын Улухана 209
Нерсиян, М. 158

Никогайос 168
Никогайос, мелик 76
Нубар 264
Нуриджан 86
Ован-юзбаши 201
Ованес-вардапет Джугаеци 126
Ованес-вардапет, константинополь-
ский патриарх 116
Ованес, военачальник Давид-бека
264
Ованес, кедхуда 77
Ованес, парон 204
Ованес, парон-тер 58
Ованес, парон-тер (из г. Гянджи)
52
Ованес парон-тер (из Карпи) 52
Ованес, сын Джалала 54
Ованес, сын Кафурнец Назара 111
Овасап-вардапет 202—204, 236
Овасап, мелик-тер 52, 58, 62, 87
Овасап, мелик-тер, сын мелик-
Яври 58
Овсеп, кевха 208
Овсеп, мелик 156, 159, 161, 201,
223
Овсепян, Г. 51, 143—145, 256
Оган-юзбаши 233
Онец Тигран 14, 20
Онофреос-вардапет 23
Орбели И. А. 48
Орбелиян, Липарит 15
Орбелиян, Степанос 15, 18—20, 27,
144
Орбелияны 28, 51, 59, 63, 257
Паги, мелик 169
Паги, юзбаши 201
Пазаненц Эванес 16
Паиндур 264
Пайрам, кевха (из дер. Бум) 206
Паласан 253, 254, 255
Паласан, мелик 253
Пали 253, 254
Парсадан-бек 93
Парсадан-бек 254
Парсадан, мелик 253—255, 263,
264, 270, 272
Парсамян, В. 6
Патканов, К. 94, 129, 144, 212
Пахомов, Е. А. 77
Пекир-паша 272
Петр I 5, 138, 140—142, 147, 149,
150—153, 156, 161, 166, 169,
183, 186, 192—198, 206, 207,
212, 219, 221, 225, 228, 231,
241, 243, 256, 267, 270, 280, 283
Петр (Петрос) Каспаров 214, 215

- Петрос, архимандрит 82
 Петрос, глава монастыря Хотаван 153
 Петрос-вардапет 64, 85
 Петрос ди Саргис Гиланец 94, 101, 158, 192, 212, 229
 Петрос, католикос 226, 227
 Петрос, ходжа 142
 Петрушевский, И. П. 7, 21, 28, 35, 37, 42, 43, 63, 73, 74, 75, 78, 79, 98, 102, 105, 106, 108, 109, 124, 171, 217, 218, 270, 272
 Пилипос Агбакеци, патриарх 22, 23, 45, 69, 70, 71, 82, 97, 120, 121
 Пилипос, парон-тер 52, 58
 Пископо 136
 Погос вардапет, Маквеци 119, 120
 Погосян, С. 6, 24, 97, 121, 123, 148, 225
 Полат-бек 70
 Прош, сын Хасана 53
 Прошяны 48, 51, 69, 143—145
 Раджаб, паша 45
 Райр 85
 Рафаил Кузанов, сын Парсадан-бека 213, 254
 Раффи 240, 241
 Ромадамский Степан 184
 Румянцев, генерал 223, 232, 237—238
 Саак, патриарх 89, 90, 118, 120
 Саакадзе, Георгий 124
 Самвелян, Х. 15, 18, 21, 49, 75
 Саргис, брат Тархана-юзбаши 234, 238
 Саргис, сын Авака 209
 Саргис, сын Ванеса 210
 Саргис, сын Мартироса 77
 Саргис, сын Ованеса 209
 Саргис, сын Шаг[и]на 77
 Саргис, парон-тер (из Санаина) 25, 36, 52, 58
 Саргис, парон-тер (из Карпи) 58, 119
 Саргис, патриарх 54
 Саркис-ага 55
 Саркис-бек 234, 255, 256
 Саркис-вардапет 38
 Саркисджан, мелик 202, 208—210
 Саркис-юзбаши 156, 159, 161, 169, 172, 173, 200—201, 208, 228, 229, 251
 Сару-Мустафа-паша 241, 248
 Сарухан (военачальник) 157, 161
 Сатаг, юзбаши 178, 179, 218
 Сафаров, мастер (сын Сафара Васильева) 189
 Сафаров, Василий 189
 Сафаров, Иван 189
 Сафаров, Сафар 189
 Селим, султан 165
 Сет, ходжа из Еревана 24, 70
 Сефевиды 3, 10, 13, 28, 37, 47, 102, 105, 106, 109, 116, 126, 129, 130—133, 135, 136, 148, 154—157, 166, 170, 171, 175, 195, 200, 228—229, 231, 236, 242, 251, 281—282
 Сефи-Кули (владелец Леваза) 262, 265, 271
 Сефи-Кули-хан 69, 71, 90, 99, 137
 Сефи-Кули-хан, сын Рустема 88
 Сефи, шах 120
 Симеон-вардапет 22
 Симеон, таутер 58
 Симеон Ереванци 21, 22, 24—26, 34, 35, 40, 41—47, 56, 59, 60, 67—71, 77, 97, 103, 104, 106, 110, 117, 121, 122
 Симеон, тирацу 264
 Симон-юзбаши 238
 Сибатянц, М. 51—53, 62—64, 66
 Соловьев, С. М. 5, 164, 195—198
 Срвандзтян, Г. 114, 125, 168
 Степанов, Григорий 238
 Степанос, епископ 126
 Степанос Шаумян 6, 158, 159, 170, 249, 250, 251—253, 258—266, 269—272, 275—277
 Сулейман, султан 165
 Сулейман, шах 88, 115, 185
 Султан-бек Саутлинский 23, 68
 Султан-Мурад-хан 115
 Сумбатов, Степан 215
 Сургуладзе, И. 11
 Сурхай, Казыкумыцкий владетель 163, 169, 237
 Тамам 115
 Тамраз, мелик 61, 173, 201, 202, 251
 Тамраз, сын тер-Меликсета 210
 Тархан-юзбаши 97, 161, 172, 173, 201, 202, 226, 227, 229, 230, 234, 238, 242—244, 268
 Тахмасп-Кули-хан 70
 Тахмасп, шах 64
 Тахмасп, шах (сын шаха Хусейна) 135, 236, 269, 282
 Тер-Аветис 234, 263, 264, 276, 277
 Тер-Аветисян, С. В. 6, 95, 127
 Тер-Мкртчян Карапет 60
 Тер-Мовсес, священник 168

Тер-Ованес 142
Тер-Ованян, А. 133
Тер-Терун, парон 58
Толстой, И. А. 159
Толстой, П. А. 200, 266, 267
Топчян, А. 19, 52, 61, 65, 80
Торос, старшина из Чавядура 250,
261, 263—265
Тосик-Вардан, кевха 206
Тохмах Мирак 125
Туман-ага 54
Туриндж (военачальник Давид-
бека) 264

Умар (Омар) паша 238
Умек, парон 53
Усуб, парон 36, 57

Фадлун, эмир 19
Фарзали-бек 51
Фарзали-хан 25, 90
Фатали-султан (см. Баталихан)
Франгул, мелик 63, 262, 263

Хаджи-Доуд 163, 169, 248
Хаджи-Мохаммед-Хусейн 34
Хамаспур и Хурик (дочери Мар-
гара) 16
Хамдаллах Казвини 106
Ханвей (Напвай) 165, 167, 266,
268, 269, 271
Хасан-Джалал (князь Хаченский)
48, 53
Хасан-Джалалян, митрополит
36, 37
Хасан-Джалаляны 28, 59, 60, 231
Хасан, сын Ваграма 50
Хасан, сын Вахтанга 51
Хасан, сын Допы 19, 53
Хачатур, тер 208
Хачатур, сын Казара 210
Хачатур-абига Джугаеци 115, 126
Хачатур-вардапет 153
Хачатур-вардапет Кесараци 126
Хачик, ходжа 142
Ходжа-Мовсес из Еревана 34
Ходжа Саркис 278
Хосров-хан 131, 133
Хошак, парон 53

Христофор 201
Хуанд-ага 55
Хусейн, шах 69, 91, 102, 115, 126,
135, 154
Хусейн Али-хан 41, 47, 67
Хусейн Мелик-Шахназарян 60, 179

Цатур, танутер 165

Чалаган-юзбашы 238
Чамчян, М. 4, 58, 97, 116, 258, 272.
Челеби, кевха 235
Чубинов, Д. 89

Шарден 72, 89, 90, 165
Шаумян Степан (см. Степанос
Шаумян)
Шахазиз, Е. 63, 165, 166
Шахнаваз, кевха 208
Шахнаваз-хан 219, 249, 250—253,
256, 266, 268
Шаханшах, парон 53
Шахназар-бек 257
Шахназар, мелик 208, 227
Шахназар, парон-мелик («тер ев-
ишхан страны Гегам») 50, 56
Шахназар, сын Бекназара 209
Шахни, военачальник 157, 161
Ширван (Шруан) 156, 157, 159,
161, 234
Шопен, И. 95, 165
Шредер, И. 95, 127

Эзов, Г. 5—6, 97, 114, 116, 127,
131—133, 137—139, 141, 147,
149, 150—153, 155, 156, 159,
160, 161, 166, 170, 180, 183,
186, 192, 194, 196—199, 201,
202, 207, 212, 222, 223, 226,
228, 231, 235—238, 239, 241,
244, 247, 248, 256, 266, 267,
277

Эмин Иосиф 128

Юсуф, сын Абова 61

Яври, кевха 208
Яври-бек, сын парон-мелик Шах-
назара 50, 57

О Г Л А В Л Е Н И Е

Введение	3
Г л а в а I. К характеристике социально-экономических отношений в Восточной Армении в XVI—XVIII вв.	9
Г л а в а II. Восточная Армения под гнетом Сефевидов	87
Г л а в а III. Упадок Сефевидского государства и освободительное движение армянского народа	129
Г л а в а IV. Борьба против турецкой агрессии и освободительное движение армянского народа	163
Г л а в а V. Движение за присоединение к России	182
Г л а в а VI. Сгнахи в Карабахе и Капане	222
З а к л ю ч е н и е	280
Библиография	285
Указатель терминов	294
Указатель имен	297

*Утверждено к печати Институтом востоковедения
Академии Наук СССР*

*

Редактор издательства *Г. А. Нерсесов* Технический редактор *Е. Д. Гракова*
Переплет художника *С. П. Чахирьян*

*

РИСО АН СССР № 28-44В. Т-03527. Издат. № 3754. Тип. заказ № 900. Подп. к печ. 20/V 1954 г. Формат бум. 60×92¹/₁₆. Бум. л. 9,5. Печ. л. 19. Уч.-издат. л. 19,9. Тираж 3000. Цена по прейскуранту 1952 г. 13 р. 50 к.

1-я тип. Издательства Академии Наук СССР. Ленинград, В. О., 9 линия, д. 12

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
13	15 сн.	являлось	являлась
71	5 св.	Шумахе	Шемаху
128	14 св.	армянского народа дру- гих народов	армянского народа и других народов
133	15 сн.	Щеки	Шеки
294	1 св. правый столбик	Глахахарк	глхахарк

П. Т. А р у т ю н я н.

